

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
Институт славяноведения Российской академии наук

Славяне и Россия:

исторический контекст
и проблемы историографии

Москва
2015

УДК 316.73
ББК 76.02
С47

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

Редакционная коллегия:

С. И. Данченко (отв. ред.),
И. Ф. Макарова,
М. М. Фролова

Рецензенты:

д. и. н. В. И. Косик
к. и. н. О. А. Дубовик

Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2015. — 380 с. — (Никитинские чтения «Славяне и Россия»).

ISBN 978-5-7576-0355-1

Сборник подготовлен по материалам научной конференции: «IV Никитинские чтения. Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии», проходившей в Институте славяноведения РАН (9 декабря 2014 г.). В нем представлены статьи, посвященные особенностям преломления в зеркале отечественной и зарубежной историографии различных событий и явлений истории славянских и балканских народов. Хронологический охват статей исключительно широк: с середины XVIII в. — до начала XXI в.

Сборник структурирован по хронологическому принципу, но включает в себя четыре условных тематических раздела: рассмотрение историографии в контексте развития общественного сознания конкретных исторических эпох, в составе многоголосной структуры современной политологии, в форме тематического обзора научной литературы и, наконец, в качестве самостоятельного объекта научных дискуссий. Все статьи ориентированы на учет новейших тенденций и разработок как мировой, так и отечественной исторической науки.

Сборник предназначен для историков-профессионалов, аспирантов, студентов профильных вузов и широкого круга читателей.

УДК 316.73
ББК 76.02

ISBN 978-5-7576-0355-1

9 785757 603551

© Коллектив авторов, 2015
© Институт славяноведения РАН, 2015

Содержание

От редколлегии.....	5
<i>Л.П. Лаптева.</i> Ян Гус в освещении русской историографии столетий.....	8
<i>Г.Л. Ари.</i> Ламброс Кацонис: историографические заметки.....	19
<i>А.А. Леонтьева.</i> Некоторые вопросы исламизации в болгарских землях под османской властью в современной болгарской историографии	30
<i>К.В. Никифоров.</i> Историография программы «Начертание»	46
<i>И.В. Чуркина.</i> К вопросу об отечественной историографии славянофильства	75
<i>Е.З. Зигангирова.</i> Отечественная историография о Вацлаве Ганке	103
<i>И.Ф. Макарова.</i> Танзимат и болгары: проблемы историографии	121
<i>М.М. Фролова.</i> Историки России и Болгарии о константинопольской унии 1860 г. и униатском движении в Западной Македонии (1856–1865 гг.)	142
<i>С.И. Данченко.</i> Начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и русское общество: проблема отечественной историографии.....	209
<i>В.Б. Хлебникова.</i> К вопросу о роли политических мифов в истории российско-черногорских отношений конца XIX – начала XX вв.	236

<i>О.И. Агансон.</i>	
Англо-американская историография о балканских предпосылках Первой мировой войны: актуальные тенденции и подходы	247
<i>П.А. Искендеров.</i>	
Проблема Косово: историография мифов	269
<i>Е.С. Сергеенко.</i>	
Сербия и Косово: мифы современной сербской историографии	303
<i>Е.Л. Валева.</i>	
Болгарское движение Сопротивления в годы Второй мировой войны: дискуссионные вопросы национальной историографии	314
<i>Т.В. Волокитина.</i>	
Холодная война и советизация Восточной Европы: исторический феномен в зеркале российских историографических дискуссий	336
<i>Э.Г. Задорожнюк.</i>	
Исторические пути и историографические перепутья: политическая биография В. Гавела и динамика ее интерпретаций	355

От редколлегии

Данный сборник подготовлен по материалам научной конференции: «IV Никитинские чтения. Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии», проходившей в Институте славяноведения РАН 9 декабря 2014 г. и организованной Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время. В нем представлены статьи, посвященные особенностям преломления в зеркале отечественной и зарубежной историографии различных событий и явлений истории славянских и балканских народов. Хронологический охват статей исключительно широк: с середины XVIII в. до начала XXI в.

Тематика предлагаемого сборника относится к числу эксклюзивных. Историографию традиционно принято рассматривать в качестве вспомогательной исторической дисциплины, занимающей второстепенное место в процессе исследования того или иного конкретно-исторического события или явления. В качестве самостоятельного объекта изучения она выдвигается на первый план исключительно редко. Поэтому появление тематического издания, посвященного истории эволюции научной мысли, анализу основных тенденций и направлений в современной отечественной и зарубежной славистике и балканистике, представляется его составителям особенно интересным.

Сборник структурирован по хронологическому принципу, но включает в себя четыре условных тематических раздела: рассмотрение историографии в контексте развития общественного сознания конкретных исторических эпох, в составе многослойной структуры современной политологии, в форме тематического обзора научной литературы и, наконец, в качестве самостоятельного объекта научных дискуссий.

Основное внимание авторов сборника привлек политологический аспект историографии (статьи В.Б. Хлебниковой, О.И. Агансон, П.А. Искендерова, Е.С. Сергеенко, Э.Г. Задор-

рожнюк). Статья В.Б. Хлебниковой посвящена изучению влияния политических мифов на историю российско-черногорских отношений конца XIX – начала XX вв. О.И. Агансон проанализировала особенности англо-американской историографии, посвященной балканским предпосылкам Первой мировой войны, акцентируя внимание на политическом заказе эпохи. П.А. Искендеров исследовал историю формирования в научной литературе концепции идеи Великой Албании, а Е.С. Сергеенко – проблему политизации темы Косово современными сербскими учеными. Статья Э.Г. Задорожнюк посвящена эволюции трактовки биографии и личности В. Гавела в новейшей чешской литературе.

Аналізу особенностей отечественной исторической науки в контексте развития общественного сознания России XV–XXI вв. посвящены статьи Л.П. Лаптевой («Ян Гус в освещении русской историографии столетий»), Е.З. Зигангировой («Отечественная историография о Вацлаве Ганке»), И.В. Чуркиной («К вопросу об отечественной историографии славянофильства»), С.И. Данченко («Начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и русское общество: проблема отечественной историографии»).

Специфика историографии XIX – начала XXI вв. применительно к различным аспектам региональной истории Балкан выявлена в тематических статьях Г.Л. Арша («Ламброс Кацонис: историографические заметки») и М.М. Фроловой («Историки России и Болгарии о константинопольской унии 1860 г. и униатском движении в Западной Македонии (1856–1865 гг.)»).

Отдельный блок составляют работы, посвященные широкоим по тематике, актуальным для научного сообщества, а потому затянувшимся на многие десятилетия дискуссиям по некоторым особо острым проблемам славистики и балканистики. К их числу можно отнести статьи И.Ф. Макаровой «Танзимат и болгары: проблемы историографии», К.В. Никифорова «Историография программы “Начертание”», А.А. Леонтьевой «Некоторые вопросы исламизации в болгарских землях под османской властью в современной болгарской

историографии», Е.Л. Валева «Болгарское движение Сопротивления в годы Второй мировой войны: дискуссионные вопросы национальной историографии», Т.В. Волокитиной «Холодная война и советизация Восточной Европы: исторический феномен в зеркале российских историографических дискуссий».

Все статьи сборника ориентированы на учет новейших тенденций и разработок как мировой, так и отечественной исторической науки. Поэтому авторский коллектив и редакция надеются, что он привлечет к себе внимание не только профессионального сообщества, но и широкого круга читателей.

Ян Гус в освещении русской историографии столетий

Хорошо известно, что о Яне Гусе – чешском реформаторе XV века, его последователях и противниках, как и обо всем гуситском движении, написано удручающее множество сочинений почти на всех европейских языках, библиография которых может составить целую библиотеку. Тем не менее в год 600-й годовщины гибели чешского реформатора в Констанце (6 июля 1415 г.) можно еще раз вспомнить о том, как за эти 600 лет истории меняли свои оценки в зависимости от эпохи и тех обстоятельств, в которых они жили.

Речь пойдет о развитии русской историографии в течение этих столетий.

Следует констатировать, что от времени деятельности Яна Гуса, или близко к этим событиям, в русских исторических источниках нет сведений о том, как русское общество (имеются в виду образованные люди) относилось к бурным событиям в Чехии, к Римской церкви, к Констанцскому собору в то время, когда вокруг имени Гуса кипели религиозные и национальные страсти. Старая Русь была лишь сторонней свидетельницей происходящего, мало что доносилось до русских пределов.

В Ипатьевской летописи под 1409 г. и 1414 г. русский летописец называет Гуса еретиком. Но эти сведения заимствованы летописцем из польских, враждебных гуситам хроник, русскому летописцу принадлежит лишь бессмысленное дополнительное сообщение о сожжении трех «папезов»¹.

Только отдельные представители церкви располагали скромными сведениями и фактами, в первую очередь, о поездке ученика и единомышленника Яна Гуса, Иеронима Пражского, в Западную Русь и о посещении им Витебска и Пскова. Но

об этом факте известно из враждебных источников — доносов на Констанцкий собор с целью обвинения Иеронима Пражского, которые привели его на костер в 1416 г. Степень достоверности этого источника не установлена. Каковы были действия Иеронима, общался ли он с русской средой и стремился ли распространять гуситские идеи — об этом нет никаких сведений. Псковские летописи не зафиксировали даже сам приезд Иеронима в составе свиты литовского князя в указанные города. Вообще же вся деятельность Иеронима Пражского показывает, что навряд ли он был знаком с восточным вариантом христианской церкви. Известно только, что этот единомышленник Гуса активно критиковал пороки современной ему католической церкви, участвовал в диспутах по обсуждаемому вопросу во многих университетах Европы, выступая так энергично, что иногда должен был тайно бежать из города, чтобы не попасть в руки инквизиции. Что касается оценки поездки Иеронима Пражского в Западную Русь, то и сами католики отзывались о ней иронически. Так, краковский епископ говорил, что учение Иеронима недоступно для русской «простоумной чади».

Некоторые русские церковные иерархи были в известной степени осведомлены о событиях в Чехии в гуситское время. Так, поездка русского епископа Григория Цамблака на Констанцкий собор с большой свитой в 1418 г. не могла не оставить сведений о Гусе и о событиях. Но Цамблак решал политические проблемы, связанные с восстановлением единства христианской церкви, и его интерес к Гусу в источниках не зафиксирован². Таким образом, в XV в. в связи с неосведомленностью Западной Руси о событиях в Чехии нет точных указаний на оценку деятельности Гуса.

Но в XVI—XVII вв. на Руси Гус обычно представлен еретиком, достойным суровой кары, которая постигла его в Констанце. Так, в посланиях старца Артемия, бывшего игумена церкви Св. Троицы в Москве, а потом эмигрировавшего из Московской Руси в Литовско-Русские области, говорится: «Гусиан от своего неразумения, паче же от лукавого духа прельщен бысть, чины церковные и службы тайн христианских дерзнул похулити ... и в Праском месте прелстил многих»³.

Ярким примером отношения русской церкви к Яну Гусу как еретика является эпизод, произошедший в 1570 г. при дворе царя Ивана Грозного. В Москву в составе польского посольства прибыл представитель польской ветви Общины чешских братьев – организации, созданной в 50-х годах XV в. сторонниками учения Гуса в несколько измененном виде. Ее духовный отец Петр Хельчицкий внес в гуситскую идеологию некоторые новые элементы, существенно расширив критику современной католической церкви и светской власти. «Чешские братья» преследовались официальной утравкистской церковью, получившей признание католиков в форме «Базельских компактатов», и вынуждены были эмигрировать. Большая община «братьев» сосредоточилась в Польше.

В 1570 г. из Польско-Литовского государства в Москву было направлено посольство для переговоров о мире с московским царем. В состав посольства был включен Ян Рокита, чех родом из Литомышля, выдающийся деятель Общины чешских братьев, находившийся в составе ее руководства в Польше. Ян Рокита хотел информировать русского царя об учении Общины. Беседа с царем в Москве состоялась 10 мая 1570 г. в боярской думе в присутствии высших сановников и духовенства. Сначала царь поставил перед Рокитой ряд вопросов, а потом предоставил ему слово. Рокита в обширной речи изложил сущность учения Общины при полном молчании Ивана Грозного. На речь Рокиты царь устного ответа не дал, а предложил Роките представить письменное изложение его соображений, на которое потом дал письменный ответ. В нем Иван IV с негодованием говорил о Лютере и упоминал о Гусе как зачинателе ереси. Этот ответ был вручен Роките 18 июня 1570 г. В его заключении говорилось: «Ты пишешь, что ты получил решение говорить откровенно, не боясь нашей строптивости. Мы помним наши слова и повелеваем тебе ничего не бояться. А все же таки ты для меня еретик, ибо все твое учение превратно и совершенно противно христианскому и церковному учению. Да ты не только еретик, но и раб антихриста, возбужденный дьяволом. А потому мы запрещаем распространять это учение в наших странах и усердно молим Господа нашего Иисуса

Христа, да сохранит он народ наш русский от мрака вашего неверия»⁴. В царском ответе говорилось также, что соображения Рокиты «есть величайшие нелепости учителей Гуса и Лютера, которые расколами и раздорами опутали вселенную». «И мы хорошо знаем, — продолжал царь, — что они произвели эти смуты, действуя не на основании Священного писания, а скорее по безрассудному влечению толпы»⁵. Ответ царя был оформлен в книгу в парчовом переплете, украшенном жемчугом. 15 июля 1570 г. польское посольство покинуло Москву⁶.

В XVI—XVII вв. в связи с бурной Реформацией в Европе имя Гуса в сочинениях русских авторов упоминается рядом с Лютером, Кальвином и Цвингли. Именно из-за их вмешательства в дела Римской церкви, считали русские книжники, от нее оторвались, отделились различные государства. «Гусове, Люторове, Цвингиеве, Кальвинове и им подобные оторвали от нее многие королевства — Римское, Угорское, Чешское и другие». Такие суждения встречались в сочинениях об образах, о кресте, о хвале божьей, о хвале и молитве святых. В «Кирилловой книге», изданной в Москве в 1644 г., эти суждения проникли в печать. Так, в главе об иконоборчестве в христианской церкви читается следующее: «1301 года (так в тексте. — Л. Л.) явились поборцы в немецких землях и в Англии — Виклиф и Ян Гус, сожженный в Констанце». Далее указываются имена Лютера, Кальвина, Цвингли и других, «скверное» учение которых отдаляет божьих людей от правоверия и в ров пагубный свергло. «Их же пагубное учение и иконоборческая ересь и дондесь содержится с иными многими ересьюми»⁷. Такие отзывы о Гусе не были достоянием лишь церковно-полемической русской литературы, а проникли в повествовательную литературу — летописи, хронографические компиляции и т.д. Из этих произведений видно, что в XVII в. Гус называется еретиком не обособленно, а заодно с представителями позднейшей Реформации — Лютером, Кальвином, Цвингли и т.д. Таким образом, Гус, по мнению русских авторов XVI—XVII вв., был лишь соучастником того протестантского движения, которое произошло на столетие позднее. Конкретные знания о Гусе отсутствуют, повторяются обобщенные обвинения, которые

Римская церковь и латинская церковная среда обращали против протестантизма вообще и против его вождей.

Как известно, XVII век для Чехии был временем контрреформации и реставрации католицизма. Гуситская литература уничтожалась или запрещалась. Утраквистская интеллигенция эмигрировала, дворяне перешли в католичество, чтобы сохранить свои земли и другое имущество. В XVIII в. в Австрийской империи, куда была включена Чехия после поражения сословного восстания 1618–1620 гг., католичество стало государственной религией. Все остальные вероисповедания были вне закона вплоть до времени издания толерантного патента Иосифа II. В этой обстановке о Гусе и гуситском движении вообще писать было нельзя, а если они и упоминались, то исключительно как еретики. Церковь попыталась заменить культ Гуса, бытовавший в чешском народе, несмотря на запрет, культом нового святого — Яна Непомуцкого, лица неисторического, сочиненного житиями католических священников.

В такой обстановке трудно предположить, что в России появится какое-либо произведение на гуситский сюжет. И действительно, такое сочинение пока не обнаружено. Но в XIX в., в связи с развитием в России знаний о славянах, а также отдалением от западной церкви и развитием православного самосознания, было констатировано, что Гуса объявила величайшим еретиком «враждебная нам церковь». Это явилось одной из причин пересмотра исторических данных о личности и деятельности Гуса. Появилась новая оценка. Она не только включает в себя отказ от осуждения Гуса и требует освобождения его от репутации еретика и врага религиозной церковной правды, но и указывает на наличие у Гуса некой особой черты, делающей его как раз близким к русскому сознанию, именно черты православия, во всяком случае, приближения к православию — после отхода от римской доктрины к исконной традиции Чехии, связанной еще с апостольским подвигом святых Кирилла и Мефодия. Гус оказался славянским борцом за православие. Первым, кто высказал в печати эту мысль, был Василий Елагин — в рецензии об «Истории Чехии» Ф. Палацкого⁸. В ней автор собрал все доступные ему доказательства,

позволяющие считать Гуса продолжателем кирилло-мефодиевской греко-восточной славянской традиции. Более подробно эти мысли были развиты в 1848 г. в работе Е.П. Новикова «Православие у чехов»⁹, где Гус был назван истинным мучеником православной идеи. По мнению автора, русским надлежит отказаться от прежней, общей с католиками оценки Гуса и пересмотреть смысл и значение его важного дела. Через десять лет Новиков издал книгу «Гус и Лютер»¹⁰, где сравнил учения обоих реформаторов и в отдельных элементах доктрины Гуса усмотрел элементы православия. Под влиянием славянофильской философии славянской истории в течение нескольких лет выросло целое направление, давшее самые крупные сочинения о Гусе и гуситском движении, где Гус был превращен из еретика в святого. Литература была богатой, но не единообразной, славянофильство варьировалось, но господствовало в освещении не только вопроса о Гусе, но и всей истории зарубежного славянства¹¹.

Однако не все в русской исторической науке принимали славянофильскую концепцию. И уже с 70-х годов XIX в. славянофильство стало критиковаться. В 1871 г. вышла работа А.Л. Дювернуа «Станислав Зноемский и Ян Гус», в которой содержалась иная оценка Гуса, чем в славянофильских сочинениях.

А.Л. Дювернуа (1838—1886) был преемником профессора Московского университета О.М. Бодянского по кафедре истории и литературы славянских наречий, ушедшего в отставку в 1868 г. Дювернуа был лингвистом, окончившим Московский университет, магистром славянской филологии. В течение многих лет он работал в архивах и библиотеках Вены, Гейдельберга, Берлина, Тюбингена, Праги и других городов, после защиты магистерской диссертации на лингвистическую тему готовился занять кафедру языкознания индоевропейских языков, только что учрежденную в Московском университете. Но в виду ухода профессора О.М. Бодянского кафедра истории и литературы славянских наречий стала вакантной, и историко-филологический факультет Московского университета решил заместить ее А.Л. Дювернуа.

Занятие славянской кафедры привело к повороту научной деятельности молодого ученого. А.Л. Дювернуа заинтересовался историей славян, особенно историей Чехии XV в., и получил командировку в Прагу с научной целью. Результатом его пражских архивных изысканий была упомянутая выше работа «Станислав Зноемский и Ян Гус». Эту работу он представил в качестве докторской диссертации. В книге автор высказывает совершенно иной взгляд на гуситское движение, отличающийся от господствовавшего в русской историографии славянофильского. Так, рассматривая вопрос о чешско-немецких отношениях в Пражском университете, Дювернуа относит возникновение чешско-немецких конфликтов к XIV в., тогда как славянофильские историки считали их исконными. Таким образом, А.Л. Дювернуа отвергает теорию извечной «вражды немцев и славян». При характеристике Гуса он находит в нем отрицательные черты. Так, автор считает, что Гус был виновником реформы Пражского университета в 1409 г. С его точки зрения изгнание немцев из университета в 1409 г. было актом преимущественно отрицательного значения. Также автором работы допускаются некорректные, недоказанные утверждения при характеристике отношений между Гусом и его учителем Станиславом Зноемским. Историк обвиняет Гуса в составлении злонамеренных доносов на Станислава, в нарочито искаженной трактовке его сочинений, что якобы подводило Зноемского под подозрение в ереси. В то же время А.Л. Дювернуа полагает, что своим образованием в духе философского реализма и способностью к критике церкви Гус обязан именно Зноемскому, так что по отношению к учителю он поступил крайне неэтично. Вполне возможно, что критика Зноемского Гусом, разошедшимся во взглядах со своим наставником, содержалась в полемиках, а вовсе не была доносом как таковым, но Дювернуа здесь категоричен, хотя и не приводит никаких подтверждений в источниках.

Неубедительна точка зрения Дювернуа по вопросу о смертном приговоре Яну Гусу на Констанцском соборе. Автор книги считает, что спор Гуса с отцами Констанцкого собора представлял собой отвлеченный диспут между номиналиста-

ми и реалистами, и в этом диспуте Гус не сумел защитить свои позиции. Приведенные примеры показывают, что А.Л. Дювернуа освещает их и другие события с субъективной точки зрения. На наш взгляд, они возникли в результате недостаточной подготовленности автора книги к исторической работе. А.Л. Дювернуа написал ее на основании найденных им и известных ранее документов и совершенно проигнорировал большую литературу о Гусе и гуситском движении, имевшуюся на Западе и основанную на других сведениях. Сравнительный метод в изучении материала, блестяще использованный Дювернуа в его языковедческих сочинениях, не был применен в работе по истории Чехии XV в. Кроме того, автор книги игнорировал достижения своих предшественников по исследованию гуситского движения и деятельности Гуса, что едва ли допустимо в исторических сочинениях. Что же касается общей концепции оценки деятельности Гуса, то она у Дювернуа решительно антиславянофильская. Ученый не считает Гуса приверженцем православия и само движение квалифицирует как бунт тех слоев общества, которые были недовольны существующим порядком. Славянофильствующая комиссия профессоров Московского университета отклонила диссертацию А.Л. Дювернуа. Он стал доктором славянской филологии, написав работу на лингвистическую тему.

Однако критика славянофильской концепции продолжалась. Появились направления, выделяющие не религиозную, а другие стороны деятельности Яна Гуса. Подчеркивались высокий моральный дух реформатора, его борьба за национальные интересы чехов, за их освобождение от немцев. Гус стал национальным вождем чешского народа, славянским патриотом и эталоном высокой нравственности. Наиболее активная критика славянофильской концепции выходила из-под пера русских исследователей позитивистского направления или близких к позитивистам.

Однако самая основательная работа, посвященная Гусу, была написана Н.И. Серебрянским¹², которого в строгом смысле слова нельзя отнести к позитивистскому направлению. Исследуя преимущественно проблему истории церкви,

ее идеологии, Серебрянский¹³ — профессор Московской духовной академии — уделял главное внимание именно этим проблемам, считая их фундаментом жизни человечества, в том числе и славян. Н.И. Серебрянский принадлежал к числу крупнейших исследователей и знатоков сочинений Гуса, которые он подготовил к изданию, правда, так и не состоявшемуся. Ученый создал одно из лучших в дореволюционной русской историографии сочинений о Гусе, оценив объективно многие аспекты деятельности чешского реформатора. Прежде всего ученый констатирует, что о Гусе создано много легенд и большая часть из них не имеет исторического значения¹⁴. Это заявление было определенным откровением в русской историографии, другие ее представители стеснялись констатировать этот факт. Оценивая деятельность чешского реформатора как ученого, Н.И. Серебрянский также весьма сдержан в его характеристике: «... как ученый по тому времени, правда, замечательный во многих отношениях, Гус все-таки не выделялся из общего уровня. Ни в коем случае нельзя его отнести в разряд тех немногих в средние века лиц, которые своими учеными трудами пролагали новые пути для исследования старых вопросов. И как ученый, и как проповедник, Гус далеко не был оригинальным; он стоял в большой зависимости от ученых и гомилетических сочинений тогдашних литературных образцов и не всегда умел выбирать из них действительно образцовое», — пишет ученый¹⁵. Значение Гуса он видит в нравственном возрождении своей родины, в том страстном призыве в его борьбе с недостатками церковной жизни того времени. Его влияние объясняется преимущественно нравственной личностью этого деятеля, какой-то особенной религиозной настроенностью, под влиянием которой все затрагиваемые вопросы — не только церковные, но и национальные, общественные, даже быденные, — Гус неизбежно переносил в сферу нравственную, рассматривал и решал их под углом религиозного христианского подвижнического настроения¹⁶. Н.И. Серебрянский решительно выступает против славянофильской точки зрения о православии Яна Гуса. «Несомненно, что чешские борцы против папского всевластия с интересом и сочувствием относились

к не признавшей папство русской церкви. Но, к сожалению, их сведения о русской церковной жизни были смутные, как и сведения русских, современных Гусу и Иерониму писателей о характере и деятельности знаменитых чешских проповедников. Да и религиозные взгляды Гуса и Иеронима едва ли могли быть понятными и приемлемыми для тогдашнего нашего узко-обрядового религиозного мировоззрения»¹⁷. Далее ученый говорит, что «историки славянофильского направления в факте поездки Иеронима склонны были усматривать доказательство внутреннего сродства гуситства с православием. Такого значения рассматриваемый факт, конечно, не имеет»¹⁸.

Замечательной книгой Н.И. Серебрянского в основном заканчивается определенный этап русской историографии о Гусе и славянофильская интерпретация гуситского движения как стремления к православию. После Октябрьской революции 1917 г. начинается эпоха, когда Гус и все движение в Чехии оценивались с марксистских позиций. Для этой концепции характерно сосредоточение внимания на социальной стороне учения Гуса, на его радикальных высказываниях против папства и современного духовенства. Подчеркивается, что он стал символом радикального движения таборитов за построение нового справедливого общества, обещанного Христом. Доходило даже до вульгаризаторских рассуждений в том смысле, что только после Второй мировой войны чехи смогли встать на путь строительства равноправного справедливого национально независимого общества, о котором табориты мечтали и сделали попытку построить его в виде таборской общины уравнительного коммунизма. Знаменем всей этой борьбы был Ян Гус, сожженный на костре в Констанце 6 июля 1415 г. Впрочем, столь крайняя позиция в оценке гусизма стала во второй половине XX в. ослабевать. В последнее время вновь наблюдается стремление чешских историков пересмотреть историческое значение деятельности Гуса. Так, в книге Й. Кейржа «Известный и неизвестный Ян Гус» чешский деятель XV в. оценивается как мученик¹⁹, которые всегда появляются в обстановке общественных катаклизмов и движений, религиозных, национальных или социальных. Общество выдвигает

их из своей среды и постепенно делает знаменем борьбы за выполнение поставленных задач. Эта точка зрения, на наш взгляд, не лишена смысла, но в отечественной литературе еще не нашла отражения, возможно, из-за утраты интереса к гуситскому движению, как, впрочем, ко всей средневековой истории Чехии, среди российских историков-богемистов. Таким образом, утверждения Н.И. Серебрянского столетней давности оказываются приемлемыми и в XXI веке.

Примечания

- ¹ *Серебрянский Н.И.* Ян Гус, его жизнь и учение (По поводу пятисотлетия со дня кончины знаменитого чешского учителя). Псков, 1915. С. 11.
- ² *Флоровский А.В.* Ян Гус в русской оценке (Справка из истории чешско-русских отношений) // Научные труды русского народного университета в Праге. Т. III. 1930. С. 28.
- ³ Там же. С. 31.
- ⁴ Подробно об этом см.: *Анненков Ю.* Гуситы в России в XV–XVI столетиях (Церковно-исторический очерк) // Странник. Март 1878. С. 358.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне. Прага, 1935. С. 379.
- ⁷ *Флоровский А.В.* Ян Гус в русской оценке... С. 32.
- ⁸ Об истории Чехии Франца Палацкого, соч. г. Елагина // Журнал Министерства народного просвещения. 1849. Ч. LXIII. № 7. Отд. VI. С. 2–42.
- ⁹ *Новиков Е.П.* Православие у чехов // Чтения общества истории и древностей российских. 1848. № 9.
- ¹⁰ *Новиков Е.П.* Гус и Лютер. Ч. 1–2. М., 1859.
- ¹¹ О славянофильском освещении истории гуситского движения подробно см.: *Лаптева Л.П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1978.
- ¹² См. прим. 1.
- ¹³ О жизни и творчестве Н.И. Серебрянского см.: *Лаптева Л.П.* Русский гуситолог Н.И. Серебрянский // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1981. № 4. С. 35–46; *она же.* Серебрянский Николай Ильич // Историки России. Биографии. 2-е изд. М., 2001. С. 510–515.
- ¹⁴ *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 2.
- ¹⁵ Там же. С. 8.
- ¹⁶ Там же. С. 9.
- ¹⁷ Там же. С. 10.
- ¹⁸ Там же. С. 11.
- ¹⁹ Об этом см.: *Васильева Д.Б. Jíří Kejř.* Jan Hus známý i neznámý. Praha, 2009. 137 s. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М., 2014. С. 352–359.

Ламброс Кацонис: историографические заметки

Ламброс Кацонис (Качиони) – значимая фигура в истории Греции и России. В период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. он организовал добровольческую флотилию, которая четыре года сражалась на Средиземном море и отвлекла значительные силы турок от основного, Черноморского театра войны. Военные заслуги Кацониса были высоко оценены Екатериной II: он был произведен в чин полковника и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. После завершения войны этот грек и российский офицер, возмущенный тем, что Ясский мир игнорировал права его соотечественников, продолжил войну с целью полного или частичного освобождения Греции. Эти самостоятельные действия Кацониса вызвали исключение его с российской службы.

Разные аспекты деятельности русско-греческого военачальника определили различие историографического подхода к ее изучению. Хотя в дореволюционной России не вышло какого-либо специального исследования о Кацонисе, но в истории российского военного флота он фигурировал как храбрый военачальник, проявивший себя во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. в качестве командира добровольческой флотилии, воевавшей против турок на Средиземном море. Некоторые его донесения об этих операциях включены в тома серийного издания по истории русского флота, которые были изданы в конце XIX в.¹ Тогда же вышли сборники военно-исторических материалов, посвященных Г.А. Потемкину. Они свидетельствуют о той высокой оценке, которую русский главнокомандующий давал действиям мужественного греко-русского воина².

В Греции исследования о Кацонисе начались раньше, чем в России: в 50–70-е годы XIX в. Связано это было не только с тем, что в стране живы были тогда воспоминания о подвигах героев революции 1821–1829 гг., что еще жили и некоторые из самих этих героев, но и с тем, что целый ряд событий середины XIX в. напоминал грекам, что борьба за осуществление целей и идеалов этой революции еще не завершена. И греки продолжали свою борьбу. Напомним Критское восстание 1866–1869 гг., активное участие греков в Крымской войне и в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Для осуществления своих целей греки искали опору в деяниях своих предков; тогда же в Греции стали появляться и первые биографии Ламброса Кацониса. В феврале 1859 г. в газете «Эльпис» вышла одна такая биография, автором которой был Анастасиос Палеологос. По сведениям современного греческого историка П. Стаму, А. Палеологос был одним из доверенных лиц Л. Кацониса, неоднократно выполнявшим его ответственные поручения³. Эта биография стала важным источником для некоторых последующих биографов греческого национального героя, в частности, для П. Майякоса, опубликовавшего свой труд уже в 1932 г.⁴

Но биография А. Палеологоса не была первой биографией Л. Кацониса, вышедшей в Греции. За четыре года до нее Д. Лаконос опубликовал краткую биографию Кацониса. Она основывается на устных рассказах земляков этого воина. В начале своей работы автор объясняет мотивы, которые побудили его взяться за жизнеописание своего знаменитого земляка: «Я счел хорошим делом представить здесь эту краткую биографию, для того чтобы не были преданы забвению деяния, предвещавшие славную революцию 1821 г.»⁵. Заметим, что этот же побудительный мотив вдохновлял и других биографов Кацониса.

Важным шагом на пути изучения жизни и деятельности Кацониса стало открытие текста его манифеста. Эта заслуга принадлежит профессору С. Куманидису, который обнаружил текст манифеста на новогреческом языке (как выяснилось позднее, оригинал его был на итальянском) и опубликовал его

в 1864 г. в журнале «Пандора». Этот манифест, будучи важным документом греческого национально-освободительного движения, с тех пор публикуется или трактуется всеми биографами знаменитого борца за свободу⁶.

Тему «Кацонис» греческие историки продолжали изучать и в XX в. Большое внимание ей уделил известный греческий историк Г. Кольяс в своей монографии «Греки во время русско-турецкой войны (1787–1792)». Как считает автор, освободительная акция Кацониса оказала большое воздействие на мироощущение греков: «Второй раз убедились греки [первый раз это произошло, по мнению автора, в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. — Г. А.] в том, что свобода не будет им предложена как дар с чьей-то стороны, но если они действительно жаждут получить ее, то они сами должны ее завоевать. Более того, подвиги Кацониса показали им, что Османская империя не столь страшна, как ее представляли»⁷.

После Второй мировой войны объем исследований о Кацонисе и его подвигах в Греции возрос, что было связано, как представляется, с поиском греческим обществом ориентиров в прошлом для непрекращавшейся борьбы за свободу и демократию. В научный оборот были вовлечены и новые источники, главным образом, из зарубежных архивов.

Весьма важную и полезную работу проделал греческий историк К. Мердзиас, опубликовав найденные им в венецианских архивах материалы о своем знаменитом соотечественнике⁸.

Заметный вклад в расширение источниковой базы о действиях Л. Кацониса внес директор Главного государственного архива Греции профессор Е. Протопсалтис, опубликовав рукопись, содержащую сообщения байло (венецианский посланник) реис-эфенди (министр иностранных дел Порты) о мерах, принятых венецианскими властями против Кацониса и его сподвижников⁹. В другом своем сообщении Е. Протопсалтис опубликовал черновик петиции, с которой Л. Кацонис обратился 10 марта 1794 г. в военное ведомство России. Комментируя события, происшедшие после разрыва Кацониса с властями России, публикатор документа приходит к выводу,

что, несмотря на этот разрыв, правительство России продолжало покровительствовать семье Л. Кацониса и его приверженцам. Автор, в частности, пишет: «На основании уже известных и опубликованных источников мы пришли к выводу, что российский двор, хотя и осудил Ламброса после его мятежа, но несмотря на это приложил большие усилия для освобождения его семейства, которое, переселившись из Итаки, было заключено венецианцами в тюрьме на Керкире. А затем он приложил свои усилия и ради приверженцев Ламброса, которые были арестованы венецианцами, и особенно тех, которые были выданы туркам, как на Ионических островах, так и в Далмации, и были в оковах перевезены в Константинополь»¹⁰.

Большую важность для изучения жизни и деятельности Кацониса представляет и монография греческого исследователя И. Георгиу «Морской борец Ламброс Кацонис»¹¹. Книга эта основана на неопубликованных материалах французских архивов, в том числе архива министерства иностранных дел Франции, а также греческих архивов, в их числе Главного государственного архива Греции и архива Исторического и этнологического общества Греции. В приложении к своей книге Георгиу опубликовал 379 документов из французских архивов. Франция, как известно, имела тогда сильные позиции в Османской империи. Со второй половины XVIII в. ее политические и экономические позиции в Греции начала оспаривать Россия. Российские акции в Восточном Средиземноморье встречали недоброжелательное отношение и прямую враждебность французских агентов. Недоброжелательным было и отношение представителей Франции к освободительной акции Кацониса. Известно, что в операции турецкой эскадры против Кацониса и его приверженцев участвовал и французский фрегат.

Несмотря на эту политическую обстановку, некоторые французские дипломаты и военные (надо отдать им должное) объективно оценили героическое поведение Кацониса и его приверженцев в их борьбе за свободу. Так, французский адмирал А.Ти, бывший свидетелем сражения в июне 1790 г. маленькой эскадры Л.Кацониса с турецко-алжирским флотом,

записал в своем дневнике: «Я из истории знаю очень хорошо нацию греков. Но думая, что обстоятельства порабощения отделили от них образование, отделили и культуру, я заблуждался. Вижу теперь своими глазами, что их храбрость сохраняется сейчас, как и в прошлом». Французский же консул в Смирне (Измир) Жасо писал в 1809 г. о той роли, которую сыграл Кацонис в завоевании Грецией независимости: «Если когда-либо греки заблистают среди независимых наций, то они должны ставить памятники Ламбросу, который являлся восстановителем их свободы»¹².

Серьезный вклад в изучение истории Кацониса внесла работа Д. Вайякакоса «Ламброс Кацонис и Мани» (греческий титул работы см. в предыдущей сноске). Содержание работы значительно выходит за рамки ее названия. Автор использовал широкий круг греческих и иностранных источников и привел большую библиографию по своей теме.

К числу дискуссионных вопросов, обсуждаемых на страницах книги, можно отнести отношение маньятов (жителей Мани) к акции Кацониса. По мнению автора, содержащиеся в некоторых венецианских документах свидетельства о том, что эти воинственные горцы были враждебны к патриотическому предприятию отважного моряка, не соответствуют действительности¹³.

В заключение автор отмечает, что Кацонису принадлежит выдающееся место в борьбе Греции за освобождение. По его словам, «эпоха и борьба Ламброса были утренней зарей большого национального восстания 1821 г. И не замедлил прийти тот благословенный час, в каком хотя Ламброс и не присутствовал, но мечта его была осуществлена героическим поколением 1821 года»¹⁴.

К концу XX в. в Греции была создана значительная источниковая база для изучения жизни и деятельности Кацониса, состоявшая из работ и публикаций документов не только греческих, но и французских и венецианских архивов. Но до этого времени греческим исследователям были почти не известны российские архивные материалы о Кацонисе. Пробел этот был ликвидирован в 2004 г. с выходом в свет книги Ю.Д. Пря-

хина «Ламброс Кацонис в истории Греции и России». Книга стала первой русской биографией знаменитого воина Греции и России. Основываясь на материалах двух центральных российских архивохранилищ — Российского государственного исторического архива и Российского государственного архива военно-морского флота, автор не ограничивается биографическими данными о самом Кацонисе, но и приводит сведения о его ближайших соратниках. Читатель получает также достоверную информацию о составе добровольческой флотилии Кацониса, численности команд ее судов и количестве пушек на их вооружении. Прослеживается драматическая судьба многих людей из состава флотилии, которые попали в плен к туркам и были казнены. 26 документов из числа использованных автор публикует в приложении к своей книге. Уже через год монография была переведена на новогреческий язык.

Большие усилия по изучению жизненного пути Кацониса и существующей о нем библиографии предпринял также греческий историк Панайотис Стаму. Итоги своих трудов он изложил в 2012 г. в обширной, хорошо документированной книге¹⁵. П. Стаму принадлежит и заслуга основания в Ливадии музея Кацониса и регулярного выпуска периодического (раз в три месяца) издания «Λάμπρος Κατσώνης».

Систематическое и упорное исследование материалов российских архивов, касающихся жизни и деятельности Ламброса Кацониса, продолжил и Ю.Д. Пряхин. Большую научную ценность представляет публикация 165 документов в приложении к его новой работе «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность; документы архивов» (СПб, 2011), благодаря которой значительно расширилась источниковая база по этой проблематике. Документы эти, в частности, свидетельствуют о высокой эффективности операций флотилии Кацониса на турецких коммуникациях в Средиземном море. В Константинополе искали способ заставить отважного моряка прекратить свои действия. Об этом свидетельствует любопытный документ, публикуемый Ю.Д. Пряхиным: письмо от 1 февраля 1790 г. драгомана флота (помощник командующего турецким флотом) С. Мавроениса Л. Кацонису (с. 301). В этом

письме турецкий чиновник от имени султана Селима III предлагал командиру греческой добровольческой флотилии прекратить свою борьбу. В обмен султан обещал возвести русского офицера и греческого воителя в ранг бея и предоставить ему в наследственное владение любой (по его выбору) остров Архипелага. Воевавшим же вместе с ним морякам, так же как и ему самому, обещалось полное прощение и освобождение их самих и их потомков от налогов. Нет надобности говорить, какой была реакция на эти посулы отважного грека, посвятившего всю свою жизнь борьбе против османского ига.

Все рассмотренные документы и свидетельства характеризуют Ламброса Кацониса как отважного русского офицера, открывшего в 1788–1791 гг. фактически второй фронт морской войны на Средиземном море. Но кроме того, — и это главное, — освободительная акция Кацониса в 1792 г. произвела огромное впечатление на греков и стала вдохновляющим примером для борцов революции 1821 г.

Все эти оценки основываются на более чем полутораческих исследованиях, проведенных греческой и российской историографией. Они подкрепляются и свидетельствами современников: французов, венецианцев и самих турок. Однако несмотря на все эти бесспорные и авторитетные данные, доктор исторических наук Г.А. Гребенщикова попыталась пересмотреть сложившуюся оценку личности и деятельности Ламброса Кацониса. В тексте 2-го тома своей монографии «Черноморский флот в период правления Екатерины II» (СПб, 2012) она назвала его «бандитом», «преступником», «лжецом», утверждая, что никаких подвигов Кацонис не совершил, а все они были «приписаны» ему современными российскими историками. Разумеется, такая, мягко говоря, странная оценка личности национального героя Греции, заслуженного русского офицера не могла не вызвать соответствующей реакции специалистов, сформулировавших свою позицию в ряде публикаций¹⁶. Авторы показывают, что для обоснования своих очернительских взглядов Г.А. Гребенщикова субъективно трактует документы, передедргивает факты, что в целом ее изложение характеризуется научной недобро-

совестностью и предвзятостью. Подобная методика работы характеризует и ее статью, опубликованную в 2013 г. и также наполненную необоснованными обвинениями в адрес Кацониса (Вопросы истории. 2013. № 10). При этом автор пытается найти опору своей позиции в некоторых материалах Архива внешней политики Российской империи.

Хочу высказать свои соображения по этому поводу. Действительно, в греческом обществе наряду с многочисленными приверженцами Кацониса существовали и его противники. Об этом было известно и российскому верховному командованию. Так, Г.А. Потемкин в своем ордере от 24 декабря 1790 г. (4 января 1791 г.) генерал-майору В.С. Томаре, назначенному главнокомандующим всеми российскими флотилиями на Средиземном море, писал: «Я получаю письма от разных их [греков. — Г. А.] обществ: одни из них жалуются на полковника Качони, другие им довольны»¹⁷. Главнокомандующий не уточняет, какие «греческие общества» жаловались на Кацониса. Но у нас есть бесспорные сведения, что к числу ярых противников греческого военачальника относились жители острова Идра. Остров этот являлся важным центром греческого судоходства. Судовладельцы Идры активно участвовали в прибыльной морской торговле Леванта, и турки до поры до времени не трогали их; в обмен идриоты обслуживали их, посылая в помощь турецкому флоту на Черном море вспомогательные суда, команды которых состояли из моряков Идры. Протурецкая позиция идриотов и лежала в основе конфликта между ними и Кацонисом. Французский дипломат и купец Ж. Лазаль, долго живший в Греции и хорошо знавший местную обстановку, в 1792 г. писал об этом: «Идриоты на всем протяжении войны усердно служили туркам и проявили себя врагами грекорусских»¹⁸.

К сожалению, определенную лепту в нападки на Кацониса внесли и контр-адмирал С.С. Гиббс и генерал-майор А.К. Псаро, поочередно командовавшие русскими флотилиями на Средиземном море после отъезда в Россию в июне 1789 г. генерал-поручика И.А. Заборовского. Оба офицера слали жалобы на отважного моряка, обвиняя его в нарушении дисциплины и неподчинении их приказам. Так, А.К. Псаро в

донесении вице-канцлеру И.А. Остерману в декабре 1789 г. обвинял Кацониса в том, что тот «в неповиновении к вышним уже облечен»¹⁹.

Следует здесь иметь в виду, что оба высших офицера в той или иной мере были информированы о сокровенных политических планах Кацониса. Так, Гиббс получил от «Ивана Базилевича» (так он фигурирует в документе), секретаря Кацониса, впоследствии поссорившегося с ним, сообщение о том, что главное намерение командира флотилии состоит в том, чтобы, «прилагая греческий народ к возмущению, возратить от турок греческое царство»²⁰. Контр-адмирал, вероятно, рассчитывал с помощью этого сообщения скомпрометировать Кацониса и обвинить его «в недисциплинированности» и в выходе за рамки его служебных инструкций.

Однако для значительной части греческого общества освободительные планы Кацониса открывали путь к освобождению от османского ига, и оно поддерживало их. Эти освободительные планы Кацониса и подвиги в их осуществлении не являются какой-то выдумкой российских историков, но уже два века являются незыблемой частью освободительной идеологии греческого общества. Об этом говорят свидетельства разных, независимых друг от друга, исторических источников. Так, Э. Ксантос, один из основателей созданного в 1814 г. тайного общества Филики Этерия, писал, что, готовя свое освободительное восстание, они вдохновлялись примером Ламброса Кацониса и другого мужественного борца за национальное освобождение — Ригаса Велестинлиса²¹.

Особенно вдохновляющую роль образ Кацониса стал играть после начала в Греции в 1821 г. национально-освободительной войны. В период революции 1821–1829 гг., ознаменованной беспримерным героизмом греческого народа, греки не только отдавали должную дань подвигам ее героев, но и вспоминали тех, кто раньше с оружием в руках боролся за освобождение своей страны. Это в полной мере относилось и к Кацонису, а также касалось не только самой Греции, но и греческих зарубежных общин. Так, русский общественный деятель Н.В. Сушков, посетивший Крым в период Греческой ре-

волюции, пишет в своих записках: «Еще в 1822 году я слышал, как балаклавские и прочие греки с восторгом вспоминали о богатырских подвигах на море и на суше Ламбро Качони»²².

После начала Греческой революции 1821–1829 гг. в России также вспомнили о Ламбросе Качонисе. В русских изданиях, как и в воспоминаниях Э. Ксантоса, имя его упоминается наряду с именем Ригаса Велестинлиса. Так, в примечании к русскому переводу повести Дж. Байрона «Абидосская невеста» говорилось: «Ламбро Качиони известен подвигами своими 1789го и 1790го года, равно как и предприятиями, клонившимися к восстановлению Греции. Архипелаг был театром морских его поисков. Ламбро и Рига почитались отважнейшими из людей, мечтавших о независимости Еллады»²³.

Операции Качониса в Архипелаге не привели к освобождению Греции. Но они, несомненно, способствовали ему и оставили глубокий след в сознании греческого народа.

Примечания

- ¹ Материалы для истории русского флота. Ч. XIII–XV. СПб, 1890–1895.
- ² Сборник военно-исторических материалов. Вып. VII–VIII. СПб, 1894–1895.
- ³ Στάμου Π. Λάμπρος Κατσώνης. Τεκμηρία ιστορίας-λαογραφίας-παραδοσις. Λεβαδεία, 2012.
- ⁴ Μαγιάκου Π. Ο Λάμπρος Κατσώνης (1752–1804). Αθήναι, 1932.
- ⁵ Στάμου Π. Ο.π. ... Σ. 470.
- ⁶ В России манифест Ламброса Качониса был впервые опубликован (во французском переводе) в 1883 г. См.: Архив князя Воронцова. Кн. 29. М., 1883. С. 334–339. Публикацию современного манифесту перевода его на русский язык см.: Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. М., 2013. С. 254–257.
- ⁷ Κόλια Γ. Οι Έλληνες κατά τον Ρωσοτουρκικόν Πολέμον (1787–1792). Αθήνα, 1940. Σ. 93.
- ⁸ Μερτζίου Κ. Νέαι είδησεις περίτου Λάμπρου Κατσώνη και του Ανδρούτσου // Πραγματεία της Ακαδημίας Αθηνών. Αθήναι, 1959. Τ. 23, αρ. 3. Σ. 1–131.
- ⁹ Πρωτοψάλτη Ε. Συμβολή εις την ιστορία του Λάμπρου Κατσώνη (1792). Αθήναι, 1958.
- ¹⁰ Ο ίδιος. Νέαι έρευναι περί του Λάμπρου Κατσώνη καί των οπαδών του. Αθήναις, 1960. Σ. 83.
- ¹¹ Γεωργίου Η. Ο Θαλασσομάχος Λάμπρου Κατσώνης. Αθήναι, 1974.
- ¹² Βαγιακάκου Δ. Ο Λάμπρος Κατσώνης και η Μάνη. Αθήναι, 1994. Σ. 21, 74.
- ¹³ Ο.π. Σ. 57–59.
- ¹⁴ Ο.π. Σ. 74.

¹⁵ *Στάμου Π. Λάμπρος Κατσώνης. Τεκμηρία ιστορίας-λαογραφίας-παραδοσις. Λεβαδεία, 2012.*

¹⁶ *См.: Гергеос А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д. Ради установления истины. СПб, 2014; Арш Г.Л. К вопросу об оценке Ламброса Кацониса в историографии // Вопросы истории. 2015. № 4.*

¹⁷ *Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис, личность, жизнь и деятельность: документы архивов. СПб, 2011. С. 314.*

¹⁸ *Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. Д. 1080. Л. 5.*

¹⁹ *АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1789. Д. 2111. Л. 102.*

²⁰ *АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1789. Д. 2114. Л. 8.*

²¹ *Арш Г.Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 168.*

²² *Кое-что о временах Екатерины II-й (из записок Н.В. Сушкова) // Русский архив. М., 1865. С. 1508.*

²³ *Вестник Европы. 1821. Ч. 120. № 20. С. 256–257.*

Анна Андреевна ЛЕОНТЬЕВА

Некоторые вопросы исламизации в болгарских землях под османской властью в современной болгарской историографии¹

Исламизация — разносторонний и разнонаправленный процесс, проходивший в балканских провинциях Османской империи со времени завоевания этих земель. При всех значительных переменах религиозного и этнического характера в XV—XVI вв. коренное население Балкан продолжало проживать компактно, и турки-османы оставались на присоединенных территориях лишь завоевателями, представляя инородный и незначительный в количественном отношении элемент². Однако к началу XVII в. отмечается резкий рост численности мусульман на Балканском полуострове. Этот процесс привел к тому, что в XIX в. в некоторых балканских областях мусульманское население стало численно преобладать³.

Период османского владычества долгое время оставался вне сферы основных интересов болгарских историков. Складывание отдельного историографического направления, посвященного истории болгарских земель под османской властью в XV—XVIII вв., произошло относительно недавно, в силу различных факторов, один из которых — понимание неразрывной связи истории Болгарии этого периода с историей Османской империи⁴.

Болгарской историографии, посвященной османскому периоду, на долгое время был присущ «романтически-сентиментальный»⁵ подход к рассмотрению исламизационных процессов, который сформировался в первые десятилетия после освобождения и впоследствии в XX веке был обусловлен политической конъюнктурой.

1990–2000-е годы стали периодом ожесточенных дискуссий в профессиональном сообществе болгарских историков о значении и роли османского владычества в болгарской истории. В частности, для описания специфики болгарской османности стали использоваться такие выражения, как «историографическая эмпатия»⁶, «стокгольмский синдром болгарской османности»⁷, «историографическая память»⁸, «историографический миф»⁹, «историческая боль болгар»¹⁰.

К 1997 г. относится развернувшаяся на страницах журнала «Историческо бъдеште» полемика между французским историком Бернаром Лори¹¹ и болгарской исследовательницей Верой Мутафчиевой¹² относительно «исторического мифа о “пяти веках нашего заклания”». Б. Лори, анализируя традиционные для болгарской историографии подходы к изучению своей истории, отмечает диспропорцию в объеме научного изучения османского периода. Если национальное Возрождение (отсчет которого он в данном случае предлагает вести от 1824 г. – года публикации «Рыбного букваря»*, а не с 1762 г. – года написания Паисием Хилендарским «Истории славяноболгарской»), также хронологически, по его мнению, относящееся к периоду османской власти, изучено тщательно и досконально, то предшествующая эпоха 1393–1824 гг. представляет собой «terra incognita». При этом подчеркивается, что именно болгарской историографии свойственно передавать трагедию османского владычества в наиболее мрачных красках, по сравнению с сербскими, греческими, румынскими, албанскими историками¹³.

Корень болгарской традиции восприятия османского периода Б. Лори видит в кырджалийской смуте 1779–1813 гг. – малоизученном периоде, представляющем, по его мнению, ту самую болгарскую специфику, которая отличает историю Болгарии от истории других балканских стран, входивших в состав Османской империи. Развивая свою мысль, автор вводит понятие «кырджалийское поколение», то есть поколение людей, родившихся примерно в 1770–1790 гг., чье взросление

* «Рыбный букварь» («Букварь по различным поучениям») – первый болгарский учебник.

и первые зрелые годы пришлось на время беспорядков, неустойчивости, непрекращающегося насилия, ставшего «уже не кратким жизненным эпизодом, а основой мировоззрения»¹⁴. Б. Лори выдвигает тезис о том, что романтично настроенные деятели Возрождения, дети и внуки «кырджалийского поколения», именно у отцов и дедов черпали свои представления о прошлом, при этом, по его словам, «кырджалийская смута опустила плотную завесу, через которую более отдаленное прошлое не могло проникнуть»¹⁵, и молодому поколению передавалось, таким образом, крайне отрицательное восприятие османского владычества.

Ответ на статью Б. Лори последовал от известного болгарского историка В. Мутафчиевой¹⁶ — автора фундаментального исследования о кырджалийской смуте¹⁷. По ее мнению, в статье Б. Лори «проявляется та легкость обобщения, категоричность в суждениях о событиях и процессах — характерные черты французской историографии, которые придают ей очарование, но делают непригодной для исследовательских задач»¹⁸. В. Мутафчиева усматривает в работе французского исследователя «преднамеренно негативное отношение» к болгарским историкам и опровергает ряд его утверждений. Так, она считает невозможным предложение Б. Лори принять за начальную дату Возрождения 1824 г., а не 1762 г., следовательно, ошибочным ей представляется суждение о том, что период 1393–1824 гг. является «terra incognita» — напротив, по ее словам, этот период детально изучен болгарскими исследователями. Что касается значения кырджалийской смуты и оценки ее французским историком, в первую очередь внимание В. Мутафчиевой привлекло утверждение Б. Лори о том, что детальное исследование этого вопроса может привести к позитивной переоценке болгарской истории¹⁹. Для опровержения этого тезиса В. Мутафчиева привела историю изучения данного периода в болгарской историографии, начиная с 1950-х годов, и пришла к выводу, что «французский коллега советует нам совершить то, что уже сделано»²⁰. Подчеркнув, что «в отличие от аксиомы Б. Лори о том, что данный период послужил основой мифологемы о «пяти веках нашего заклания», в своем труде (в котором, в том числе, было впервые

введено само понятие «кырджалийская смута»), В. Мутафчиева пришла к выводу о скорее позитивной роли этих событий для дальнейшего развития болгарских земель — болгары получили право на ношение оружия, в многочисленных сражениях ими был накоплен боевой опыт, и, кроме того, это послужило толчком к формированию национального самосознания²¹.

К сожалению, в своей эмоциональной отповеди исследовательница не рассматривает один из ключевых для статьи Б. Лори тезисов — его утверждение о роли «кырджалийского поколения» в формировании «историографического мифа» об османском владычестве, сосредоточив основное внимание на опровержении менее значимых его утверждений. В то же время сам факт, что работа французского ученого вызвала столь бурную реакцию, свидетельствует об остроте и болезненности затрагиваемых в ней вопросов.

В 1990-е годы, после так называемого «возродительного процесса»²² — попытки ассимиляции мусульманского меньшинства — иное звучание в Болгарии приобрела проблема исламизации в болгарских землях в период османской власти, что нашло отражение в трудах болгарских историков-османистов. Несколькими авторами были предприняты попытки систематизации и подробного анализа историографического наследия болгарской османистики предшествующих лет в целом, а также основных направлений исследований исламизационных процессов²³.

Ключевой проблемой при изучении исламизации является происхождение мусульманского населения Балканского полуострова. Исследователи выделяют различные формы распространения ислама в балканских провинциях путем прямого или косвенного принуждения. Среди них — переселение мусульман на Балканы, нередко определяемое как колонизация, выбор «меч или ислам», формирование корпуса янычар путем сбора «налога кровью», как традиционно было принято называть «девширме», институт рабства, через который происходило обращение в ислам при полном уничтожении этнической идентификации обращаемого, смешанные браки, а также добровольная смена религии славянским

населением, зафиксированная в том числе в официальных османских документах и нередко рассматриваемая в болгарской историографии как результат косвенного принуждения со стороны османских властей²⁴. В статье 1987 г.²⁵ болгарский историк Страшимир Димитров проанализировал явление так называемой «незавершенной исламизации» — широкого понятия, включающего в себя как скрытое христианство (криптохристианство, двоеверие)²⁶ — осознанное следование христианским традициям после формального перехода в ислам, а также «спонтанное и подсознательное повторение верований и обычаев, наследуемых от предков, нередко без осознания их христианского происхождения»²⁷.

Истоки современных исследований исламизационных процессов лежат в середине 1960-х годов, когда Стр. Димитров заключил, что исламизация представляла собой непрерывный процесс, протекавший с разной степенью интенсивности на протяжении столетий османского господства под влиянием различных факторов — как прямого насилия со стороны османских властей, так и специфики социально-экономической ситуации²⁸. Ранее Николай Тодоров заключил, что добровольное принятие ислама имело своей целью переход в иную социальную категорию²⁹. Как отметила Елена Грозданова, «нет такого болгарского автора, который бы отрицал этот тезис и не воспринял бы его»³⁰.

Одним из наиболее ярких исследователей исламизационных процессов не только в болгарских землях, но и в балканских провинциях Османской империи в целом является Антонина Желязкова. В своих трудах 1980–1990-х годов³¹ она отмечала, что существование большого числа ересей в православии (в том числе таких как павликианство и богомилство) накануне османского завоевания, деятельность на Балканах мусульманских сект и их близость между собой привели к тому, что местное население воспринимало ислам не как иную религию, а как одну из христианских ересей, что влияло на легкость добровольного перехода в ислам³².

В XVII–XVIII вв. внутривосточные и экономические изменения в Османской империи привели к росту так называемой

мой «добровольной исламизации» автохтонного населения, что прослеживается на основе хранящихся в архивах кадийских судов документов, содержащих просьбы о принятии ислама. А. Желязкова отмечает, что в силу внутривосточных изменений и усиления центробежных тенденций османские власти в этот период стали рассматривать религию как важное средство сохранения единства и целостности империи, что приводило к религиозной дискриминации христиан и вынуждало их сменить веру, результатом чего стал активный добровольный переход в господствующую религию. Таким образом, переход в ислам происходил без прямого участия османских властей и без применения специальных средств принуждения, в то же время постоянно существовало косвенное давление, стимулировавшее процесс смены религии местным населением³³.

Позднее, в работе 1997 г. А. Желязкова, анализируя не только болгарскую историографию, но и историографические тенденции других балканских стран, отметила, что «Болгария, которая в процентном соотношении не настолько сильно была затронута исламизацией, всегда подходила к этому историческому факту “романтически-сентиментально”», при этом «государственный аппарат часто стимулировал и направлял исследования болгарских историков и литераторов, которые обслуживали постоянно меняющуюся политическую конъюнктуру»³⁴.

Автор выделила две основных, противоположных друг другу концепции, на которых, по ее мнению, традиционно базировалась болгарская историография при рассмотрении исламизационных процессов. В рамках первой из них исламизация представляется результатом интенсивной колонизации Балкан тюрками из Анатолии, которая сопровождалась насильственной исламизацией местного населения. Сторонники второй концепции исключают роль тюркской колонизации в исламизационных процессах, а существующая мусульманская общность представляется сформировавшейся путем массовых насильственных акций по исламизации местного славянского населения. Этот тезис, по замечанию автора, более популярен

и лежал в основе «возродительного процесса» 1984–1989 гг.³⁵ А. Желязкова неоднократно подчеркивала политизированность данного аспекта болгарской истории и его тесную связь с политической конъюнктурой. Так, в одной из публицистических статей 1994 г. она вспоминала, что «напрямую столкнулась с цензурой, исследуя вопросы колонизации Балкан переселенцами из Анатолии, – что разрушало тезис сторонников «возродительного процесса» о том, что все болгарские мусульмане – потомки исламизированных болгар. Но как специалист – я уверена по-прежнему, что большая часть мусульман в Болгарии (мы не говорим об Албании и Боснии) – местное исламизированное население»³⁶.

Анализируя тезис о масштабном геноциде болгар и значительной роли колонизации в процессе исламизации местного населения, Желязкова отмечает, что это утверждение сложно доказать. Она подчеркивает, что представление о массовой колонизации, ставшей причиной неблагоприятных для балканского населения этнокультурных изменений, – результат естественного в первые годы после Освобождения романтически-сентиментального подхода к болгарской истории. Этот подход был заложен еще К. Иречеком³⁷, писавшим, что болгарские земли в то время были наводнены переселенцами из Малой Азии в таком масштабе, что болгарский элемент был вытеснен на окраины³⁸. А. Желязкова при этом указывает, что в сущности колонизация не была настолько массовой, и в современной болгарской историографии «поддерживается мнение, что одна из основных сложностей колонизационной политики Османской империи заключалась в меньшей численности завоевателей по сравнению с завоеванными»³⁹.

Ставя вопрос о том, все же миф или реальность централизованная политика насильственной исламизации на Балканах, А. Желязкова отмечает, что некоторые формы и методы исламизации местных жителей были тесно связаны с мусульманской государственной политикой, и в этих случаях исламизация, как и ассимиляция, были планомерны и проводились под контролем и при участии государственной власти, при этом возможность самостоятельного выбора или добровольной сме-

ны религии была исключена. К мерам прямого принуждения относятся институт рабства, ряд административных мер, система девширме. Однако со временем даже среди этих форм очевидно принудительной исламизации стала прослеживаться тенденция к добровольной смене религии⁴⁰. В 1988 г. А. Желязкова опубликовала детальный анализ болгарских – «домашних» источников⁴¹, свидетельствующих о насильственной исламизации родопского населения, в частности летописный рассказ священника Методия Драгинова. Эти источники с XIX в. лежали в основе «историографического мифа» о насильственной исламизации. Ссылаясь на анализ болгарского лингвиста И. Тодорова в статье 1984 г.⁴², А. Желязкова поддерживает его вывод о том, что подобные источники представляют собой литературные мистификации, появление которых в XIX в. объясняется особенностями эпохи – «периода необыкновенно сильных патриотических увлечений в условиях борьбы за церковную и политическую независимость болгарской нации и романтического отношения к историческому прошлому»⁴³.

Говоря об исламизации болгарского населения, особенно в Родобах, А. Желязкова призывает рассматривать ее без предубеждения, не ориентируясь на конъюнктурные и предвзятые гипотезы, и выдвигает следующую концепцию исламизации родопского населения. Распространение ислама проходило в Родобах не путем прямого насилия и массовых акций, организованных османскими властями, а по политическим и экономическим причинам, по личному выбору отдельных личностей, семей или целых сел⁴⁴.

Подводя итог и обобщая анализ историографических традиций рассмотрения вопроса исламизации балканского населения, А. Желязкова подчеркивает, что балканские историки «не в состоянии спокойно воспринимать и объективно анализировать факт распространения ислама на Балканах и исламизации части местного населения в силу сложившегося негативного стереотипа восприятия мусульманского населения, который, оставаясь также крайне политизированным, продолжает передаваться от поколения к поколению, в том числе при преподавании истории в школе»⁴⁵.

Этот тезис А. Желязковой подвергся критике Стр. Димитрова⁴⁶. По его мнению, негативный стереотип восприятия мусульманского населения Балкан действительно существует, однако он складывался на протяжении многих веков, начиная с XIV в., в качестве реакции местного населения на насильственную исламизацию. В целом согласившись с выводами А. Желязковой о путях распространения ислама на Балканском полуострове, Стр. Димитров счел неприемлемым ее упрек в адрес балканских историков.

В своем обзоре современной болгарской историографии, посвященной проблеме исламизации и положения мусульманских общин в Болгарии, Стр. Димитров подверг критику статью Божидара Алексиева⁴⁷ — о современном положении родопских мусульман и об освещении данной тематики в болгарской науке. Поддерживая мнение А. Желязковой о недостоверности болгарских источников⁴⁸, анализируя также данные устных преданий родопского населения и их традиционные интерпретации болгарскими историками, Б. Алексиев сформулировал два основных варианта объяснения распространения ислама в Родопах: путем прямого целенаправленного и массового насилия и как результат постепенного процесса, состоящего из множества индивидуальных актов. Если в начале XX в. преобладало представление о процессе исламизации как о результате нескольких массированных военных акций, то в 1980-е годы он стал восприниматься преимущественно как следствие специфики государственного устройства — привилегированное положение мусульман в обществе способствовало исламизации путем различных форм косвенного принуждения⁴⁹.

Б. Алексиев вводит понятие «историографический миф»⁵⁰ и подчеркивает, что прочно устоявшееся в общественном сознании болгар представление о насилии и жестокости в ходе исламизации влияет, во многом неосознанно, как на восприятие обществом современных болгар-мусульман, так и на принятие государственными и местными властями в XX в. решений о насильственном крещении и смене мусульманских имен. Таким образом, «неожиданно историография, письменное слово, превращается в меч»⁵¹.

Стр. Димитров противопоставляет этому утверждению Б. Алексиева тот факт, что представление о возможности насильственной смены религии сложилось задолго до XX в. В качестве примера он приводит насильственное искоренение язычества в Болгарии — «поскольку христианство одержало победу и стало официальной религией болгарского государства, ... насилие стало благодеянием для болгарского народа»⁵². В целом Стр. Димитров дал негативную оценку исследованию Б. Алексиева, обвинив его в пристрастности, предубежденности по отношению к работам предшественников, что, по его мнению, помешало автору реально оценить проблемы и достижения научных исследований⁵³.

Значимой фигурой в современной болгарской османистике является Е. Радушев. Ряд его статей⁵⁴, позже вошедших в монографию по истории исламизационных процессов⁵⁵, стали своеобразной вехой в истории их изучения и вызвали неоднозначную реакцию коллег.

Е. Радушев выделяет два основных подхода к рассмотрению исламизационных процессов в Родопях, традиционных для болгарской историографии. Первый — «возрожденческо-мифологический», базирующийся на представлении о массовом, сопровождающемся репрессиями насильственном насаждении ислама⁵⁶. Для второго, «социально-экономического» подхода характерен поиск причинно-следственных связей и рассмотрение распространения ислама как результата социально-экономической ситуации⁵⁷.

Стр. Димитров в общих чертах обозначил основные параметры исламизационного процесса⁵⁸, однако, по мнению Е. Радушева, ввиду ограниченности источниковой базы, ему не удалось обозначить «опорные точки в его хронологии, поэтому он допустил вероятность проведения насильственных исламизационных акций»⁵⁹, в то время как, по мнению Е. Радушева, постепенность исламизации среди родопских христиан и ее растянутость во времени указывают на отсутствие экстремальных ситуаций в ее развитии⁶⁰. Кроме того, считает Радушев, представления об османской истории перегружены мифами, и любые попытки приблизиться к реальности путем изуче-

ния недавно открытых источников с использованием новых методов встречают сопротивление. В болгарской историографии, посвященной исламизации, четко прослеживаются два мифологических пласта. Первый из них — вышеупомянутые собственно болгарские источники, послужившие основой для создания «историографического образа» массовой насильственной исламизации как официальной политики османского государства. Вторым мифологическим пластом, пишет Е. Радушев, является собственно миф о «массовой насильственной исламизации». При этом, данный миф, с одной стороны, касается исламизации в Родобах, а, с другой, «мифологема, которая однажды была легитимизирована через историографию, впоследствии превращается в модель для объяснения исламизации и в других частях болгарских земель»⁶¹. В целом, по мнению Радушева, в болгарской историографии была создана «мутная смесь мифологии и исторических эмоций»⁶², и более широкий круг османских источников, имеющихся в распоряжении современных исследователей, позволит «разрушить мифологему, раскрыть логику процесса исламизации, определенную конкретными историческими обстоятельствами»⁶³.

Стр. Димитров, говоря об исследовании Е. Радушева, заметил, что его успехи в пересмотре устойчивых историографических моделей «довольно сомнительны»⁶⁴. По его мнению, утверждение, что ученые старшего поколения создали миф о насильственной исламизации, — несправедливо. Димитров признал, что османские источники позволяют опровергнуть организацию целенаправленных кампаний по насильственному насаждению ислама в болгарских землях, однако, по его мнению, данные такого источника как фетвы⁶⁵ доказывают существование косвенного принуждения к принятию ислама, и в данном случае Е. Радушеву «не стоит подменять тему спора и поспешно брать под защиту османское государство»⁶⁶.

Е. Грозданова предостерегла Е. Радушева от «тотального перечеркивания» результатов исследований ученых старшего поколения, проведя параллель с перечеркиванием «одним взмахом» работ так называемых «буржуазных ученых» в середине XX в. Она отметила, что на рубеже XX–XXI вв. подобный

подход выглядит как минимум анахронизмом⁶⁷. По мнению Гроздановой, исследование Е. Радушева представляет собой лишь своеобразный «ремейк» исследований Стр. Димитрова 40-летней давности⁶⁸, и единственной его заслугой является подтверждение тезиса Димитрова о непрерывности исламизационных процессов (при привлечении более широкого круга османских источников). Что же касается интерпретации данных этих источников, на ее взгляд, она нуждается в пересмотре, поскольку «стремление любой ценой сказать нечто новое, выйти за рамки общепринятых мнений и традиционного понимания в принципе похвально», но не стоит выдвигать в качестве итоговых явно непродуманные и поспешные выводы⁶⁹.

Понятие «историографическая память» находится в центре внимания М. Тодоровой в одной из ее статей⁷⁰. Говоря о работе Е. Радушева, она, как и Е. Грозданова, отметила, что он на основании новых источников лишь подтвердил и развил основные тезисы Стр. Димитрова, в первую очередь его заключение о длительности процесса исламизации, — «необходимо говорить о процессе исламизации, а не о периодически проводимых террористических акциях по массовому насаждению новой религии»⁷¹. Однако, по мнению М. Тодоровой, работа Е. Радушева интересна в первую очередь тем, что «сама по себе служит интересным источником для будущих историографических исследований, поскольку показывает и прямо и косвенно свидетельствует о социальном и идейном контексте, в котором писались исторические труды, о интеллектуальном климате и академических взаимоотношениях поколений. Вкратце, — делает вывод М. Тодорова, — данная статья представляет наглядную иллюстрацию проблем историографической памяти»⁷². Она признает, что новые османские документы, которые стали доступны болгарским исследователям в последние десятилетия, безусловно, дают большие возможности для выдвижения новых гипотез в определенных направлениях, однако, на ее взгляд, необходимо более критично смотреть на «фетишизацию османских архивов»⁷³.

Итак, краткий анализ современной болгарской историографии показал, что проблема исламизации — по-прежнему

одна из центральных при исследовании истории Болгарии османского периода. Наиболее спорным является вопрос о «степени добровольности» смены религии христианами. Доминирующим остается представление о «добровольной исламизации» как о результате косвенного принуждения со стороны османских властей, создававших условия, при которых переход в ислам был возможностью избежать экономической, национальной и религиозной дискриминации. Значимость этой проблемы подтверждают острота дискуссии в профессиональном сообществе и болезненность реакции исследователей на отступления от традиционных оценок этого явления. Это также во многом обусловлено политизированностью данного вопроса – проблема исламизации XV–XVIII вв. тесно связана с политикой болгарского государства по отношению к мусульманскому населению в XX в., в связи с чем история исламизации нередко становится одной из ключевых тем при исследовании современного положения мусульманских общин.

Примечания

- ¹ Статья написана в рамках проекта РГНФ № 15-31-01003а1.
- ² *Еремеев Д.* Этногенез турок. М., 1971. С. 137.
- ³ *Желязкова А.* Некоторые аспекты распространения ислама на Балканском полуострове в XV–XVIII вв. // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 103–116.
- ⁴ *Георгиева Ц.* Развитие и тенденции на проучванията върху историята на българския народ през XV–XVII в. // България през XV–XVIII в. Историографски изследвания. Т. I. София, 1987. С.11–13.
- ⁵ *Желязкова А.* Формиране на мюсюлманските общности и комплексите на балканската историография // Мюсюлманските общности на Балканите и в България. Исторически ескизи. София, 1997. С. 11–12.
- ⁶ *Колев В.* Отново за термина «турско робство» // История. Vol. 23. 2015. № 2. С. 172.
- ⁷ Стокхолмският синдром в османистиката или търсене на верен подход към историята. Интервю с проф. Елена Грозданова, ст.н.с. I ст., д.и.н. – Институт по история – БА. <http://lib.sudigital.org/record/18919/files/SUDGTL-MAGAZ-2012-002.pdf> (дата обращения 13.09.2015). С. 2–9.
- ⁸ *Тодорова М.* Ислямизацията като мотив в българската историография, литература и кино // Изследвания в чест на чл.-кор. професор Страшимир Димитров. Част I. София, 2001. С. 380.
- ⁹ *Алексиев Б.* Родопско население в българската хуманитаристика // Мюсюлманските общности на Балканите и в България. Исторически ескизи. С. 101.
- ¹⁰ *Лори Б.* Разсъждения върху историческия мит «Пет века ни клаха» // Историческо бъдеще. 1997. № 1. С. 92.

11 Там же.

12 *Мутафчиева В.* Някои разсъждения относно разсъжденията на Бернар Лори върху историческия мит «Пет века ни клаха» // Историческо бъдеще. 1997. № 2. С. 75–81.

13 *Лори Б.* Разсъждения върху историческия мит «Пет века ни клаха». С. 92–93.

14 Там же. С. 94–95.

15 Там же. С. 96.

16 *Мутафчиева В.* Някои разсъждения относно разсъжденията на Бернар Лори...

17 *Мутафчиева В.* Кърджалийско време. София, 1977.

18 *Мутафчиева В.* Някои разсъждения относно разсъжденията на Бернар Лори... С. 75.

19 *Лори Б.* Разсъждения върху историческия мит «Пет века ни клаха»... С. 97.

20 *Мутафчиева В.* Някои разсъждения относно разсъжденията на Бернар Лори... С. 79.

21 *Мутафчиева В.* Кърджалийско време. С. 357.

22 Подробнее см.: *Груев М., Кальонски А.* Възродителният процес. Мюсюлманските общности и комунистическият режим. София, 2008.

23 *Желязкова А.* Формиране на мюсюлманските общности и комплексите на балканските историографии // Мюсюлманските общности на Балканите и в България. Исторически ескизи. София, 1997. С. 11–56; *Алексиев Б.* Проблемът за ислямизацията на родопското население // Мюсюлманските общности на Балканите и в България. Исторически ескизи. София, 1997. С. 79–90; *Радушев Е.* Демографски и етнорелигиозни процеси в Западните Родопи през XV–XVIII в. (опит за преосмисляне на устойчиви историографски модели) // Историческо бъдеще. 1998. №1. С. 46–89; *он же.* Смисълът на историографските митове за ислямизацията // Балкански идентичности. Т. 3. София, 2003. С. 152–197; *Димитров Стр.* Ще имаме ли научни позиции по проблемите на ислямизацията и съдбините на българите мохамедане? // Rhodopica. 1999. № 1. С. 131–147; *Грозданова Е.* Българската османистика на границата между две столетия – приемственост и обновление // Исторически преглед. 2005. № 1–2. С. 98–157.

24 *Петров П.* Съдбоносни векове за българската народност, края на XIV век – 1912 година. София, 1975; *Димитров Стр.* Фетви за искореняване на българската християнска мироглона система сред впомохаммеданчените българи // Векове. 1987. №2. С. 27–40; *Георгиева Ц.* Еничарите по българските земи. София, 1988; *Желязкова А.* Разпространение на исляма в Западнобалканските земи под османска власт. XV–XVIII век. София, 1990; *Стайнова М.* Ислам и исламская религиозна пропаганда в България // Османская империя: система государственно-го управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 83–102.

25 *Димитров Стр.* Фетви за искореняване... С. 27–40.

26 Подробнее см.: *Skendi S.* Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans//Balcan cultural studies. New York, 1980. P. 233–257.

27 *Димитров Стр.* Фетви за искореняване... С. 30.

28 *Димитров Стр.* Демографски отношения и проникване на исляма в Западните Родопи и долината на Места през XV–XVII в. // Родопски сборник. Т. 1. София, 1965. С. 90.

29 *Тодоров Н.* За демографско състояние на Балканския полуостров през XV–XVI век // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. Т. 53. София, 1969. С. 223.

- 30 *Грозданова Е.* Българската османистика на границата между две столетия – приемственост и обновление // Исторически преглед. 2005. № 1–2. С. 140.
- 31 *Желязкова А.* Некоторые аспекты распространения ислама на Балканском полуострове в XV–XVIII вв. // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 103–116; *она же.* Разпространение на ислама в западнобалканските земи под османска власт. XV–XVIII век. София, 1990.
- 32 *Желязкова А.* Некоторые аспекты распространения ислама на Балканском полуострове в XV–XVIII вв. С. 103–105.
- 33 *Желязкова А.* Разпространение на ислама в западнобалканските земи. С. 212.
- 34 *Желязкова А.* Формиране на мюсюлманските общности и комплексите... С. 11–12.
- 35 Там же. С. 14.
- 36 *Желязкова А.* Все още ни грози тоталитарното съзнание, болшевишкото мислене, което е в нас самите // Историците – за истината, за насилията, за себе си. София, 1994. С. 121.
- 37 *Желязкова А.* Формиране на мюсюлманските общности и комплексите... С. 18.
- 38 *Иречек К.* Пътувания по България. София, 1974. С. 743.
- 39 *Желязкова А.* Формиране на мюсюлманските общности и комплексите... С. 15.
- 40 Там же. С. 47.
- 41 *Желязкова А.* Проблемът за достоверността на някои домашни извори, трайно залегнали в българската историография // Социологически преглед. 1990. № 3. С. 63–72.
- 42 *Тодоров И.* Летописният расказ на поп Методи Драгинов // Старобългарска литература. 1984. № 16. С. 56–79.
- 43 *Желязкова А.* Формиране на мюсюлманските общности и комплексите... С. 51.
- 44 Там же. С. 52.
- 45 Там же.
- 46 *Димитров Стр.* Ще имаме ли научни позиции по проблемите на ислямизацията и съдбините на българите мохамедани? С. 134.
- 47 *Алексиев Б.* Родопско население в българската хуманитаристика. С. 57–112.
- 48 *Желязкова А.* Проблемът за достоверността на някои домашни извори, трайно залегнали в българската историография // Социологически преглед. 1990. № 3. С. 63–72.
- 49 *Алексиев Б.* Родопско население в българската хуманитаристика. С. 89.
- 50 Там же. С. 101.
- 51 Там же. С. 90.
- 52 *Димитров Стр.* Ще имаме ли научни позиции по проблемите на ислямизацията и съдбините на българите мохамедани? С. 138.
- 53 Там же. С. 139.
- 54 *Радушев Е.* Демографски и етнорелигиозни процеси в западни Родопи през XV–XVIII век (опит за преосмисляване на устойчиви историографски модели) // Историческо бъдеще. 1998. № 1. С. 46–89; *он же.* Смислът на историографските митове за ислямизацията // Балкански идентичности. Част III. София, 2003. С. 152–197.
- 55 *Радушев Е.* Помациите. Християнство и ислям в западните Родопи с долината на р. Мяста. XV–30-те години на XVIII в. Ч. I. София, 2005.
- 56 Там же. С. 50.

- ⁵⁷ *Радушев Е.* Демографски и етнорелигиозни процеси в западни Родопи през XV–XVIII век (Опит за преосмисляване на устойчиви историографски модели). С. 56.
- ⁵⁸ *Димитров Стр.* Демографски отношения и проникване на исляма в западните Родопи и долината на Места през XV–XVII в. С. 65–111.
- ⁵⁹ *Радушев Е.* Демографски и етнорелигиозни процеси в западни Родопи през XV–XVIII век... С. 75.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ *Радушев Е.* Смисълът на историографските митове за ислямизацията. С. 160.
- ⁶² *Радушев Е.* Демографски и етнорелигиозни процеси в западни Родопи през XV–XVIII век... С. 83.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ *Димитров Стр.* Ще имаме ли научни позиции по проблемите на ислямизацията и съдбините на българите мохамедани? С. 144.
- ⁶⁵ Подробнее см.: *Димитров Стр.* Фетви за искореняване на българската християнска мироглова система сред помохаммеданчените българи // Векове. 1987. № 2. С. 27–40.
- ⁶⁶ *Димитров Стр.* Ще имаме ли научни позиции по проблемите на ислямизацията и съдбините на българите мохамедани? С. 145.
- ⁶⁷ *Грозданова Е.* Българската османистика на границата между две столетия. С. 102.
- ⁶⁸ *Димитров Стр.* Демографски отношения и проникване на исляма в западните Родопи и долината на Места през XV–XVII в... С. 65–111.
- ⁶⁹ *Грозданова Е.* Българската османистика на границата между две столетия. С. 144.
- ⁷⁰ *Тодорова М.* Ислямизацията като мотив в българската историография, литература и кино // Изследвания в чест на чл.-кор. професор Страшимир Димитров. Част I. София, 2001. С. 369–391.
- ⁷¹ *Радушев Е.* Демографски и етнорелигиозни процеси в западни Родопи през XV–XVIII век... С. 48.
- ⁷² *Тодорова М.* Ислямизацията като мотив в българската историография, литература и кино. С. 380.
- ⁷³ Там же. С. 381.

Константин Владимирович НИКИФОРОВ

Историография программы «Начертание»

В конце 1844 г. в автономном Сербском княжестве была сформулирована первая внешнеполитическая программа, получившая позже название «Начертание»¹. Сербское княжество оставалось в вассальной зависимости от Османской империи и не могло, казалось, проводить самостоятельную внешнюю политику. Но оно ее проводило. Вернее, таких политик было сразу две: 1) официальная, на виду у всех, прежде всего покровителя и сюзерена – России и Турции, а также имевших в Белграде своих консулов великих держав – Австрии, Великобритании и Франции и 2) тайная, связанная с далеко идущими национальными устремлениями, о которой знал лишь ограниченный круг лиц в сербском руководстве. И именно к этой второй, тайной политике относилось «Начертание».

По многочисленным оценкам, эта относительно небольшая по размеру программа «является основой развития сербской государственной идеи»². Еще дольше, вплоть до нашего времени, на сербской истории сказывается интерпретация принятой программы не всегда добросовестными сторонними наблюдателями. Это опосредованное влияние «Начертания» даже существенно заметнее непосредственного.

Важность проблемы породила многочисленную научную литературу. Первым капитальным научным трудом по истории Сербии и русско-сербских отношений первой половины XIX в. явилась книга известного русского слависта, профессора Московского университета Н.А. Попова³. Его диссертация, переделанная затем в монографию, стала в России не только первой книгой по интересующей нас теме, но и одной из первых работ в сфере исторической славистики, которые

уже вполне соответствуют современным требованиям, предъявляемым к научному историческому труду. Вторая часть этой работы, озаглавленная «После Устава 1839 г.», посвящена периоду правления в Сербии группировки уставобранителей. Русский историк критиковал протурецкую и прозападную политику сербского правительства и считал, что после прихода уставобранителей к власти «интересы Сербии замкнулись в самую узкую рамку», «мысль о будущем отброшена в сторону», «связь с австрийскими сербами, с Болгарией и Боснией» мало-помалу утрачивалась. И только в 1848 г. «народные стремления пробудились, но лишь в связи с движением австрийских сербов»⁴.

Когда через полвека после выхода в свет исследования Попова М. Вукичевич опубликовал переписанную им от руки копию «Начертания»⁵, стало ясно, что этот вывод русского ученого ошибочен. Внешняя политика уставобранителей в известной степени была парадоксальной. Хотя они пришли к власти как союзники Турции, некоторые официальные и неофициальные круги в Сербии выступали за активную национальную политику⁶. Понятно, что такая политика могла быть только антитурецкой.

В югославской историографии, в работах, опубликованных в период между двумя мировыми войнами, программой «Начертание» и связанными с ней сюжетами еще в 1930-е годы стал активно заниматься сербский историк Драгослав Странякович. Главное достоинство его работ, в том числе и известной монографии «Правление уставобранителей»⁷, являвшейся его докторской диссертацией, состоит в использовании богатейшего архивного материала. Особое внимание в этой монографии уделено деятельности по реализации программы «Начертание». Эту политику ученый, как и многие современные ему сербские авторы, определял как южнославянскую.

В послевоенной социалистической Югославии на диаметрально противоположных позициях относительно проблемы социально-экономических и идейно-политических предпосылок, обусловивших появление «Начертания», оказались два сербских историка — Воислав Вучкович и Радослав Перович.

Первый доказывал исключительно сербское происхождение идеи объединения южных славян в независимом государстве, которая, как он справедливо отмечал, возникла еще до прихода к власти уставобранителей. Развивая эту мысль дальше, Вучкович вообще отрицал идейное влияние на «Начертание» извне, в том числе и представителей правого крыла польской эмиграции⁸.

Иного мнения придерживался в своих работах Перович. Он показал, что «Начертание» могло возникнуть только на определенной ступени развития сербского общества (правда, на наш взгляд, несколько преувеличил степень его развития). Это обстоятельство обходил Вучкович. Но Перович впадал в другую крайность: абсолютизируя по-марксистски экономический фактор и отрицая всякую преемственность развития сербской политической мысли, он пришел к заключению, что идеи «Начертания» были полностью заимствованы у польской эмиграции, найдя в Сербии лишь благодатную почву. Отсюда делался вывод, что автором «Начертания» даже условно Илию Гарашанина считать нельзя⁹.

В югославской историографии не было выработано общей точки зрения и на существо концепции «Начертания», и – шире – по поводу великосербского или южнославянского характера объединительной деятельности Сербского княжества. Так, например, В. Вучкович доказывал в своих работах южнославянский характер гарашанинской программы¹⁰. Но все же большинство югославских историков социалистического периода (в том числе и сербские) указывали на великосербскую направленность этой программы. Наиболее подробно такую точку зрения обосновал В. Чубрилович, который подчеркивал, что «Гарашанин в 1844 г. заложил основы великосербской политики объединения»¹¹.

В целом надо сказать, что отношение к Гарашанину и его «Начертанию» определялось прежде всего идеологическими клише. Согласно бытовавшим официальным представлениям, в «Начертании» была сформулирована великосербская, великодержавная программа, и именно с рудиментами такой политики упорнее всего боролись югославские коммунисты

все годы существования СФРЮ. Тем более что создателем Югославии мог быть только один человек – Йосип Броз-Тито, роли и значение всех остальных политиков и особенно сербов – Илии Гарашанина, Йована Ристича, Николы Пашича, Александра Карагеоргиевича – старательно преуменьшались и искажались.

В югославской историографии обычно признавалось, что приход уставобранителей к власти был обеспечен поддержкой Османской империи¹². Отмечалось также, что в тот период сербское правительство проводило прозападную, направленную на ограничение русского влияния внешнюю политику¹³. Несмотря на это, главный акцент иногда делался (как, например, еще у Страняковича) на бесцеремонное вмешательство царской дипломатии во внутренние дела Сербии, на то, что недружественная России политика уставобранителей была лишь ответной реакцией. Деятельность России нередко отождествлялась с политикой Австрии, и одновременно всемерно подчеркивалось положительное значение ориентации Сербского княжества на Францию и Великобританию. Такой позиции придерживался, в частности, тот же В. Чубрилович¹⁴.

Забегая вперед, можно сказать, что этому вторят и некоторые другие сербские историки, в том числе и работающие сегодня. Однако нам представляется, что эти исследователи преувеличивают положительное значение для национальных интересов Сербии долгосрочной ориентации на Запад. В данном случае, вероятно, ближе к истине был еще Р. Перович, который считал эту заимствованную у польской эмиграции прозападную и антирусскую ориентацию невыгодной для Сербии. Он писал, что польская эмиграция рекомендовала в то время придерживаться лояльной позиции по отношению к Порте, удовлетворяться уступками с ее стороны. Это происходило из-за боязни ничего не выгадать для решения польского вопроса в случае распада Османской империи, который могли бы использовать Австрия и Россия. Из-за этой своей позиции поляки, в сущности, старались приглушить национально-освободительные движения балканских народов, в то время как Россия своей антитурецкой политикой, проводимой дипло-

матическими и военными средствами, объективно помогала процессу освобождения балканских народов, хотя и в рамках данных политических обстоятельств, в соответствии со своими государственными интересами, но систематическим образом. Балканские же национальные государства могли возникнуть только на развалинах Османской империи¹⁵.

Был и неправильный прогноз самого Гарашанина, который под влиянием Ф. Заха и других польских агентов опасался раздела Турции между Россией и Австрией, что, по мнению сербского министра, поставило бы крест на мечте о сильной сербской державе. Однако как раз в тот период Россия выступала за сохранение на Балканах статус-кво. В отличие от Австрии, никаких экспансионистских планов в отношении болгарских, сербских и других балканских земель у России не было и в дальнейшем. Ход истории показал это со всей очевидностью.

По поводу методов достижения поставленных задач в «Начертании» говорилось в общих чертах только, что сербские устремления — не «революция и мятеж» и что «Сербии следует пытаться от здания турецкого государства только камень за камнем откалывать, дабы преуспеть в том, чтобы из этого добротного материала на старом и прочном фундаменте древнего царства сербского заново великое сербское государство построить»¹⁶. Как можно было понять, расчет строился на добровольные уступки Порты, о ее насильственном разделе речь не шла. Анализируя программу «Начертание», В. Чубрилович пришел к выводу, что, хотя само сербское государство возникло революционным путем, Гарашанин в основном по совету А. Чарторыйского (менее — Ф. Заха) исходил в 1844 г. не из принципа самоопределения народов и революционных методов борьбы за его осуществление, а из консервативного принципа исторического права, традиций сербского государства времен Душана, рассчитывая на компромиссы и постепенность¹⁷.

Но в тот период Гарашанин в известной мере продолжал политику князя Милоша, получившего шесть спорных нахий мирным, дипломатическим путем. Сербия не могла постоян-

но воевать, нужны были мирные передышки. Тем более, трудно было рассчитывать на успех, действуя вопреки воле всех великих держав. Однако в долгосрочной перспективе такая политика имела и свои существенные ограничения. История свидетельствует, что за независимость чаще всего приходится бороться с оружием в руках.

Нуждается в уточнении и «консерватизм» гарашанинской программы. Если консерватизм в буквальном смысле означает сохранение того, что есть, консервацию существующего положения, то Гарашанин добивался расширения Сербии и ее полной независимости, хотя и опирался при этом на консервативный принцип исторического права и мирные методы достижения цели. Поэтому, на наш взгляд, точнее Р. Люшич, который считает программу «Начертание» не консервативной, но и не революционной. Он называет ее «прогрессивной программой сербской внешней политики»¹⁸.

Завершили югославский период сербской историографии по интересующей нас проблеме два события: выход в свет первого тома фундаментального двухтомного труда академика Милорада Экмечича «Образование Югославии»¹⁹ и проведенная в Белграде в конце 1987 г. конференция, посвященная 175-летию со дня рождения И. Гарашанина²⁰. В докладах М. Войводица, Л. Дурковича-Якшича, Дж. Живковича, Р. Стояновича, В. Крестича, В. Стоянчевича и других были предприняты попытки нового осмысления «Начертания» и деятельности его автора на руководящих постах сербского государства.

Наиболее полный анализ «Начертания» и других внешнеполитических, объединительных планов Сербского княжества представил в своем выступлении Р. Люшич. Он, в частности, утверждал, что так как «Начертание» было направлено на объединение не всех сербских территорий, а в первую очередь только тех, которые находились под турецкой властью, то эта программа – не великосербская и не южнославянская, а просто сербская²¹.

Масштабная конференция в Сербской академии наук и искусств свидетельствовала о реабилитации одного из главных сербских «великанов» нового времени. Через несколько

лет, в разгар югославского кризиса, появилось осязаемое доказательство подобной реабилитации: в 1994 г. в центре сербской столицы небольшая улица Георгия Димитрова была переименована в улицу Илии Гарашанина.

В западной историографии, при наличии ряда общих работ (в основном это несколько расширенные и переработанные университетские курсы), выделяется вышедшая в свет в 1985 г. на английском языке и переведенная затем на сербский, написанная преимущественно на сербских источниках монография американского исследователя Д. Маккензи²². Эта работа — не что иное, как подробная биография Илии Гарашанина, которого автор даже несколько идеализировал. Кроме того, спорные и дискуссионные моменты Маккензи старался по возможности не затрагивать. И все же при всей описательности монография американца оказалась первой в мировой исторической науке книгой, непосредственно посвященной выдающемуся сербскому государственному деятелю.

Советские ученые внешнеполитической историей Сербии после прихода к власти уставобранителей долгое время специально не занимались. Главными причинами этого были, на наш взгляд, непростые в рассматриваемый период российско-сербские отношения. Предпочтение отдавалось более выгрешным периодам.

Тем не менее, точка зрения советских историков на внешнюю политику уставобранительского режима и программу «Начертание» была сформулирована еще в 1963 г. в первом томе двухтомной «Истории Югославии». В.Г. Карасев, автор раздела, относящегося к Сербии в середине XIX в., отмечал, что в целом «за время своего правления уставобранители проводили антирусскую политику» (Александр Карагеоргиевич пытался опереться на Австрию, а И. Гарашанин — на Францию), а программа «Начертание» была «консервативно-буржуазной и великосербской»²³. Никакой буржуазии в Сербии тогда точно не было, а оценка «великосербская», как представляется, была заимствована из югославской историографии той поры, поскольку сам В.Г. Карасев и другие советские историки этими вопросами специально не занимались.

Внешнеполитические проблемы уставобранительского режима в Сербии привлекли внимание советских ученых намного позже в ряде коллективных монографий. Так, в книге «Формирование национальных независимых государств на Балканах», в главе, посвященной уставобранителям, И.С. Достян писала, что, хотя развивавшиеся параллельно два процесса формирования сербской нации и сербского государства были далеко не завершены, они «уже порождали идеологические концепции в отношении перспектив развития Сербского княжества, задачи превращения его в независимое сильное государство». При этом отмечалась эволюция идей, выраженных в «Начертании», в ходе которой появились большая определенность и новое направление, но великосербские тенденции не исчезали²⁴. Сказано уже осторожнее, чем у В.Г. Карасева, а потому и точнее.

Другой коллективной монографией стал труд «Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг.»²⁵. Разделы этой монографии, посвященные возникновению и началу реализации «Начертания», были написаны автором этих строк и стали результатом его работы над кандидатской диссертацией в аспирантуре Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне – Институт славяноведения РАН). Диссертация была защищена в самом начале 1987 г., как оказалось, в последние годы существования СССР. Подготовленная к печати рукопись долго пролежала без изменений и была напечатана в виде книжки только в 1995 г.²⁶, уже после распада СССР. Однако время написания и обстоятельства публикации этой работы позволяют отнести ее еще к советскому периоду отечественной науки. Книга почти сразу была переведена на сербский язык²⁷.

Перелом в изучении темы, связанной с «Начертанием», наступил во время распада Югославии и череды межэтнических гражданских войн на постюгославском пространстве. То, что раньше не изучалось или изучалось однобоко, теперь стало предметом повышенного интереса. Однобокость и субъективность, правда, при этом никуда не делись, а даже возросли, поскольку противоречия между югославскими республиками

также резко усилились. И в целом интерес в годы югославского кризиса обуславливался отнюдь не научными, а политическими причинами, в частности, стремлением доказать или опровергнуть великосербский характер политики Слободана Милошевича²⁸. В таких условиях научная объективность легко уступает место целесообразности.

Тем не менее, ученые продолжали работать. Одним из первых монографических исследований уже в сербско-черногорской Югославии стала книга Р. Люшича, которую автор так и назвал – «Книга о “Начертании”»²⁹. Этот труд, появившийся во время жесточайших антисербских санкций, до сих пор остается наиболее детальным анализом известной программы. Перу Р. Люшича принадлежит также исследование «Сербия и Черногория – сербские государства Нового времени»³⁰, представляющее собой второй том в трехтомном издании сербских ученых – «История сербской государственности».

Почти одновременно с монографией Люшича о «Начертании» в самый разгар межэтнической гражданской войны в Хорватии появилась работа молодого хорватского историка, ныне профессора Загребского университета, Дамира Агичича «Тайная политика Сербии в XIX веке»³¹. Эта монография основывается на его же магистерской работе «Тайная политика Сербии по отношению к Балканам в середине XIX века». В центре внимания Агичича находятся как программа «Начертание», так и начало деятельности по ее выполнению, в частности реализация «Уставов политической пропаганды». Причем с самого начала автор делает однозначный вывод: «“Начертание” и вся деятельность, основанная на нем, носит отчетливый великосербский характер»³². Характерно, что Агичич высоко оценивает книгу другого хорватского историка – Петра Шимунича³³, вышедшую во время другой войны, в 1944 г., в печально известной Независимой державе Хорватия (НДХ) и перепечатанную в 1992 г. Естественно, что Шимунич также заявлял о великосербском характере «Начертания».

Наверное, во многом условиями межэтнической гражданской войны в Хорватии можно объяснить и заключительный вывод Д. Агичича: «Политика, которую начал проводить

Гарашанин, означает начало сербского империализма». А завершенный вид он якобы приобрел в XX столетии — в ходе Балканских войн, при создании Королевства сербов, хорватов и словенцев и во время проходившего тогда югославского кризиса³⁴. Говорить о сложных хорватско-сербских отношениях в XX в. и совсем не упоминать о развязанном хорватами геноциде против сербов во время Второй мировой войны, по крайней мере, не совсем морально. Но и без этого называть еще даже не освободившихся до конца от турецкой зависимости сербов «империалистами», конечно же, нелепо. Неверно распространять это понятие и на всю сербскую историю нового и новейшего времени. Это столь же неверно, как называть хорватов «геноцидным народом», распространяя на всю их историю и абсолютизируя трагический случай геноцида сербского населения на территории Независимой державы Хорватия.

Большим вкладом в изучение «Начертания» и связанной с этой программой политики стало издание в 2005 г. рукописи Драгослава Страняковича «Илия Гарашанин»³⁵. В «Предисловии» сам Д. Странякович объяснял, что его книга — результат многолетнего труда, и она основана на огромном, часто впервые публикуемом документальном материале³⁶. Особо надо отметить, что монографию о Гарашанине сербский профессор писал в тяжелое военное время — в 1941–1945 гг. Работу много раз приходилось прерывать, а почти весь 1944-й год за причастность к четническому движению историк провел в концлагерях — сначала в немецком как антифашист (январь–июль), потом в коммунистическом как антикоммунист (ноябрь–декабрь). Несмотря на то, что Странякович «долгое время жил в тяжелых психологических и материальных условиях», он продолжал работу, пока ее не завершил³⁷. Однако и на этом заключения Страняковича не закончились. Нормально работать в социалистической Югославии довоенный профессор Философского факультета Белградского университета уже не мог. Сначала он был принудительно отправлен на пенсию в 44 года и лишь через десять лет смог найти работу на Богословском факультете. Но проработал недолго, снова ушел на пенсию,

уже по болезни, и в 65-летнем возрасте умер в Белграде. При жизни свою книгу напечатанной он так и не увидел.

Как пишет в «Послесловии» к книге Страняковича «Илия Гарашанин» академик Василие Крестич, причины отказа в публикации были не научные, а политические и идеологические. «Гарашанин Коммунистической партией Сербии, Хорватии и Югославии, коммунистами в целом и официальной историографией из-за “Начертания” подозревался и обвинялся в том, что являлся идейным творцом великосербских идей и великосербских устремлений»³⁸. Но все же, как известно, рукописи не горят, или, по крайней мере, иногда не горят. Рукопись книги Страняковича попала в Архив Сербской академии наук и искусств и пролежала там несколько десятилетий. Наконец, через 60 лет после написания и через 40 лет после смерти Страняковича, его книга о Гарашанине дошла до читателя.

В. Крестич дал в «Послесловии» и первую оценку опубликованного труда. Он обратил внимание на две особенности этой книги. Во-первых, она построена не по хронологическому, а по проблемному, тематическому принципу. Отсюда «неизбежные повторы, которых автор не мог избежать». Во-вторых, влюбленному в источники Страняковичу было трудно сделать выбор из множества с большим трудом найденных документов, и он стремился все их сообщить читателю. Причем он часто сообщал их без особого анализа, полагая, что факты говорят сами за себя и не требуют дополнительного объяснения. «В результате такого методологического подхода монография об Илие Гарашанине имеет скорее вид хорошей событийной, но менее аналитической и синтетической исторической работы»³⁹.

Со временем, как это порой бывает, недостатки превращаются в достоинства. Поскольку многие документы были утрачены во время военного лихолетья, объемная и трудночитаемая, перегруженная фактическим материалом работа Страняковича осталась важным источниковедческим исследованием, а такие работы не устаревают. В. Крестич справедливо отмечает, что книга Страняковича «не потеряла научного значения, поскольку написана на основе первозрядной, разно-

образной и богатой документальной базы. Исследования такого источникового характера, в отличие от обобщений, имеют долгосрочное, а не временное значение»⁴⁰.

Из книг, появившихся на рубеже веков, необходимо отметить выдержавшую несколько изданий монографию академика Милорада Экмечича «Долгий путь между резнёй и пашней. История сербов в новое время (1492–1992)»⁴¹. Это исследование развивало еще раз идеи, изложенные ранее в его книге «Образование Югославии» — этапной работе сербской и югославской историографии. Экмечич отобрал в своей новой монографии сюжеты, связанные с Сербией, и фактически подвел итог многолетним размышлениям над историей сербского народа.

В начале нашего столетия одна за другой вышли две монографии сербского историка Радомира Й. Поповича, посвященные вождям уставобранительского режима — Томе Вучичу-Перишичу⁴² и Авраму Петрониевичу⁴³. Люди это были абсолютно разные — по происхождению, воспитанию, характеру, убеждениям. Можно сказать даже, что трудно найти людей столь непохожих, — шумадинец и пречанин (хотя и не по рождению), безграмотный жестокий воин и склонный к компромиссам полиглот-дипломат, демагог-популист и интеллектуал-законник, плебейский трибун и кабинетный патриций. Но в сербскую историю они вошли вместе как неразлучная пара — Вучич и Петрониевич.

Карагеоргиевичи, в отличие от Обреновичей, добившихся для Сербии многого мирным дипломатическим путем⁴⁴, выступали в сербской истории скорее как военные предводители — от основателя династии Карагеоргия и до короля-объединителя Александра Карагеоргиевича. В этом плане князь Александр Карагеоргиевич, с именем которого неразрывно связано правление уставобранителей, не был характерным представителем своей династии. Несмотря на то, что на портретах его почти всегда изображали в военной форме, князь был человеком мирным и нерешительным, мало приспособленным к государственной, политической деятельности. На его долю не выпало больших войн, главным из военных потрясений было движение сербов в соседней Воеводине во время революции 1848–1849 гг.

Может быть, именно поэтому Александру Карагеоргиевичу посвящено совсем немного специальных работ. Но такие работы все-таки есть. Назовем в первую очередь интересное монографическое исследование Небойши Йовановича о повседневности (правда, повседневности княжеской), которое называется «Двор князя Александра Карагеоргиевича». Издатель дал этой монографии характерный подзаголовок — «первая книга о первом сербском дворе»⁴⁵. Подобная тематика пользуется ныне большой популярностью в исторической науке. Причем надо иметь в виду, что в сербском языке слово «двор» обозначает не только лиц, окружавших монарха в его домашней жизни, но и место его проживания — дворец. Правда, до середины XIX в. в этом втором значении еще часто употреблялось турецкое слово «конак». Н. Йованович делится точным наблюдением — из всех Карагеоргиевичей князь Александр в памяти народа оставил наименьший след, и именно поэтому время его правления названо не его именем, а именем политической группировки уставобранителей⁴⁶.

Добавим также, что в последние годы много раз переиздавалось и само «Начертание» — у того же Р. Люшича в «Книге о “Начертании”» или отдельными изданиями⁴⁷. Последний раз оно увидело свет на английском языке в рассчитанной преимущественно на западную аудиторию монографии Душана Т. Батаковича «Внешняя политика Сербии (1844–1867). “Начертание” Или Гарашанина»⁴⁸.

Из книг, вышедших в последнее время на Западе, отметим обобщающую работу известного немецкого историка Хольма Зундхаусена «История Сербии. XIX–XXI вв.», вышедшую на немецком языке в 2007 г. и переведенную на сербский — в 2008 г.⁴⁹ Мы согласны с мнением автора послесловия к этой работе Д. Батаковича, что эта книга представляет собой нечто среднее между «обновленными стереотипами и предрассудками о Сербии» и «порою солидным историческим повествованием»⁵⁰.

В российской постсоветской историографии в конце XX — начале XXI вв. также произошли важные изменения. В 1997 г. была опубликована коллективная монография «На путях к

Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в.». В этой книге в главе «Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820–1850-е гг.)» И.С. Достян подробно изложила свое видение проблемы, связанной с «Начертанием». Она уже почти полностью отошла от бытовавшей некогда в советской исторической науке убежденности в «великосербских тенденциях» в этой программе. «Концепция “Начертания”, – отмечала Достян, – по-разному трактовалась в историографии. Некоторые историки отрицают, другие признают наличие националистических тенденций внешнеполитической программы. Представляется, однако, что “Начертание” было по своему содержанию и целям противоречивым». Вместе с тем, подчеркивала автор, сформулированные в 1844 г. идеи не только отвечали национальным задачам сербов – созданию полноценного экономически жизнеспособного государства, – но и совпадали со стремлением большинства южных славян освободиться от власти Османской империи⁵¹.

В 2000 и 2002 гг. появились две книги С.А. Романенко «Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.)» и «Югославия, Россия и “славянская идея”. Вторая половина XIX – начало XXI века»⁵². Проблемы, связанные с «Начертанием», затрагиваются в них лишь вскользь. Однако, как можно понять, автор находит в этой программе и югославянскую, и великосербскую идеи.

Из работ, появившихся на рубеже веков, нужно отметить также книгу Е.П. Кудрявцевой «Россия и Сербия в 30–40-х гг. XIX века»⁵³, вышедшую в 2002 г. и прямо относящуюся к интересующей нас теме. Затем эта монография и более ранняя работа Е.П. Кудрявцевой «Россия и образование автономного Сербского государства (1812–1833 гг.)»⁵⁴ составили книгу «Россия и становление сербской государственности (1812–1856)»⁵⁵. Базирующиеся на документах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), эти книги прослеживают слож-

ные перипетии политики России в Сербском княжестве, приведшие в результате к потере ею к началу Крымской войны своего доминирующего влияния в регионе.

Интересующие нас сюжеты затрагивались во втором томе «Истории Балкан»⁵⁶, подготовленном в Институте славяноведения РАН под редакцией В.Н. Виноградова. В «Предисловии» к этому труду он замечает, что «в 1844 г. появилось “Начертание” Илии Гарашанина — первый план объединения сербского этноса вокруг еще маленького княжества»⁵⁷. Автором сюжетов по истории Сербии в этом томе являлся А.В. Карасев, который также полагал, что в «Начертании» ставилась задача «освобождения и объединения всех сербов Балканского полуострова в одном государстве». И если польский агент Зах «делал большой упор на югославянские моменты», то Гарашанин, ясно понимая, что «в настоящее время Сербия может рассчитывать на успех только в провинциях Османской империи, заселенных славянами, сосредоточил свое внимание на объединении и освобождении сербов»⁵⁸. Впрочем, этими несколькими фразами и ограничивается описание программы «Начертание» в упомянутом труде.

При всей значимости программы «Начертание» в отечественной историографии до самого последнего времени она не являлась предметом монографического исследования. Более того, не существовало даже ее перевода на русский язык⁵⁹.

Какие же проблемы, связанные с «Начертанием», привлекли к себе наибольшее внимание исследователей? Остановимся на них еще раз и постараемся подвести некоторые итоги.

Дискуссия прежде всего велась по вопросам авторства и характера этой программы. Ее еще в 1939 г. начал Д. Странякович, поместивший в статье «Как возникло “Начертание” Гарашанина» рядом с найденным им в архиве «Планом» представителя польской эмиграции Франьо Заха внешнеполитическую программу Илии Гарашанина. Сравнив два документа, Д. Странякович убедительно показал, что примерно 85% текста «Плана» без каких-либо изменений вошло в «Начертание». Отрицать то, что в основу «Начертания» был положен «План» Ф. Заха, стало невозможно.

Однако между документами все же имелись довольно существенные концептуальные различия. Еще академик В. Чубрилович писал, что, хотя Гарашанин и заимствовал многие положения из польских проектов, различий было все же больше, чем кажется на первый взгляд. В вопросах сербской государственной политики Гарашанин выступал как самостоятельный мыслитель⁶⁰.

В целом историки согласны, что Зах во многом исходил из польских интересов, стремясь создать сильный противовес на Балканах Австрии и России, а Гарашанин приспособил его «План» к насущным задачам и реальным возможностям Сербского княжества, понимая, в частности, невозможность одновременной борьбы и с Турцией, и с Австрией.

Общепризнано, что непосредственной задачей Сербии для Гарашанина было ее расширение за счет Боснии и Герцеговины, Черногории и Северной Албании, а также получение выхода к Адриатическому морю. В этом и заключалась суть «Начертания», все остальное являлось второстепенным. По мнению многих сербских историков, под Северной Албанией у Гарашанина подразумевалась Старая Сербия. Но, например, немец Х. Зундхауссен это оспаривает. Он пишет, что «Косово (“Старая Сербия”) и Македония (“Южная Сербия”) вообще в “Начертании” не упоминались, что на первый взгляд может казаться неожиданным. Но задуманная картина “царства Стефана Душана” делала это излишним»⁶¹.

В любом случае замышляемое Гарашанином сербское государство распространялось прежде всего на этнически сербские территории или земли, где сербы составляли большинство населения. Лишь в случае с территорией Северной Албании этнические сербские рамки оказались Гарашанину тесными. Ему был крайне необходим выход к морю, и ради этого он в этом месте программы пренебрег этническим принципом.

Однако и здесь не все так просто. Д. Батакович, например, приводит события Первой балканской войны, когда этот пункт плана Гарашанина был, по сути, почти выполнен. Сербская армия, заняв Косово, устремила тогда в Северную Албанию и дошла до Адриатического моря (сербь радостно

кричали: «Да здравствует Сербское море!»). Решение сербского правительства и армии захватить Северную Албанию, этнически албанский регион, основывалось, пишет сербский историк, на общем убеждении двора, Верховного командования, политических партий, научных кругов и общественности Сербии в том, что «арбанасы» (то есть албанцы. — *К. Н.*), разделенные тремя верами, не имеют еще настоящего национального самосознания, что они еще не сформировались как народ в современном смысле этого слова⁶². Батакович пишет про 1912-й год. Но что тогда говорить про 1844-й? Знания об этом регионе в Сербии были очень приблизительными.

И если идея расширения сербского государства была выражена в «Начертании» ясно и недвусмысленно, то намного труднее оценить те разделы программы, где речь шла о пропаганде, которую следует вести в Хорватии, Славонии, Далмации, Болгарии и отчасти в южной Венгрии. Хотя нигде прямо не говорилось о присоединении этих земель к Сербскому княжеству, все же можно предположить, что в будущем не отрицалась и чисто гипотетическая возможность некоего южнославянского союза или даже объединения. Главным образом это касалось Болгарии. И именно этот южнославянский фон югославские историки (особенно в межвоенный период) часто выдвигали на первый план и всю программу трактовали как южнославянскую.

Так характеризовал программу и ее первый главный толкователь Д. Странякович. Причем он даже пытался увидеть в «Начертании» разницу между национальной и государственной идеей: «национальная идея была сербской, государственная — южнославянской или еще шире — балканской»⁶³. Нам представляется, что это было скорее данью времени, общему югославскому государству, которое возникло в 1918 г. и в котором историк жил. Комментируя много лет спустя его взгляды, В. Крестич пишет, что такая позиция среди историков не являлась исключением, поскольку и некоторые другие, весьма авторитетные, ученые давали такие же или похожие оценки⁶⁴.

В начале 1990-х годов Р. Люшич подсчитал, что шесть ученых видели в «Начертании» южнославянскую программу,

восемь — великосербскую и только Р. Перович и Й. Миличевич трактовали ее как сербскую. Прибавим к числу последних и самого Люшича, хотя он и не отрицал, что целью «Начертания» в отдаленной перспективе, после создания сербского государства, могло быть образование государства южнославянского — сербско-хорватско-болгарского⁶⁵.

Характерно, что в период после Второй мировой войны историки (прежде всего из Хорватии) оценивали разделы, относившиеся к несербским землям, уже не как признак южнославянских тенденций в программе «Начертание», а как подтверждение сербского гегемонизма, великосербских претензий на иноэтничные территории. В качестве примера можно привести позицию современного хорватского историка Д. Агичича. В своей книге, изданной в 1994 г., он пишет, что Зах написал южнославянский план, а Гарашанин переделал его в великосербский. Агичич обрушивается с критикой на В. Крестича за то, что тот подчеркивает гарашанинский югославизм. «Как это убеждение Крестича понимается в современной политической деятельности Сербии и как сербские политики понимают гарашанинский “югославизм”, — восклицает он, — лучше всего показала их агрессия против Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговины»⁶⁶.

Агичич обвиняет Гарашанина даже тогда, когда тот предпочитает промолчать. Казалось бы, то, что в «Начертание» не попал имевшийся у Заха раздел, посвященный Хорватии, говорит о нежелании Гарашанина объединять Сербию с иноэтничными землями, по крайней мере, в тот момент. Но нет. Агичич пишет, что в своей идеализации хорватской политики и хорватско-сербских отношений Зах зашел так далеко, что утверждал, будто бы Л. Гай выступал не за «иллирийское королевство, а за сербское царство с династией Карагеоргиевичей». «Но для Гарашанина было недостаточно даже переделать и сократить главу Заха, как он это делал в других местах, — заключает хорватский историк, — он ее просто перескочил»⁶⁷.

В книге «Новая история сербского народа» дается, на наш взгляд, взвешенная характеристика «Начертания»: в отличие от Заха, «Гарашанин создал сербскую национальную програм-

му, заменив южнославянский план сербскими национальными целями». Речь шла о «реальной программе объединения провинций, находившихся под турецкой властью (Герцеговина, Босния, Старая Сербия, Северная Албания), в единое сербское государство». Культурная и просветительская работа велась на территории Турции для привлечения на свою сторону еще не освобожденных сербов. То же самое можно сказать и о сербах Габсбургской монархии. Южнославянское сотрудничество было прописано «в общих рамках дальнейшей работы, прежде всего для установления сербского влияния на Боснию»⁶⁸. И в своей последней работе Батакович прямо утверждает, что объединение сербов Османской империи, описанное в «Начертании», конечно, не было проектом «Великой Сербии», концепции которой самые стойкие пропагандисты наших дней приписывают исключительно негативные коннотации»⁶⁹.

Об этом пишет и Никола Б. Попович. Он утверждает, что югославянскую идею Заха Гарашанин заменил сербской идеей и его целью было создание сербского национального, а не великодержавного государства⁷⁰.

Немецкий историк Х. Зундхауссен о характере программы «Начертание» пишет осторожно: «Как государственный, так и национальный концепт Гарашанина – неточен. В одном месте он говорит “обо всех сербских народах” (во множественном числе!), в другом, имея в виду жителей Боснии, – “о двух народах” (восточно-православной и римско-католической веры), которые должны были договориться о “своей совместной национальной политике”. А то говорит о “единстве народа”, о “славянском народе”, о “духе народного единства сербов и босняков”, о “босняках-католиках” или “народах (множественное число) католического вероисповедания”. Из-за всего этого не видно ни одного законченного национального концепта – все равно, (велико)сербского или южнославянского»⁷¹.

Однако в подавляющем большинстве случаев в западной литературе «Начертание» характеризуется как великосербская программа. Это уже стало общим местом и почти не подвергается сомнению. Причем это характерно и для стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Например, планом по

созданию Великой Сербии называет «Начертание» чешский историк Я. Рыхлик⁷².

В российской постсоветской историографии И.С. Достян заняла позицию, близкую взглядам Р. Люшича. Она писала, что, «внеся некоторые коррективы в “План” Заха, Гарашанин не упоминал в “Начертании” о южнославянской державе, о вхождении в нее хорватов, а говорил лишь о создании “сербского царства”». Однако «перспектива государственного объединения всех южных славян — не только находившихся в составе Османской империи, но и Австрии, — все же не отвергалась». Автор заключала, что «проблема основания южнославянского государства выходила за рамки исторического права сербов, да и недостаточно созрела к середине 40-х гг. Возможно, эти обстоятельства и побуждали Гарашанина проявлять осторожность и не затрагивать данной темы сколько-нибудь конкретно и определенно»⁷³.

Тем не менее, разногласия вокруг характера гарашанинской программы сохраняются и в начале XXI в.

Так, С.А. Романенко пишет, что «переработанный И. Гарашанином в 1843—1844 гг. вариант платформы А. Чарторыйского провозглашал две цели: освобождение южнославянских народов от османского ига и создание крупного государства, прообразом которого было бы средневековое сербское королевство». «Обширные территориальные планы Гарашанина... обосновывались “историческим государственным правом” и государственными традициями сербов, а не лозунгом и принципом национального самоопределения». И такая «трактовка югославянской идеи, восходящая к “Начертанию”, принципиально отличалась от хорватской. В то же время хорватская идея «Великой Иллирии», не проводившая принципиальных различий между южными славянами, отражала, по мнению Романенко, «неизбежную неразвитость в 30—40-е годы XIX в. хорватского национального самосознания»⁷⁴. В другой своей книге он уже фактически прямо связывает «Начертание» не только с югославянской идеей, но и с великосербской. Кроме того, Романенко пишет, что идея «Великой Сербии», направленная не только на объединение всех сербских этничес-

ких территорий, но и на региональное лидерство, «неизбежно приходила в конфликт с Россией, поскольку вся сербская политическая мысль основана на неприятии “панславизма” и решающей роли России, желавшей господствовать на Балканах...»⁷⁵.

Получается, что ни сербы, ни хорваты, хотя и по разным причинам, не выдвигали в это время «лозунг и принцип национального самоопределения». Ожидать от них этого в то время было бы странно. Но хорватам, по убеждению Романенко, это простительно, а сербам – нет. Хорваты этого не делали потому, что были еще недостаточно развиты, а сербы, наоборот, поскольку уже так развились, что выступили за объединение всех сербских этнических территорий.

Однако, на наш взгляд, ничего криминального ни в сербской объединительной идее, ни даже в сербской идее регионального лидерства в деле освобождения других южных славян не было. Тем более что такое лидерство уже фактически существовало, ввиду того, что именно сербы ценой огромных усилий и жертв первыми из всех южных славян добились автономной государственности. Отметим попутно, что панславизм никогда не был официальной российской политикой, а неизбежность конфликта между Россией и Сербией явно надумана.

Выводы С.А. Романенко, по сути, повторяет Е.П. Кудрявцева, которая в 2009 г. пишет, что «“Начертание” представляет собой великосербскую по форме, но южнославянскую по содержанию программу внешней политики Сербии». Не убеждает ни первое, ни второе. И далее исследовательница дает короткое разъяснение, которое тоже совсем не убеждает: «Великосербской она была потому, что признавала за сербами главную – инициативную и руководящую – роль в процессе сближения всех южнославянских народов ... южнославянское содержание программы вытекало из того разнообразия славянских народов, которые планировалось объединить в рамках единой державы»⁷⁶.

Безапелляционный вывод делается и в новейшей обобщающей работе российских ученых – шеститомной «Всемирной

истории». Автор соответствующего раздела 5-го тома этого фундаментального труда О.Е. Петрунина пишет, что в Сербском княжестве «на фоне борьбы за власть двух династий, Карагеоргиевичей и Обреновичей, в 1844 г. была сформулирована программа создания Великой Сербии»⁷⁷. Как будто бы не существует многочисленной литературы и многолетней дискуссии. И борьба сербских династий здесь совсем ни при чем.

Таким образом, спор среди историков возник и продолжается в основном вокруг планов Гарашанина проводить политическую пропаганду в несербских землях с туманными и нечеткими целями. В зависимости от своих убеждений и политической конъюнктуры, знания или незнания предмета ученые часто называли эти расплывчатые идеи «Начертания» то южнославянскими, то великосербскими и распространяли такие оценки на всю программу. В то же время они часто не замечали главную идею программы — внятно и доходчиво сформулированную задачу создания жизнеспособного сербского государства.

Подчеркнем еще только, что само словосочетание «Великая Сербия» в «Начертании» отсутствует, а анализ программы показывает, что в ней не было выдвинуто идей национализма (шовинизма), национального доминирования или национального превосходства. Более того, в программе в качестве одного из главных принципов утверждалась свобода вероисповедания, ставилась задача установления атмосферы доверия и толерантности, прежде всего между сербами и католиками Боснии и Албании. Кроме того, следует заметить, что попутная борьба Сербского княжества (пусть даже в своих собственных интересах) за освобождение соседних балканских народов, находившихся под чуждым господством, имела в тот период и для этих народов определенное положительное значение.

Термин «Великая Сербия» был связан не столько с внутренними сербскими процессами, сколько с австро-венгерской политикой на Балканах, с планами Габсбургов окончательно присоединить к себе Боснию и Герцеговину. Н.Б. Попович с полным основанием пишет, что понятие «Великая Сербия» не являлось сербским изобретением, «поскольку было сфабриковано вне сербской нации и государства»⁷⁸.

Эта западная пропаганда оказалась весьма успешной⁷⁹. Со временем приписанный «Начертанию» термин «Великая Сербия» приобрел однозначно отрицательный, великодержавный и даже реакционный смысл. Он превратился в своего рода жупел. Кстати, примерно таким же способом и в тех же немецкоязычных кругах, но чуть позже, был сотворен жупел и из «панславизма» как русской угрозы, нависшей якобы над Германией и Австро-Венгрией. Политика раздувания ложных страхов перед сербской или русской угрозой носила явно спекулятивный характер, призванный прикрыть и оправдать собственные экспансионистские планы.

Добавила масла в огонь и идеологическая борьба титовских коммунистов против так называемого великосербского гегемонизма. Наконец, самым активным способом великосербское пугало использовалось в антисербской пропаганде во время последнего югославского кризиса 1991–2001 гг. Но современные критики «великосербизма» не всегда догадывались, что, по сути, повторяли австро-венгерскую или коммунистическую пропаганду.

В любом случае прав Д.Т. Батакович, который пишет, что «Начертание» — всего лишь одна из многих идейных программ прошлого, и нет никакого смысла ее осовременивать. И участники восстаний в Боснии и Герцеговине в 1876, 1877 и 1878 гг., и те боснийские сербы, которые голосовали за объединение с Сербией в 1918 г., и те, кто на фоне распада Югославии провозгласил в 1992 г. создание Республики Сербской, вряд ли могли знать что-то о «Начертании». Попытка Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии в Гааге заклеить «Начертание» в качестве идеологического источника «сербской агрессии» не выдерживает критики⁸⁰.

Долгое время после работ Д. Страняковича решающее влияние польской эмиграции на создание «Начертания» почти не ставилось под сомнение. Это было до тех пор, пока М. Экмечич не обратил внимания на деятельность британского публициста и нескрываемого русофоба Дэвида Уркварта. Этот шотландец одно время выполнял обязанности секретаря посольства Великобритании в Константинополе, был связан

с вождями иллирийского движения в Хорватии, а его главными союзниками на Балканах были польские эмигранты, группировавшиеся вокруг Адама Чарторыйского. Кстати, Уркварт был знаком с К. Марксом, а Ф. Энгельс называл его «фанатичным туркофилом»⁸¹.

В Сербии Д. Уркварт был четыре раза – в 1832, 1833, 1834 и 1837 гг. Там он познакомился с князем Милошем Обреновичем и другими сербскими руководителями. От сербского князя во время своего второго посещения Сербии в 1833 г. он, по мнению Экмечича, и воспринял идеи расширения Сербского княжества и освобождения его от влияния России и Австрии. О беседе с князем Уркварт написал «Сообщение о Сербии» и передал его Адаму Чарторыйскому⁸². Таким образом, считал М. Экмечич, содержание «Начертания» принадлежит Милошу, а оформление – полякам. Ему вторит и Р. Люшич: «Тем самым замыкается круг сербской политической мысли от князя Милоша до Гарашанина. Дэвид Уркварт, Чарторыйский и Зах были формальными посредниками между князем и государственным деятелем»⁸³. Более того, по мнению М. Экмечича, именно Дэвид Уркварт написал первую версию сербской национальной доктрины. Этот документ назывался «Проект записки сербского правительства» и был датирован мартом 1843 г. Уркварт опубликовал его 1 августа 1843 г. в Лондоне в своем журнале «Портфолио», издававшемся на английском и французском языках. «Проект записки» был в 1844 г. доработан и вошел в историю как «Начертание» И. Гарашанина.

Мы все же полагаем, что текстологическое сходство убедительно свидетельствует, что в основе гарашанинского «Начертания» был «План» Заха, и нет никаких оснований пересматривать этот очевидный вывод предыдущей историографии. Интересным и более вероятным представляется предположение Р.И. Поповича, что «Проект записки» был написан А. Петрониевичем, который перевел также с французского на сербский язык «Советы» Чарторыйского⁸⁴.

Исходя из своей версии, М. Экмечич делал еще один вывод – о том, что нельзя считать «Начертание» тайным планом, как это обычно делается, ведь его первая версия была опубли-

кована в печати. В ней английскому руководству предлагалось направить в Сербию агента и дать сербской власти необходимые советы. Такой агент – Ф. Зах – и был послан, но не от английского правительства, а от польской эмиграции. Сербской власти были направлены также предполагаемые советы – «Советы» А. Чарторыйского⁸⁵.

И вновь вывод Экмечича нам представляется чересчур смелым. Публикация в одиозном журнале «Портфолио» заметки Уркварта еще отнюдь не означала, что возникшая в следующем году программа сербской внешней и национальной политики носила открытый характер.

Р. Люшич считает, что «исследования Экмечича разрешили одну из самых спорных историографических дилемм – о сербском происхождении политической мысли гарашанинского “Начертания”»⁸⁶. Однако, повторим, важная находка Экмечича, на наш взгляд, не отменяет выводы предыдущей историографии о значительной роли польской эмиграции в возникновении сербской национальной программы. Она говорит лишь о том, что Гарашанин подпитывался идеями из разных источников, что эти идеи, что называется, назрели. Одним из таких источников, возможно, был Уркварт, с деятельностью которого сербский министр был, несомненно, знаком.

Тот же Люшич свидетельствует, что «в архиве Гарашанина хранятся переводы отдельных статей из “Портфолио”, написанных в виде сообщений из Белграда»⁸⁷. По-видимому, нам предстоит узнать еще какие-то новые документы, повлиявшие на Гарашанина.

Экмечич указывал, что в тот период вокруг сербского министра группировались многие сербские и югославянские интеллектуалы. Этот круг людей, получивший название «тайный демократический панславянский клуб», размышлял о сербском будущем. Эти документы остались среди бумаг Гарашанина неразобранными и неподписанными. Экмечич полагал, что «дешифровка» этих документов имела бы большое значение для сербской культуры⁸⁸.

Исходя из изложенного, мы вполне согласны в этом вопросе с М.В. Беловым, который призвал рассматривать текст

«Начертания» не только как текст «одного автора», а «скорее как палимпсест, имеющий множество слоев и многих авторов»⁸⁹. Однако добавим, что «спичрайтеров» у Гарашанина могло быть сколько угодно, но последнее слово и ответственность за сформулированный документ все равно оставались за ним. Это же подчеркивает Н.Б. Попович. По его словам, Зах по существу выполнил для министра Гарашанина экспертную работу⁹⁰. В любом случае было бы нелепо авторство текстов государственных деятелей разделять с теми, кто эти тексты готовил. Отсюда нет никакой необходимости пересматривать авторство самой известной сербской программы, давно и справедливо закрепленное в историографии за Илией Гарашанином.

Примечания

¹ Слово «начертание» не нуждается в переводе, хотя и выглядит несколько устаревшим и в сербском, и в русском языках. Соответствующее ему современное сербское слово «нацрт» означает «план, проект». Словари русского языка с обозначением «устар.» дают, в частности, такое значение этого слова: «письменное изложение чего-либо, руководство, научное описание». Есть и еще одно характерное значение: «предначертание, предопределение».

² См., например: *Љушић Р.* Књига о Начертанију. Национални и државни програм кнежевине Србије (1844). Београд, 1993. С. 5.

³ *Попов Н.* Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. Ч. II. М., 1869. О Попове см.: *Воробьева И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Научная, педагогическая и общественная деятельность. Тверь, 1999.

⁴ *Попов Н.* Россия и Сербия. С. 248–250.

⁵ *Вукичевић М.* Програм спољне политике Илије Гарашанина на концу 1844 // Дело. Лист за науку, књижевност и друштвени живот. 1906. Књ. XXXVIII. Оригинал програма затем был утерян. Возможно, это произошло во время Первой мировой войны. Остается шанс, что оригинал «Начертания» еще хранится где-то в недоступном пока для исследователей месте.

⁶ См., например: *Историја српског народа.* Књ. V. Т. I. Београд, 1981. С. 269.

⁷ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља 1842–1853. Унутрашња и спољашња политика. Београд, 1932.

⁸ *Vučković V.* Knez Miloš i osnovna politička misao sadržana u Garašaninovu "Načertaniju" // *Jugoslavenska revija za međunarodno pravo.* 1957. № 1. С. 35, 42–43.

⁹ *Перовић Р.* Београд за време Вучићеве буне // *Годишњак Музеја града Београда.* 1955. Књ. II. С. 190.

¹⁰ *Vučković V.* Prilog proučavanju postanka «Načertanija» (1844) i «Osnovnih misli» (1847) // *Jugoslavenska revija za međunarodno pravo.* 1961. № I. С. 56.

¹¹ *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 176, 178, 182.

- 12 Вучковић В. Српска криза у Источном питању (1842–1843). Београд, 1957. С. 30–31.
- 13 Perović R. Око «Načertanija» iz 1844. godine // Istorijski glasnik. 1963. № 1. S. 92; Екмечић М. Српско-бугарски односи половицом XIX вијека (1844–1853) // Историјски часопис. 1980. Књ. XXVII. С. 150.
- 14 Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. С. 180–181.
- 15 Perović R. Око «Načertanija» iz 1844. godine. S. 92–93.
- 16 Гарашаниново Начертаније // Љушић Р. Књига о Начертанију. С. 157–158.
- 17 Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. С. 167, 175–178, 182, 186.
- 18 Љушић Р. Илија Гарашанин о српској државности // Илија Гарашанин (1812–1874). Зборник радова са међународног научног скупа одржаног 9. и 10. децембра 1987. поводом 175. Годишњице рођења // Научни скупови. Књ. LIV. Одељење историјских наука. Књ. 16. Београд, 1991. С. 155.
- 19 Екмечић М. Стварање Југославије. 1790–1918. Т. I. Београд, 1989.
- 20 Илија Гарашанин (1812–1874). Зборник радова са међународног научног скупа...
- 21 Љушић Р. Илија Гарашанин о српској државности // Илија Гарашанин (1812–1874). Зборник радова са међународног научног скупа... С. 151–152.
- 22 Mackenzie D. Ilija Garasanin: Balkan Vizmarck. New York, 1985; Мекензи Д. Илија Гарашанин. Државник и дипломата. Београд, 1987.
- 23 История Югославии. Т. 1. М., 1963. С. 338–340.
- 24 Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 136–140.
- 25 Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990. Эта работа являлась частью серии из семи книг под редакцией В.Н. Виноградова, в которой международные отношения на Балканах рассматривались на протяжении длительного периода российской истории – от Екатерины II до Первой мировой войны включительно.
- 26 Никифоров К.В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.
- 27 Он же. Србија средином XIX века. Почетак активности на уједињењу српских земаља. Приштина, 1995.
- 28 См., например, материалы научной конференции: Велика Србија. Истине, заблуде, злоупотребе. Београд, 2003.
- 29 Обратим внимание, что в этой работе сербский историк в главе «Историки как судьи» сделал подробный анализ освещения программы «Начертания» в историографии. См.: Љушић Р. Књига о Начертанију. С. 18–43.
- 30 Љушић Р. Историја српске државности. Књига II. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001.
- 31 Agičić D. Tajna politika Srbije u XIX. stoljeću. Zagreb, 1994.
- 32 Ibid. S. 16.
- 33 Šimunić P. Načertanije. Tajni spis srbske nacionalne i vanjske politike. Zagreb, 1944.
- 34 Agičić D. Tajna politika Srbije... S. 113.
- 35 Страњаковић Д. Илија Гарашанин. Крагујевац, 2005.
- 36 Там же. С. 9–10.
- 37 Там же.
- 38 Крестић В. Поговор // Страњаковић Д. Илија Гарашанин. С. 582.

- ³⁹ Там же. С. 584.
- ⁴⁰ Там же. С. 585.
- ⁴¹ *Екмечић М.* Друго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом Веку (1492–1992). (Друго, допуњено издање). Београд, 2008.
- ⁴² *Поповић Р.Ј.* Тома Вучић Перишић. Београд, 2003.
- ⁴³ *Поповић Р.Ј.* Аврам Петронијевић. 1791–1852. Београд, 2012.
- ⁴⁴ Не случайно в Белграде в честь представителей Обреновичей названы самые значительные магистрали – улицы в честь князя Милоша и князя Михаила, короля Милана, бульвар в честь короля Александра. Главный конный памятник и один из символов сербской столицы также установлен в честь Обреновича – князя Михаила.
- ⁴⁵ *Jovanović N.* Dvor kneza Aleksandra Karađorđevića (1842–1858). Drugo izdanje. Beograd, 2011.
- ⁴⁶ *Ibid.* S. 17.
- ⁴⁷ *Љушић Р.* Књига о Начертанију. С. 151–165. О рукописних копиях «Начертания» и его публикациях см. там же: С. 11–17; например: Гарашанин И. Начертаније. Програм сполње и националне политике Србије 1844. године / Предговори и коментари: М. Витезовић 2009. год. Д. Калајић 1998. год. Д. Странђаковић 1921. год. Београд, 2009.
- ⁴⁸ *Bataković D.T.* The Foreign Policy of Serbia (1844–1867). Ilija Garašanin's Načertanije. Belgrade, 2014.
- ⁴⁹ *Sundhaussen H.* Geschichte Serbiens 19.–21. Jahrhundert. Wien-Köln; Weimar, 2007; *Зундхаусен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2008. С. 129.
- ⁵⁰ *Батаковић Д.Т.* Сликe модерне Србије: домети, ограничења, оспоравања // *Зундхаусен Х.* Историја Србије... С. 562; см. также: *Терзич С.* История Сербии с гневом и пристрастием // *Славяноведение.* 2010. № 5. С. 82–96.
- ⁵¹ *Достјан И.С.* Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820–1850-е гг.) // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997. С. 82–110.
- ⁵² *Романенко С.А.* Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.). М., 2000; он же. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI века. М., 2002.
- ⁵³ *Кудрявцева Е.П.* Россия и Сербия в 30–40-х гг. XIX века. М., 2002.
- ⁵⁴ *Она же.* Россия и образование автономного Сербского государства (1812–1833 гг.). М., 1992.
- ⁵⁵ *Она же.* Россия и становление сербской государственности (1812–1856). М., 2009.
- ⁵⁶ *История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)* / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2012.
- ⁵⁷ *Виноградов В.Н.* Предисловие // *История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны).* С. 7.
- ⁵⁸ *Карасев А.В.* Сербское княжество во время правления Милоша Обреновича и режима уставобранителей (1815–1856 гг.) // *История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны).* С. 387–388.
- ⁵⁹ Этот пробел был восполнен только осенью 2015 г. См.: *Никифоров К.В.* «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. Русский текст «Начертания» впервые напечатан там же. С. 235–249.

- 60 Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. С. 170–171.
- 61 Зундхаусен Х. Историја Србије од 19. до 21. века. С. 129.
- 62 Батакович Д.Т. Косово и Метохија: историја и идеологија. Екатеринбург, 2014. С. 99–100.
- 63 Страњаковић Д. Илија Гарашанин. С. 557.
- 64 Крестић В. Поговор // Страњаковић Д. Илија Гарашанин. С. 583.
- 65 См.: Љушић Р. Књига о Начертанију. С. 94.
- 66 Agičić D. Tajna politika Srbije... С. 17, 20.
- 67 Ibid. С. 26.
- 68 Батаковић Д.Т., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А. Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 155–156.
- 69 Bataković D.T. The Foreign Policy of Serbia. С. 155.
- 70 Поповић Н.Б. Антанта и идеја «Велике Србије» у Првом светском рату // Срби и Први светски рат 1914–1918. Београд, 2015. С. 144.
- 71 Зундхаусен Х. Историја Србије... С. 129.
- 72 Rychlík J. Od autonomie k samostatnosti // Dějiny Srbska. Praha, 2004. С. 182.
- 73 Достян И.С. Укрепление государственности Сербии и Черногории... С. 94–95.
- 74 Романенко С.А. Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.). М., 2000. С. 16–17, 42.
- 75 Он же. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI века. М., 2002. С. 19.
- 76 Кудрявцева Е.П. Россия и становление сербской государственности (1812–1856). М., 2009. С. 159–160.
- 77 Петрунина О.Е. Становление национальных государств в Юго-Восточной Европе // Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М., 2014. С. 677.
- 78 Поповић Н.Б. Европске силе и великоационализми на Балканском полуострву почетком XX века // Први светски рат и балкански чвор. Београд, 2014. С. 46.
- 79 Подробнее см.: Велика Србија. Истина, заблуде, злоупотребе. Београд, 2003.
- 80 Bataković D.T. The Foreign Policy of Serbia. С. 193.
- 81 Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања. С. 219–221.
- 82 См.: Извод из Извештаја о Србији г. Д. Уркварта, од 21. децембра 1833 // Љушић Р. Књига о Начертанију. С. 11–17.
- 83 Љушић Р. Књига о Начертанију. С. 42.
- 84 Поповић Р.Ј. Аврам Петронијевић. С. 204–205.
- 85 Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања. С. 219–221, 225–226.
- 86 Љушић Р. Књига о Начертанију. С. 42.
- 87 Там же. С. 68.
- 88 Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања. С. 224–225.
- 89 Белов М.В. Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 207.
- 90 Поповић Н.Б. Антанта и идеја «Велике Србије»... С. 144.

Искра Васильевна ЧУРКИНА

К вопросу об отечественной историографии славянофильства

С самого появления славянофилов российское общество спорит об их идеологии. Связано это прежде всего с неординарностью их взглядов, которые нельзя втиснуть ни в одни принятые социологами рамки. Перед историками вставал вопрос: либералы ли они, поскольку стояли за освобождение крестьян от крепостного права, или консерваторы, поскольку являлись сторонниками самодержавия и создания государства, объединявшего всех славян под эгидой России.

Уже современники по-разному оценивали идеологию славянофилов. С западниками у них шла постоянная дискуссия, особенно острая в 40-е годы XIX в. Соглашаясь в основном, что в России должно быть отменено крепостное право, они спорили о том, по какому пути должна идти она, проводя свои реформы: по своему собственному или по пути, которым идет Западная Европа. «В разгар споров 1844–1845 гг., – отмечает современный отечественный историк Н.И. Цимбаев, – западники и славянофилы разделяли общие принципы раннего российского либерализма, сохраняли не только идейную, но и дружескую близость»¹. Достаточно позитивно оценивали славянофилов революционные деятели России. А.И. Герцен не раз печатал в своих изданиях «Колокол» и «Полярная звезда» статьи славянофилов – А.И. Кошелева, Ю.Ф. Самарина и др. Особенно тесные связи у Герцена были с И.С. Аксаковым, выступавшим на страницах его журналов под псевдонимом «Касьянов». В 1857–1861 гг. он являлся активным корреспондентом герценовских изданий и опубликовал в них 37 статей и заметок². Статью И.С. Аксакова «Присутственный день уголовной палаты», опубликованную в «Полярной

звезде», Герцен назвал «гениальной вещью»³. В январе 1861 г. Герцен поместил в «Колоколе» некролог, посвященный двум крупнейшим идеологам славянофильства — А.С. Хомякову и К.С. Аксакову. «Рано умер Хомяков, еще раньше Аксаков, — писал Герцен, — больно людям, любившим их, знать, что нет больше этих противников, которые были ближе нам многих своих». И далее Герцен подчеркивал заслуги первых славянофилов перед своим народом: «Они остановили увлеченное общественное мнение и заставили призадуматься всех серьезных людей. С них начинается перелом русской мысли ... Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинакая ... У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство ... — чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно»⁴. Герцен отмечал и еще одну важную роль славянофилов в истории русской общественной мысли: «Нам надо было противопоставить нашу народность против онемеченного правительства и своих ренегатов. Появление славянофилов как школы и как особого учения было совершенно на месте»⁵. Ту любовь к русскому народу славянофилов, о которой писал Герцен, отмечали и другие непредвзятые русские деятели, например, Н.Г. Чернышевский, возглавлявший революционных демократов в России. Он ввел термин «истинные славянофилы», к которым относил круг лиц, придерживавшихся взглядов Аксаковых, Хомякова, Киреевских. Во многом не согласный со славянофилами, Чернышевский высоко ценил их стремление просвещать народ. «Горячая ревность к основному началу всякого блага, просвещению, — писал он об Аксаковых, Киреевских, Хомякове, Кошелеве, — одушевляет их. Нет нужды лично знать их, чтобы быть твердо убеждену, что они принадлежат к числу образованнейших, благороднейших и даровитейших людей в русском обществе»⁶.

Совершенно по-иному относились к славянофилам высшее общество и правительственные круги. Об этом свиде-

тельствует письмо Самарина, посланное им из Петербурга Хомякову и К. Аксакову в 1844 г. «Мы дошли до того, — писал он, — что московское направление (так называли себя славянофилы в 40-х годах. — *И. Ч.*), еще ни в чем не успевшее выразиться вполне и оправдать себя, навлекло на себя сильное незаслуженное подозрение со стороны власти и недоверчивость со стороны общества ... Власть убеждена, что в Москве образуется политическая партия, решительно враждебная правительству»⁷. Это недоверие правительства к славянофилам выразилось уже в 1847 г. в аресте славянофила, математика и искусствоведа Ф.В. Чижова (1811—1877), возвращавшегося на родину из-за рубежа. Его заподозрили в участии в славянском заговоре против австрийского императора. В 1849 г. был арестован публицист и историк Ю.Ф. Самарин (1819—1876) за «Письма из Риги», в которых он клеймил отношение немецких помещиков к эстонским и латышским крестьянам. В статье он предлагал оказать поддержку латышам и эстонцам в их стремлении освободиться от немецкого влияния⁸. Николай I допрашивал Самарина лично, поскольку тот являлся крестником Александра I. Согласно записям в дневнике профессора кафедры русской словесности С.-Петербургского университета, цензора А.В. Никитенко, Николай I сказал Самарину: «Ты пустишь в народ опасную идею, толкуя, что русские цари со времен Петра Великого действовали только по внушению и под влиянием немцев. Если эта мысль пройдет в народ, она произведет ужасные бедствия»⁹.

В том же 1849 году один из видных славянофилов И.С. Аксаков (1823—1886) был арестован и допрошен в III Отделении за сочувственный отзыв в письме на статью Самарина «Письма из Риги». Аксаков письменно ответил на вопросы жандармов, касающиеся взглядов его и его семьи. Ответам И.С. Аксакова, выдержанным вполне в легитимном духе, царь не поверил. На слова Аксакова, что в отношении западных славян славянофилы испытывали только участие, Николай I написал свое мнение: «Потому что под видом участия к мнимому утеснению славян тмится (держится в памяти. — *И. Ч.*) преступная мысль соединения с сими племенами, несмотря на подданство их

соседним и частью союзным государствам, а достижение сего ожидали не от божьего определения, а от возмутительных покушений на гибель самой России»¹⁰.

После арестов Ф.В. Чижова, Ю.Ф. Самарина, И.С. Аксакова за славянофилами утвердилась слава оппозиции николаевскому режиму. Их поставили под полицейский надзор, под которым они находились до 1857 г. Однако на этом неприятности славянофилов с властями не закончились. Ни одно издание в России не проходило столь строгую цензуру как славянофильские. Первый «Московский сборник» вышел в свет в 1852 г. Он имел успех у читателей; помимо славянофилов в нем участвовали такие видные западники как Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, И.С. Тургенев. Второй «Московский сборник» по приказанию Николая I прошел цензуру и получил следующий отзыв цензора: «Славянофилы смешивают приверженность свою к русской старине с такими началами, которые не могут существовать в монархическом государстве, и явно недоброжелательствуют нынешнему порядку вещей»¹¹. В качестве одной из важных причин запрета сборника цензор указывал на утверждение в одной из статей, что общинное начало неразрывно связано с сущностью славянина. Цензор полагал, что это «совершенно коммунистическая мысль»¹².

В 1857 г. была запрещена славянофильская газета «Молва» — из-за статьи К.С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика — народ». Все статьи в «Молве» проверялись цензурой очень основательно.

И в дальнейшем репрессии не оставляли славянофильскую прессу. Главным редактором славянофильских изданий выступал И.С. Аксаков. В 1859 г. вышел первый номер редактируемой им газеты «Парус». В нем И.С. Аксаков резко критиковал правительство, высказывался против крепостного права, за свободу слова и печати. По настоянию шефа жандармов В.А. Долгорукова газета была запрещена¹³. Все передовые статьи И.С. Аксакова в его самой популярной газете «День» (1861—1865) были подвергнуты цензурным искажениям. На них обычно стояла пометка: «Дозволить к печати, за исключением мест, отмеченных красным карандашом»¹⁴. В 1867—1868 гг.

И.С. Аксаков издавал газету «Москва», в которой помещалось большое количество корреспонденций с мест, обличающих произвол местных властей, критиковалась деятельность официальной церкви. Особое внимание газета уделяла положению местного населения в Остзейских губерниях. И.С. Аксаков решительно отстаивал право латышей и эстонцев на самостоятельное развитие, осуждал действия российского правительства, направленные на укрепление там позиций немецкого меньшинства, считал необходимым наделение прибалтийских крестьян землей. Эти статьи вызвали недовольство Александра II, о чем министр внутренних дел А.Е. Тимашев сообщал московскому генерал-губернатору В.А. Долгорукову, указывая, что царь недоволен «злоупотреблением печатного слова в прибалтийском вопросе». «Главной причиной цензурных гонений на газету, — справедливо подчеркивает Н.И. Цимбаев, — была критика Аксаковым всех сторон деятельности царской администрации. Он критиковал министров внутренних дел, финансов, московского генерал-губернатора, власти прибалтийских губерний, цензуру, русскую дипломатию и прочих». Московские цензоры писали о И.С. Аксакове своему начальству: «Отличается деспотическим упорством и своею нескрываемой ненавистью к администрации, которую он старается унизить в глазах общества всякий раз, как распоряжения ее не согласуются с его личными и односторонними воззрениями». Тимашев требовал закрытия газеты «Москва», как имеющей вредное направление. 23 января 1869 г. этот вопрос обсуждался в сенате. 7 сенаторов из 10-ти поддержали Тимашева. В конце апреля 1869 г. И.С. Аксаков получил из канцелярии московского генерал-губернатора указ о запрещении газеты «Москва», а также о запрещении самому Аксакову в течение 12 лет заниматься журналистской деятельностью¹⁵.

Отношение цензоров к славянофилам отражало отношение к ним властных структур и высших слоев общества. По свидетельству А.И. Кошелева, после революции 1848–1849 гг. генерал-губернатор Москвы граф С.П. Закревский называл членов кружка А.С. Хомякова то «славянофилами», то «красными», то «коммунистами»¹⁶. В 1859 г. И.С. Аксаков писал

М.Ф. Раевскому, настоятелю русской посольской церкви в Вене, агенту славянофилов в Австрийской империи: «Ни один западник, ни один русский социалист так не страшен правительству, как московский славянофил»¹⁷. 3 ноября 1865 г. И.С. Аксаков сообщил Е.А. Черкасской, жене видного славянофила князя В.А. Черкасского, о своей женитьбе на дочери поэта Ф.И. Тютчева — А.Ф. Тютчевой, являвшейся фрейлиной императрицы. «Несмотря на гнусность придворной среды, на звание фрейлины, в моих глазах менее, чем непочтенное, — писал он, — я найду в ней все, что моей душе и моему нравственному существованию на потребу». И далее И.С. Аксаков рассказывал княгине, как высшее общество неодобрительно отнеслось к замужеству Анны Федоровны: «Фрейлина выходит замуж за редактора журнала, по их мнению, демократического, демагогического, социалистического, красного»¹⁸.

Отношение к славянофилам их оппонентов — западников оказало влияние на оценку их деятельности и идеологии со стороны либеральных и демократических кругов России последующих поколений. Видный либерал Б.Н. Чичерин писал в своих воспоминаниях: «Ни одной путной мысли о так называемых русских началах они (славянофилы — И.Ч.) не высказали, а рассеяли только множество кривых воззрений, которые немало способствовали господствующему хаосу». Все же он отметил, что в практических делах лучшие из славянофилов сходились с западниками, поскольку вместе с ними боролись за расширение свободы. Более резко отзывался о славянофилах еще один апостол либерализма А.Н. Пыпин, который считал, что мысль об освобождении крестьян была чужда славянофилам. Он указывал, что они только заявляли о ложности российского образования и о необходимости связи с народом¹⁹.

Еще более отрицательно относились к идеологии славянофилов социал-демократы. Один из их лидеров Г.В. Плеханов написал статью «И.В. Киреевский», посвященную одному из основателей славянофильства. «Нам всем уже давно пора, — писал он, — отделаться от того, весьма распространенного предрассудка, согласно которому славянофильское учение заключало в себе какие-то прогрессивные элементы. Таких эле-

ментов в нем не было». И далее Плеханов добавлял: «Именно из мнений славянофильской школы, и особенно из мнений ее основоположников, между которыми И.В. Киреевский занимает такое видное место, выросла вся та реакционная политическая идеология, на которую до сих пор опираются наши враги народной свободы и народного просвещения»²⁰.

Имелись и более объективные оценки идеологии славянофилов. Так, историк и публицист, один из лидеров кадетов П.Н. Милюков в статье «Славянофильство», помещенной в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, указывал на три основных элемента славянофильства: 1. Национальный протест против заимствований с Запада. 2. Теория национальной самобытности. 3. Панславистские симпатии, подогревавшиеся фактами национального возрождения славян и их борьбой за свою независимость²¹. Однако оценка Милюковым идеологии славянофильства страдала односторонностью, поскольку не принимала во внимание их социально-экономические взгляды.

Имелись и восторженные оценки деятельности славянофилов, главным образом со стороны их последователей, связанных со славянскими благотворительными обществами. В 1911 г. в Петербурге появилась брошюра В.Н. Кораблева, посвященная столетию со дня рождения одного из основоположников славянофильской теории К.С. Аксакова. Публикацию своей брошюры Кораблев объяснял тем, что вновь в обществе появился интерес к славянофилам. Скорее всего, этот интерес был связан с активизацией национально-освободительного движения на Балканах, приведшей к Балканским войнам. Кораблев не определял классовой подоплеки славянофильства, он просто подчеркивал отличительную черту К.С. Аксакова — «пламенную любовь к России, ко всему русскому». Кораблев не одобрял стремления славянофилов распространять среди славян православие, но его вывод относительно их деятельности был однозначен: «Учение Хомякова, Киреевского и Аксакова, направленное к пользе родины, настолько высоко и гуманно, а сами они так недостижимо велики в своем бескорыстном служении отчизне и своему народу, что не уважать их нельзя, не любить их невозможно»²².

В 20–30-е годы XX в. в СССР господствовала историческая школа М.Н. Покровского, который насаждал сугубо классовое, часто вульгаризированное понимание истории. В июле 1927 г. в газете «Правда» была опубликована его статья «Панславизм на службе империализма», написанная по поводу конференции в Варшаве историков восточноевропейских стран. В ней, по мнению советского историка А.Н. Горяинова, Покровский намеренно смешал понятие «славянская идея» с наукой «славяноведение». Покровский подчеркивал, что политическое оружие «славянская идея» «перешло в руки нового хозяина, и этим хозяином был империализм», направивший его против СССР²³. Согласно с этими установками, в 1934–1939 гг. подверглись репрессиям слависты: был ликвидирован Институт славяноведения АН СССР, созданный в Ленинграде в 1931 г., были репрессированы видные слависты, в том числе академики В.Н. Перетц, М.Н. Сперанский, члены-корреспонденты Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинский и др.²⁴.

Поворотным пунктом в изучении славянофильства в советское время стала публикация в 1941 г. статьи С.С. Дмитриева «Славянофилы и славянофильство». Он первым указал на тот факт, что славянофилами исследователи часто называют разные течения русской общественной мысли. Сам Дмитриев полагал, что «в узком смысле» славянофилами следует считать сторонников учения А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, т.е. течение русской общественной мысли 40–50-х годов XIX в. «Славянофильство, — отмечал Дмитриев, — система взглядов монархическая, теория, враждебная буржуазным формам политического строя стран Западной Европы»²⁵. По словам видного исследователя славянофильства Е.А. Дудзинской, Дмитриев указал на буржуазное содержание взглядов славянофилов. Точку зрения С.С. Дмитриева поддержали Н.М. Дружнин, Е.А. Мороховец, Б.Е. Сыроечковский²⁶.

Несомненно, статья С.С. Дмитриева оказала влияние на изучение славянофилов советскими историками. Во «Всемирной истории», начавшей выходить в 50-е годы XX в., о славянофилах писал А.С. Нифонтов — в разделе «Оживление общественной мысли в 40-х годах. Славянофилы и западники». Он

характеризовал славянофилов как небольшую группу дворянской интеллигенции. «Славянофилы, — писал Нифонтов, — выражали взгляды той части дворянской интеллигенции, которая в условиях кризиса крепостного хозяйства пришла к выводу, что интересы самих помещиков требуют некоторых изменений общественно-политического строя». Он отмечал, что славянофилы выступали за самобытное развитие России, решительно противопоставляя ее Западной Европе, в которой буржуазные государства находятся в упадке, поскольку там из-за массовой пролетаризации наблюдаются обострение классовых противоречий и рост революционного движения. Славянофилы указывали, подчеркивал Нифонтов, что «русская община является будто бы защитой от возникновения пролетариата и революционных потрясений». Вместе с тем Нифонтов утверждал, что славянофилы замалчивали классовые противоречия в крепостной деревне, а их выступления против крепостного права носили непоследовательный характер²⁷. Статья Нифонтова однобоко освещала идеологию славянофилов, но ее автор уже отошел от решительного охаивания их взглядов.

В 1960 г. вышла в свет книга С.А. Никитина «Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах». В ней он подчеркивал панславистскую направленность идеологии славянофилов, инициаторов создания славянских комитетов, но вместе с тем указывал, что в эти организации входили также и группа либеральных профессоров, и видные представители купечества. Никитин ограничил свой труд исследованием благотворительной деятельности славянофилов, которую рассматривал в положительном ракурсе, указывая на их помощь учащимся славянам, на поддержку ими славянских школ, содействие подготовке «необходимых болгарам, черногорцам, боснякам, сербам деятелей в области культуры: учителей, художников, ученых и др.». И далее Никитин подчеркивал: «Славянский комитет был единственной легальной организацией помощи славянам»²⁸. Вместе с тем социально-политические взгляды славянофилов Никитин характеризовал двойственно. «Убежденные монархисты и консерваторы, — писал он, — славянофилы — особенно Аксаков — были настоящими оппозици-

онерами». Сравнивая взгляды славянофилов с идеологией М.Н. Каткова, поддерживавшего царское правительство, Никитин приходил к выводу: «Аксаковская оппозиционность была проявлением умеренного славянофильского либерализма, которого катковский круг не знал и не разделял. Аксаков имеет в виду прежде всего общество, он стремится создать и организовать общественное мнение для воздействия на правительство. Катков популяризирует официальные акты, защищает правительство, и в его статьях находит свое отражение принципиальное единение с правительством»²⁹.

Поскольку докторская диссертация С.А. Никитина, частью которой и являлась рассматриваемая выше книга, писалась в конце 1940-х годов, когда официальная наука признавала славянофилов консерваторами, он не рассматривал их социально-экономические взгляды. Следует, однако, указать, что хотя Никитин и вынужден был называть их консерваторами, он все же старался в некоторых местах подчеркивать их либерализм и оппозиционность.

Исследование Никитиным деятельности славянофилов по оказанию помощи славянам высоко оценивается современными учеными. Так, Н.И. Цимбаев отмечает: «В работах С.А. Никитина раскрыта относительно прогрессивная роль Аксакова и его газет в освободительном движении балканских славян»³⁰.

Еще более высоко оценили труд С.А. Никитина зарубежные ученые. «Этим своим научным трудом, — пишет известный сербский историк академик М. Экмечич, — он по праву завоевал большой авторитет в мировой науке». А ученик С.А. Никитина академик Болгарской академии наук Н. Тодоров отмечал: «Тот, кого интересуют такие проблемы, как славянское единство и славянская взаимность, освободительная роль России и различные ее интерпретации, расхождения между русскими славянофилами и славянофилами других стран, должны непременно обратиться к этой работе С.А. Никитина»³¹.

В середине 60-х годов XX в. среди советских исследователей возникла дискуссия о роли и значении славянофилов в истории русской общественной мысли. Первыми ее нача-

ли А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров, опубликовавшие в журнале «Вопросы философии» статью «Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли». Указав, что хотя славянофилы не составили этапа в русском освободительном движении, авторы подчеркивали: «Тем не менее роль славянофильства в истории общественной мысли России достаточно велика, и о нем можно говорить как об одном из значительных явлений, давшем целый комплекс идей и теорий, которые отразили мучительные поиски ответов на самые острые вопросы русской жизни»³². Галактионов и Никандров утверждали, что западники и славянофилы — два крыла в русском либеральном дворянстве. Хотя славянофилы были полубогословскими идеалистами и защищали помещичье землевладение, они подняли вопрос о национальности, об освобождении славянских народов, «остро поставили проблему особого пути развития России, сохранения и приумножения русской культуры». Авторы ставили в заслугу славянофилам борьбу против бюрократии, засилья иностранцев в государственном аппарате и армии, за свободу общественного мнения. Галактионов и Никандров указывали, что революционные демократы взяли у них три положения: община, как социально-экономическая форма народного быта, особый путь России, отрицание государственности у русского народа³³.

Выступление Галактионова и Никандрова не осталось без ответа. В 1967 г. в журнале «Философские науки» В.А. Малинин поместил статью «О социальных и политических истоках славянофильства». В ней он решительно утверждал, что «славянофилы выступали в качестве убежденных противников освободительного движения». «Исторический факт заключается в том, — писал Малинин, — что славянофильство, несмотря на свои частные, иногда значительные разногласия с официальной идеологией, было по своим социальным источникам и общественным функциям консервативно-охранительным течением». Малинин отвергал высказанную Галактионовым и Никандровым мысль о том, что Герцен и Чернышевский переняли у славянофилов идею о сельской общине, которую и положили в основу «русского социализма»³⁴.

Начавшуюся в научных кругах дискуссию о славянофилах подхватил журнал «Вопросы литературы». В 1969 г. (№ 5) на его страницах появилось несколько статей, посвященных славянофильскому движению и толкующих его с разных позиций. Статья А. Янова «Загадка славянофильской критики» основана на разборе статей видных славянофилов — Ю.Ф. Самарина и особенно К.С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика — народ». Эту статью Янов назвал образцом леворадикальной публицистики. Он утверждал, что славянофилы «первыми в истории русской мысли обожествовали свой народ, замордованный, нищий и поротый». Сравнивая взгляды славянофилов со взглядами тех, кто группировался вокруг обскурантистского журнала «Маяк», Янов пришел к выводу о противоположности тех национальных идеологий, которые они пропагандировали. «Одна из них, — писал Янов, — пыталась превратить национальное чувство в орудие укрепления деспотизма. Другая противопоставляла публике и ее воплощению — государству, мощь и самостоятельность “простого народа”». Янов подчеркивал, что раннее славянофильство было оппозиционным, а позднее — охранительным. Славянофильство для него — «великая социальная утопия, межумочное идейное течение». Одновременно Янов указывал на его гипертрофированный, извращенный демократизм, который вел к религии простого народа и отрицанию роли интеллигенции. Это, по мнению Янова, было использовано впоследствии Черной сотней³⁵. Таким образом, он подчеркивал недооценку славянофилами роли интеллигенции в русском прогрессивном движении. Что это не так, доказывает сама статья К.С. Аксакова. Под публикой он не мог подразумевать интеллигенцию, как полагает Янов. Если интеллигенцию можно было упрекнуть в знании французского языка и в ношении немецкой одежды, то никак нельзя сказать о ней, как о людях, которые всю ночь танцуют и пробуждаются только к вечеру!

С противоположных Янову позиций выступил С. Покровский со статьей «Мнимая загадка». В ней он подчеркивал, что славянофильство близко правительственной доктрине, что идеология славянофилов — «одна из разновидностей по-

мещицей, дворянской идеологии периода кризиса крепостного строя», что их цель — спасти самодержавную власть царя, а также доходы и власть помещиков. И хотя Покровский отметил требование славянофилами свободы мысли и высказываний, вывод его был однозначен: славянофильство — реакционное течение, хотя у ранних славянофилов имелись и прогрессивные черты³⁶.

В том же номере журнала «Вопросы литературы» выступил Б. Егоров со статьей «Проблема, которую необходимо решить». Он отметил, что таких разнообразных мнений, как о славянофилах, не было высказано ни об одном общественном явлении. На первый взгляд, точка зрения Янова ему была ближе. Егоров писал, что в России в конце 30-х годов XIX в. появились два течения, которые вобрали в себя лучшие интеллектуальные силы страны, — западники и славянофилы. Оба эти течения требовали уничтожения крепостного права, всеобщего просвещения, освобождения людей от пут бюрократического госаппарата. Несмотря на то, что Егоров приводил положительные высказывания Чернышевского о славянофилах, он все же полагал, что «славянофилы хотели не ломки устоев, а удержания, укрепления и расширения патриархально-феодальных порядков ... Их концепции объективно не только не расшатывали самодержавно-крепостнический режим, а наоборот — содействовали его сохранению»³⁷.

Дискуссия о славянофилах подтолкнула исследователей к серьезному изучению славянофильства, опираясь не только на их отдельные статьи, но и привлекая их частную переписку, материалы III Отделения и цензурных комитетов, высказывания о них прессы и т.д. В 70—80-х годах появился ряд монографий, посвященных им. Из них особой фундированностью доказательств отличаются работы Е.А. Дудзинской и Н.И. Цимбаева.

Первая книга Дудзинской посвящена деятельности славянофилов в 1856—1861 гг., когда они вместе со всеми прогрессивными людьми боролись за проведение в России крестьянской и других реформ. Она подчеркивала значительную роль славянофилов при подготовке крестьянской реформы,

указывая, что их позиции в это время сближались с позициями западников, определила общие черты их программ: борьба за отмену крепостного права путем реформ при наделении крестьян землей, буржуазные преобразования в экономике, социальной и политической сферах, сохранение монархии, враждебность по отношению к революции. «Буржуазный элемент присутствовал в их славянофильских проектах преобразования России, — утверждала Дудзинская, — ничуть не менее, чем в западных». И далее: «Породившая их переломная эпоха соединила в славянофильстве интересы господствующего класса феодального общества — помещиков и интересы формирующейся грядущей капиталистической формации — буржуазии»³⁸.

В своей второй монографии, посвященной пореформенному славянофильству, Дудзинская пишет, что славянофилы «оставались верны основам славянофильства, применяя их с учетом изменившихся условий капиталистической России». Рассматривая их отношение к самодержавию, в преданности которому их обвиняли западники, Дудзинская на основании источников приходит к выводу: «Личной преданности самодержавию славянофилы никогда не испытывали». Столь же отрицательно они относились к дворянству, считая его самым гнилым сословием. Уже эти выводы исследовательницы показывают, что она отошла от распространенного среди историков мнения, что славянофилы выражали интересы передового дворянства. Наоборот, Дудзинская подчеркивала, что славянофильская пресса «не только отражала интересы буржуазии, но и восполняла недостаток ее экономической и политической образованности, а также способствовала ее консолидации в класс буржуазного общества»³⁹.

То, что славянофилы по своим взглядам стояли ближе к буржуазии, чем к дворянству, являлось новым в историографии славянофильства. Но и эта точка зрения нам кажется недостаточно обоснованной.

Интересна позиция Н.И. Цимбаева, который на страницах двух своих исследований о славянофилах на огромном новом материале изучил их идеологию. Монографию «Славя-

нофильство» он начал с определения термина «славянофил», поскольку в XIX—XX вв. журналисты и социологи так называли всех, кто с сочувствием относился к зарубежным славянам. В этот круг «славянолюбцев», как их называл Т.Н. Грановский, входили А.С. Шишков со своим окружением, часть русской интеллигенции, сочувствовавшей М.П. Погодину и его изданиям, некоторые представители царского двора, группировавшиеся вокруг графини А.Д. Блудовой, неослависты начала XX в. и др. Все они придерживались разных взглядов на социально-экономические отношения в России, по-разному относились к существовавшему строю, к самодержавию, крестьянскому вопросу, буржуазным реформам. Цимбаева, как и большинство российских историков, интересовал прежде всего круг лиц, сочувствовавших идеям А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. и И.С. Аксаковых. Для них Цимбаев вводит новый термин — «истинные славянофилы», впервые употребленный Н.Г. Чернышевским. Время их деятельности он определил: 1839 г. — середина 70-х годов XIX в. Первая дата признана отечественной историографией, вторая вызывает споры.

Рассматривая социально-экономические взгляды славянофилов, Цимбаев останавливается на статье А.С. Хомякова «О старом и новом», которая и положила начало славянофильскому движению. В статье Хомяков развенчивал мнение, что в старой Руси все было прекрасно, высоко оценивал деятельность русских царей, создавших государство, несокрушимое для врагов. Теперь, подчеркивал Хомяков, нужно устроить внутреннюю жизнь России. Для этого он полагал необходимым прежде всего уничтожить крепостное право, добавляя, «если только можно назвать правом такое наглое нарушение всех прав», затем, опираясь на учреждения, существовавшие и якобы существовавшие на Руси до Петра I, ввести грамотность в селах, распределить должности между гражданами, создать заведения, которые бы облегчили низшим классам доступ к высшим судам, ввести публичный суд и суд присяжных, объявить равенство всех сословий, «в которых люди могли переходить все степени службы государственной и достигать высших званий и почестей», «сбор депутатов всех сословий для

обсуждения важнейших вопросов государственных», свобода церкви. Тогда, по мнению Хомякова, «мы будем продвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий..., воскрешая древние формы жизни русской». Это будет способствовать воскрешению древней Руси, полной живых сил и не колеблющейся «вечно между бытием и смертью»⁴⁰.

Эти требования Хомякова, к которым примкнули впоследствии все славянофилы, Цимбаев справедливо оценивает как выражение настроений русской либеральной общественности⁴¹.

Важной заслугой Цимбаева является рассмотрение тех постулатов учения славянофилов, которые кажутся наиболее одиозными прогрессивной общественности. Это вопрос о поддержке ими самодержавия и выступление против конституции, а также их стремление не допустить, чтобы Россия пошла по пути Западной Европы.

Цимбаев показывает, что выступление славянофилов против конституции было связано с теми обстоятельствами, которые сложились в России в 50–60-е годы. В это время развернулось дворянское конституционное движение, имевшее целью ограничить власть царя в свою пользу. По справедливому мнению Цимбаева, дворяне видели в конституции возможность помешать проведению буржуазных реформ. Об этом А.И. Кошелев откровенно писал Герцену 30 августа 1859 г.: «Мы за самодержавие, потому что освободить крестьян (дело самое важное для нас) может только одно самодержавие. Представительство теперь у нас невозможно, ибо в нем будет играть роль дворянство, самое гнилое у нас сословие, и всякая вымышленная конституция есть для государства величайшее зло. Дайте времени: самодержавие возможно, пока нет другой силы, могущей его ограничить. Этой силы еще нет, ей надобно возникнуть, развиться и окрепнуть. Освобождение крестьян должно быть к этому первым шагом»⁴². Ю.Ф. Самарин в письме к И.С. Аксакову в октябре 1861 г. выдвигал два довода против поддержки идеи конституции: народ верит намерениям царя и не верит никому из сословий и кружков, безграмот-

ный народ не способен принять участие в государственном управлении. «Народной конституции у нас пока еще быть не может, — заключал Самарин, — а конституция не народная, то есть господство меньшинства без доверенности от имени большинства, есть ложь и обман»⁴³. Еще ранее, в апреле 1861 г., Самарин писал И.С.Аксакову, что народ никому не верит кроме царя. «Но это вовсе не тот царь, — добавлял он, — который назначает губернаторов, издает высочайшие повеления и передвигает войска, а какой-то другой, самозданный, мифический образ»⁴⁴. В неопубликованной статье, написанной в 50-е годы, Самарин высказывал мысль о том, что мировая история не знает какой-либо истинной формы правления, что и монархия, и олигархия, и демократия имеют право на существование в зависимости от конкретных исторических условий. Он полагал, что для нынешней России наиболее правильной формой правления является самодержавие, которое Самарин считал надсословным явлением, отвечающим интересам всего русского народа⁴⁵.

Славянофилы относились к дворянству как сословию отрицательно. Еще в 1849 г., отвечая на вопросы жандармов, И.С. Аксаков писал: «Дворянство совершенно оторвалось от народа, присвоив своей жалкой цивилизации право не верить, когда он верит, не соблюдать уставы церкви, им соблюдаемые; не знать языка, которым он говорит; забыть свою историю и предания и глядеть на него только как на удобный материал к извлечению из него доходов»⁴⁶. Отрицательно характеризовал дворянство и К.С. Аксаков в уже упоминавшейся статье «Опыт синонимов. Публика — народ». Именно поэтому славянофилы стремились ликвидировать превалирование в обществе дворянства. В январе 1862 г. во время московских дворянских выборов, И.С. Аксаков выступил с проектом самоупразднения дворянства. В проекте обращения дворянства к правительству И.С. Аксаков предлагал: «Чтобы дворянству было позволено: торжественно перед лицом всей России совершить акт уничтожения себя как сословия. Чтобы дворянские привилегии были видоизменены и распространены на все сословия в России». Аксаков предлагал, чтобы место дворян

в обществе определялось по роду их настоящих занятий. Дворяне, имеющие земли, должны примкнуть к другим землевладельцам, а те, которые не имеют земли, вступят в ряды лиц, занимающихся тем же делом, что и они, или же будут причислены к городам или селам в качестве простых обывателей⁴⁷. Против предложения И.С. Аксакова выступили влиятельные публицисты, такие, как К.Д. Кавелин, М.Н. Катков и др. Царское правительство официально отвергло это предложение. Идея введения равенства сословий не являлась личным мнением одного И.С. Аксакова — она принадлежала всем славянофилам. Еще в 1839 г. ее сформулировал Хомяков в статье «О старом и новом». Спустя почти 20 лет в одной из передовиц газеты «Молва» К.С. Аксаков, подчеркивая, что только русский народ хранит русские основы, призывал «верхние классы» забыть о своих отличиях и преимуществах, почувствовать себя только человеком и христианином⁴⁸. Правда, спустя некоторое время после выступления перед дворянским собранием И.С. Аксаков принял компромиссный вариант отмены дворянского сословия, предложенный А.И. Кошелевым. Он предусматривал сохранение дворянами своего звания в качестве почетного титула при одновременном вхождении их в сословие землевладельцев, в котором будут состоять и другие собственники земли, вышедшие из общины⁴⁹. Это была определенная уступка. И.С.Аксаков выступал также против введения имущественного ценза при выборах. «Почему меньшинство “имущих”, — писал он, — имеет право решать участь громадного большинства “неимущих”?»⁵⁰.

При таком отношении к дворянству вряд ли можно считать славянофилов выразителями их интересов. Цимбаев, оценивая их взгляды, как и большинство современных ученых, считает славянофилов либералами. Как и Дудзинская, Цимбаев подчеркивает, что они отстаивали интересы своего сословия, поместного дворянства, хотя идея отмены крепостного права — буржуазна по своей сущности⁵¹. Вместе с тем, рассматривая взгляды одного из наиболее радикальных славянофилов, К.С. Аксакова, Цимбаев делает вывод: «Идеализация прошлого, наивный цезаризм, вера в “доброе” царя и объ-

явление под различными предложениями действительного царя “неистинным”, “неприродным”, враждебность к “верхним классам” (“публике”, “изменникам-боярам”), культ замкнутой деревенской общины и боязнь правительственных чиновников — вот положения, общие представления К.С. Аксакова и патриархального крестьянства»⁵². Здесь Цимбаев прямо указывал, что взгляды К.С. Аксакова во многом отражали мировоззрение патриархального крестьянства. Надо отметить, что близкими к взглядам К.С. Аксакова были и взгляды его брата И.С.Аксакова. «Освобождение крестьян? — писал он М.Ф. Раевскому 5 мая 1861 г. по поводу крестьянской реформы. — Но манифест хорош только как брешь в крепостной стене. Другого жизненного приложения “Положение” иметь не будет, ибо оно противоречит всем естественным и законным требованиям народа. И хотя и умные люди занимались этим делом, но они должны были образоваться не с народными требованиями, а с требованиями петербургских умалишенных. Крестьяне “Положением” более недовольны, чем помещики. Вместо того, чтобы развязать их друг с другом окончательно, их связали... Крестьяне не работают. Их энергические генерал и флигель-адъютанты секут, ссылают, застреливают, а у помещиков дай бог, если хотя половина доходов наберется нынешнюю зиму»⁵³.

Указывая, что в дореформенной России славянофилы являлись идеологами либеральных помещиков, Цимбаев все-таки отмечает, что К.С. Аксаков испытал на себе воздействие взглядов патриархального крестьянства, а И.С. Аксаков считал себя выразителем взглядов всего русского народа⁵⁴.

Все славянофилы дружно ненавидели российскую бюрократию. В 1864 г. Самарин, несколько лет проработавший в Редакционных комиссиях, подготовлявших крестьянскую реформу, писал: «Дворянство и чиновничество — это не два условия, не две среды, а одно и то же, один общественный орган, одно юридическое лицо. Пожалуй, можно различать в нем две стороны, но они так неразрывно связаны, что на практике не отделяются одна от другой, даже в частном быту». Приводя эти высказывания, Цимбаев все-таки утверждает, что «под-

линного демократизма в славянофильстве не было»⁵⁵. И в выводах снова подчеркивает: «Славянофильство возникло и развивалось как направление раннего русского либерализма»⁵⁶. Правда, в другом месте Цимбаев отмечает, что славянофильство выражало взгляды наиболее левых представителей раннего русского либерализма первого поколения⁵⁷.

В оценках Цимбаева странным кажется упорное подчеркивание, что славянофилы являлись выразителями взглядов помещичьего дворянства. Факты, представленные в его книгах, говорят об отрицательном отношении славянофилов к этому классу. Надо еще иметь в виду, что подавляющее большинство помещичьего дворянства накануне отмены крепостного права выступало против освобождения крестьян. Об обстановке в России после окончания Крымской войны очень ярко писал Самарин: «Итак, триста тысяч помещиков, не без основания встревоженных ожиданием страшного переворота, одиннадцать миллионов крепостных людей, твердо уверенных в существовании глухого, давнишнего заговора дворянства против царя и народа и в то же время считающих себя заодно с царем в оборонительном заговоре против их общего врага, дворянства, законы, в которых народ не признает подлинного выражения царской воли, правительство, заподозренное народом в предательстве и не внушающее ему никакого доверия, — вот чем мы обязаны крепостному праву в отношении политическом»⁵⁸.

Так каким же образом славянофилы выражали интересы дворянства? Ведь славянофилы выступали не только за ликвидацию крепостного права при наделении крестьян землей, они были за отмену сословий и за распространение дворянских привилегий на все население России, в чем не все западники их поддерживали. Все это доказывает, что они не выражали точку зрения дворянства на крестьянский вопрос и дальнейшее переустройство России.

Вызывают не меньшее сомнение и выводы Дудзинской, пытающейся связать интересы славянофилов с купечеством, т.е. с нарождающимся классом капиталистов.

Для того, чтобы определить сущность этого движения, надо коротко охарактеризовать взгляды славянофилов на бу-

дущее России. Выше уже говорилось, что капиталистические отношения их симпатий не вызывали. Будущее России они видели в распространении общинных порядков. О роли общины на селе Хомяков писал в своей программной статье «О сельской общине», написанной им в 1848—1849 г. Несомненно, его размышления о ней были связаны с разразившейся в Европе революцией. «Всеобщее стремление по всей Европе, — писал Хомяков, — свидетельствует об одном, о борьбе капитала и труда и о необходимости помирить или слить их выгоды». Хомяков указывал на Англию, где «безземелие большинства и антагонизм капитала и труда доводят ... язву пролетарства до бесчеловечной и непременно разрушительной крайности». По мнению Хомякова, в России этого возможно не допустить, если выгоды помещиков и крестьян слить с помощью общины. В этой же статье Хомяков писал о возникновении общины промышленной, которую он называл фаланстером, и указывал, что, хотя такой общины в России нет, но есть много похожего⁵⁹. Об общине писали и другие славянофилы: Кошелев, Самарин, Аксаковы. Для них она являлась способом решения социального вопроса в России, вопроса, который они считали главным. К.С. Аксаков в газете «Молва» подчеркивал: «В общинном союзе не уничтожаются личности, но отрекаются лишь от своей исключительности, дабы составить согласное целое, дабы явить желанное сочетание». И затем добавлял: «Начало общины есть по преимуществу начало славянского племени и в особенности русского народа»⁶⁰. В «Заключительном слове» журнала «Русская беседа» И.С. Аксаков объяснял, почему община необходима для России. «Только общинное устройство, — утверждал он, — может дать народу самостоятельность жизни, только оно одно в состоянии доставить всему крестьянству благо землевладения и наибольшее, по возможности, общее благосостояние, и ... кроме поруки, ничто не в силах оградить общественный быт крестьянства от вмешательства в него власти внешней»⁶¹. Таким образом, славянофилы видели в общине не только возможность устроить село так, чтобы каждый крестьянин мог владеть землей, но и способ защиты сельского населения от чиновников, то есть «власти

внешней». Как уже указывалось выше, Хомяков даже поднимал вопрос об общине промышленной (фаланстере). Правда, этот вопрос он не разработал.

Было ли в проектах славянофилов об общине какое-либо социалистическое содержание, сказать трудно. Многие представители правящих кругов считали славянофилов «социалистами», «красными». Так, цензор Волков в 1857 г. находил в передовых статьях газеты «Молва», написанных К.С. Аксаковым, идеи «коммунизма и равенства». Как же сами славянофилы относились к социалистическим идеям? Хомяков, хотя и мечтал о справедливом устройстве общества, оценивал их достаточно сдержанно. «По сущности мысли своей, — писал он в июле 1846 г. историку А.Н. Попову, — мы не только выше политики, но даже выше социализма, который есть не что иное, как вывод и вывод односторонний»⁶². «Слово коммунизм, — писал Самарин своему отцу в марте 1848 г., — служит теперь пугалом для всех: я не думаю его оправдывать; но коммунизм есть только карикатура мысли прекрасной и плодотворной. Коммунизм относится к учению об ассоциации, об организации промышленности и земледелия, о приобщении рабочего класса к выгодам производительности». И далее Самарин делал вывод, что в России нельзя сидеть сложа руки, а «лучше признать чистосердечно необходимость коренного преобразования и совершить его правомерным порядком. Это по-моему, — заключал он, — лучшее и единственно возможное средство обессилить и побороть коммунизм»⁶³. И.С. Аксаков в письмах к Кошелеву выражал уверенность, что социализм совместим с христианством, доказательство чего он видел в раннехристианских братствах и общинах⁶⁴. Таким образом, хотя славянофилы не являлись сторонниками социалистических идей, но относились к ним вполне благожелательно и некоторые положения социалистического учения считали вполне приемлемыми для себя.

И еще об отношении славянофилов к интеллигенции. Этот вопрос был поднят А. Яновым. Точку зрения Янова опровергает и теория общества, выдвинутая И.С. Аксаковым в начале 1860-х годов. Он писал в газете «День», что общество создают

образованные люди всех сословий, что без общества «бессилен народ и несостоятельно государство». «Общество есть та среда, — подчеркивал И.С. Аксаков, — в которой совершается сознательная умственная деятельность народа, которая создается всеми духовными силами народными, разрабатывающими народное сознание». И.С. Аксаков был убежден, что общество «есть народ в его поступательном, то есть прогрессивном движении»⁶⁵. Под образованным обществом, включавшим представителей всех сословий, И.С. Аксаков явно подразумевал интеллигенцию. Правда, уже в 1863 г. он сокрушался, что русское общество нравственно бессильно, что оно ненародно и носит проправительственный казенный характер. «Старое общество отстранилось, — отмечал И.С. Аксаков в январе 1863 г., — нового общества еще нет, надо ждать пока оно народится ..., но когда и из каких элементов? Не пришло еще время народиться ему из элементов народных, а те элементы, какие у нас имеются в виду, могут ли они дать здоровое общество? Наша молодежь, воспитывающаяся с детских лет за границей, наши легкомысленные отрицатели (нигилисты) — вот откуда залог близкого будущего»⁶⁶. А в 1865 г. И.С. Аксаков разъяснял этот свой вывод: «Наше старое общество разлагается, а нового мы еще не видим. Потому что к старому обществу должны мы отнести и все наше молодое поколение, в котором нет ничего, кроме более искренней и энергической силы отрицания»⁶⁷. На основании данной теории И.С. Аксакова Н.И. Цимбаев делает справедливый вывод: «Не самодержавная власть, не народные массы, а русская интеллигенция, вернее те ее круги, которые могли определяться понятием «общества», стали для большинства славянофилов двигателями прогресса и просвещения». Ведущую роль в этом, подчеркивает Цимбаев, сыграл И.С. Аксаков и его теория общества⁶⁸.

Славянофилы были решительными противниками революции. Преобразования в России они желали провести путем реформ со стороны властей. Они понимали, что крестьяне и дворянство в данный момент с трудом воспримут их планы. Главным инструментом в борьбе за свои идеи славянофилы считали воспитание, или просвещение, общества. Этому воп-

росу они придавали важное значение. Стремление славянофилов к просвещению народа отмечали как их сторонники, так и их критики. В просвещении народа они видели не только способ осуществления своих планов, но и смысл жизни человека. «Просвещение – вот цель человека, – писал К.С. Аксаков. – ...Точно так же, как солнце есть общее достояние, так точно просвещение есть достояние всех людей»⁶⁹.

Все реформы, считали славянофилы, должно проводить правительство. Они были против введения конституции в России в данный момент. Для этого, по их мнению, необходимо готовить народ и высшие круги, проводя среди них пропаганду, распространяя среди народа просвещение. Выступая за распространение грамотности среди крестьян, славянофилы тем самым готовили неизбежное развитие выборности в России.

Так чьи же интересы защищали славянофилы? Советский исследователь В.А. Дьяков, изучавший славянофильство многие годы, считал, как Дудзинская и Цимбаев, что «с точки зрения социальной программы оппозиционность славянофилов мало отличалась от оппозиционности западников», что оппозиционность их «была ограниченной и не выходила за рамки российского варианта либерализма»⁷⁰. Вместе с тем, признавая либерализм славянофилов, он все-таки не рискует определить, интересы какого класса они выражали.

Ближе всех подошел к пониманию сути славянофильства, на наш взгляд, А.С. Курилов. Он совершенно справедливо, не отклоняясь от точки зрения современных историков, пишет: «Славянофилы входили в единую со всеми передовыми и прогрессивными силами России того времени оппозицию царскому правительству». Курилов считает славянофильство не только антикрепостническим, но и антибуржуазным течением⁷¹. То, что славянофилы являлись врагами капиталистического строя, показывает их отрицательное отношение к европейскому пути развития для России. Они объясняли это тем, что данный путь приведет к возникновению резкого неравенства в стране, появлению в ней пролетариата. Примером осуществления этого пути они считали Конфедеративные штаты Америки (США). И.В. Киреевский в статье 1845 г. отмечал,

что в США, где сложились отношения по западному образцу, наблюдается явное неуважение всех нравственных начал, а в основе всех умственных достижений «лежит самая мелкая жизнь, отрезанная от всего, что поднимает сердце над личной корыстью, утонувшая в деятельности эгоизма и признающая свою высшей целью материальный комфорт»⁷². Такой судьбы славянофилы для России не желали. И я полностью согласна с мнением А.С. Курилова, который в статье «Константин и Иван Аксаковы», предваряющей публикацию важнейших трудов этих деятелей, указывал, что главной причиной нежелания славянофилов европеизации России, начавшейся со времен Петра I, являлось их убеждение, что в конце этого пути ее ждут «мещанская бездуховность, состояние полускотского равнодушия ко всему, что выше чувственных интересов и торговых расчетов»⁷³.

Отошли от принятого в советское время определения славянофилов как выразителей интересов передового дворянства или нарождавшейся буржуазии и А.А. Ширинянец, А.В. Мырникова и Е.Б. Фурсова. Отметив, что И.С. Аксаков — «политический мыслитель консервативного типа» (утверждение спорное. — *И. Ч.*), они так характеризуют его: он «выступал последовательным сторонником служения собственному народу как составной части служения общечеловеческим интересам»⁷⁴. Стоит добавить, что в капиталистических странах Западной Европы славянофилы, особенно после Крымской войны, не видели возможных союзников для России. Об этом откровенно писал в «Молве» К.С. Аксаков, указывая, что война показала лживость и коварство прежних друзей России. «Наши верные друзья, — утверждал он, — это народы славянские и вообще народы угнетенные, они понимают, быть может неясно, что одно из внутренних коренных убеждений Русской земли есть оправдание и признание всякой народности»⁷⁵.

Славянофилы, несмотря на свою принадлежность к дворянству, старались защищать интересы крестьян. И так ли важно называть их либералами, консерваторами или демократами. Эта терминология, созданная социологами конца XVIII—XX вв. и принятая наукой, как буржуазной, так и мар-

ксистской, требует серьезного уточнения. Например, может ли называться демократом тот, кто в своих интересах вмешивается в дела соседних государств, разжигая там гражданскую войну? Или что прогрессивнее и лучше для народа определенной страны — монархия, типа английской или испанской, или демократия типа иракской или иранской? Последние события XX—XXI вв. показали, что самым страшным для народов Земли являются попытки глобализации, которые активно проводились и проводятся фашистами, коммунистами, демократами, исламистами и другими. Каждый народ имеет право строить свою жизнь согласно своей истории, своим обычаям, своему менталитету, за что и выступали славянофилы.

Примечания

- ¹ *Цимбаев Н.И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986. С. 58.
- ² *Ширинянец А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б.* Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. М., 2010. С. 63.
- ³ *Курилов А.С.* Константин и Иван Аксаковы // К.С. Аксаков. И.С. Аксаков. Литературная критика. М., 1981. С. 22.
- ⁴ Колокол. 13.01.1861.
- ⁵ Цит. по: *Галактионов А.А., Никандров Т.Ф.* Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 6. С. 124.
- ⁶ Цит. по: *Егоров Б.* Проблема, которую необходимо решить // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 133.
- ⁷ *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. С. 123, 124.
- ⁸ *Ширинянец А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б.* Указ соч. С. 104.
- ⁹ *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. С. 129, 130.
- ¹⁰ Там же. С. 36.
- ¹¹ *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 46.
- ¹² *Ширинянец А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б.* Указ.соч. С. 35.
- ¹³ *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков. С. 65.
- ¹⁴ Там же. С. 6, 8.
- ¹⁵ *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков. С. 143–149, 153–154; *Ширинянец А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б.* Указ.соч. С. 67, 68.
- ¹⁶ *Кошелев А.И.* Записки. Берлин, 1884. С. 67.
- ¹⁷ *Цимбаев Н.И.* И.С.Аксаков. С. 66.
- ¹⁸ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 327. Кар. 4. Д. 2. Л. 36 и об.

- 19 Цит. по: *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. С. 104.
- 20 *Плеханов Г.В.* И.В. Киреевский // Соч. Т. XXXIII. М., 1926. С. 103.
- 21 *Милюков П.Н.* Славянофильство // Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 30. СПб, 1900. С. 307.
- 22 *Кораблев В.Н.* Константин Аксаков. СПб, 1911. С. 17.
- 23 *Горяинов А.Н.* Идея славянской взаимности в 1920–1930-е годы: трактовка в Советской России и в среде эмиграции // В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. С. 11, 12.
- 24 *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 37.
- 25 *Дмитриев С.С.* Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 90.
- 26 *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С. 15, 17.
- 27 *Нифонтов А.С.* Оживление общественной мысли в 40-х годах. Славянофилы и западники // Всемирная история. Т. IV. М., 1950. Глава X. С. 251.
- 28 *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 343–346.
- 29 Там же.
- 30 *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков. С. 26.
- 31 *Данченко С.И., Чуркина И.В.* С.А. Никитин и его научная школа историков-славистов // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 17.
- 32 *Галактионов А.А., Никандров П.Ф.* Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 5. С. 120.
- 33 Там же. С. 122, 124, 128.
- 34 *Малинин В.А.* О социальных и теоретических истоках славянофильства // Философские науки. 1967. № 1. С. 79–85.
- 35 *Янов А.* Загадка славянофильской критики // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 91–116.
- 36 *Покровский С.* Мнимая загадка // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 117–126.
- 37 *Егоров Б.* Проблема, которую необходимо решить // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 128–134.
- 38 *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С. 8, 241.
- 39 *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 266–269.
- 40 *Хомяков А.С.* Сочинения в двух томах. Т. I. М., 1994. С. 470.
- 41 *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. С. 73.
- 42 *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в пореформенной России. С. 225, 226.
- 43 *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. С. 211, 216.
- 44 Там же. С. 236.
- 45 Там же. С. 190, 191.
- 46 *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды. М., 2010. С. 332.
- 47 Там же. С. 214, 215.
- 48 *Шириняц А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б.* Указ. соч. С. 52.
- 49 *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в пореформенной России. С. 282.
- 50 День. 28.12.1861. Цит. по: *Курилов А.С.* Константин и Иван Аксаковы. С. 101.
- 51 *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. С. 200.

- 52 Там же. С. 197.
- 53 Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. IV. СПб, 1896. С. 55.
- 54 Цимбаев Н.И. Славянофильство. С. 222, 223.
- 55 Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. С. 205, 206.
- 56 Там же. С. 231.
- 57 Цимбаев Н.И. Славянофильство. С. 71.
- 58 Там же. С. 185.
- 59 Там же. С. 172, 173.
- 60 Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. С. 271, 272.
- 61 Там же. С. 350.
- 62 Там же. С. 146.
- 63 Там же. С. 165.
- 64 Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков. С. 247.
- 65 Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. С. 390, 397.
- 66 Цимбаев Н.И. Славянофильство. С.225.
- 67 Шириняц А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б. Указ. соч. С. 66.
- 68 Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков. С. 195, 196.
- 69 Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. С. 272.
- 70 Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 49, 40.
- 71 Курилов К.С. Константин и Иван Аксаковы. С.7, 11.
- 72 Цимбаев Н.И. Славянофильство. С. 239.
- 73 Курилов А.С. Константин и Иван Аксаковы // К.С. Аксаков. И.С. Аксаков. Литературная критика. М., 1981. С. 7.
- 74 Шириняц А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б. Указ. соч. С. 74, 80.
- 75 Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. С. 297.

Отечественная историография о Вацлаве Ганке

Вацлава Ганку (1791–1861) без преувеличения можно назвать феноменом чешского и славянского культурного возрождения. Не оставив после себя ни одного значительного сочинения, он, тем не менее, навсегда вошел в историю славистики. В первую очередь интерес к В. Ганке обусловлен его ролью в создании литературных мистификаций — Рукописей Краледворской и Зеленогорской (РКЗ). Однако для истории отечественного славяноведения не меньшее значение имеет его деятельность в развитии русско-чешских культурных и научных связей.

Отечественная библиография о В. Ганке не опубликована и собрана нами самостоятельно. Ее специфичность — обилие и сложность — обусловлена, в том числе, существованием «упоминаний» как отдельного вида историографии. Строго говоря, эти упоминания относятся скорее к библиографии вопроса, однако их обилие и характер не позволяют о них умолчать.

В. Ганка был едва ли не самым популярным чехом в России в XIX в. Это связано не столько с его научной деятельностью, сколько с тем, что он в первой половине столетия являлся первым деятелем, развивавшим русско-чешские связи. Будучи восторженным русофилом, именно он радушно встречал русских путешественников — государственных деятелей и ученых, останавливающихся в Праге по пути на знаменитые курорты Европы. Являясь сотрудником Чешского Музея, В. Ганка оказывал русским путешественникам-славистам, командированным в Европу для изучения славянских языков и литературы, всевозможные услуги. Этим было обусловлено не только большое количество, но и панегирический характер упоминаний

о нем в письмах и литературе. Однако позитивное отношение к В. Ганке было связано не только с его русофильством, но и со славой «открывателя» РКЗ. Необходимо отметить, что вера в их подлинность отвечала веяниям романтической эпохи и была характерна и для русской общественности, интересующейся славянами. Однако эта вера распространялась далеко за пределы славянского мира. Так, например, подлинность РКЗ одними из первых признали авторитетные немцы — поэт Иоганн Вольфганг Гете и лингвист Вильгельм Грим.

Упоминания о В. Ганке в официальной, личной и научной переписке не имеют большой научной ценности. Они далеко не всегда достоверны и большей частью основаны на личных впечатлениях. Однако эти упоминания демонстрируют беспрецедентный отклик на деятельность чешского возрожденца: ни один современный В. Ганке чех не устаивался в России такого внимания.

К упоминаниям о В. Ганке в официальной переписке относится донесение русского ученого Н.Д. Иванишева министру народного просвещения графу С.С. Уварову¹. Будучи стажером, командированным Главным педагогическим институтом на обучение за границу, Н.Д. Иванишев в период пребывания в Праге в конце 30-х годов XIX в. становится не только учеником В. Ганки, но и выполняет при нем функции секретаря. В своем донесении от 6 ноября 1838 г. русский стажер характеризует В. Ганку как своего наставника и учителя, под руководством которого он изучал палеографию. Он также сообщает о его научных трудах, освещает его деятельность в Национальном Чешском Музее. Будучи хорошо посвященным в дела В. Ганки, Н.Д. Иванишев указывает на его материальные затруднения.

Кроме того, необходимо отметить «представление» министра народного просвещения графа С.С. Уварова о В. Ганке императору Николаю I от 1 марта 1846 г.² В нем Уваров представляет русскому царю экземпляр Реймского Евангелия, изданного В. Ганкой. Отмечая заслуги чешского возрожденца в подготовке русских стажеров, ходатай просит императора наградить В. Ганку орденом.

Упоминания о В. Ганке в личной переписке содержат письма А.Н. Пыпина³, в которых автор исключительно положительно отзываясь о нем, а также письмо М.И. Сухомлинова⁴ И.И. Срезневскому, в котором говорится о приятных впечатлениях автора от знакомства с чешским деятелем.

Необходимо отметить и свидетельства о В. Ганке в переписке других лиц — к ним относятся донесение М.И. Сухомлинова и письма И.В. Ягича.

В своем донесении в историко-филологический факультет Петербургского университета адъюнкт М.И. Сухомлинов⁵ пишет о разгоревшемся споре по поводу РК и о суде между В. Ганкой и редактором газеты «Vöhmische Tagesbote», обвинившим чешского возрожденца в фальсификации рукописи. Присутствовавший на суде и ставший свидетелем разрешения дела в пользу В. Ганки Сухомлинов с радостью сообщает об этом в Россию.

«Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян»⁶ И.В. Ягича содержат сведения о переписке между И.И. Срезневским и П.И. Кеппеном по поводу кончины В. Ганки в 1861 г.

Отдельно необходимо отметить издание «Письма И.В. Ягича к русским ученым 1865—1886»⁷. Относящиеся к периоду после смерти В. Ганки, они отличаются от уже упомянутых тем, что содержат упоминания не только о работах чешского возрожденца, но и, главным образом, о его подделках и их разоблачении.

В качестве отдельного вида историографии о В. Ганке можно выделить донесения об общении с этим деятелем национального возрождения чехов. К ним, в первую очередь, относятся «Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель 1839—1842» (1895)⁸. Представляющие собой скорее дневниковые записи, эти документы содержат сведения о встречах русского ученого с В. Ганкой во время его пребывания в Праге, а также о их контактах в период путешествия И.И. Срезневского.

Особым видом историографии о Ганке являются русские издания рукописей Краледворской и Зеленогорской, как правило, содержавшие сведения о их «открывателе».

В конце XVIII – начале XIX вв. в Европе повсеместно обнаруживались древние литературные памятники, многие из которых по прошествии времени оказывались поддельными. Не обошла тенденция к созданию литературных подлогов и Чехию. Так, 16 сентября 1817 г. в погребке костела города Кралов Двор на Лабе В. Ганка «обнаружил» древнюю рукопись, которая по месту «обретения» получила название Краледворской. Следующая «счастливая случайность» произошла в ноябре 1818 г., когда патрон Национального Музея граф Коловрат получил по почте анонимный дар – рукопись, впоследствии получившую название Зеленогорской или «Суд Любуши».

Поэтические произведения РКЗ были созвучны идеям и чаяниям не только чешских возрожденцев, но и других носителей всеславянской идеи. Немало усилий для распространения Рукописей и введения их в научный оборот приложил и сам В. Ганка: во всех русских изданиях Рукописей он неизменно упоминается как их открыватель.

Неоднократные переводы и переиздания Рукописей в России в XIX в. свидетельствовали о горячем интересе к этим памятникам славянской письменности и вере в их подлинность. Необходимо отметить, что вера в подлинность РКЗ проистекала не только и не столько из характерной для всей европейской мысли данного периода романтической идеологии, сколько из слабой осведомленности русского общества о сути вопроса и низкого уровня научной подготовки.

Так, впервые в России РК была опубликована уже в 1819 г. под названием «Рукопись Краледворская. Сборник лирико-эпических народных песнопений»⁹. Текст Рукописи на чешском и русском языках был снабжен пояснениями А.С. Шишкова и предисловием, в котором сообщалось об «открывателе» рукописи. Этот же текст переиздавался как отдельным изданием¹⁰, так и в сборниках¹¹.

Первый перевод РЗ на русский язык, снабженный «предупреждением» А.С. Шишкова, увидел свет в 1821 г. – в статье «О некоторой древней рукописи»¹².

Впоследствии РКЗ не раз переводились на русский язык и публиковались полностью или частично как в сборниках, так

и отдельными изданиями. Так, помимо А.С. Шишкова перевод РКЗ предпринял А. Соколов, результаты трудов которого были опубликованы в «Ученых записках Императорского Казанского университета»¹³ и отдельным изданием¹⁴.

В 1846 г. вышел самый популярный в России стихотворный перевод РК, принадлежавший перу Н.В. Берга¹⁵, впоследствии неоднократно переиздававшийся как в России, так и за границей. Именно этот перевод В. Ганка опубликовал в 1851 г. в Праге. Этот же перевод Н.В. Берга, значительно усовершенствованный в поэтическом плане и с измененным предисловием, был переиздан в 1860 г.¹⁶ В 1871 г. он вместе со стихотворениями в переводе Берга «Любушин Суд», «Сейм», «Песня под Вышеградом» вошел в сборник «Поэзия славян»¹⁷.

Еще одним вариантом перевода РК была опубликованная в 1872 г. магистерская диссертация ученика И.И. Срезневского И. Некрасова¹⁸. Помимо обычных сведений об «открывателе» Рукописи, в предисловии перечисляются издания РК и роль В. Ганки в этом процессе.

Наиболее квалифицированный, по мнению исследователей, стихотворный перевод РК, принадлежащий перу И.А. Новикова¹⁹, относится уже к XX в. Однако, несмотря на то, что данное издание появилось уже после разоблачений Я. Гебауэра и Т.Г. Масарика, автору, по-видимому, не было известно о результатах многолетнего спора относительно подлинности РКЗ.

В 2002 г. вышел сборник «Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора»²⁰. Здесь были опубликованы переводы РК А.С. Шишкова, Н.В. Берга, а также И.А. Новикова с сохранением авторских примечаний, пояснений и вступительных статей. Тексты РКЗ приводятся как образец славянского фольклора XIX в. и перевода его на русский язык. О В. Ганке, его возрожденческой деятельности и роли как творца одной из величайших литературных мистификаций XIX в. подробно говорится в обзоре Л.П. Лаптевой. Также здесь излагаются история полуторавековой полемики относительно подлинности РКЗ и современное состояние вопроса.

Собственно историография о В. Ганке, то есть характеристика его жизни и деятельности, достаточно велика, и осветить ее целесообразно по периодам.

В XIX в. о В. Ганке написано было достаточно много, но не было опубликовано ни одного сколько-нибудь серьезного исследования о его научной деятельности или его подробной биографии. Вплоть до 60-х годов XIX в. историография о чешском возрожденце представляет собой упоминания о нем в связи с «открытием» Рукописей или русско-чешскими связями, причем исключительно в панегирических тонах.

Одними из первых в XIX в. стали работы русских славистов — учеников чешского возрожденца, написанные на основании его «находок». В этих первых попытках научного исследования РКЗ В. Ганка неизменно фигурирует как «открыватель» величайших литературных памятников древнечешской литературы, а его личность и вклад в славянскую науку оцениваются исключительно положительно.

Это две работы И.И. Срезневского: статья «Сеймы» (1838)²¹, написанная на основании РЗ, и «Извлечение из Краледворской рукописи, касательно религиозных верований и обрядов» (1840)²², а также две работы Н.Д. Иванишева: «Древнее право чехов» (1840)²³ и «Рассуждение о личности в древнем праве божемском и скандинавском» (1842)²⁴.

Одновременно с распространением в России сведений о РКЗ как отдельный вид историографии о В. Ганке появляются рецензии на издания РКЗ в России. В первую очередь, это рецензия И.И. Срезневского на книгу А. Соколова «Краледворская рукопись и Суд Любуши» (1847)²⁵, в которой изложена история «открытия» рукописей, представленная В. Ганкой, и дана характеристика самого «открывателя».

Отдельно необходимо отметить рецензию О. Сенковского²⁶ на перевод РК Н. Берга. Это была одна из первых работ, в которой отрицалась подлинность РК. Однако, саркастически отзываясь о В. Ганке как об «открывателе» РК, автор не приводит сколько-нибудь весомых научных аргументов в поддержку своей позиции.

Своеобразным видом историографии о В. Ганке в XIX в. являются так называемые «воспоминания» и описания встреч

с ним, также содержащие панегирические оценки его личности и творчества и, в некоторых случаях, биографические сведения, полученные непосредственно от самого Ганки.

Так, в книге «Год в чужих краях (1839)» (1844)²⁷ и статье «Отрывок из заграничных писем» (1847)²⁸ М.П. Погодин, помимо описания встреч с деятелем чешского возрождения, приводит сведения о сочинениях В. Ганки и его работе в Чешском Музее и Библиотеке. Сходными по содержанию и оценкам В. Ганки являются заметка П.А. Лавровского «Из воспоминаний о Ганке и Шафарике» (1861)²⁹, трижды переиздававшаяся в различных журналах³⁰, и «Воспоминание о В.В. Ганке» (1861)³¹ П. Дубровского.

В XIX в. о чешском возрожденце упоминается также в целом ряде работ: в статьях И.И. Срезневского³², Г.А. Ильинского³³, в работах П.А. Кулаковского³⁴, А.В. Стороженко³⁵, А.И. Степовича³⁶, П.А. Лавровского³⁷. Однако все эти упоминания связаны исключительно с открытием, исследованием и публикациями РКЗ. Единственным исключением является статья М.П. Петровского, в которой В. Ганка упоминается, в первую очередь, в связи с его контактами с русским славистом, профессором Казанского университета В.И. Григоровичем³⁸.

Гораздо более обстоятельно подошел к изучению деятельности чешского возрожденца И.И. Срезневский. Едва ли не первой, посвященной собственно В. Ганке, являлась его работа «Воспоминание о В.В. Ганке»³⁹. Представляющая собой издание речи русского слависта 13 января 1861 г. на заседании Академии наук в связи с кончиной В. Ганки, статья содержала обширные биографические сведения об этом деятеле, полученные от него самого. Будучи преданным его почитателем и популяризатором его заслуг в России, И.И. Срезневский был склонен к преувеличениям и переоценке личности В. Ганки. Однако именно эта работа являлась едва ли не первой попыткой критически оценить его личность и заслуги.

Помимо «речи» И.И. Срезневского, в издании имеются ценные приложения, в частности, составленное им обозрение филологических и археологических трудов В. Ганки, являющееся первым опытом библиографии его работ. Состоящая из

73-х названий на чешском языке, она сопровождается краткими аннотациями работ на русском языке.

Как близкий друг и ученик Ганки, русский славист много сделал для популяризации в России сведений о личности и творчестве своего учителя. В статье «Издания Реймского Евангелия (Texte du Sacre)» (1846)⁴⁰ И.И. Срезневский освещает работу В. Ганки над так называемой «Сазаво-Эмаузской рукописью» и сообщает, что чешский исследователь доказал, что данный фрагмент представляет собой древнейший памятник старославянской письменности, датируемый XI в. В целом ряде своих работ И.И. Срезневский также освещает деятельность В. Ганки по изучению первопечатных чешских книг⁴¹, изданию Остромирова Евангелия⁴², составлению сборника глаголических памятников⁴³, созданию пособия по изучению русского языка⁴⁴. Он отмечает заслуги В. Ганки и в первой публикации так называемой «Далимиловой хроники»⁴⁵.

Помимо И.И. Срезневского и А.Н. Пыпина⁴⁶, в работах которых уделяется значительное внимание РКЗ и В. Ганке как их «открывателю», к личности и творчеству чешского возрожденца в XIX в. проявляли интерес и другие русские ученые.

Так, В.В. Качановский в статье «Чешский деятель В.В. Ганка» (1890)⁴⁷ дает характеристику деятельности В. Ганки, указывает изданные им старочешские памятники и излагает содержание его переписки с русскими учеными. Статья М.И. Сухомлинова⁴⁸ посвящена попытке приглашения Ганки, в числе других чешских специалистов, на службу в Россию.

Связям В. Ганки с русскими учеными посвящены работы Е.В. Петухова⁴⁹ и А.А. Кочубинского⁵⁰. В частности, А.А. Кочубинский подробно рассмотрел контакты Ганки с русскими любителями славян и учеными до 60-х годов XIX в.

Несколько отдельно стоят некрологи и сообщения о кончине именитого чеха. Их многочисленность⁵¹ и панегирический тон демонстрируют тот значительный отклик, который имела деятельность В. Ганки в России в XIX в.

Первые работы, в которых делается попытка объективно оценить личность и деятельность В. Ганки, появляются лишь после его смерти. Так, в третьем томе «Всеобщей истории ли-

тературы...» (1888)⁵², наряду с признанием заслуг В. Ганки, отмечается, что он не отличался «особыми дарованиями».

А.С. Петрушевич в своей работе «О подложных старочешских письменных памятниках: Суде Любуши, евангелическом отрывке Св. Иоанна, Краледворской рукописи» (1878)⁵³ уже указывает на В. Ганку как на автора литературных подлогов РКЗ.

П.О. Морозов в статье «Новая литература славянских народов» (1888)⁵⁴ также назвал В. Ганку великим фальсификатором.

В.И. Ламанский пошел дальше. В своей работе «Новейшие памятники древнечешского языка» (1879–1880)⁵⁵ он выступил с резкой критикой не только В. Ганки и его «открытий», но и их почитателей среди русских ученых. Открыто называя В. Ганку фальсификатором, автор утверждал, что он был автором не только РКЗ, но и глосс в «*Mater Verborum*» и отрывков Евангелия от Иоанна. Не меньший, по его мнению, вред науке нанесли П.Й. Шафарик и Ф. Палацкий, которые по невежеству или из патриотических соображений поддержали культ подложных рукописей. Работа В.И. Ламанского осталась неоконченной, что, однако, не помешало ей положить конец преклонению перед В. Ганкой и его «открытиями» в русской историографии.

Историография о Ганке в XX в. продолжает претерпевать изменения в указанном направлении. Появляются оценочные работы, которые, тем не менее, сохраняют специфическую односторонность — панегирические оценки личности и творчества В. Ганки, лишённые критического анализа.

Говоря о дореволюционной отечественной историографии XX в., несомненно, необходимо начать с фундаментальной работы профессора Варшавского университета В.А. Францева «Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XIX и первой половины XX столетия» (1902)⁵⁶. Данная монография представляет собой наиболее основательный и подробный труд о чешском возрождении вообще и деятельности В. Ганки в частности во всей русской литературе XIX — первой половины XX вв. В рамках своего труда

автор останавливается на биографии и деятельности наиболее выдающихся представителей чешского возрождения. К такому он относит и В. Ганку. На основании анализа его эпистолярного наследия В.А. Францев стремится оценивать его фигуру объективно. Не скрывая симпатии к личности Ганки, русский ученый, тем не менее, указывает на его недостатки и как ученого, и как человека. Он отмечает слабости многих работ В. Ганки в области славянской филологии, несоответствие его трудов современному уровню науки. При этом В.А. Францев убежден в том, что его деятельность была неотъемлемой позитивной чертой чешского возрождения первой половины XIX в. Особое внимание автор уделяет деятельности В. Ганки как важному фактору в развитии русско-чешских научных и культурных связей и становлении славистики в России.

Из дореволюционных трудов необходимо также отметить работы А.Н. Пыпина «Мои заметки» (1910)⁵⁷ и И.В. Ягича «История славянской филологии» (1910)⁵⁸. Если А.Н. Пыпин некоторое время сохранял характерные для XIX в. восторженные оценки В. Ганки и уверенность в подлинности его «открытий», то И.В. Ягич придерживался противоположного мнения. Приведя подробную научную биографию и характеристику творчества чешского деятеля, исследователь оценивает В. Ганку негативно — и как личность, и как ученого. Признавая его лингвистическое дарование, положительную роль в создании Библиотеки Национального Музея и организации изданий, И.В. Ягич указывает на неприглядные черты характера В. Ганки: тщеславие, чрезмерное самомнение и неискренность. Как ученого он упрекает Ганку не столько в посредственности его способностей, сколько в создании подлогов РКЗ, разоблачение которых привело к презрительному отношению к чешской науке в целом.

Тенденция к положительной оценке В. Ганки, его личности и деятельности сохранилась в отечественной историографии и в советский период.

Продолжают традицию положительной оценки творчества и личности В. Ганки «Очерки истории чешской литературы XIX—XX веков» (1963)⁵⁹, а также Н.В. Измаилов в работе

«Тургенев, Вацлав Ганка и Иосиф Фрич» (1960)⁶⁰. Известный отечественный литературовед-богемист С.В. Никольский в книге «Две эпохи чешской литературы»⁶¹ позитивно оценивает роль В. Ганки в развитии чешской литературы периода возрождения, несмотря на создание им подлогов РКЗ и активное их распространение.

Негативно оценивает «литературное творчество» В. Ганки лишь небольшая часть авторов, в частности, В.Н. Кораблев в работе «Вячеслав Ганка и его Краледворская рукопись» (1932)⁶². Приводя биографические данные Ганки и отмечая его знания в области древнечешской, древнерусской и древней южнославянской письменности, автор указывает на то, что В. Ганка имел достаточную подготовку для создания подлогов РКЗ. Признавая важную роль подделок как инструментов политической борьбы, В.Н. Кораблев при этом определяет В. Ганку как личность крайне отрицательную.

Что же касается деятельности чешского возрожденца в связи с русско-чешскими контактами, то она неизменно оценивается в отечественной историографии положительно. В первую очередь, необходимо отметить серию работ Л.П. Лаптевой, освещающих, в том числе, участие и роль Ганки в русско-чешских связях первой половины XIX в.⁶³

Статья Л.П. Кондауровой «Вацлав Ганка и Россия (по материалам переписки)» (1974)⁶⁴ посвящена обзору и классификации эпистолярного наследия В. Ганки. Автор анализирует его взаимоотношения с русскими общественными и государственными деятелями — С.С. Уваровым, М.М. Сперанским, А.С. Шишковым, учеными — П.И. Кёппеном, О.М. Бодянским, И.И. Срезневским, А.Ф. Гильфердингом, М.М. Стасюлевичем, М.И. Сухомлиновым, А.Н. Пыпиным, В.И. Ламанским — и частными лицами. Признавая заслуги чешского возрожденца в установлении русско-чешских научных контактов неоспоримыми, автор критикует Ганку и упрекает его в реакционном русофильстве, переросшем в «царофильство».

С.В. Смирнов в статье «Первые русские слависты в Чехии» (1973)⁶⁵, посвященной контактам В. Ганки с О.М. Бодянским, И.И. Срезневским, П.И. Прейсом и В.И. Григоровичем

в период их пребывания в Праге в научных командировках в 1839–1845 гг., также оценивает деятельность В. Ганки положительно. Кроме того, в работе дается характеристика переписки русских ученых с Ганкой после их возвращения в Россию.

Помимо указанных работ, В. Ганка как деятель чешского национального возрождения, автор подделок РКЗ и активный участник русско-чешских связей первой половины XIX в. упоминается в целом ряде других трудов XX в.⁶⁶

Историография о В. Ганке в XXI веке характеризуется, прежде всего, тем, что интерес к этому деятелю, по сравнению с предыдущим периодом, несравненно угасает. Ганка упоминается в основном в связи с изучением истории славяноведения и чешского национального возрождения, в частности с историей подлогов и их влиянием на становление национального самосознания чехов.

Новейшая отечественная историография о В. Ганке в основном представлена работами Л.П. Лаптевой. Ее монография «Краледворская и Зеленогорская рукописи» (2002)⁶⁷ раскрывает социально-политические и культурные предпосылки возникновения величайших литературных мистификаций в истории чешской науки. На основании глубокого анализа общественных условий автор показывает наличие социального запроса определенной части чешского общества на создание подделок, которые бы стали не только подтверждением романтической всеславянской идеологии, но и способом выражения общественно-политических устремлений формирующейся чешской нации Нового времени в обстановке австрийского абсолютизма. Л.П. Лаптева подробно освещает полуторавекую полемику вокруг подлогов Ганки и их влияние на развитие национальной науки у чехов.

Еще одной фундаментальной работой Л.П. Лаптевой, в которой рассматривается интересующий нас вопрос, является монография «История славяноведения в России в XIX веке» (2005)⁶⁸. В контексте становления и развития русского славяноведения в XIX в. автор анализирует русско-чешские научные контакты: путешествия русских славистов в славянские земли, переписку русских ученых с чешскими коллегами, обмен кни-

гами, попытки пригласить чешских славистов — П.Й. Шафарики, В. Ганку и Ф.Л. Челаковского — в Россию. На основании источников Л.П. Лаптева подробно освещает жизнь и творчество И.И. Срезневского, в частности, его связи с В. Ганкой. Автор стремится объективно оценить личность и деятельность чешского возрожденца и признает неоднозначность их роли в развитии как чешского национального возрождения, так и становлении отечественного славяноведения в XIX в.

К новейшим работам Л.П. Лаптевой относятся две статьи, посвященные русско-чешским научным и культурным контактам в XIX в.: «Значение Вацлава Ганки в развитии славяноведения в России и русско-чешских научных контактов в XIX веке» (2012)⁶⁹ и «И.И. Срезневский и его научные контакты с чешским славистом В. Ганкой» (2013)⁷⁰.

Среди новейших работ нельзя обойти вниманием труд М.Ю. Досталь «И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками» (2003)⁷¹. Эта фундаментальная работа посвящена русскому филологу, этнографу, палеографу, археографу и слависту широкого профиля И.И. Срезневскому. Автор подробно описывает биографию русского слависта и его научную деятельность. В частности, освещает контакты И.И. Срезневского с В. Ганкой в период пребывания русского ученого в Праге в 1840 г. и переписку с чешским возрожденцем во время путешествия по славянским странам в 1840—1842 гг. Монография М.Ю. Досталь также дает информацию о издании работ В. Ганки в России и откликах на его кончину в 1861 г. Данная работа позволяет оценить влияние русско-чешских связей, в частности связей В. Ганки с И.И. Срезневским, на становление и развитие отечественного славяноведения в XIX в.

Также необходимо отметить статью Г.П. Мельникова «Чешская культура» (2005)⁷², в которой дается характеристика роли В. Ганки в создании РКЗ и значения его творчества для чешской литературы, а также книгу В.Г. Вовиной-Лебедевой «Школы исследования русских летописей XIX—XX вв.»⁷³, автор которой относит В. Ганку к представителям критического метода в славяноведении, однако не приводит научного обоснования данной точки зрения.

В заключение следует подчеркнуть, что историография о В. Ганке, созданная на протяжении полутора столетий в России, имеет специфический характер, обусловленный как особенностями личности самого чешского возрожденца, так и характером и объемом тех сведений, которыми располагали отечественные историки о нем и его творчестве.

В первой половине XIX в. историография о В. Ганке большей частью состояла из замечаний и упоминаний, которые, строго говоря, являются не столько историографией, сколько библиографией. Ни в XIX, ни в XX вв. не было создано ни одной специальной работы, посвященной жизни и творчеству Ганки. Отчасти это связано с его весьма неоднозначным вкладом в развитие славяноведения: сам он не создал ни одного сколь-нибудь значимого научного труда.

Отличительной особенностью историографии о В. Ганке является относительно поздний переход к критическому анализу. Несмотря на то, что первые попытки критически оценить этого деятеля предпринимались в отечественной литературе уже в 60–70-х годах XIX в., и в начале XX в. господствовали все те же не критические, панегирические оценки его личности и деятельности.

Отечественная историография отличается односторонним научным интересом к В. Ганке. Точнее говоря, этот интерес проявлялся (и проявляется до сих пор) не к самому чешскому деятелю, а к его творениям — подлогам РКЗ. Существует целый ряд работ, в которых он фигурирует исключительно как автор величайших мистификаций в истории не только чешской, но и вообще славянской литературы.

Однако следует подчеркнуть, что вклад Ганки в развитие славяноведения как в Чехии, так и в России значительно шире. Речь, прежде всего, идет о его роли в установлении и развитии русско-чешских связей первой половины XIX в. Работ, посвященных этому сюжету, гораздо меньше, чем посвященных подлогам РКЗ, но оценки Ганки в этой сфере его деятельности менее односторонни.

Примечания

- ¹ Донесение Н.Д. Иванишева. // *Францев В.А.* Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX столетия. Варшава, 1902. Приложения. С. 25–26.
- ² «Представление» министра народного просвещения гр. С.С. Уварова о Ганке русскому императору Николаю I // *Францев В.А.* Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX столетия. Варшава, 1902. Приложения. С. 70–71.
- ³ *Пыпин А.Н.* Письмо В.И. Ламанскому 7 (19) декабря 1858 г. из Праги // Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). Под ред. акад. Б.Д. Грекова. М.-Л., 1948. С. 21; Письмо В.И. Ламанскому 17(29) января 1859 г. из Берлина // Там же. С. 23; Письмо В.И. Ламанскому 10 (22) ноября 1858 г. из Праги // Там же. С. 17–18; Из Праги // *Современник*. 1859. № 3, 4; 1860. № 2. С. 289–302.
- ⁴ *Сухомлинов М.И.* Письмо И.И. Срезневскому 6 февраля (25 января) 1859 г. из Праги // Петухов Е.В. Материалы для биографии М.И. Сухомлинова // *Известия ОРЯС ИАН*. 1911. Т. XVI. Кн. 3. С. 220–221.
- ⁵ *Сухомлинов М.И.* Донесение адъютанта Сухомлинова в историко-филологический факультет Петербургского университета 4 сентября (23 августа) 1859 г. Прага. [Дело Совета имп. СПб. университета № 28] // *Петухов Е.В.* Материалы для биографии М.И. Сухомлинова. С. 210.
- ⁶ *Ягич И.В.* Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян // Сборник ОРЯС. 1897. Т. 62. С. 405, 413–416, 419–421, 427–431, 459–463, 876, 896–897.
- ⁷ Письма В.И. Ягича к русским ученым 1865–1886. М.-Л., 1963. С. 3, 74, 345, 382, 383.
- ⁸ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель 1839–1842. СПб, 1895.
- ⁹ Рукопись Краледворская. Сборник лирико-эпических народных песнопений. Издана Вацлавом Ганкою в Праге 1819 // *Известия Российской Академии*. Кн. 7. 1819. С. 48–215.
- ¹⁰ Рукопись Краледворская: Собрание лирико-эпических народных песен. Перевод с древне-богемского подлинника, изданного в 1819 г. в Праге. С предисловием издателя А.С. Шишкова. СПб, 1820.
- ¹¹ Собрание сочинений и переводов адмирала А.С. Шишкова. Т. 6. СПб, 1826. С. 181–339.
- ¹² О некоторой древней рукописи // *Известия Российской Академии*. Кн. 9. СПб, 1821. С. 50–63.
- ¹³ Краледворская рукопись и суд Любуши. Перевод А. Соколова // *Ученые записки, издаваемые императорским Казанским университетом*. 1845. Кн. 4. С. 1–145; 1846. Кн. 1. С. 1–78.
- ¹⁴ Краледворская рукопись и суд Любуши. Перевод А. Соколова. Казань, 1846.
- ¹⁵ Краледворская рукопись. Собрание древних чешских эпических и лирических песен. Перевел Н. Берг (Посвящается С.П. Шевыреву) // *Московский литературный и ученый сборник*. М., 1846. С. 219–296.
- ¹⁶ Краледворская рукопись. Собрание древних чешских эпических и лирических песен. Перевод Н. Берга // *Переводы и подражания Н.В. Берга*. Издание Н.В. Гербея. СПб, 1860. С. 3–60.
- ¹⁷ Песни западных славян. Чешские – С. 121–138. Любушин Суд. Сейм. Песня под Вышеградом – С. 121–123. Краледворская рукопись – С. 124–138. Перевод

Н. Берга // Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей, изданный под редакцией Ник. Вас. Гербеля. СПб, 1871.

¹⁸ Краледворская рукопись в двух транскрипциях текста. С предисловием, словарями, частью грамматической, примечаниями и приложениями. Труд И. Некрасова. СПб, 1872. С. 438.

¹⁹ Краледворская рукопись. Вступительная статья, стихотворный перевод и примечания Ивана Новикова // Новый мир. 1939. № 4 (апрель). С. 49–74.

²⁰ Рукопись Краледворская. Собрание лирико-эпических народных песнопений. Перевод А.С. Шишков. 1820; Краледворская рукопись. Перевод [и примечания] Н.В. Берга. 1860; Краледворская рукопись. Стихотворный перевод, пояснения и примечания Ивана Новикова. 1939; Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 120–242.

²¹ *Срезневский И.И. Сеймы.* // Очерки истории России, издаваемые В. Пассеком. Кн. I. СПб, 1838. С. 226–239.

²² *Срезневский И.И.* Извлечение из Краледворской рукописи, касательно религиозных верований и обрядов // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1840. № 12. Ч. XXVIII.

²³ *Иванишев Н.Д.* Древнее право чехов // ЖМНП. 1840. № 2. Отд. 2.

²⁴ *Иванишев Н.Д.* Рассуждение об идее личности в древнем праве богемском и скандинавском // ЖМНП. 1842. № 10. Отд. II. С. 1–18.

²⁵ *Срезневский И.И.* Рец. на кн.: Соколов А. Краледворская рукопись и Суд Любуши. Казань, 1846 // ЖМНП. 1847. Ч. 55. Отд. VI. С. 154–161.

²⁶ *Сенковский О.* Рец. на кн.: Краледворская рукопись. Перевод Н. Берга // Библиотека для чтения. Т. 84. 1847. Август. Отд. 6. С. 1–10.

²⁷ *Погодин М.П.* Год в чужих краях (1839). Ч. I. М., 1844. С. 119, 131–135.

²⁸ *Погодин М.П.* Прага. Отрывок из заграничных писем // Московский литературный и ученый сборник на 1847 г. М., 1847. С. 605.

²⁹ *Лавровский П.А.* Из воспоминаний о Ганке и Шафарике // Отчет Харьковского университета. Харьков, 1861.

³⁰ *Лавровский П.А.* Воспоминания о В.В. Ганке // Московские ведомости. 12 января 1861. № 9 // Известия императорской Академии наук. Вып. 4. Москва, 1861.

³¹ *Дубровский П.* Воспоминание о В.В. Ганке // Отечественные записки. 1861. № 2.

³² *Срезневский И.И.* Литературное оживление западных славян // Современник. 1846. Ч. 42. Вступительная лекция – в Харьковском университете 16 октября 1842 г. // ЖМНП. Ч. 287. 1893. № 5. С. 110–133. Poliglotta Kralodvorského rukopisu. Vydání Hanky. Praha, 1852 // Известия ИАН по ОРЯС. Т. 2. СПб, 1853. С. 16.

³³ *Ильинский Г.А.* Listy filologické. Ročník XXVI (1899). Ses. I–VI // Известия ОРЯС ИАН. 1900. Т. V. Кн. 2. С. 728–730.

³⁴ *Кулаковский П.А. П.Й.* Шафарик. 2 (13) мая 1795 – 14 (26) июня 1861. По поводу 100-летия со дня его рождения. Записка гр. Уварова «О трудах славянских ученых Шафарика и Ганки» 9 декабря 1839 г. // ЖМНП. Ч. ССХСХ. СПб, 1895. Июнь. С. 404–447.

³⁵ *Стороженко А.В.* Очерк истории чешской литературы. Рукописи Зеленогорская и Краледворская. Киев, 1880. (Оттиск из «Киевских университетских известий» 1879–1880 гг.)

³⁶ *Степович А.И.* Очерк истории чешской литературы. Киев, 1886. С. 3–15, 21, 24–29, 172, 303.

- ³⁷ *Лавровский П.А.* Поездка во внутреннюю Чехию весною 1860 года // Утро. Сборник, издаваемый М. Погодиным. М., 1868. С. 193–246.
- ³⁸ *Петровский М.П.* Виктор Иванович Григорович в Казани // Славянское обозрение. СПб, 1892. Т. II. Июль–август.
- ³⁹ *Срезневский И.И.* Воспоминания о В.В. Ганке. Вып. IV. СПб, 1861.
- ⁴⁰ *Срезневский И.И.* Издания Реймского Евангелия (Texte du Sacre) // Москвитянин. 1846. № 8. С. 152–167.
- ⁴¹ *Срезневский И.И.* Bibliografie prvotisku z Českých od 1468 az do 1526 leta. Od V. Hanky. V Praze, 1853 // Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. 1854. Т. III. 3 сентября. Ст. 301, 302, 303.
- ⁴² *Срезневский И.И.* Святое евангелие по Остромирову списку 1056 и 1057 лет. Изд. Вац. Ганка. Прага, 1853 // Известия ИАН по ОРЯС. Т. 2. СПб, 1853. С. 16.
- ⁴³ *Срезневский И.И.* Остатки словенского богослужения у чехов. Издание В. Ганки. Praze, 1859 // Известия ОРЯС. 1859. Т. 8. Вып. IV. С. 295–302.
- ⁴⁴ *Срезневский И.И.* Рец. на кн.: Ročátky Ruského jazyka od Vačeslava Hanky. Druhe rozmnžené vydání. V Praze, 1857 // Известия ИАН ОРЯС. 1856. Т. V. Ст. 375.
- ⁴⁵ *Срезневский И.И.* Dalimilová chronika česka v nejdavnější čtení navracena. Vydání druhé (3-e) od Vaclava Hanky. Praha, 1853 // Известия ИАН по ОРЯС. Т. 2. СПб, 1853. С. 257.
- ⁴⁶ *Пыпин А.Н.* Вячеслав Ганка // Современник. 1861. Т. LXXIV. Отд. II. С. 1–40; Пыпин А.Н., Спасович В.Д. Обзор истории славянских литератур. СПб, 1865.
- ⁴⁷ *Качановский В.* Чешский деятель В.В. Ганка (1791–1861) // Вестник славянства. Кн. 5. Казань, 1890. С. 89–91.
- ⁴⁸ *Сухомлинов М.* О сношениях В.В. Ганки с Российской Академиею и его вызов в Россию // Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб, 1876. С. 309–318.
- ⁴⁹ *Петухов Е.В.* Из бумаг П.И. Шафарика и В.В. Ганки. К истории русско-чешских ученых и литературных сношений в первой половине XIX века. Юрьев, 1896.
- ⁵⁰ *Кочубинский А.А.* Начальные годы русского славяноведения. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцов. Одесса, 1888.
- ⁵¹ *Лавровский П.А.* Похороны В.В. Ганки в Праге // Санкт-Петербургские ведомости. 29 марта 1861 г. № 71; Киевский телеграф. 19 января 1861 г.; Время. СПб, 1861. № 2. С. 37–38; Светоч. 1861. № 2. Русская хроника. С. 1–3; *Срезневский И.И.* В.В. Ганка // Северная пчела. 1861. № 2 (5 января); № 8 (11 января); № 12 (16 января); № 15 (19 января); № 29 (6 февраля); № 13 (17 января); № 62 (18 марта); Век. 1861. № 2, № 3. С. 107; Иллюстрация. 1861. № 166. С. 253–254; ЖМНП. 1861. Т. 109. Кн. 2. Отд. IV. С. 87–88; Некролог В. Ганки // ЖМНП. Часть неофициальная. № 2. Февраль. Ч. СІХ. СПб, 1861. С. 87–88.
- ⁵² Всеобщая история литературы, составлена по источникам и новейшим исследованиям при участии русских ученых и литераторов, начата под редакцией В.Ф. Корша, окончена под редакцией профессора А. Кирпичникова. Т. 3. СПб, 1888. С. 123–129.
- ⁵³ *Петрушевич А.С.* О подложных старочешских письменных памятниках: Суде Любуши, евангелическом отрывке Св. Иоанна, Краледворской рукописи. Львов, 1876.
- ⁵⁴ *Морозов П.О.* Новая литература славянских народов // Всеобщая история литературы. Под ред. А. Кирпичникова. Т. 3. Ч. I. СПб, 1888. С. 127–128.
- ⁵⁵ *Ламанский В.И.* Новейшие памятники древнечешского языка // ЖМНП. 1879. Ч. 201. № 1. Отд. 2. С. 131–160; Ч. 201. № 2. Отд. 2. С. 313–366; Ч. 202. № 3. Отд. 3.

С. 118–152; Ч. 203. № 6. Отд. 2. С. 247–276; Ч. 204. № 7. Отд. 2. С. 1–33; 1880. Ч. 209. № 7. Отд. 2. С. 312–359.

⁵⁶ Францев В.А. Очерки по истории Чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX столетия. Варшава, 1902.

⁵⁷ Пыпин А.Н. Мои заметки. С приложением статей: Два месяца в Праге. Вячеслав Ганка. Под ред. В.А. Ляцкой. М., 1910.

⁵⁸ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб, 1910.

⁵⁹ Очерки истории чешской литературы XIX–XX веков. М., 1963.

⁶⁰ Измаилов Н.В. Тургенев, Вацлав Ганка и Иосиф Фрич // И.С. Тургенев (1818–1883–1958). Орел, 1960.

⁶¹ Никольский С.В. Две эпохи чешской литературы. М., 1981.

⁶² Кораблев В.Н. Вячеслав Ганка и его Краледворская рукопись // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Серия VII. 1932. № 6. С. 521–543.

⁶³ Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997; История Чехии периода позднего феодализма и раннего нового времени (1648–1849). М., 1998. С. 98–106; Краледворская и Зеленогорская рукописи в освещении русской литературы XIX и начала XX вв. // Sborník Národního muzea v Praze. Rada C. Sv. XVIII. 1973. С. 1–2. Praha, 1974. С. 1–40; Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала – XX вв. // Studia Slavica Hungarica. 1975. XXI. S. 69–79.

⁶⁴ Кондаурова Л.П. Вацлав Ганка и Россия (по материалам его переписки) // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. С. 202–209.

⁶⁵ Смирнов С.В. Первые русские слависты в Чехии // Труды по русской и славянской филологии. XXII. Серия лингвистическая. Из истории русского языкознания. Tartu, 1973. С. 47–176.

⁶⁶ Францев В.А. К истории изданий Реймского Евангелия // ЖМНП. 1900. Июль. С. 126–155; Петровский Н.М. По поводу второго издания (СПб, 1910) книги И.О. Лернера «Труды и дни Пушкина» // Известия ОРЯС АН. Т. XVI. Кн. 3. СПб, 1911. С. 324–325; Ганка Вацлав // Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1911. С. 74; Яцимирский А. Краледворская рукопись // Энциклопедический словарь под ред. К.К. Арсеньева. СПб, 1915. С. 65–68; Ровда К.И. Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур. 1870–1890. Л., 1978; Чуркина И.В. Русские и словенцы. Научные связи в конце XVIII в. – 1914 г. М., 1986; История литератур западных и южных славян. Т. 2. Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX вв. М., 1997.

⁶⁷ Лаптева Л.П. Краледворская и Зеленогорская рукописи // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 11–119.

⁶⁸ Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.

⁶⁹ Лаптева Л.П. Значение Вацлава Ганки в развитии славяноведения в России и русско-чешских научных контактов в XIX в. // Славяноведение. 2012. №2. С. 68.

⁷⁰ Лаптева Л.П. И.И. Срезневский и его научные контакты с чешским славистом В. Ганкой // Дриновский збірник. Том VI. Академічно видавництво «Проф. Марин Дринов». Харків-Софія, 2013.

⁷¹ Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.

⁷² Мельников Г.П. Чешская культура // История культур славянских народов. Т. II. От барокко к модерну. М., 2005. С. 433–435.

⁷³ Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб, 2011.

Ирина Феликсовна МАКАРОВА

Танзимат и болгары: проблемы историографии*

Турецкий термин «танзимат» (в значении «комплекс преобразований») широко используется в научной литературе для обозначения явления исторического масштаба — процесса радикальной модернизации архаичной структуры османского общества. Применительно к истории болгарского народа эпохи национального Возрождения изучение этого, и без того исключительно сложного и многогранного явления, приобретает особую специфику. Основная проблема состоит в особенностях двух национальных историографий — болгарской и российской, в рамках которых сосредоточен основной массив профильных исследований.

Хотя доподлинно известно, что с конца XIV в. и вплоть до 1878 г. болгары были подданными турецкого султана, т.е. неотъемлемой частью населения, полностью интегрированного в социально-экономическую и политическую структуру османского государства, в исторической болгаристике, как одном из направлений славистики, давно и прочно утвердилась традиция, в рамках которой изучением османских реформ занимаются тюркологи, а собственно историей болгарского народа слависты. Прямым следствием этой искусственно созданной междисциплинарной лакуны стала явная недооценка славистами степени единства процессов общеимперского масштаба, какими являлись реформы Танзимата, и явлений регионального характера, в частности, процессов внутри болгарского социума.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект «История Балкан: на переломе эпох (1878–1914)», № 15-01-00145а.

Данная статья представляет собой краткий обзор основных проблем историографии Танзимата с акцентированием внимания на вопросах, актуальных для истории болгарского народа эпохи национального Возрождения. Попытка соотнесения в рамках одной статьи этих двух исторических явлений — турецкого Танзимата и болгарского Возрождения — представляется оправданной не только в виду существования на тот момент единого государственного пространства для турецкого и болгарского этносов, но и в силу чисто формального обстоятельства — совпадения общих хронологических рамок.

По поводу периодизации эпохи болгарского национального Возрождения дискуссия в данном случае вряд ли уместна. В официальной болгарской академической науке ее хронологические границы определены следующими образом: с начала XVIII в. (а именно, от Карловацкого мира 1699 г. и русско-турецкого договора 1700 г.) до 1878 г. (т.е. окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг.), с выделением двух внутренних этапов: начало XVIII в. — середина XIX в. и 1856–1878 гг.¹

Относительно общей периодизации Танзимата в науке до сих пор единая точка зрения отсутствует. В современной османистике и балканистике трудно найти понятие, способное соперничать с данным явлением по степени разнообразия трактовок и оценок. В справочной и научно-популярной литературе его обычно принято ассоциировать с нововведениями, инициированными Портой в середине XIX в. и направленными на европеизацию отсталой Османской империи. В научной литературе дело обстоит гораздо сложнее. В среде специалистов термин «танзимат» хотя и используется чрезвычайно широко, однако имеет в достаточной степени условный, даже технический характер. В частности, до сих пор отсутствует консенсус в определении не только характера проводимых Портой реформ и их этапов, но даже общих хронологических границ.

В качестве уникального и многогранного объекта исследования, имеющего ярко выраженную социально-экономическую составляющую, Танзимат привлек к себе повышенное внимание исследователей лишь в середине XX века. Ранее историков интересовал в основном его политический аспект,

причем, в основном в контексте истории Восточного вопроса². Сам термин впервые широко вошел в политический обиход во второй четверти XIX в. Изначально сами турки и современники-европейцы употребляли его лишь по отношению к серии нововведений, связанных с масштабной военной реформой, инициированной в 1826 г. султаном Махмудом II (1808–1839), а затем продолженной его преемником Абдул Меджидом I (1839–1861)³. Однако, как только за дело взялись профессионалы (одним из первых был очевидец событий – французский консул в Белграде, автор капитального труда по истории турецких реформ Э. Энгельгард⁴), сразу обозначились проблемы методологического характера. Суть их состояла и продолжает состоять в сложности классификации проводимых Портой преобразований с точки зрения соотношения их с критериями самого акта реформаторской деятельности. Именно в соответствии с позицией того или иного историка по данному вопросу, причем, что уникально, практически вне зависимости от принадлежности авторов к различным идеологическим или национальным школам, находится личностное отношение к определению сущности Танзимата и, как следствие, его хронологических рамок.

Проблема хронологии является, пожалуй, одной из наиболее дискуссионных. Единственный пункт, относительно которого в историографии отсутствуют споры, это очевидное деление Танзимата на два этапа – до и после 1856 года, т.е. до и после заключения Парижского мирного договора. Появление на свет этого межгосударственного акта, содержащего в себе прямую ссылку на обещание реформ, продекларированных султаном в знаменитом указе Хатт-и хумайун (1856), предоставило великим державам – гарантам мирного договора, юридическую базу для прямого вмешательства в дела суверенного государства. Данное обстоятельство кардинальным образом повлияло на суть проводимых Портой реформ, превратив их по существу в процесс хаотичной вестернизации, а в конечном счете, и развала страны.

За исключением данного исторического рубежа все прочие проблемы хронологии остаются по сей день дискуссион-

ными. Наименьшее количество споров вызывает определение верхней временной границы Танзимата. Большинство исследователей относит ее к 70-м годам XIX в., привязывая, однако, к разным историческим вехам⁵. Часть историков склоняется к 1876 г. — дате провозглашения первой турецкой конституции и началу деятельности парламента. Основой их концепции является взгляд на введение парламентской системы правления как на логическое завершение всего хода реформ. К данной группе примыкают и те, кто называет в качестве верхнего рубежа Танзимата 1878 год, соотнося эту веку с концом русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и роспуском парламента султаном Абдул Хамидом II (1876—1908). Решающим аргументом в пользу этой датировки является факт резкого ужесточения политического режима и отказ Порты от отождествления процесса реформирования страны с курсом на ее европеизацию. Существует также датировка конца эпохи Танзимата 1871 годом, соотносенная с датой смерти великого визиря Али-паши, активного сторонника модернизации страны по западным лекалам, и с обозначившейся вскоре тенденцией к усилению султанского абсолютизма. Однако данная концепция весьма уязвима, поскольку все созданные при Али-паше новые государственные институты продолжали функционировать и после его кончины.

Среди исследователей имеются сторонники привязки верхней границы Танзимата к началу деятельности общества «Новых османов» (60-е годы XIX в.)⁶, а также к победе младотурецкой революции (1908). Дата, соотносящая конец эпохи Танзимата с победой младотурок впервые была предложена в 1960 г. ведущим турецким историком Т. Тунайя в рамках разработанной им общей периодизации Танзимата как растянутого во времени многовекторного исторического процесса⁷. Данная концепция была сразу подвергнута критике в Советском Союзе⁸, однако продолжает пользоваться популярностью у турецких и европейских историков и по сей день. Предложенная Т. Тунайя хронология трактует Танзимат с позиций единого процесса вестернизации Османской империи. Автор считает возможным выделение в нем трех ос-

новых этапов: 1718–1826 гг. – период частичных преобразований в сфере армии и государственного управления, среди которых наиболее важной является военная реформа султана Селима III (1789–1807); 1826–1839 гг. – эпоха просвещенного абсолютизма султана Махмуда II, продолжившего начинания предшественника. Третий этап охватывает большой период – с 1839 г. по 1908 г. – и подразделяется на три составляющие: период собственно танзиматских реформ, который, по мнению автора, ограничен 1839–1876 гг. и отмечен, кроме самих реформ, появлением на исторической сцене общества «Новых османов». К эпохе Танзимата автор относит также период младотурецкого движения и революции 1908 г.

В 1986 г. советский османист Ю.А. Петросян разработал на основе данной периодизации аналогичную, но марксистскую концепцию (в соавторстве с И.Е. Петросян)⁹. Он предложил классифицировать Танзимат как затяжной период буржуазной социальной революции, инициированный верховной властью в конце XVIII в. с целью сохранения территориальной целостности страны и укрепления ее военно-политической мощи. По его мнению, в 60-е годы XIX в. (после появления общества «Новых османов») эти инициативы переросли в радикальную политическую реформу по ограничению власти султана, успешно завершившуюся в 1908 г. победой младотурок. Этой периодизации Ю.А. Петросян придерживается и в более поздних своих работах¹⁰. Данная периодизация легла также в основу вышедшей в 1993 г. монографии И.Е. Петросян¹¹.

Если при определении верхней хронологической границы эпохи Танзимата в научных кругах царит относительный консенсус, то разброс мнений по поводу нижней границы чрезвычайно широк – от начала XVIII в. до 1856 г. Причем, именно расхождения на эту тему имеют под собой основу принципиального характера. Основная причина разногласий историков – выбор критериев для оценки самого акта реформаторской деятельности.

Использование европейских стандартов, включающих в себя представления о реформах как процессе либерализации и демократизации общества, диктует необходимость макси-

мально узкой трактовки Танзимата и его хронологических рамок. Сторонники такого подхода обычно связывают начало Танзимата с провозглашением в 1839 г. Гюльханейского хатта (Хатт-и шерифа)¹² или даже Хатт-и хумайуна (1856)¹³. Говоря о начале эпохи реформ, приверженцы этой точки зрения предпочитают акцентировать внимание главным образом на тех мероприятиях турецкого правительства, которые были направлены на расширение прав и свобод христиан, а также на внедрение в исламское общество некоторых юридических норм и институтов, скопированных со стран просвещенной Европы. Что же касается более ранних нововведений, в частности, военной реформы султана Селима III, то, например, по мнению известного американского тюрколога С. Шоу, проблема перевооружения и переобучения армии носила в основном технический характер. Соответственно, связь между проводимыми мероприятиями и грядущими преобразованиями была, на его взгляд, в значительной степени внешней и поверхностной¹⁴.

Подобная трактовка Танзимата традиционно типична для европейской историографии. Впрочем, даже она не отвергает признание внутри Танзимата отдельных этапов, нацеленных на решение различных целей и задач, а также наличие подготовительного периода. Под подготовительным периодом историки обычно подразумевают военную реформу султана Селима III. Вызванная к жизни кризисом военно-ленной системы и, соответственно, деградацией спахийского ополчения, эта реформа ставила своей целью создание боеспособного регулярного войска, примером для организации которого были выбраны европейские образцы. Именно факт европейских заимствований побуждает многих специалистов рассматривать нововведения в военной сфере в качестве исходной точки будущей вестернизации страны. Мысль о базовом характере военного фактора в процессе модернизации всего османского общества особо подчеркивается, в частности, в концепции, заложенной в основу тематического сборника под редакцией В. Полка и Р. Чеймбрза¹⁵, в трудах Д. Растоу¹⁶, С. Шоу¹⁷, П. Шугра¹⁸, Ф. Хитцеля¹⁹, А.Д. Новичева²⁰, А.Ф. Миллера²¹ и многих других авторитетных историков.

Однако отождествление реформ Танзимата исключительно с их военной составляющей чревато крайностями в оценках и размытием самого понятия. Так, например, английский тюрколог Б. Левайс полагает, что понимание необходимости кардинальной военной реформы пришло к османским властям уже в 1683 г. после неудачной осады Вены²². При этом он не отрицает, что первые сознательные попытки заимствования элементов европейской цивилизации, относящиеся, в первую очередь, к военной сфере, можно датировать лишь началом XVIII в., связывая их, в частности, с приглашением в турецкую армию западных военных инструкторов.

Параллельно в историографии продолжает оставаться востребованной аутентичная датировка нижней границы Танзимата, которой активно пользовались сами современники событий. Речь идет о соотнесении начала эпохи реформ с преобразованиями Махмуда II, последовавшими сразу после ликвидации им в 1826 г. корпуса янычар. Кроме историков XIX в., среди которых уже упоминавшийся Э. Энгельгардт, немецкий исследователь Д. Розен и некоторые другие авторы²³, этот подход разделяет часть западных исследователей²⁴, из болгарских – М. Тодорова²⁵, из отечественных – Ф.Ш. Шабанов²⁶ и И.Ф. Макарова²⁷. Однако наибольшей популярностью эта датировка пользуется у турецких историков, среди которых такие мэтры османистики как Х. Иналджик²⁸, Н. Беркес²⁹, К. Карпат³⁰, Ш. Мардин³¹.

Не отрицая наличия в Танзимате подготовительного периода, относящегося ко времени правления султана Селима III, сторонники данной периодизации обращают особое внимание на системный характер нововведений, предложенных султаном Махмудом II. Инициированная им ради спасения территориальной целостности страны, реформа по созданию регулярной армии не ограничилась лишь военной сферой, а получила в качестве логического продолжения модернизацию всей системы социально-экономических, а в конечном счете и политических отношений. Отказ от использования спахийского ополчения повлек за собой трансформацию всей архаичной системы военно-ленного (спахийского) землевладения.

Реорганизация военно-ленной системы, являвшейся основой функционирования традиционной структуры османского общества, подразумевала в свою очередь реформу налогового, административного, а в конечном счете и государственного аппарата. В частности, отделение военной сферы от гражданской повлекло за собой создание министерств, военных управлений, учреждение института государственных (т.е. состоящих на жаловании) служащих, введение дифференцированных ставок налогообложения и т.д. Кроме того, конкретные мероприятия, нацеленные на обеспечение потребностей регулярной армии, дали толчок развитию ремесленного производства капиталистического типа.

В рамках данной трактовки Танзимата в качестве внутреннего рубежа в истории реформ обычно указывается не только 1856 г., но и 1838–1839 гг., которые характеризуются как судьбоносные для истории страны. В 1838 г., пытаясь заручиться военной поддержкой Великобритании в борьбе с египетским сепаратистом Али-пашой, правительство султана Махмуда II пошло на заключение фритрейдерского торгового договора с Великобританией, а затем (в течение 1839–1841 гг.) и с другими заинтересованными европейскими державами.

В историографии оценки этого торгового договора крайне противоречивы. Западные историки обычно относятся к нему исключительно позитивно. Например, Ф. Бейли³² рассматривает его в качестве важнейшего шага на пути к либерализации турецкой экономики, связывая именно с ним перспективы экономического подъема Османской империи. Среди турецких историков преобладают резко негативные оценки. В наиболее жесткой форме они были сформулированы, пожалуй, О. Койменом³³, соотнесшим этот договор с началом процесса экономической колонизации страны. Отечественные и балканские историки придерживаются по данному вопросу откровенно уклончивой позиции, неизменно подчеркивая его позитивное влияние на развитие сельского хозяйства в балканских провинциях, но не отрицая при этом факт крайне негативного влияния на развитие местного ремесленного производства³⁴.

Возможность членения первого этапа Танзимата на две внутренние фазы (до и после 1839 г.) связана и с характером проводимых реформ. Нововведения султана Махмуда II были ориентированы, в первую очередь, на решение внутренних проблем османского общества. Использование иностранного опыта и привлечение западных специалистов носили технический или подчеркнуто конъюнктурный характер. Замечание о конъюнктурности особо наглядно проиллюстрировал, в частности, именно факт заключения англо-турецкого торгового договора, разительно контрастирующего с подписанным двумя неделями ранее договором с Бельгией, отвечающего всем требованиям взаимовыгодной торговли³⁵.

С воцарением в 1839 г. нового султана Абдул-Меджида I подход к реформам кардинальным образом изменился. Приход к власти шестнадцатилетнего подростка и приближение им к трону сторонников радикальной вестернизации страны во главе с великим визирем Решид-пашой не только придали преобразованиям новую динамику, но и качественно изменили сам вектор нововведений, определив их откровенно подражательный характер. Что же касается акта провозглашения новым султаном политической декларации, получившей в Европе широкую известность как Гюльханейский хатт (или Хатт-и шериф) и объявляющей о готовности Порты следовать по пути вестернизации, мнения в историографии по его поводу весьма противоречивы. В частности, он нередко характеризуется как откровенно пропагандистский прием, ориентированный главным образом на европейскую аудиторию и призванный лишить Али-пашу Египетского преимуществ на международной арене (тот слыл в Европе реформатором и пользовался поддержкой Франции)³⁶. На эту тему имеется, в частности, специальная статья А.Д. Новичева³⁷.

Среди сторонников датировки начала танзиматских реформ временем правления султана Махмуда II (с параллельным выделением правления султана Селима III в самостоятельную эпоху предреформ) преобладают турецкие историки³⁸. Их подход основан, прежде всего, на оценке преобразовательной деятельности Порты в соотнесении ее

не с европейскими стандартами реформаторской деятельности, а с позиций внутренней эволюции самого османского общества. Например, Н. Беркес, связывая приход эпохи Танзимата со структурным кризисом, поразившим в XVIII в. социальную и экономическую структуру османского общества, особо подчеркивает, что именно султан Махмуд II впервые провозгласил идею построения поликонфессионального и мультинационального османского общества в противовес прежним представлениям об Османской империи как государстве мусульман³⁹. К. Карпат делает основной акцент на кризисе в поземельных отношениях, являвшихся основой функционирования всей системы военно-ленных отношений и, соответственно, связанных с ними административными, социальными и политическими институтами⁴⁰. Х. Иналджик выделяет среди основных задач Танзимата попытку выстраивания новой схемы взаимоотношений с иноверцами, в том числе в правовой сфере. При этом, в качестве основного тормоза преобразований, он выделяет тенденцию к тотальной бюрократизации османского общества, особенно ярко проявившуюся в ходе реформ, инициированных после 1839 г.⁴¹ Впрочем, относительно тотальной бюрократизации, как побочному эффекту реформаторской деятельности Порты, мнения современных турецких⁴² и западных историков (например, Р. Чеймбрза, Ст. Шоу, К. Финдли, Р. Деверо, В. Вейкера)⁴³ обычно совпадают.

Однако, в отличие от западных коллег, склонных в целом позитивно оценивать плоды эпохи Танзимата, позиция турецких исследователей отличается высокой степенью противоречивости⁴⁴. В частности, признавая необходимость и своевременность преобразований эпохи султана Селима III и султана Махмуда II, большинство из них крайне негативно относятся к мероприятиям, проводимым после 1839 г. под влиянием французских советников великого визиря Решид-паши и под нажимом британского посланника Стрэдфорда Каннинга. Особое же возмущение вызывает практика слепого копирования норм европейского права, возобладавшая в политике Порты после 1856 г. Именно хаотичные, чуждые местному социуму, а

также уровню его стадийного развития реформаторские эксперименты 1856–1878 гг. явились, по их мнению, основной причиной деградации и гибели империи.

Возвращаясь к проблеме периодизации эпохи Танзимата, важно отметить, что даже поверхностный обзор историографии позволяет говорить о практически полном совпадении хронологических границ Танзимата и эпохи болгарского национального Возрождения: начало XVIII в. – 1878 г., с выделением основного внутреннего рубежа – 1856 г. В данной связи следует также обратить внимание на факт, упорно ускользающий от внимания болгарских и отечественных славистов: именно области с болгарским населением (Мизия, Фракия, Македония) оказались в силу своего географического положения экспериментальной базой для реформаторских экспериментов. Располагавшиеся в непосредственной близости от столицы они ощутили на себе специфику развития и всех превратностей того периода: кризис военно-ленной системы и политическую анархию конца XVIII – начала XIX вв., военную реформу султана Селима III, основным полигоном для которой стала Фракия, системные преобразования султана Махмуда II и социальные эксперименты 1856–1878 гг., проходившие первичную апробацию именно в восточно-балканских провинциях (прежде всего, на территории Дунайского вилайета).

Нельзя сказать, что в болгарской историографии факт влияния реформ Танзимата на болгарский социум игнорируется. Скорее для исследователей типична принципиально уклончивая позиция, нацеленная на сознательный уход от соотнесения явлений общеимперского масштаба с процессами внутри болгарского этноса и выстраивание параллельной логики национального развития. Данная позиция особенно типична для историков-славистов, занимающихся изучением процессов национального возрождения. Например, даже упоминание самого факта влияния Гюльханейского хатта и Хатт-и хумайуна на процесс становления болгарских общественных движений можно встретить лишь в немногих работах, посвященных системе новоболгарского образования и болгаро-греческого церковного конфликта⁴⁵.

Определенная степень дистанцирования характерна отчасти даже для представителей исключительно сильной научной школы болгарских османистов. В наименьшей степени это наблюдение касается медиевистов, специализирующихся на социально-экономической тематике XV–XVIII вв.⁴⁶, а также современных историков, работающих по западным или турецким грантам. Для их коллег, занимающихся XIX веком, типичен интерес прежде всего к локальной проблематике регионального уровня, предоставляющей возможность отслеживать специфику воплощения реформ в провинциях с преобладающим расселением болгарского этноса. Всплеск интереса в их среде к изучению данной тематики совпал с общемировым трендом 60–70-х годов XX в. Впрочем, и в 50-е годы XX в. в Болгарии уже начали появляться высокопрофессиональные исследования, среди которых необходимо выделить, в первую очередь, классические работы по аграрной проблематике Стр. Димитрова и Н. Тодорова⁴⁷. В 60–70-е годы болгарские ученые продолжили разработки, связанные с анализом различных аспектов влияния реформ на систему местного землепользования⁴⁸ и администрирования⁴⁹, на сферу ремесленных и торгово-денежных отношений⁵⁰.

В последние десятилетия количество высококвалифицированных конкретно-исторических трудов по болгаро-османистике эпохи Танзимата значительно возросло⁵¹. Однако в монографическом плане проблема Танзимата была рассмотрена лишь в двух работах. Прежде всего, это книга М. Тодоровой «Англия, Русия и Танзиматът», изданная в 1980 г.⁵² Посвящена она реформам султана Махмуда II, причем, исключительно их внешнеполитическому аспекту. Нововведения этого периода — 20–30-х годов XIX в. — были проанализированы автором, прежде всего, с позиции изучения успехов процессов европеизации Османской империи и степени влияния на него со стороны двух великих держав — Великобритании и России. М. Тодорова пришла к выводу, что для данного периода степень влияния внешнеполитического фактора на процесс модернизации была незначительна⁵³. Проблема внедрения нововведений на территории болгарских провинций в работе не затрагивается.

Монография М. Тафровой «Танзиматът, вилаетската реформа и българите. Администрацията на Дунавския вилает (1864–1876)»⁵⁴ была издана в 2010 г. Несмотря на широкий многообещающий заголовок, она представляет собой типичное для болгаро-османистики локальное исследование, посвященное детальному анализу структуры административно-судейского аппарата Дунайского вилайета, выявлению степени привлечения к его работе болгар, оценке роли губернатора Мидхат-паши в реорганизации управленческого аппарата и преобразовании края. Автор констатирует, что несмотря на недостатки вилайетской реформы уровень представительства христиан в органах местной власти значительно повысился. По мнению автора, данное обстоятельство следует рассматривать в качестве примера позитивного движения турецких властей в сторону прогресса и европеизации общества⁵⁵. Однако, в явном противоречии с заявленной темой, комплексный анализ реформаторской деятельности Порты в книге отсутствует, а характеристика Танзимата, как исторического явления, сведена к краткому вступительному очерку.

В российской исторической науке проблемами Танзимата традиционно занимались и продолжают заниматься исключительно профессиональные тюркологи, далекие от проблем славистики в целом и болгаристики в частности. Исключения довольно редки. Лишь однажды мэтр отечественной османистики А.Д. Новичев выступил с кратким докладом (переработанным позднее в статью), посвященным влиянию турецких реформ 1839–1853 гг. на историю народов Балкан⁵⁶. Чаще всего балканский регион представлен в данном сегменте историографии в географическом плане, в качестве конкретных турецких провинций, на просторах которых разворачивается то или иное событие османской истории. В частности, именно на фоне Балкан развиваются многие сюжеты на страницах фундаментальных трудов А.Ф. Миллера и М.С. Мейера, посвященных различным аспектам структурного кризиса XVIII века⁵⁷, а также работ И.Л. Фадеевой⁵⁸ и В.И. Шеремета⁵⁹, сотрудничавших в разное время с Институтом славяноведения РАН.

Отечественные историки-болгаристы с термином «танзимат» знакомы весьма условно. В подавляющем большинстве работ до сих пор продолжает присутствовать (по умолчанию) идеологическая матрица XIX века, нацеливающая славистов не столько на изучение реалий османского общества, неотъемлемой составной частью которого были среди прочих христиан и болгары, сколько на сбор компромата на давно несуществующего геополитического противника и обоснование освободительного характера войн Российской империи против Турции. В работах российских историков данная установка органично сочетается также с основным трендом официальной болгарской историографии, нацеленным на вычленение истории болгарского народа из общеосманского контекста. В отечественной славистике факт наличия этой матрицы замечать не принято, она априорно присутствует в университетских курсах лекций по истории южных славян, в затем автоматически воспроизводится в научных трудах. Не удивительно, что многочисленные вопросы, связанные с проблемами скрытой исламизации и ассимиляции болгарского этноса, его глубокого вращивания в османский социум оказываются практически вне зоны внимания исследователей: для профессионального сообщества тюркологов данная тема не актуальна, а для славистов она как бы не существует.

Искусственный характер ситуации, сложившейся в отечественной и болгарской историографии вокруг изучения степени вращивания болгар в многонациональное и поликонфессиональное османское общество, в частности, влияния реформ Танзимата на процесс становления болгарской нации, спровоцировал автора данной работы на написание серии статей⁶⁰ и двух монографий — «Болгарский народ в XV—XVIII вв.: этнокультурное исследование» и «Болгары и Танзимат»⁶¹, призванных переломить историческую инерцию и вернуть болгарскую составляющую в ее естественное для эпохи русло — османское.

Источниковедческой базой написания этих трудов стал обширный корпус документов из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственного

архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), большинство из которых было введено в научный оборот впервые. На их основе также впервые в историографии было осуществлено комплексное изучение влияния реформ Танзимата на различные стороны жизни болгарского народа — экономическую, социальную, культурную и политическую. Данный подход позволил по-новому переосмыслить многие из известных событий болгарской истории. В частности, связать цели и логику поведения деятелей болгарского церковного движения с влиянием на их сознание османской матрицы и инициированным Портой процессом реформирования системы миллетов, а факт создания схизматичной Болгарской экзархии (1872) — с актом наделения болгар юридическим статусом нации. Удалось проследить связь между международными кризисами XIX в. и реформаторскими инициативами Порты, с одной стороны, а также подъемом болгарских общественных движений, с другой.

Анализ османской аграрной реформы 30–50-х годов XIX в. и особенностей ее реализации в болгарских провинциях позволили сделать вывод об исключительной важности данной инициативы Порты в формировании болгарского класса потенциальных крестьян-собственников, массового в количественном отношении и обладающего высоким уровнем материального достатка. При этом, в качестве своеобразного исторического феномена, обозначить значительный уровень общественной активности этого класса, обусловленный, в первую очередь, системными навыками самоорганизации и самоуправления народа, приобретенными в рамках функционирования дореформенной и реформированной в ходе Танзимата системы миллетов, а также особенностями функционирования ремесленных корпораций-эснафов.

Впервые в историографии удалось поставить вопрос о влиянии османской матрицы в целом и нововведений эпохи Танзимата в частности, на постосманское болгарское общество.

Особое внимание в указанных работах было уделено анализу влияния Танзимата на эволюцию балканской политики России в конце 60-х — середине 70-х годов XIX в. Вновь вве-

денные в оборот архивные документы позволили обнаружить серьезную озабоченность российских дипломатов по поводу турецких реформ, особенно в отношении мероприятий, нацеленных на модернизацию армии и интеграцию Османской империи в экономику Запада, а также соотнести эту озабоченность с процессом резкой активизации политики русских властей на Балканах.

Подытоживая краткий обзор историографии, можно еще раз отметить высокую степень варибельности трактовок и оценок реформ Танзимата. При этом степень изученности факта влияния самих реформ на развитие болгарского социума представляется явно недостаточным.

Примечания

- ¹ История на България. Т. 5. Българско Възраждане. XVIII – средата на XIX в. София, 1985; История на България. Т. 6. Българско Възраждане. 1856–1878. София, 1987. Подробно о современных проблемах историографии болгарского Возрождения см.: Българският XIX век. София, 2006; *Даскалов Р.* Как се мисли Българското Възраждане. София, 2013.
- ² Подробную библиографию вопроса см.: *Bérard V. Réform ottomane // Revue de Paris.* 1908. № 17; *Bowen H.* British Contributions to Turkish Studies. London, 1945; *Мезиерь А.В.* Турция. СПб, 1907.
- ³ *Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 1962. С. 247–248; *Березин И.Н.* Современная Турция // Отечественные записки. 1856. Т. 104. С. 46–49.
- ⁴ *Engelhardt E.* La Turquie et le Tanzimat ou Histoire des réformes de l'Empire Ottoman depuis 1826 jusqu'à nos jours. Paris, 1882–1884.
- ⁵ Подробную историографию вопроса см.: *Шабанов Ф.Ш.* Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата. Баку, 1967. С. 17–18.
- ⁶ *Димитров Стр.* Рецензия на книгу Шабанова Ф.Ш. «Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата» // *Études balkaniques.* 1970. № 2.
- ⁷ *Tunaya T.* Türkiyenin siyas hayatında batılılaşma hareketleri. Istanbul, 1960. S. 20.
- ⁸ *Желтяков А.Д.* К вопросу о вестернизации Турции в Новое время // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 2. Ленинград, 1968.
- ⁹ *Петросян Ю.А., Петросян И.Е.* О периодизации эпохи реформ в Османской империи // *Turcologica.* 1986. М., 1987.
- ¹⁰ *Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество и гибель. М., 1990; *он же.* Османская империя. М., 2003.
- ¹¹ *Петросян И.Е.* Османская империя: реформы и реформаторы. Конец XVIII – начало XX в. М., 1993.
- ¹² *Lewis G.* Modern Turkey. London, 1974; *Moaz M.* Ottoman Reform in Syria and Palestine. 1840–1861. The Impact of the Tanzimat on Politics and Society. Oxford, 1968; *Show St.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. II. The Rise

of Modern Turkey. Cambridge, 1977; *Show St. Local Administration in the Tanzimat* // 150 Yilinda Tanzimat. Ankara, 1992; *Quataert D. The Ottoman Empire, 1700–1922*. Cambridge, 2000; *Gelvin J. The Modern Middle East: A History*. Oxford, 2008; *Гасра-тян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983; *Бод-жолян М.Т.* Реформы 20–30-х гг. XIX века в Османской империи. Ереван, 1984; *Дулина Н.А.* Танзимат и Мустафа Решид паша. М., 1984; *Сафрастян Р.А.* Доктрина османизма в политической жизни Османской империи. Ереван, 1985; *Кипросс Л.* Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999; *Сейтмиева У.Б.* Культура и просвещение Турции в эпоху Танзимата: 1839–1876 гг. Автореф. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Махачкала, 2003; *Плетньов Г.* Мидхат-паша и управление на Дунайския вилает. Велико Търново, 1994; *Мантран Р.* История на Османската империя. София, 1999; *Саулов А.* История на Османската империя (XIV–XX в.). Велико Търново, 2000; *Тафрова М.* Танзиматът, вилаетската реформа и българите. Администрацията на Дунавския вилает (1864–1876). София, 2010.

¹³ *Davison R.* Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876. Princeton, New Jersey, 1963; *Karkar Y.* Economic Development in the Ottoman Empire 1856–1914. Beirut, 1968; *Желтяков А.Д.* К вопросу о вестернизации Турции в Новое время // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып.2. Ленинград, 1968.

¹⁴ *Show St.* Between Old and New. The Ottoman Empire under Sultan Selim III. 1789–1807. Cambridge. Massachusetts, 1971. P. 264–266.

¹⁵ The Beginnings of Modernization in the Middle East: the Nineteenth Century. Chicago, 1968.

¹⁶ *Rustow D.A.* The Modernization of Turkey in Historical and Comparative Perspective // In: *Karpat K.* and Contributors. Social Change and Politics in Turkey. A Structural-Historical Analysis. Leiden, 1973; *Rustow D.A.* The Military: Turkey // Political Modernization in Japan and Turkey. New Jersey, 1964.

¹⁷ *Show S.* The Origins of Ottoman Military Reform: The Nizam-i Cedid Army of Sultan Selim III // Journal of Modern History. 1965. №3.

¹⁸ *Sugar P.F.* Economic and Politic Modernization // Political Modernization in Japan and Turkey. New Jersey, 1964.

¹⁹ *Хитцель Ф.* Османская империя. М., 2006.

²⁰ *Новичев А.Д.* История Турции. Т. 2. Новое время. Часть 1 (1792–1839). Ленинград, 1968.

²¹ *Миллер А.Ф.* Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XVIII века. М.-Л., 1947; он же. Краткая история Турции. М., 1948.

²² *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. London, 1965. P. 45.

²³ *Розен Д.Г.* История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году. СПб, 1876; *Убичини А.* Современное состояние Османской империи. СПб, 1877; *Du Velay A.* Essai sur l'histoire financière de la Turquie. Depuis le règne du Sultan Mahmoud II jusqu'à nos jours. Paris, 1903.

²⁴ *Bailey Fr.* British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge, 1942; *Hurewitz J.* The Europeanization of Ottoman Diplomacy: the Conversion from Unilateralism to Reciprocity (1835–1870) // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 2. М., 1963.

²⁵ *Тодорова М.* Англия, Русия и Танзиматът. София, 1980.

²⁶ *Шабанов Ф.Ш.* Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата.

²⁷ *Макарова И.Ф.* Българи и Танзимат. М., 2010.

²⁸ *Inalcik H.* Studies in Ottoman Social and Economic History. London, 1985.

²⁹ *Berkes N.* The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964.

- ³⁰ *Karpat K.* An Inquiry into the Social Foundation of Nationalism in the Ottoman State: from Social Estates to Classes, from Millets to Nations. Princeton, 1973.
- ³¹ *Mardin Ş.* The Genesis of Young Ottoman Thought: A Study in the Modernization of Turkish Political Ideas. Princeton, 1962.
- ³² *Bailey Fr.* British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge, 1942. P. 84–115.
- ³³ *Koymen O.* The Advent and Consequences of Free Trade in the Ottoman Empire // *Études balkaniques.* 1972, №2. P. 52–54.
- ³⁴ *Дулина Н.А.* Англо-турецкий договор 1838 г. и его влияние на экономику Османской империи // *Народы Азии и Африки.* 1976. № 3. С. 69–80; *Миллер А.Ф.* Краткая история Турции. С. 66–67; *Новичев А.Д.* История Турции. Т. 3. Новое время. Часть 2 (1839–1853). Ленинград, 1973. С. 192; *Глушков Хр.* Англо-турский торговский договор от 1838 г. и българското стопанство // *Трудове на Великотърновския университет.* Т.15. София, 1979. № 3. С. 147–179; *Тодорова М.* Англия, Русия и Танзиматът. С. 88–99.
- ³⁵ *Новичев А.Д.* Борьба между реформаторами и консерваторами в период Танзимата (1839–1853) // *Тюркологический сборник.* 1973. М., 1975. С. 101.
- ³⁶ *Davison R.* Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876. Princeton, New Jersey, 1963. P. 881.
- ³⁷ *Новичев А.Д.* Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект // *Тюркологический сборник.* 1972. М., 1974.
- ³⁸ Подробно историографию вопроса см.: *Kuran E.* Ottoman Historiography of the Tanzimat Period // *Historian of the Middle East.* London, 1962.
- ³⁹ *Berkes N.* The Development of Secularism in Turkey. P. 17–19, 24–25, 508.
- ⁴⁰ *Karpat K.* The Transformation of the Ottoman State 1789–1908 // *International Journal of Middle Eastern Studies.* 1972. № 3. P. 257; *Karpat K.* The Land Regime, Social Structure and Modernization in the Ottoman Empire // *The Beginnings of Modernization in the Middle East: the Nineteenth Century.* Chicago, 1968. P. 89.
- ⁴¹ *Inalcik H.* Studies in Ottoman Social and Economic History. London, 1985. P. 285, 431–508; *Inalcik H.* An economic and social history of the Ottoman empire: 1300–1914. Cambridge, 1996. P. 451–520; *Inalcik H.* Tanzimat ve Bulgar meselesi. Istanbul, 1992. S. 121, 148–153.
- ⁴² *Lafi N.* The Ottoman Municipal Reforms between Old Regime and Modernity: Towards a New Interpretative Paradigm. Istanbul, 2007; *Ishtiaq H.* The Tanzimat: Secular reforms in the Ottoman Empire. Faith Matters, 2011.
- ⁴³ *Chambers R.L.* The Civil Bureaucracy: Turkey // *Political Modernization in Japan and Turkey.* New Jersey, 1964; *Show St.* Some Aspects of the Aims and Achievements of the Nineteenth-Century Ottomans Reforms // *Beginnings of Modernization in the Middle East.* Chicago, 1968. S. 29–40; *Findley C.* Bureaucratic Reforms in the Ottoman Empire: The Sublime Porte, 1789–1922. Princeton, 1980; *Findley C.* Ottoman Civil Officialdom: A Social History. Princeton, 1989; *Devereux R.* The First Ottoman Constitutional Period. Baltimore, 1963; *Weiker W.* The Ottoman Bureaucracy: Modernization and Reform // *Administrative Science Quarterly.* 1968. Vol. 13.
- ⁴⁴ Подробно см.: *Kuran E.* Ottoman Historiography of the Tanzimat Period // *Historian of the Middle East.* P. 422–429.
- ⁴⁵ *Димитров А.* Училище, прогресът и националната революция. София, 1987; *Ников П.* Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, 1971; *Маркова З.* Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976; *Она же.* Българската екзархия. 1870–1879. София, 1989.
- ⁴⁶ *Mutafchieva V., Dimitrov Str.* Sur l'état du système des timars des XVII–XVIII ss. Sofia, 1968; *Gradeva R.* Rumeli under the Ottomans XV–XVIII centuries: institutions and

communities. Istanbul, 2004; *Бур-Марковска М.* Българското общество XV–XVIII век. София, 1999; *Гандев Хр.* Зараждане на капиталистически отношения в чифлишкото стопанство на Северозападна България през XVIII в. София, 1962; *Георгиева Ц.* Еничарите в българските земи. София, 1988; *Градева Р.* Кадийският съд в българските земи (XV–XVIII в.) // Българското общество през XV–XVIII век. София, 1999; *Грозданова Е.* Българската селска община през XV–XVIII век. София, 1979; *Димитров Стр.* Към историята на чифликчийството в Русенско // Исторически преглед. 1958. № 4; *он же.* Движението против поголовния данък през 1730–1731 г. // Векове. 1979. № 2; *Мутафчиева В.* Кърджалийско време. София, 1977; *Радушев Евг.* Аграрните институции в Османската империя през XVII–XVIII в. София, 1995; *Тодоров Н.* Балканският град. XV–XIX век. Социално-икономическо и демографско развитие. София, 1972; *Цветкова Б.* Извънредни данъци и държавни повинности в българските земи под турска власт. София, 1958; *она же.* Промени в османския феодализъм на балканските земи през XVI–XVIII в. // Исторически преглед. 1971. № 4, а также многие другие работы.

⁴⁷ *Димитров Стр.* Чифлишкото стопанство през 50–70 години на XIX в. // Исторически преглед. 1955. № 2; *он же.* Към въпроса за отменяването на спайхийската система в нашите земи // Исторически преглед. 1956. № 6; *он же.* Към историята на чифликчийството в Русенско // Исторически преглед. 1958. № 4; *он же.* За класовото разделение сред селяните в Североизточна България през 70-те години на XIX в. // Известия на Института по история. Т. 8. София, 1960; *он же.* Из историята на революционното движение в Нишкия вилает през 1850 г. // Известия на Института за история. Т. 16/17. София, 1966; *Тодоров Н.* Нови данни за аграрните отношения у нас през 60-те години на XIX в. // Исторически преглед. 1958. № 5.

⁴⁸ *Милкова Ф.* Развитие и характер на османското поземелно законодателство от 1839 до 1878 г. // Исторически преглед. 1965. № 5; *она же.* Поземелната собственост в българските земи през XIX в. София, 1970; *Димитров Стр.* Въстание от 1850 година в България. София, 1972; *Христов Хр.* Прилагане на капиталистически начин на производство в българското селско стопанство през 60-те и 70-те години на XIX в. // Исторически преглед. 1964. № 1.

⁴⁹ *Плетньов Г.* Административно-стопанската политика на турската власт в Дунавския вилает (1864–1868) // Трудове на Великотърновския университет «Кирилл и Методий». № 13. София, 1967.

⁵⁰ *Паскалева В.* За търговския връзки между Франция и българските земи от началото на XIX в. до Освобождението // Исторически преглед. 1960. № 5; *Глушков Хр.* Търговията на Англия с българските земи от 30-те години на XIX в. до Освобождението // Трудове на Великотърновския университет «Кирилл и Методий». № 9. София, 1973.

⁵¹ *Атанасов Хр.* В османската периферия: общество и економика във Видин и околността през XVIII век. София, 2008; *Бакърджиева Т.* Взаимоотношения между Русенската градска община и османската администрация // Альманах на историята на Русе. Т. 1. Русе, 1996; *она же.* Българската общност в Русе през 60-те години на XIX в. София, 1996; *она же.* На крачка пред времето. Държавникът реформатор Мидхат паша (1822–1884). Русе, 2009; *Витошанска М.* Мидхат паша и българите: митове и реалности. София, 2012; *Георгиева Г.* Административно устройство и управление на еялет Румелия при султан Махмуд II (1808–1839). Дисертация. София, 2005; *Димитров Стр.* Султан Махмуд II и края на еничарите. София, 1993; *Драганова Сл.* Материали за Дунавския вилает (Русенска, Силистренска, Шуменска и Тутраканска каза) през 50–70-те години на XIX в. София, 1980; *она же.* Кюстендилски регион. 1864–1919. София, 1996; *она же.* Селското население на Дунавски вилает. София, 2005; *Манолова-Николова Н.* Чумавите времена (1700–1850). София, 2004; *Паскалева В.* Средна Европа и земите по дол-

ния Дунав през XVIII–XIX в. София, 1986; *Плетньов Г.* Мидхат паша и управление на Дунавския вилает. Велико Търново, 1994.

⁵² *Тодорова М.* Англия, Русия и Танзиматът.

⁵³ Там же. С. 173–176.

⁵⁴ *Тафрова М.* Танзиматът, вилаетската реформа и българи.

⁵⁵ Там же. С. 202–205.

⁵⁶ *Новичев А.Д.* Танзимат и балканские народы (1839–1853) // Балканские исследования. Вып. 1. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

⁵⁷ *Миллер А.Ф.* Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XVIII века; *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991.

⁵⁸ *Фадеева И.Л.* Реформаторская деятельность Мидхат-паша в Болгарии в 60-х годах XIX в. // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975; *она же.* Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977; *она же.* Основные черты программы османских реформаторов 50–60-х гг. XIX в. Аалли-паша и Фуад-паша // Народы Азии и Африки. 1978. № 4; *она же.* Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX в. М., 1982; *она же.* Новые аспекты в политике Порты 70-х годов XIX в. // Тюркологический сборник. 1978. М., 1984; *она же.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи /османизм-панисламизм/. XIX – начало XX в. М., 1985; *она же.* Формирование новых политических установок в эпоху правления султана Махмуда II (первая треть XIX в.) // Тюркологический сборник. 1979. М., 1985.

⁵⁹ *Шеремет В.И.* Турция и Адрианоупольский мир 1829 г. М., 1975; *он же.* Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. М., 1986.

⁶⁰ *Макарова И.Ф.* Кризис османской военно-ленной системы (социально-экономическое развитие болгарских земель в XVIII веке) // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004; *Макарова И.Ф.* На пути к феодальной анархии (болгары под властью турецкого султана) // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004; *Макарова И.Ф.* У истоков духовного возрождения (болгары под властью Константинопольского патриарха) // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004; *Макарова И.Ф.* Османская матрица для освобожденной Болгарии // Славяноведение. 2009. № 2; *Макарова И.Ф.* На гребне феодальной анархии. Болгарские земли в начале XIX в. // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2011; *Макарова И.Ф.* Время перемен. Болгарские земли и начало Танзимата // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2011; *Макарова И.Ф.* Болгары: пробуждение // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2011; *Макарова И.Ф.* Танзимат и балканская политика России в 60–70-е гг. XIX в. // Новая и новейшая история. 2011. № 3; *Макарова И.Ф.* Болгары и турки в Османской империи: идеологизированные стереотипы и культурное взаимодействие // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011; *Макарова И.Ф.* К вопросу о целях болгарского церковного движения (после 1856 г.) // Славяноведение. 2011. № 1; *Макарова И.Ф.* Танзимат и реформа новоболгарского образования (60-е гг. XIX в.) // Вестник славянских культур. 2011. № 4; *Макарова И.Ф.* Болгарское национально-церковное движение и Россия (1866–1872) // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII – начале XX вв. М., 2011; *Макарова И.Ф.* Порты и Танзимат // История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856–1878. М., 2012; *Макарова И.Ф.* Болгары: возрождение // История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856–1878. М., 2012; *Макарова И.Ф.* Болгары: освобождение // История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856–1878. М., 2012; *Макарова И.Ф.* «Русский след» в болгарском четническом движении 1867 года // Славяноведение. 2012. № 5; *Макарова И.Ф.* Роль османских административных реформ в эскалации и

урегулировании болгаро-греческого церковного конфликта // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. (К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского). М., 2013; *Макарова И.Ф.* К истории болгарского четнического движения в 60-е годы XIX в. (новые архивные материалы) // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013; *Макарова И.Ф.* «Журнал Министерства государственных имуществ» как источник по переселениям с Балкан в Россию в начале 60-х годов XIX в. // Славяне и Россия: Славянские и балканские народы в периодической печати. М., 2014; *Макарова И.Ф.* Император Александр II и подготовка Будапештской конвенции 1877 г. // Императорский дом Романовых и Балканы. К 400-летию династии Романовых. М., 2014.

⁶¹ *Макарова И.Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв.: этнокультурное исследование. М., 2005; *Макарова И.Ф.* Болгары и Танзимат. М., 2010.

Марина Михайловна ФРОЛОВА

Историки России и Болгарии о константинопольской унии 1860 г. и униатском движении в Западной Македонии (1856–1865 гг.)

Балканский полуостров традиционно входил в сферу деятельности католических миссионеров. Благодаря Хатг-и хумайуну 1856 г., объявившему о религиозной свободе и предусматривавшему реформирование Вселенского патриархата, количество католических миссий в Османской империи значительно увеличилось. Трудности в решении греко-болгарского церковного вопроса также способствовали усилению среди болгар униатских настроений, первый всплеск которых имел место в македонском городке Кукуш летом 1859 г. Позднее, 30 декабря 1860 г., в епископальной церкви в Константинополе состоялось провозглашение болгарской, так называемой константинопольской унии. Порта сразу признала униатскую церковь, которая получила от нее свою печать «Соединенная Болгарская Патриархия». 14 апреля 1861 г. в Риме архимандрит Сокольского (Габровского) монастыря Иосиф Сокольский был посвящен в архиепископы всех болгар-униатов. Он становился миллет-баши болгаро-униатской общины, которая получала благоприятные перспективы для своего существования в структуре Османской империи. Но уже 6 (18) июня 1861 г. Сокольский тайно покинул Константинополь и отбыл в Одессу, что породило длительные организационные неурядицы и свертывание поступательного развития униатского движения. Торжественное рукоположение Рафаила Попова в епископы болгар-униатов в ноябре 1865 г. означало преодоление кризиса и начало нового этапа в утверждении унии. Униатское движение из Константинополя постепенно распро-

странялось в другие области Балканского полуострова, чему весьма способствовали католические миссии, основанные в Адрианополе, Салониках, Битоле. В Битоле, административном центре Румелийского эялета, миссия католического ордена Св. Лазаря появилась в 1856 г. При миссии были устроены школа и церковь, где использовался болгарский язык. На лето 1863 г. приходился пик униатского движения в регионе. Однако в августе 1871 г. в Битольском вилайете уже не осталось ни одного униата.

История католической пропаганды и униатского движения в болгарских землях не могли не привлекать внимания исследователей. К настоящему времени по этой проблеме создана довольно значительная историография, однако в предлагаемой статье будут рассмотрены преимущественно те труды ученых России и Болгарии, которые стали определенными вехами в изучении данной темы.

Долгое время католическая пропаганда и униатское движение анализировались в контексте греко-болгарской церковной борьбы. Первым научным трудом по истории болгарской церкви является сочинение известного болгарского историка М.С. Дринова «Исторический взгляд на Болгарскую церковь от самого ее начала и до настоящего времени» [«Исторически преглед на Българската църква от самото начало и до днес»] (1869). Оно было написано на болгарском языке и предназначалось в первую очередь болгарскому читателю, поскольку автор доказывал историческое право болгарского народа иметь свою независимую от греков церковь. Разбор и общие оценки этого сочинения Дринова, а также трудов других историков по проблеме греко-болгарского церковного конфликта уже отражены в историографии¹, поэтому, как было указано выше, наше внимание будет сосредоточено в основном на сюжетах, посвященных католической пропаганде и униатскому движению, которые были включены авторами в канву своего повествования.

М. Дринов уделил в своем труде данному вопросу целую главу «Заметки по истории католической пропаганды среди болгар; обращенные в католичество болгары в Болгарии и Австрии» [«Исторически бележки за католическата пропаган-

да между Българете; покатоличенните Българе в България и Австрия»]. Проследивая историю католической пропаганды, начиная со средних веков, ученый доказывал отвращение болгарского народа к римскому католицизму, что красноречиво проявилось уже, по его мнению, в отношениях двух болгарских правителей – князя Бориса I Михаила (852–889, 893) и царя Калояна Асеня (1197–1207) – с Римом. В 1860 г., когда борьба между болгарским народом и фанариотами достигла наивысшего накала, когда Вселенская церковь «необъяснимым и упорнейшим образом» отвергла все законные требования болгарского народа, чем довела его до отчаянного положения, «Рим подумал, что уже пришло время собирать плоды своих 1000-летних трудов, стараний и жертв, произведенных среди христиан Турции». Дринов особенно подчеркивал тот факт, что католические миссионеры «выудили на свет забытые отношения древних болгарских царей с римским престолом, сделав из них щит и сковав оружие на брань со Вселенским патриархом для якобы избавления поработенных им древних чад римской церкви»². Миссионерам удалось «наловить в свои сети» достаточно много болгар, которые «не постыдились» назваться представителями целого болгарского народа и просить Пия IX принять болгарский народ в лоно католической церкви. Дринов писал, что болгарский народ поднялся против самозванных своих представителей и униатского соборща в Константинополе. Историк не указывал источники, из которых он черпал сведения о происходивших в Болгарии событиях. Впрочем, он упомянул статью «Смерть и похороны унии в Болгарии» [«Смърт и погребение на унията в България»], в которой сообщалось о распаде константинопольской унии и отходе от нее главных участников этого движения. Любопытно, что Дринов не раскрыл ни имени автора статьи, ни названия газеты, в которой она была опубликована, однако упомянул выходные данные статьи (7.XI.1861) и привел из нее некоторые цитаты. Опираясь на эту информацию, благодаря современным технологиям, не сложно было установить, что Дринов являлся активным читателем газеты «Дунавски лебед» известного публициста Г.С. Раковского. Для современников Дрино-

ва подобные умолчания, сделанные, вероятно, в целях беспрепятственного распространения его сочинения в Османской империи, где имя Раковского стало к тому времени символом борьбы за свободу болгарского народа, были весьма прозрачными, поскольку они понимали, о каком авторе шла речь.

В целом Дринов охарактеризовал действия миссионеров как грязные и гнусные, которые еще более увеличили отвращение болгар к «папистской вере» и поселили в их душах неизгладимое презрение к низким папским апостолам. Кроме того, Дринов уведомлял своих соотечественников о том, что католические миссионеры, продолжая предаваться химерическим надеждам, измышляли новые средства и новые действия для достижения своих целей в Болгарии. Они приняли во внимание рекомендации авторитетного иезуита русского князя И.С. Гагарина (1814–1882), который объяснял неудачи миссионеров тем, что болгары воспринимали их как чужаков. Поэтому, предупреждал автор, болгарам следовало ожидать, что миссионеры примут обряды православной церкви и таким образом войдут к ним в доверие. Дринов возмущался этим иезуитским советом: волкам надеть овечьи шкуры³.

В русской историографии к числу первых научных работ, в которых затрагивались вопросы униатского движения в Болгарии, следует отнести труд «Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской» (1871), автором которого был экстраординарный профессор Московской духовной академии Е.Е. Голубинский, впоследствии профессор МДА (с 1881 г.), ординарный академик Академии наук (с 1903 г.). Он впервые осветил историю этих церквей, исследовав значительный массив источников, большей частью византийских авторов. Но профессора-богослова интересовало и современное положение этих церквей. Греко-болгарский церковный спор не мог оставить Голубинского равнодушным, и при изложении его развития автор принял сторону болгарских радетелей своей национальной церкви. В качестве источника в исследовании выступала в основном информация, почерпнутая из газет и журналов. Голубинский внимательно изучил болгарскую прессу («Съвет-

ник», «Время, «Турция», «България»), которую сумел раздобыть в России, отечественную («День, «Православное обозрение», «Христианское чтение» и др.), а также зарубежную («L'union chretienne», «Annuaire des deux mondes»). В это время также выходило много разных публицистических материалов, которые не остались вне поля зрения ученого. Острая полемика в прессе и злободневность проблемы наполняли страницы печатных изданий множеством преувеличений, умышленных и невольных искажений происходивших событий, предвзятых характеристик и т.п., что при отсутствии доступа к дипломатической и другой ведомственной документации требовало от исследователя значительного критицизма, осторожности и большого такта в подаче материала.

Униатское движение в Константинополе и провинциях, которому в книге была посвящена глава «Уния болгар с папою по случаю ссоры с греками», из-за ограниченности источниковой базы рассматривалось Голубинским как сугубо внутреннее дело болгар. Активное участие в этом вопросе России, Франции, Англии, Австро-Венгрии на тот момент доподлинно не было известно. Именно так были изложены события в связи с попыткой болгар Кукуша перейти в унию. На месте действия немедленно оказался «ловкий настоятель миссии» Е. Боре, но из Константинополя, «вследствие стараний болгарских патриотов», был прислан в качестве патриаршего экзарха Илларион. При содействии другого болгарского патриота Д. Миладинова он «успел образумить неразумных унионистов и выхлопотать им у Патриархии архиерея из природных болгар»⁴. Однако Д. Миладинов в действительности в тот момент не находился в Кукуше. Голубинский также не знал «всех мелких подробностей» так называемой общebolгарской унии 1860 г. Он отмечал, что Боре «с братией», воспользовавшись достигшей до самых пределов враждой между болгарами и греками, сумели «посредством всевозможных убеждений и обольщений» навербовать между болгарами около двухсот с небольшим человек. Голубинский указывал, что одни из них «в слепом неразумии думали действовать в интересах своего народа», другие «с ясным разумением под личиной патриотизма рассчитывали

устроить дела свои собственные»⁵. Очень кратко был пересказан автором дальнейший ход событий: подача прошения 18 декабря 1860 г., поездка И. Сокольского в Рим, бегство его в Россию, возврат других священников в православие, некоторое замешательство католических миссионеров, которое было преодолено назначением епископа Рафаила Попова. Голубинский не располагал точными статистическими данными о болгарском униатстве «ни за прошедшее, ни за настоящее время». По сообщениям болгарских газет, униатские общины имелись в Константинополе и Адрианополе. Первая состояла из 10–15 человек, вторая образовалась не из местных жителей, а «из разного пришлого сброда», желавшего «приютиться от тех или других невзгод под кровом» миссионеров⁶. Сведения о миссии лазаристов в Битоле были также очень скудны: «над делом совращения болгар трудились два лазариста», в 1862 г. в их школе учились 30 мальчиков. Эта цифра была взята из книги историка церкви Стефана Я. Нехера «Церковная география и статистика: или: представление сегодняшнего состояния Католической Церкви с постоянным учетом предыдущих периодов и по отношению к другим религиозным общинам» [*Neher Stephan J. Kirchliche Geographie und Statistik: Oder: Darstellung des heutigen Zustandes der katholischen Kirche mit steter Rücksicht auf die früheren Zeiten und im Hinblick auf die anderen Religionsgemeinschaften. Regensburg, 1864*]. Через год в школе уже учились 50 мальчиков и 87 девочек, согласно статье из газеты «День». В общем и целом Голубинский считал болгарскую унию, «наделавшую в свое время столько шума и возбудившую такие великие надежды в католическом мире, а также немало напугавшую и мир православный», делом «более смешным и жалким, чем серьезным и опасным»⁷. Ученый намеревался продолжить работу над историей балканских церквей. В 1872–1873 гг. он предпринял путешествие по Европе (Вена, Рим, Венеция, Афины и др.) и в Османскую империю (Константинополь, Салоники, Афон, Иерусалим, Александрия и др.)⁸. Полученные впечатления и приобретенные знания Голубинский потом воплотил в своем замечательном много-томном труде – «История русской церкви» (М., 1880–1911).

В историографии значимое место занимает работа В.А. Теплова «Греко-болгарский вопрос по неизданным источникам», сначала напечатанная в журнале «Русский вестник» за 1882 г., а в 1889 г. вышедшая отдельной книгой. Особую ценность этому труду придает тот факт, что Теплов в течение 11 лет служил в Константинополе (с 1870 г. по 1881 г.; с 1879 г. вторым секретарем русского посольства). Прекрасное знание и понимание ситуации и расстановки сил на Балканах, нравов и обычаев народов, возможность выяснить обстоятельства и детали у непосредственных участников прошедших событий, привлечение значительного массива вышедшей на тот момент литературы по предмету существенно дополнялись документами из архива русской миссии, которыми Теплову разрешил пользоваться посол Е.П. Новиков (1879–1882), бывший ранее секретарем русской миссии в Османской империи (1856–1859), затем ее советником (1859–1862) и поверенным в делах в Константинополе (1862–1864). Книга содержит уникальную информацию, благодаря чему она до сих пор не потеряла своего научного значения.

Теплов определял греко-болгарский церковный вопрос как вопрос политический, «выражавший собой стародавнюю вражду греков и болгар из-за обладания Балканским полуостровом»⁹. Среди причин, которые способствовали началу константинопольской унии, назывались нежелание Патриархии идти на уступки, напоминание попыток принятия католицизма в IX и XIII вв., связанных с именами князя Бориса I Михаила и царя Калояна Асеня, и надеждой, что Патриархия удовлетворит требования болгар, если ее «стращать» своим переходом в католичество. Прецедент, имевший место в Кукуше и вынудивший патриарха поставить в Полянинскую епископию болгарина, также принимался в расчет. Католическая пропаганда сумела воспользоваться поражением болгар в Народном соборе (1860 г.), и уния имела «блистательный успех». Теплов подчеркивал, что многие болгары становились прозелитами «под впечатлением умышленно внушенной им надежды, что подобное обращение вынудит Патриархат на уступки, которых иначе достигнуть невозможно»¹⁰. Автор отме-

чал хладнокровие патриарха Иоакима II (1860–1863), который не особенно огорчился переходу в католичество «нескольких худых православных». Теплов вполне одобрял непреклонность патриарха в этом случае, подчеркивая, что «уния не имела почвы под ногами и в массе простого сельского народа, успехи ее были ничтожны, несмотря на то, что католические миссионеры прибегали к денежным средствам»¹¹. Уния, делал вывод Теплов из многих последовавших примеров в ходе церковной борьбы, служила обычным способом для выражения протеста болгар против Патриархата. Однозначно положительно оценивались действия епископов Авксентия Велесского и Иллариона Макариопольского, которые «громко выразили свое осуждение» в послании к болгарскому народу. Теплов указывал на твердость характера Иллариона, на его большое влияние среди сородичей, отмечая при этом его недоверие и отсутствие симпатии к России. Впоследствии в историографии возникнет дискуссия, был ли склонен Илларион принять заманчивые предложения лазаристов возглавить создаваемую болгарскую униатскую церковь или нет. В своей книге Теплов обходил молчанием позицию и действия русской миссии в тревожный декабрь 1860 г. и зиму 1861 г., объяснения чему можно видеть либо в неполноте (отрывочности) сохранившихся в посольстве документов, либо в нежелании отвлекаться на этот сопутствующий основному предмету исследования сюжет. Впрочем, автор сообщил уникальные подробности бегства Иосифа Сокольского из столицы Османской империи, о встречах его с посланником князем Лобановым-Ростовским, о смене облачения католического прелата на одежду дьякона посольской церкви и т.п. Хотя из изложения событий у читателя складывалось впечатление, что русские дипломаты совершенно не причастны к этой акции и оказали содействие Сокольскому, снедаемому угрызениями совести за вероотступничество, в самый последний момент, когда он, вняв советам «известного болгарского патриота Славейкова», бежал из-под почетной стражи.

В 1886 г. в «Русском вестнике» были напечатаны две части работы Т. Бурмова «Греко-болгарская распря», а в 1888 г. журнал «Вестник Европы» поместил его статью «Греко-болгарская

распря в 60-х годах». Практически одновременно это исследование появилось на болгарском языке на страницах журнала «Периодическо списание на Българското книжовно дружество» (кн. XXIII – XXVI. 1886–1888); впоследствии вышел доработанный вариант штудии в виде книги «Болгаро-греческая церковная распря» [«Българо-гръцката църковна распря»] (София, 1902). Значимость сведений, заключенных в данном труде, для историографии огромна, поскольку Т. Бурмов являлся не просто свидетелем, но активным и весьма информированным участником тех событий, которые происходили в столице Турции в начале 1860-х годов. Достаточно уже того факта из его биографии, что с 1860 г. он являлся членом греко-болгарской комиссии, образованной в Константинополе для поиска путей решения греко-болгарского церковного конфликта. К тому же, он много лет редактировал такие органы болгарской прессы как «Български книжици» (1860–1861), «Съветник» (1863–1865) и «Време» (1865–1867), на страницах которых велась оживленная полемика с католическими миссионерами в защиту православия. С 1867 г. Бурмов служил драгоманом (переводчиком) при русской миссии в Константинополе, но он не отказывался от публицистической деятельности, посылая свои корреспонденции в «Московские ведомости», «Москву» и т.п. К тому же, он сумел сохранить многие важные документы той бурной эпохи, некоторые из которых впервые опубликовал в данной работе. Получив образование в России (окончил Киевскую духовную семинарию, затем Киевскую духовную академию [со степенью магистра], учился в Московском университете), поддерживаемый в своей журналистской практике русской дипломатией, Бурмов на многие события не мог не смотреть глазами «русского воспитанника».

В отличие от Голубинского и Теплова, Бурмов воспринимал униатское движение как вполне реальную угрозу разделения болгарского народа на несколько исповеданий, а утрата его целостности, утверждал он, нанося большой ущерб церкви, лишала его «почвы для ожидания лучшего будущего»¹². Поражению католической и протестантской пропаганд болгарский народ, по его мнению, был обязан своему здравому смыслу,

привязанности к православной церкви и усилиям России, которая своим могуществом, своими советами, увещеваниями и предостережениями предотвратила его разъединение. Если предыдущие авторы только ограничились указанием большой роли газеты «България» (1859–1863) в подготовке умов к унии и характеристикой Драгана Цанкова, одного из активнейших деятелей константинопольской унии 1860 г., как продажного редактора, то Бурмов впервые раскрыл последовательные приемы униатской пропаганды в газете «България»: изображение греческого духовенства, греков и их культуры в самом неблагоприятном свете, порицание гражданского и церковного устройства России. Защитников православного вероисповедания пастеры представляли перед турецкими властями московитами, панславистами и опасными для Османской империи людьми. После подобных публикаций указанные лица, как правило, учителя, подвергались преследованию со стороны местных властей и надолго замолкали, опасаясь за свою жизнь.

Бурмов считал, что католическая пропаганда случайно нашла отголосок в «малоизвестном до того времени углу Македонии» — в Кукуше. Однако миссионеры организовывали здесь дело таким образом, чтобы примеру кукушан могли последовать и прочие болгары. В статье был представлен текст прошения кукушан, который в 1859 г. опубликовала газета «България», подробно освещен «поединок» в Кукуше между Илларионом Макариопольским и начальником лазарис-тов Е. Боре. Бурмов подчеркнул, что Вселенская патриархия только по настоянию русского посольства возвела Парфения в епископы и отправила в Полянинскую епархию.

Бурмов признавал, что газета «България», перешедшая после событий в Кукуше к прямой и открытой пропаганде, оказала большое влияние на молодежь. Много молодых учителей, вследствие «слабого религиозного воспитания», разделяли уверенность в том, что «идея унии с римской церковью есть идея в высшей степени патриотичная». Бурмов не сомневался в том, что большая часть болгарского населения неминуемо подпала бы под власть Рима, если бы эта молодежь была объединена в сильную организацию. Однако в системе

Турецкой империи судьбу болгарского народа держали в своих руках «старейшие и опытнейшие люди»¹³.

Очередная статья Бурмова «Греко-болгарская распря в 60-х годах» являлась дополнением и продолжением предыдущей. Автор усилил тему опасности католической пропаганды в 1860 г., которая «расставила сети» по всей Болгарии и даже «заманила в них немаловажную часть болгарской интеллигенции»¹⁴. Латинской пропаганде «благоприятствовала в высшей степени сама суть болгаро-греческой распри». Суля болгарам полное осуществление всех их желаний, она действовала явно (через газету «България») и тайно (через всевозможные интриги, достигая соглашения с турками, через подкупы и обещания «всяких благ от французского покровительства»). Бурмов отмечал, что Патриархия и константинопольские греки воспринимали предупреждения о католической опасности скептически, поскольку считали, что это делалось с целью их запугать и заставить пойти на уступки болгарам¹⁵. Сообщая подробно об обстоятельствах декабря 1860 г., Бурмов указывал, что провозглашение унии от имени всего болгарского народа было сделано горстью константинопольских болгар¹⁶. К причинам, которые перечисляли все прежние авторы, в первую очередь, неблагоприятному обороту дел в конце 1860 г. для признания независимой болгарской иерархии, Бурмов впервые прибавил обвинение в тайном содействии латинянам двух руководящих в православном лагере лиц, полагавших, что «этот шаг обратит серьезное внимание всех представителей православного мира на желание болгарского народа»¹⁷. Однако имена этих людей не назывались. Скрыл Бурмов их и в болгарском варианте статьи. Однако эту тайну он открыл в своей книге (1902 г.): это были Илларион Макариопольский и Хр. Топчилештов, богатый торговец и активнейший деятель болгарского церковного движения. Болгарский историк М. Радивоев, знакомый с работами Бурмова на болгарском языке, с негодованием отмечал в своем сочинении «Время и жизнь тырновского митрополита Иллариона (Макариопольского)» [«Време и живот на Търновския митрополит Илариона (Макариополски)»] тот факт, что Бурмов назвал эти

имена спустя 17 лет, когда все свидетели, современники описываемых событий, были уже мертвы¹⁸.

Бурмов собрал сведения о Иосифе Сокольском, на основании корреспонденций газеты «България» и личных расспросов составил подробный рассказ о пребывании старца в Риме и приеме его у папы Пия IX¹⁹. Принятие унии, подчеркивал автор, не произвело никаких перемен в воззрениях высшего греческого духовенства и общества, но вызвало еще большее негодование против вождей болгарской общины в Константинополе и вообще против болгар.

В 1886 г. в журнале «Труды Киевской духовной академии» была напечатана статья профессора, преподавателя академии Н.П. Петрова «Начало греко-болгарской распри и возрождения болгарского народа», которая вышла и отдельной книгой в том же году. В основу данной работы легли поступившие в Церковно-археологическое общество при Киевской духовной академии, где с 1872 г. Петров стал главным деятелем общества и музея при нем (блюстителем Музея Киевской духовной академии), бумаги новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финского митрополита Григория (1856–1860 гг.), первоприсутствующего члена Святейшего Синода, а также архив архимандрита Петра (П.А. Троицкого) (ум. в 1873 г.), ректора Киевской духовной семинарии (1857), настоятеля посольской церкви в Константинополе (1858–1860). Но для самого Петрова эта тема была явно случайной. Он получил ученую степень доктора богословия за защищенную в 1875 г. диссертацию «О происхождении славяно-русского Пролога», и его дальнейшие научные исследования были ориентированы на изучение истории Киевской духовной академии, украинской литературы, рукописных собраний Киева и т.п.

Многие документы из архивов митрополита Григория и архимандрита Петра не имели дат, и разобраться в материале Н.П. Петрову помогало знание работ своих предшественников — Теплова и Бурмова. Он не скупился приводить значительные выдержки из многих интересных и важных документов, что придает его сочинению бесспорную ценность. Однако фактологическому материалу недостает критического анализа

и оценок самого ученого, который более предпочитал цитировать авторов документов, полностью принимая и разделяя их мнение. Так, в «Записке» 1858 г., находившейся в бумагах митрополита Григория, было указано, что агенты римской церкви, «исполненной властолюбивых надежд и злонамеренной деятельности», начали распространять между славян «преувеличенные понятия о народных правах», чтобы не только отторгнуть их от Греческой церкви, но, «льстя их народной гордости и самобытности», в то же время «поселить в них вражду и к России»²⁰. Петров подчеркивал щедрость обещаний Рима, что стало соблазнительной приманкой, на которую «польстились» некоторые из самых «горячих молодых борцов за восстановление самобытности болгарского народа», но своими действиями они только нарушили национальное единство «болгарского самосознания и единодушия» и затормозили то дело, которому «думали служить»²¹. Вместо неопределенных заявлений об использовании миссионерами значительных средств при привлечении в унию, в работе были указаны ценные сведения о размере денежных сумм (3 600 000 франков), которыми располагала католическая пропаганда в 50-х годах XIX в. В Европейской Турции на нее ежегодно тратилось 202 300 франков, а во всей Османской империи – 528 600 фр. К средствам воздействия миссионеров автор также относил «печатание книг, общественное воспитание, человеколюбивые заведения и наглые клеветы на Россию». Благодаря донесениям архимандрита Петра, ученый раскрыл его роль во многих событиях 1859–1860 гг. По его сведениям, архимандрит во многом содействовал тому, чтобы болгары Константинополя «почти общими силами восстали против Цанкова» и его газеты «България», решившись отказаться от поддержки его типографии и от получения газеты. Архимандрит Петр вследствие «усиленных убеждений и частью обличений» склонил к этим выступлениям Иллариона Макариопольского. Кроме того, была организована контрпропаганда: против газеты Цанкова, доносил архимандрит Петр в декабре 1859 г., «пишет и редактор “Цареградского Вестника” Александр Экзарх, и редактор “Книжиц Болгарских” Кристич (Крыстевич. – М. Ф.), и осо-

бенно с усердием и меткостью магистр Федор Стоянов (Т. Бурмов. — *М. Ф.*) при содействии с моей стороны и советами, и нужными источниками для опровержения дерзких глумлений против церкви православной»²². Петров акцентировал внимание на покровительстве, оказываемом Цанкову и его журналу французским посольством, по утверждению архимандрита Петра, «всемощного у нас в Стамбуле», в результате чего все попытки константинопольских болгар «остановить» журнал оказывались бессильными²³. Заслуга Петрова как исследователя состоит, на наш взгляд, в том, что он тщательно проверил списки учащихся Киевской духовной академии и опроверг бытовавшее утверждение о том, что здесь в свое время учился Цанков.

Примечательные подробности сообщались архимандритом Петром о кукушской унии, например, о том, что капеллан католической церкви в Салониках Тюрюк, прежде всего, склонил к подписи на унию трех священников, дав каждому из них по 1500 пиастров. В документе сообщалось о реакции Патриархии на известие об унии в Кукуше: «Патриархия испугалась и уныла». Именно архимандрит Петр посоветовал Фанару отправить в Кукуш Иллариона Макариопольского, а впоследствии удовлетворить и требование жителей о присылке им епископа-болгарина Парфения. Непонятно только, почему эти и другие, не менее важные сведения из донесений архимандрита Петра, включенные в сочинение Петрова, по большей части остались невостребованными последующей болгарской историографией.

В августе 1860 г. архимандрита Петра за его поддержку Вселенской патриархии в греко-болгарском церковном споре перевели на должность настоятеля русской посольской церкви в Афины. Но в его архиве сохранилось письмо иеромонаха Гавриила от 24 июня 1861 г., в котором сообщалось о приходе И. Сокольского в русскую миссию в Константинополе как о событии совершенно неожиданном для его сотрудников. Просьба Сокольского о позволении ему поехать в Россию и о необходимых для этого средствах «немедленно была исполнена среди общего изумления и радости русских»²⁴. В заклю-

чение Петров процитировал слова архимандрита Петра, что Боре опять обжегся, «потерпев новое поражение в суетном и даже преступном нападении своем на Восточную церковь». А выступления Цанкова были охарактеризованы как «крики капризного и злого ребенка, сколько суетные, столько же бесполезные»²⁵.

К ряду работ, основанных на архивных материалах посольства России в Константинополе, относится также труд князя Г.Н. Трубецкого «Россия и Вселенская патриархия после Крымской войны. 1856-1860 гг.», который был напечатан в нескольких номерах журнала «Вестник Европы». Закончив историко-филологический факультет Московского университета, Трубецкой поступил на службу в Азиатский департамент МИД и был направлен в Константинополь, где прошел путь от секретаря консульства до первого секретаря посольства (1897–1905). В своей работе автор, к сожалению, не уделил достаточно внимания интересующим нас сюжетам. События в Кукуше он охарактеризовал как первую вспышку давно подготавливавшегося движения среди болгар за отделение от Вселенской патриархии с целью образования самостоятельной народной церкви²⁶. Автор отмечал, что через три года после тяжелого поражения в Крымской войне России, благодаря осторожной и последовательной политике, удалось вновь приобрести на Западе подобающее ей влияние. Эти успехи изменили положение и российской миссии в Константинополе, что позволило посланнику князю Лобанову-Ростовскому «выйти из строго сдержанного и наблюдательного образа действий»²⁷. Активность и настойчивость русского дипломата привели к хиротонии Парфения. Автор раскрыл деятельность французских дипломатов, которые открыто содействовали проискам католических миссионеров. Он впервые сообщил о соглашении, состоявшемся между Францией и Россией в Штутгарте (1857), в котором Франция в связи с подготовкой к войне с Австрией за благожелательный нейтралитет России обещала, в частности, воздерживаться от вмешательства в деятельность католических миссионеров. Однако это соглашение постоянно нарушали французские консулы. Трубецкой подчеркивал,

что консул в Салониках Р. Тиссо, как и большинство консульских агентов, которых Франция посылала на Восток, принадлежал к ультрамонтанству, т.е. к наиболее ортодоксальному направлению в Римско-католической церкви, выступавшему за жесткое подчинение национальных католических церквей папе Римскому. Французские дипломаты всеми силами способствовали успеху католической пропаганды. Католические миссионеры искусно пользовались слабыми сторонами греческого духовенства и шли навстречу всем желаниям православной паствы, которая не привыкла к подобному отношению своих пастырей²⁸. И тем не менее, опасность униатского движения 1860 г. не была настолько велика. Идея унии не могла быть популярна среди массы болгарского населения, а заявления «вожаков» имели главной целью произвести впечатление на Патриархию и русскую миссию. С этой стороны замысел их можно признать удачным²⁹, констатировал Трубецкой.

О верности болгарского народа православию как в эпоху турецкого ига, так и в новое время, несмотря на католическую пропаганду, писал профессор А.Л. Погодин в своем сочинении «История Болгарии» (1910). Др. Цанков был охарактеризован им как способный, но неустойчивый болгарский политик, которому уния была нужна «как гроза против бездеятельности русской дипломатии». Автор считал, что униатское движение являлось маловажным эпизодом, сыгравшим самую незначительную роль в истории новой Болгарии, и в обобщающем труде на нем не стоило долго останавливаться³⁰.

Таким образом, в русской и болгарской историографии конца XIX – начала XX вв. проблема католической пропаганды и униатского движения так и не была выделена в исследование монографического уровня. На изложении событий и их анализе серьезно сказывались узость источниковой базы и ее односторонность. Недостаточно были очерчены роль представителей западноевропейских государств и их влияние на ход и развитие униатского движения. Скучность информации не позволила раскрыть деятельность католических миссий, в том числе, и в г. Битоле. В это время началось освоение архивной документации. Однако в труде Теплова материал, почер-

пнутый из дипломатических депеш, консульских донесений и др., подавался в пересказе без надлежащих ссылок на его источник, автора, датировку и т.п., что несколько снижает значимость его монографии. С другой стороны, в работах этого периода широко использовались личные впечатления ученых, наблюдения, знание ситуации, действующих лиц, свидетельства непосредственных участников, что позволяет этим трудам сохранять свою востребованность у всех поколений исследователей. И далее. Если при рассмотрении греко-болгарского церковного конфликта авторы, как правило, принимали сторону или греков, или болгар, то в восприятии деятельности католических миссионеров, Цанкова и его окружения, а также самой унии, не возникало никаких разногласий: отрицательное отношение было присуще всем авторам этого периода.

Катаклизмы начала XX в. надолго изгнали данную тему из исследовательского поля историков России. Как известно, после 1917 г. большая часть ученых-славистов оказалась в эмиграции, а другая подверглась гонениям и репрессиям, в результате чего российское славяноведение было практически уничтожено. Его возрождение началось с созданием в 1939 г. кафедры истории южных и западных славян на историческом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и учреждением в 1947 г. Института славяноведения АН СССР (соответствующий указ был подписан 30 декабря 1946 г.). Впрочем, вопросы, связанные с изучением католической пропаганды и унии, не заняли должного места и в историографии Третьего Болгарского царства (1908–1946).

Период болгарского Возрождения рассматривался большинством болгарских специалистов как результат культурно-просветительного, церковно-национального и освободительного движения, в котором огромная роль отводилась известным личностям. Появилось значительное количество работ, посвященных жизненному пути и деятельности многих руководителей и участников греко-болгарской церковной борьбы. Так, болгарский историк М. Радивоев в упоминавшемся выше сочинении «Время и жизнь тырновского митрополита Иллариона (Макариопольского)» стремился раскрыть

бескомпромиссную позицию своего героя, который смог устоять перед всеми искушениями лазаристов в самые трудные минуты развития греко-болгарского церковного конфликта, в том числе, и в сложной обстановке конца 1860 г., когда он с презрением отверг и не подписал акт о присоединении болгарской церкви к Риму. Радивоев сообщил очень интересные подробности о беседе Славейкова и Сокольского, в результате которой болгароуниатский епископ очутился на русском пароходе. Славейков убедил старца в том, что все болгары, включая Иллариона Макариопольского и Авксентия Велесского, осознали, что осталась единственная возможность отделиться от греческой патриархии, признав Сокольского патриархом всего народа. А поскольку провозглашение должно было состояться в пригородном районе Константинополя Буюк-дере, где уже ожидали все народные представители от болгарских провинций (30 человек) и первые лица константинопольской болгарской общины, то необходимо было взять с собой грамоту от папы и берат от султана. 6 июня 1861 г. на катере, заранее подготовленном русской миссией в Константинополе, Сокольский и Славейков добрались до Буюк-дере, где их ждал пароход по предварительной договоренности с его капитаном через Н. Герова и некоторых видных болгар³¹. Подобная информация более нигде не встречалась, проверить ее уже невозможно, но многие исследователи в своих трудах принимают ее в расчет и на нее ссылаются.

Значимым событием в истории исторической науки Болгарии начала XX в. стал выход в свет монографии историка, публициста, видного общественного и политического деятеля, действительного члена Болгарской академии наук Д. Мишева «Болгария в прошлом. (Страницы из истории болгарской культуры)» [«България в миналото. (Страницы из българската културна история)»] (София, 1916), которая была в 1919 г. переведена на английский язык. В главе «Болгары и европейские державы» Мишев отмечал, что пробуждению болгарского народа наиболее способствовали западноевропейские идеи, выдвинутые французскими энциклопедистами и Великой французской революцией, — идеи о свободе, братстве и равенстве

граждан и народов. Дух этих идей достиг Востока, воплотившись в реформах Танзимата. Несколько страниц в этой главе были посвящены проблемам унии в 1860-х годах. Католическая и протестантская пропаганды работали между болгарами, чтобы раздробить их единство и оторвать от православия. Во главе униатского движения встал Др. Цанков, но не по религиозным убеждениям, а по тактическим и политическим соображениям. Болгарское население, писал Мишев, отчаянно поддавалось на соблазны и искушения католиков. В книге Сокольский был охарактеризован как малограмотный человек, но патриот, которого ввели в заблуждение униатские деятели. Чтобы сохранить религиозное единство, передовые болгары задумали действовать решительно и быстро. Вместо того, чтобы просить о правах народа, которые у него отняли, необходимо было их брать. Вместо того, чтобы обосновывать свои права на историю и каноны, необходимо было их искать в нечто более сильном и убедительном — в правах каждого народа. А права народа не вне его, но внутри его, в его свободе жить и управлять. Это великие мировые принципы, которые провозгласила Французская революция. Руководствуясь ими, константинопольские болгары заявили Порте в 1861 г., что хотят образовать свободную болгарскую христианскую церковную общину, независимую от церкви православных греков. Мишев подчеркивал, что уния и заявление константинопольских болгар, которое вносило новый дух борьбы, поразили Вселенскую патриархию и особенно русскую дипломатию³².

В исследованиях, посвященных видным личностям периода болгарского возрождения, впервые проявилась тенденция переосмысления оценок многих деятелей той эпохи, данных в литературе предыдущего этапа. Так, в книге «Г.С. Раковский: жизнь, произведения, идеи» (1922) известного ученого М. Арнаудова Др. Цанков из предателя своего народа превратился в «честного и целеустремленного болгарина, который действовал по убеждению, а не по корыстным мотивам, который интересовался не религиозными, а политическими последствиями перехода в католичество»³³. Положительная характеристика Цанкова была повторена и в другом его исследовании,

посвященном Иллариону Макариопольскому: «добрый болгарин, мотивы действий которого были искренни и вне подозрений в эгоизме или измене своему собственному народу»³⁴. Впрочем, в трудах Арнаудова продолжалось сохраняться негативное отношение к униатскому движению. Ученый писал, что по мере того, как исчерпывались терпение болгар и их надежда на уступки со стороны Патриархии, легче создавалось «настроение у некоторых борцов за церковную свободу для непродуманных, крутых мер»³⁵. В отличие от Бурмова, Арнаудов считал, что борьба около унии являлась только одним эпизодом в длинной истории болгарского церковного вопроса в Новое время, который имел «комичный конец» (Сокольский был «хитрым образом» перевезен П. Славейковым в Одессу). Болгарская униатская община распалась «по бессилию устоять против атак со всех сторон»³⁶. «Такт и энергия Крыстевича и Чомакова, легальных вождей болгарского народа, и острое перо Раковского, авторитетного, хотя и нелегального публициста, нанесли непоправимый удар католическому сепаратизму болгар и подготовили триумф Болгарской экзархии в 1870 г.»³⁷, — делал вывод Арнаудов.

Содержание монографии, посвященной братьям Миладиновым и опубликованной в 1943 г., свидетельствует о том, что позднее Арнаудов стал воспринимать униатское движение как реальную угрозу для единства болгарского народа. Он писал, что «игра с унией, руководимая Цанковым и лазаристом Боре, Миладинову не нравилась, так как тот понимал губительные последствия религиозного разделения народа для болгарского национального дела». Д. Миладинов, утверждал автор, никогда не отказывался от православия, он устоял от искушения переменить веру³⁸.

История униатского движения была раскрыта в 4-м томе труда профессора болгарской и славянской литературы Софийского университета, известного литературоведа и литературного критика Б. Пенева «История новой болгарской литературы. Болгарская литература во второй половине XIX в.» (1936), переизданного в 1977 г. Пенев отмечал, что болгарам приходилось вести борьбу на три фронта: с греками, с фана-

тичностью турецких властей и римской пропагандой, инспирированной Францией и Австрией и покровительствуемой Портой. Он признавал, что взаимоотношения некоторых руководителей болгарского церковного движения с миссионерами еще недостаточно освещены. К сожалению, в вышеуказанном труде не были названы источники информации, которой располагал болгарский ученый. Опираясь на них, он выделил три категории приверженцев унии. К первой Пенев относил тех болгар, которые были орудием в руках католической пропаганды по чисто личным интересам и соображениям; другие наивно верили обещаниям миссионеров и поддались им, хотя и на краткое время. Но были между болгарами и такие, которые восприняли идею унии по чисто тактическим соображениям: решением, что принимают унию, они «косвенно хотели напугать Россию и привлечь ее на свою сторону», а также «повлиять своим поступком на Патриархию, принудить ее признать и удовлетворить народные требования»³⁹. Пенев считал, что болгары, которые «делали унию», «не имели искреннего намерения» отказаться от православной веры и принять католичество, так как очень хорошо знали, что простой народ, которого «в веках более укрепляла его религия, а не национальность», не последует за ними⁴⁰. Ученый повторил обвинение Бурмова в том, что именно тайное содействие Иллариона Макариопольского и Хр. Топчилештова весьма повлияло на принятие унии 18 декабря 1860 г., ослабив его резкость утверждением, что содействие они оказывали униатским агентам «по чисто тактическим соображениям»⁴¹. Однако «стрелы Греческой патриархии», отмечал Пенев, были направлены не столько против унии, сколько на православных болгар, которые настаивали на признании независимости своей церкви. К причинам неуспеха унии Пенев относил следующие обстоятельства: уния не встретила сочувствия у народа, пресса и народные руководители постоянно обвиняли униатов в измене народным интересам, католические миссионеры не исполнили своих обещаний и стремились подчинить болгарскую униатскую общину, превратив ее в чисто католическое учреждение. Русская дипломатическая миссия

в Константинополе через Н. Герова и П. Славейкова убедила Сокольского бежать в Россию. Однако неудачи унии раскрыли более благоприятные возможности для решения церковного вопроса, полагал Пенев.

Таким образом, этот период в развитии болгарской историографии не отличался значительным расширением источниковой базы при освещении проблем, относящихся к католической пропаганде и униатскому движению, что, в свою очередь, не способствовало существенному увеличению массива фактологического материала. События излагались достаточно поверхностно, односторонне, часты были неточности и ошибки. Сохранялось в принципе негативное отношение к этому явлению, хотя существенно смягчился тон по отношению к главному болгарскому «двигателю» идеи унии — Др. Цанкову. С другой стороны, имели место попытки восстановления «репутации» Иллариона Макариопольского, в которую Бурмовым были добавлены темные краски.

В возрожденном после Великой Отечественной войны советском славяноведении главенствовала марксистская методология, поэтому к приоритетным проблемам научных исследований относились прежде всего вопросы национально-освободительных движений, революционной деятельности на Балканах, боевого содружества во время русско-турецких войн, развития русско-болгарских связей. В изданном 4-м томе «Истории Болгарии» (1948) в небольшой главе «Борьба болгарского народа за независимость национальной церкви» академик Н.С. Державин уделил всего лишь несколько строк униатскому движению, и само изложение его свидетельствует о непроработанности ученым данной проблемы. По его мнению, затянувшееся решение церковного вопроса «создало, между прочим, благоприятную почву для успехов католической пропаганды в стране, в результате чего в Болгарии начались отпадения от православия и переход в католичество целых городов, как это имело место, например, в г. Кукуше в Македонии. В связи с этим римский папа назначил специального “архиепископа всей Болгарии”»⁴². Пропуск значимых вех и событий в хронологической ленте униатского движения повлек за собой

нарушение причинно-следственных связей, искажение сути происходившего в Кукуше и Константинополе. В духе своего времени Державин через фигуру Сокольского стремился дискредитировать и институт церкви, поскольку старец был представлен не только как неграмотный человек, не умеющий даже подписать своего имени, но и как человек с сомнительным прошлым, который в молодости был разбойником, а награбив денег, принял монашество и восстановил габровский монастырь «Св. Николая». Его легко убедил воспитанник иезуитов Др. Цанков (правда, в тексте дано неправильное имя – Панков) стать униатом, чем «он мог принести якобы болгарскому народу огромную пользу». После возвращения в Константинополь из Рима «в течение 5 месяцев Сокольский находился под бдительной охраной иезуитов, оберегавших его от встреч с кем-либо из болгарских народных деятелей»⁴³. Как известно, Сокольский был рукоположен в архиепископы 2 апреля 1861 г. в Сикстинской капелле, а 6 июня уже находился на пароходе «Эльбрус», отплывшем в Одессу. Дважды повторенная в тексте цифра продолжительности «своеобразного домашнего ареста» в итоге оказывалась неверной.

В Болгарии новая идеология – марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях – широко пропагандировалась в работах Жака Натана, болгарского историка и экономиста, академика (1961), одного из высокопоставленных деятелей Болгарской Коммунистической партии. В его монографии «Болгарское возрождение» (1950) основное внимание было уделено национально-освободительной борьбе болгарского народа. Краткое изложение истории униатского движения не заняло и двух страниц. В отличие от Державина болгарский ученый хорошо разбирался в проблеме, но не привнес ничего нового в ее разработку. Он отметил, что против униатского движения выступили все болгарские партии (крайние и умеренные), против него действовала и русская миссия. Эпизод с бегством Сокольского нанес большой удар униатству. Оно продолжало свою деятельность и позднее, но уже не представляло, по мнению Ж. Натана, серьезной опасности для целостности православной церкви⁴⁴.

Настоящим прорывом для этой темы стала докторская диссертация католического священника о. Ивана Софранова «История болгарского движения за соединение с католической церковью в XIX веке» [«История на българското движение за единение с католическата църква през XIX век»]. Она была опубликована в 1960 г. на французском языке и была приурочена к торжествам, организованным Католическим апостольским экзархатом по случаю 150-летия провозглашения общebolгарской или константинопольской унии 30 декабря 1860 г. В 2009 г. текст перевели на болгарский язык и издали в Софии⁴⁵, сделав его, наконец, доступным широкому читателю в Болгарии. Бесспорное достоинство этого труда в том, что впервые были введены в научный оборот неопубликованные документы из архива и библиотеки Ватикана. Однако недостаточное использование болгарской прессы, воспоминаний участников тех событий и существующей по теме литературы явилось причиной ряда ошибок и неточностей в событийной канве.

Понятно, что о. Софранов попытался доказать, что болгарское униатское движение представляло собой исключительно положительное явление, а именно, возвращение болгарского народа в лоно католической церкви. В движении особо подчеркивалась не столько политическая или культурно-национальная, сколько религиозная составляющая. В книге были выделены три главных фактора, которые способствовали, по мнению автора, зарождению «естественного движения болгар к единению с Римом»: ослабление русского влияния на Балканах, деятельность газеты «България» и новообращенных в католичество болгар (Др. Цанкова и др.), а также «исключительная апостольская деятельность» польской эмиграции⁴⁶. О. Софранов считал, что приверженцев унии среди болгар было много, даже лидеры движения за независимую болгарскую церковь Илларион Макариопольский и Авксентий Велесский склонялись к тому, чтобы перейти в унию. Однако Илларион в последний момент отошел от движения, соблазненный надеждой, по утверждению Боре, стать патриархом новой Болгарской церкви⁴⁷. Впрочем, Илларион Макариопольский

проявлял неустойчивость духа и по отношению к протестантизму. О. Софранов с негодованием писал о том, что Илларион заявлял соотечественникам о своем православии и верности ему сразу после того, как явно выразил приверженность и католичество, и протестантизму⁴⁸.

О. Софранов не мог не признать, что болгары искали опору в католической церкви и западных католических странах для того, чтобы освободиться от социального и культурного гнета греческого духовенства. Но он добавлял, что перед тем, как обратиться к католической церкви, они уже разорвали свои отношения с греческим духовенством и вообще с иерархией Греческой церкви. Причина разрыва была не только социального или культурного характера, но и религиозного. Болгары отделились от Константинопольской патриархии вследствие морального упадка большей части греческого духовенства. Это обстоятельство расшатало православную веру. Они видели, что вера лучше сохранена у католического духовенства, которое управляло духовными делами паствы в болгарских землях, во Фракии и Македонии.

Автор много внимания уделил описанию становления и организации униатской церкви, отметил особое расположение к ней Порты. Для османской администрации уния была своеобразным оружием, «ножом с двумя лезвиями: одно против панэллинизма, а второе против панславизма»⁴⁹. О. Софранов, рассматривая пребывание Иосифа Сокольского в Риме, заметил, что упорная приверженность старца обычаям православной церкви, бесспорно, похвальна, но выдавала ограниченность его мышления⁵⁰. Немало страниц в исследовании было посвящено расследованию обстоятельств исчезновения Сокольского из Константинополя. Автор доказывал, что он не добровольно бежал в Россию, а был похищен, и что в неволе он остался верен своему выбору — католической церкви⁵¹.

К причинам, которые воспрепятствовали расширению униатского движения, о. Софранов относил тройное противодействие: со стороны греческого духовенства, России и протестантов. В отличие от Теплова и Бурмова, о. Софранов считал, что Вселенский патриарх видел в униатском движении

не только посягательство на свою верховную власть, но и полное ее отвержение, что грозило основательно сократить его паству. «Русский натиск», указывал о. Софранов, был хорошо организован: подкупы и огромные денежные средства, анти-униатская агитация, давление на Патриархат с тем, чтобы он исполнил самые необходимые требования болгар. Впрочем, эти утверждения остались голословными, поскольку не были подкреплены конкретными фактами. Бедность и невежество, в которых жили болгары-униаты, объясняют то обстоятельство, что они поддавались искушениям и оставляли новую веру. Однако на национальном чувстве болгар-прозелитов, подчеркивал о. Софранов, существенно отозвалось отношение к ним их соотечественников, а не русский нажим и препятствия, чинимые Фанаром. Продолжительный внутренний кризис из-за недостатка доверия и взаимопонимания между болгарскими руководителями униатов и латинскими властями в Константинополе также приводил к отходу от униатства.

О. Софранов досадовал на недостаток финансирования: католическому Западу необходимо было очень быстро учредить более 30 училищ и церквей, содержать духовенство, учителей и гражданских начальников (мухтаров). С другой стороны, Константинопольская патриархия и русское правительство, использовавшие значительные денежные средства, имели большую притягательную силу для болгар. И опять автор не удосужился привести в доказательство конкретные суммы потраченных денег. И тем не менее, уния заложила основы будущего развития отношений между болгарской церковью и Римом. «Униатское движение привело к значительному ослаблению власти и влияния Греческой патриархии», — делал вывод автор.

В монографии впервые было освещено развитие униатского движения в провинциальных городах и их окрестностях — Адрианополе, Кукуше, Битоле, Салониках, Свиштове, Варне и др. Остановимся лишь на сюжетах, связанных с Кукушем и Битодем.

О. Софранов сообщал, что в Кукуше болгарское население (почти 3000 человек) под турецким гнетом было доведено до крайней бедности и беспросветности. Местный священ-

ник никогда не служил литургию, так как был недостаточно образован. Автору были не известны имена главных деятелей просвещения в Кукуше — Нако Станишева и Димитра Миладинова. Неясно ему было и то, предшествовало ли решение о принятии унии конфликту с греческим епископом Мелетием. Проанализировав прошение кукушан на имя папы Пия IX, о. Софранов пришел к выводу, что основной причиной, толкавшей их к католичеству, была не личная убежденность в истине католической веры, а «естественное желание освободиться от гнета греческого клира». «Для этих людей без образования и даже с неясным представлением о своей собственной религии, осознание верховенства папы было сложной задачей»⁵². Много важных и интересных деталей содержит рассказ о трехнедельном пребывании Боре в Кукуше. Автор безусловно порицал действия Иллариона Макариопольского, который после отъезда лазаристов стал «атаковать и открыто осуждать приверженцев унии». В целом, о. Софранов, который не располагал данными о дальнейшем развитии унии в Кукуше, считал, что «кукушская история напоминала борьбу первых христиан, постоянно подвергавшихся клевете и даже кровавым преследованиям»⁵³.

«Греческий религиозный фанатизм и эллинизаторская политика и отчасти болгарский национализм, вызванный яростными преследованиями и скрытым противодействием, помешали полному переходу Македонии в католичество»⁵⁴, — подчеркивал о. Софранов. К основным факторам, которые сближали болгар этого региона с католичеством, относились конфликт местного населения с греческим духовенством и отсутствие антикатолического фанатизма (что порой удивляло миссионеров). О. Софранов ошибся в датировке, указывая, что в 1864 г., а не в 1863 г., 20 селений недалеко от Битолы (около 6 тыс. человек) перешли в католичество, откуда это движение быстро проникло в Прилеп, Велес, Неврокоп и село Градиште. Однако греко-русские интриги воспрепятствовали его дальнейшему развитию. Он писал, что русские дипломаты в Македонии обещали огромные деньги униатам с тем, чтобы они вернулись в лоно православия. Русские агенты стара-

лись переманить униатских священников, суля значительные денежные суммы. О. Софранов сетовал на противодействие со стороны турок, которое было гораздо пагубнее для унии в Македонии, чем в Константинополе или во Фракии⁵⁵. Он утверждал, что генерал-губернатор Битола Хюсни-паша был главным противником унии, однако приводимые им факты при скрупулезном изучении обстановки в этом городе оказываются неточно изложенными, выхваченными из контекста, зачастую превратно истолкованными, что может быть объяснено как недостаточным источниковым материалом или его предвзятостью (письма, отчеты миссионеров), так и очевидным желанием автора убедить читателя в том, что униатское движение в Македонии испытывало невероятные трудности. Свой перечень злодеяний врагов унии и униатов о. Софранов начал со следующего факта: в Битоле — в самом центре униатского движения — турки подожгли дом лазаристов и хан (гостиницу), в котором останавливались болгары, приезжавшие в город по своим делам⁵⁶. Однако этот пожар на самом деле случился в июле 1867 г., когда Хюсни-паша уже был отстранен от должности генерал-губернатора Битола. За 4 дня до этого ночью вспыхнул пожар на базаре, уничтожив более 800 лавок и 150 еврейских домов. Следует отметить, что накануне лазаристов предупредили о том, что и им угрожает пожар, который действительно возник днем, разрушив почти полностью здание хана. Но миссионеры и австрийский вице-консул, который снимал квартиру у лазаристов, не пострадали. Мутессариф Фегим-паша назначил особую комиссию из мусульман, евреев и христиан для изучения причин этих двух пожаров⁵⁷. Остальные примеры также при ближайшем рассмотрении оказываются сюжетами с подобными «подводными камнями».

Массовый отход болгар Македонии от униатства в 1866 г. о. Софранов объяснял многочисленными и непрекращающимися преследованиями, отсутствием достаточной поддержки со стороны католиков, а также «насильственным внешним натиском»⁵⁸. К сожалению, автору так и не удалось воссоздать целостной картины развития униатского движения в Битоле.

Общий вывод о. Софранова был следующим: болгарское движение открыло новый этап апостольской и культурной деятельности католического духовенства. Хотя униатское движение не привело к возвращению всей Болгарии в католичество, но заложило основы для этого процесса. А болгары, принявшие католическую веру, не потеряли ничего из своего народного облика. Что касается Македонии, то в начальный период зарождения униатского движения имело место лояльное отношение к католической церкви. Именно этим обстоятельством о. Софранов объяснял его развитие в Македонии в последующие годы и установление Римом здесь апостольского викариата (1883–1922). Он закончил свой труд на оптимистической ноте, указав, что основы для единения болгарского народа с Римом были заложены в XIX в. и в современной Болгарии продолжают укрепляться.

Диаметрально противоположной была позиция Кирилла, патриарха Болгарского (1953–1971 гг.). Его известный труд «Католическая пропаганда среди болгар во второй половине XIX века» [«Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX век»] (1962) появился в ответ на работу о. Софранова. Монография была написана на обширной источниковой базе: помимо более внимательного и критического изучения материалов из Ватиканских архивов, которые впервые ввел о. Софранов, Кирилл активно использовал дипломатические документы из Архива министерства иностранных дел Франции, Государственного архива Вены, архива политического штаба польской эмигрантской диаспоры во Франции во главе с А. Чарторыйским «Отель Ламбер» и его агентуры в Константинополе. В книге широко привлекались опубликованные архивы, прежде всего, российского консула Н. Герова, Ст. Чомакова, издававшиеся в то время газеты и журналы, а также воспоминания. Вызывает удивление только тот факт, что уважаемый автор не использовал материалы из архивов Москвы и Ленинграда, хотя в предыдущей монографии «Граф Н.П. Игнатьев и болгарский церковный вопрос. Исследование и документы» [«Граф Н.П. Игнатиев и българският църковен въпрос. Изследване и документи»] (1958) было

опубликовано немало документов из архивов СССР. И, тем не менее, труд патриарха Кирилла насыщен богатым и разнообразным фактологическим материалом, который выверен и подается с указанием на источники, что позволяет этому изданию сохранять свою научную значимость.

Монография открывается обширным обзором деятельности католических миссионеров в Европе, России и на Востоке, начиная со средних веков. Автор заострил внимание своих читателей на том факте, что после Крымской войны 1853–1856 гг. католической пропаганде были поставлены, главным образом, политические цели, а именно ослабить влияние России, которое представляло опасность для Запада⁵⁹. Основными объектами католической пропаганды на Балканах являлись Константинополь, Салоники, Адрианополь, Пловдив.

Кирилл нашел доказательства того, что Цанков, который «не только ценил западную культуру, но и верил в цивилизаторскую роль Европы», тайно принял католичество в 1855 г.⁶⁰ Вместе с лазаристом Боре он выстраивал планы обращения в католичество всего болгарского народа, который по некоторым статистическим сведениям насчитывал до 8 млн человек. Кирилл признавал, что уния как политическая идея была популярна в среде тогдашней болгарской интеллигенции, прежде всего, у учителей и молодежи.

Ученый отмечал большую роль газеты «България» в том, что жители Кукуша решили искать выход из своих трудностей, связанных с игнорированием их требований в церковном вопросе, в унии с Римом. В монографии очень подробно освещена ситуация в Кукуше, борьба лазаристов и Иллариона Макариопольского за умы жителей города. Кирилл считал, что кукушане хитрили: для них весь вопрос сводился к попытке давления на Патриархию и русскую миссию, а католических миссионеров они попытались использовать как «пугало». Богатый торговец, лидер кукушан Н. Станишев, по мнению Кирилла, понимал униатское «брожение» как политико-национальное, а не религиозное⁶¹. Д. Миладинов, преследуя национально-политические цели, не пренебрегал и покровитель-

ством католических миссионеров, но при этом не связывал себя какими-либо обязательствами⁶². Кирилл утверждал, что в 1859 г., на подготовительной стадии, «национально-психологическая обстановка», в которой действовали лазаристы, в действительности не была «благоприятна для истинной и продолжительной унии»⁶³.

Из изученных документов следовало, что Боре оценивал болгарскую унию как очень важное событие в жизни не только болгар, но и всей католической церкви. В монографии раскрывалось тайное содействие католическим миссиям французского посланника в Константинополе Лавалетта (1860–1861). Кукушские события преподали болгарам хороший урок, поскольку жители этого города одержали двойную победу — над патриархом и над миссионерами. Кирилл подчеркивал безупречность поведения Иллариона Макариопольского, его принципиальную верность православной церкви, полностью отрицая его проуниатский уклон и отвергая появившиеся в литературе попытки бросить на него тень. Образ действий Иллариона Макариопольского в конце 1860 г. ученый объяснял, исходя из следующих обстоятельств. Будучи признанным церковно-народным лидером, чтобы не утратить свои позиции, Илларион Макариопольский предпочел не уступать от накала страстей, а использовать угрозу унии, чтобы подтолкнуть Патриархию к уступчивости, а это создало бы условия для того, чтобы нанести удар по Цанкову и всей проуниатской партии и положить конец второму, более опасному опыту унии — на этот раз в Константинополе, с отражением по всей стране⁶⁴. В монографии были развернуто представлены сведения, касавшиеся Иосифа Сокольского и его внезапного исчезновения из Константинополя. Кирилл опроверг тезис о насильственном увозе Сокольского в Одессу. Он также показал, что болгары-униаты обманулись в своих надеждах на обретение самостоятельной церкви, так как лазаристы и поляки стремились полностью их подчинить, что рождало внутренние конфликты и усиление раздоров в униатской общине. Бегство Сокольского в Россию многими было истолковано как протест против этого⁶⁵.

Что касается католической миссии в Битоле, то Кирилл не ставил перед собой задачи скрупулезного изучения ее деятельности — он лишь указал на некоторые факты ее присутствия в этом регионе. На основе опубликованного письма миссионера Лепавека, он выделил причины организации в Битоле новой миссии ордена Св. Лазаря: наличие большого числа католиков в городе, его значимость как административного центра Македонии и удаленность от Салоник, где была расположена миссия лазаристов, опасности и трудности пути из Салоник в Битоле, а также поддержка французского вице-консула в Битоле Белен де Бюга⁶⁶. Кирилл отмечал толерантность турецкой администрации по отношению к действиям Лепавека, который устроил церковь без фирмана, к тому же на месте, где до этого ее не было. Ученый обращал внимание на масштабность и амбициозность задач, которые ставил перед собой Лепавек: обратиться в католичество не только православных битольчан, проявивших интерес к новому церковному институту и недовольных своим митрополитом, но даже и турок, поскольку имелся прецедент перехода одного мусульманина в христианство, за что тот был посажен в тюрьму, где и умер⁶⁷. Кирилл подчеркивал, что миссионеры не имели большого успеха в Битоле и его окрестностях, вполне соглашаясь с указанными прилепским учителем Н. Еничеревым причинами: миссионеры не знали языка и нравов болгар, были фанатиками, которые с отвращением говорили о православии и нападали на веру болгар, а те не видели разницы между фанариотами и католическими миссионерами⁶⁸. В монографии отмечались большие заслуги вице-консула в Пловдиве Н. Герова в деле ослабления униатского движения в Битольском эялете, хотя это не совсем верно. При недостатке и отрывочности сведений Кирилл, выявив совершенно противоположные оценки состояния дел унии в 1863 г., склонялся признать верной версию русского консула в Битоле М.А. Хитрово, который в частном письме Герову от 28 декабря 1863 г. сообщил о блестящей победе над пропагандой. А согласно докладу архиепископа Брунони от 4 октября 1863 г., направленному в Рим, униатское движение, напротив, усилилось в Македонии и особенно в Битоле. К ме-

рам, которые предпринимали русские консулы, чтобы помешать развитию унии в Битоле, Кирилл относил посылку юношей в Россию на учебу, бесплатную раздачу церковных одежд и книг. Он акцентировал внимание на сообщении Хитрово о пробуждении у болгар Битола «народного духа», что привело к усилению греко-болгарской церковной борьбы и явилось серьезным препятствием для деятельности католических миссионеров. Именно подъем движения за национальное образование и национальную церковь стал основной причиной упадка унии в Македонии и во всех болгарских епархиях, полагал Кирилл⁶⁹. Точных данных о количестве униатов в Македонии того периода автор не обнаружил. Только после 1878 г., когда униаты укрепили свою церковную организацию, можно было говорить об их численности в Македонии⁷⁰.

Таким образом, через все сочинение Кирилла проходила основная мысль о том, что униатство являлось плодом политики Франции и католических миссионеров, что движение посягало на традиционную православную веру, препятствовало консолидации болгарского народа. Лидеры болгарского народа, в том числе и Цанков, воспринимали идею унии не как религиозную, но исключительно как политическую, как угрозу для Патриархии и русской миссии в Константинополе. В 1860-е годы в Болгарии не было реальной почвы для действительного утверждения унии, однако в тот период были созданы униатские «гнезда», которые росли или уменьшались, но продолжали существовать, и впоследствии были использованы миссионерами как плацдарм для прозелитизма.

Болгарский профессор С. Дамянов, специалист по истории Франции, в отличие от Кирилла, патриарха болгарского, имел иное мнение относительно перспектив обращения болгарского народа в католичество. В своей монографии «Франция и болгарская национальная революция» [«Франция и българската национална революция»] (1968) ученый, подчеркивая поверхностное и фрагментарное изучение в болгарской историографии той роли, которую Франция играла в борьбе болгарского народа за освобождение от турецкого ига, попытался заполнить данную лауну. В своем исследовании он

широко привлек неопубликованные архивы министерства иностранных дел Франции, архивные фонды Болгарии, опубликованные документы, а также прессу. В одной из глав он раскрыл руководящую роль Франции (до франко-прусской войны 1870 г.) в «концерте» западноевропейских государств, вовлеченных в греко-болгарский церковный конфликт, и показал, что основными орудиями французской католической пропаганды среди болгар были миссионеры ордена Св. Лазаря и польские эмигранты. Изучив материалы газеты «България», Дамянов пришел к выводу, что организаторы константинопольской унии 1860 г. и особенно Др. Цанков не расценивали свои действия в качестве лишь хитроумного маневра с целью завоевания благорасположения России. Тогда они были убеждены, что Болгария должна приобщиться к западной культуре именно через католичество. На борьбу против России и православия Цанков смотрел как на борьбу за прогресс и цивилизацию. Покровительство Франции было для него гарантией быстрого культурного подъема и экономического расцвета болгарского народа⁷¹. Дамянов считал, что роль Цанкова в католической унии все еще слабо изучена. Ученый доказал, что все действия лазаристов были внимательно продуманы во французском посольстве в Константинополе и согласованы с французскими дипломатами, хотя послы Франции Э. Тувенель и затем Ш. Лавалетт внешне демонстрировали беспристрастность наблюдателей, на словах провозглашая несовместимость дипломатии и действий католических миссионеров. Дамянов подкрепил свое утверждение документальными материалами, которые убедительно свидетельствовали о том, что даже после того, как Тувенель занял в 1860 г. пост министра иностранных дел Франции, он продолжал живо интересоваться болгарскими делами и униатским движением, о которых ему весьма подробно докладывал Лавалетт⁷². Дипломаты Франции шли на прямой шантаж и вымогательство, чтобы привлечь на свою сторону некоторых видных представителей болгарского церковного движения (пловдивского владыку Паисия, Иллариона Макариопольского, Авксентия Велесского). Неудача униатского движения стала свидетельством поражения французско-

го влияния в Болгарии. Разрешение болгарского церковного вопроса в 1870 г. нанесло непоправимый удар не только по французской дипломатии, но и по ее орудию в лице лазаристских органов пропаганды. Миссия лазаристов в г. Битоле упоминалась в исследовании Дамянова как пример одного из направлений деятельности католической пропаганды, а именно, обучения и воспитания болгарской молодежи, для чего в Битоле в 1855 г. было организовано училище. Общий вывод Дамянова заключался в следующем: в целом республиканская Франция, вопреки декларациям о гуманности, свободе и демократии, действовала против интересов болгарского народа, его освободительного движения, но все ее интриги, включая и униатское движение, организованное католическими миссиями, оказались напрасными⁷³.

В 1969 г. болгарский профессор, член-корреспондент БАН Т. Влахов выпустил в свет монографию «Кукуш и его прошлое» [«Кукуш и неговото минало»]. Следует отметить, что сам Влахов (1899–1981) был уроженцем Кукуша, который его семья была вынуждена покинуть в 1912 г. Опираясь, прежде всего, на болгарские источники, он постарался опровергнуть все заключения о. Софранова о кукушской унии, впрочем, нигде не упоминая ни его имени, ни его сочинения. Влахов убедительно показал, что в 1830–1840-х годах наблюдался экономический подъем и рост благосостояния жителей города, что сопровождалось пробуждением национального сознания. Население города не было настолько невежественным, как писал о. Софранов. В 1840 г. была построена новая школа, в которую пригласили учителем Д. Миладинова. После объявления Хатт-и хумайуна 1856 г. кукушане решили открыть уже центральную славянскую гимназию⁷⁴. В 1858 г. было построено новое, более просторное здание для школы, благоустроенностью которого поразились русские путешественники Е.П. Южаков и А.С. Рачинский. Преподавание на болгарском языке и употребление во время литургии старославянского языка обострили взаимоотношения кукушан с епископом Мелетием, борьба с которым заставила их обратиться в католическую миссию Св. Лазаря, расположенную в Салониках. Т. Влахов считал,

что уния в сознании кукушан являлась тактическим маневром, удобным в тот момент средством изгнания фанариотского духовенства и закрепления завоеванных достижений — избавление школы и церкви от греческого языка. Впрочем, автор не считал унию правильным шагом, но разрыв с Патриархией сам по себе был революционным актом, который указал направление в борьбе с Патриархией в общеболгарском масштабе⁷⁵.

В архивах Москвы и Ленинграда (Петербурга) много и плодотворно работала болгарская исследовательница З. Маркова, но ее внимание было сфокусировано главным образом на греко-болгарском церковном вопросе. В 1976 г. в журнале Софийского университета была опубликована ее статья «Россия и болгарский церковно-национальный вопрос (1856—1864)», где проблема католической пропаганды и униатского движения рассматривалась попутно, в контексте изучения перипетий церковной распри. Маркова подчеркивала, что болгарская уния в конце 1860 г. став реальным фактом, знаменовала очередное серьезное поражение русской политики в греко-болгарском церковном конфликте. Но «пальму первенства» в деле разгрома униатского движения она отдавала действиям не России, а самих болгар. Против варианта достижения церковной независимости с помощью союза с католической церкви выступила, прежде всего, национальная партия, выражавшая настроения большей части болгарского общества, — за «устроение» церковных проблем в рамках православия. К ее усилиям в противодействии унии присоединилось умеренное прорусское течение. Константинопольская патриархия использовала унию, чтобы скомпрометировать болгарскую церковную борьбу в глазах православного мира. Англия также встретила успехи католической пропаганды с открытой враждебностью. Россия, против влияния которой была направлена уния, изо всех сил стремилась ее сломить. Решение этой задачи она видела в двух аспектах: с одной стороны, прямое противодействие униатскому движению с целью его ограничить и искоренить, а с другой — активизировать усилия в достижении примирения между болгарами и Константинопольской патриархией, которое, в сущности, нанесло бы наиболее ощутимый

удар по унии. Впрочем, события в Кукуше уже показали русской дипломатии, что удовлетворение болгарских требований являлось самым верным путем противостояния действиям западной религиозной пропаганды⁷⁶.

Вначале шокированная актом 18 декабря 1860 г., русская дипломатия вскоре организовала ряд контрударов против униатского движения в Болгарии. Впервые в историографии З. Маркова отметила попытку русской миссии в Константинополе привлечь одного из самых авторитетных в то время болгар — Г.С. Раковского, с тем, чтобы он действовал против унии с позиции русской политики. Весной 1861 г. князь А.Б. Лобанов-Ростовский обратился с этой целью к генеральному консулу в Белграде А.Е. Влангали. Раковский согласился служить борьбе с «чуждыми пропагандами», но не принимая программы Константинопольской патриархии, чтобы не потерять своего влияния на соотечественников. Действительно, пишет Маркова, Раковский был убежденным противником как проуниатского пути разрешения греко-болгарского конфликта, так и компромиссного соглашательства с Греческой церковью⁷⁷.

З. Маркова охарактеризовала «похищение» архимандрита И. Сокольского как бесцеремонную, но крайне эффективную акцию русской дипломатии. Она указала, что главным организатором, а вероятно и инициатором аферы с Сокольским был Н. Геров, за что был награжден орденом. Но, чтобы не возбудить у униатов против себя подозрение, он действовал через других лиц, которые получили за это денежное вознаграждение. Исследовательница обнаружила секретные телеграммы, которыми обменялись с 1 по 7 июня 1861 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков, А.Б. Лобанов-Ростовский и новороссийский и бессарабский генерал-губернатор граф А.Г. Строганов. К сожалению, она не раскрыла их содержание, указав только, что акция с Сокольским была организована строго секретно: о ней знали лишь правительство, император и Горчаков⁷⁸. Последствия устранения Сокольского явились исключительно серьезными для болгарского униатского движения. Маркова полагала, что инициаторы данной аферы едва ли ожидали та-

кого большого эффекта. Вскоре и остальные духовные лица-униаты также отказались от унии. Постепенно большая часть константинопольских болгар-униатов ее оставили с такой же легкостью, с какой включились в униатство⁷⁹, подчеркивала исследовательница.

Для закрепления достигнутого успеха русская дипломатия попыталась отклонить от унии и ее действительного руководителя — Др. Цанкова. Вопрос уперся в денежное вознаграждение. Русские, писала Маркова, воздержались быть щедрыми, что дало повод немалым жалобам Славейкова. По этой же причине не была реализована идея Герова выкупить газету «България», чтобы она выходила как орган защиты православия. В конце концов, на выделенные деньги (4500 грошей) Славейков сумел склонить Цанкова и Ваклидова уехать временно из столицы и приостановить издание газеты на один год. Маркова была уверена в том, что успех России стал возможен потому только, что униатское движение являлось плодом не религиозных «соображений», а чисто национально-политических мотивов. Таким образом, она всецело поддержала тезис, защищаемый Кириллом, патриархом болгарским. Она также отметила немалое значение и следующего мотива — запугать Россию и заставить ее поддержать требования церковной самостоятельности. Русский успех был возможен и из-за силы национальной партии, которая отрицала проуниатский путь решения церковного вопроса. Не на последнем месте было и то обстоятельство, что «русскому удару» благоприятствовало соотношение дипломатических сил в тот момент. Английская дипломатия не скрывала своей ненависти к католицизму и его достижениям среди болгарского населения. Со своей страны Франция, хотя и весьма заинтересованная в успехе унии, не посмела реагировать открыто и выступить против «недобросовестных действий» русских. Маркова ссылалась на Штутгартское соглашение от 1857 г. между Россией и Францией⁸⁰, о котором впервые написал князь Трубецкой.

Автором также было рассмотрено состояние дел во всех центрах униатской пропаганды, в том числе и в Македонии. З. Маркова отмечала, что Кукушская уния являлась показате-

лем активности католических миссий в Салониках и Битоле. После 18 декабря 1860 г. униатское движение в этом районе вновь оживилось. Исследовательница считала, что немедленной реакцией Азиатского департамента МИД России на него явилось открытие русского консульства в Битоле. Она привела также свидетельство французского дипломата Тиссо, который писал, что наиболее жестокими врагами католицизма, наряду с англичанами, были русские, «сильно напуганные», что он подорвет «эффект их традиционной политики». С этой целью, указывал Тиссо, а Маркова вполне соглашалась с его мнением, Россия увеличивала число своих тайных и официальных агентов. «И в Битолу был отправлен таковой вместе с секретарем и драгоманом»⁸¹. Однако болгарская исследовательница, на наш взгляд, преувеличила «страх» российской дипломатии в связи с действиями лазаристов в Битоле. В документах Архива внешней политики Российской империи, составленных по случаю учреждения консульства в Битоле, главной причиной назван отнюдь не подъем униатского движения в Македонии, а убеждение в том, что этот город был центром национально-освободительного движения южных славян⁸². К тому же Хитрово прибыл в Битолу в сопровождении секретаря и переводчика (драгомана) русского консульства в Видине А.А. Ольхина, впоследствии служившего вице-консулом в Варне (1862–1865), который вскоре уехал. Назначенный в Битолу секретарем и драгоманом Л.В. Березин появился позднее (12 июня 1861 г.). Русское консульство в действительности оказалось не таким многолюдным, как было представлено в штудии.

3. Маркова располагала отдельными документами о деятельности русского консульства в Битоле, которые специально были микрофильмированы для архива Болгарской Академии наук. Относясь критически к документам, вышедшим из-под пера дипломатов, исследовательница сопоставила содержание донесений М.А. Хитрово с информацией австрийского вице-консула Ф.Р. Соретича. Оказалось, что их оценки результативности деятельности католической миссии в Битоле совпадали. Маркова, сообщая о некоторых примерах перехода местного населения в унию, подчеркивала, что возвращение

униатов в православие было заслугой Хитрово и его умелого взаимодействия с греческим митрополитом Венедиктом⁸³. Правда, исследовательнице не было известно, что в других донесениях Хитрово жаловался на митрополита, которого он буквально заставил действовать против униатов и пыл которого вскоре охладел.

Примеры, приведенные З. Марковой из дипломатической практики русских консулов в Адрианополе, Пловдиве, Битоле, Варне, Тырнове, давали представление, хотя и неполное, об их энергичном противодействии унии и ее покровителям. Маркова считала, что именно для борьбы с иноверческой пропагандой Россия увеличила консульскую сеть и тайную агентуру, усилила благотворительность в отношении болгарских училищ, церквей, монастырей и т.п. Через ряд грубых, но эффективных акций, через увещевания и подкупы, через умелое сотрудничество с представителями Константинопольской патриархии и английскими дипломатами русские представители сумели обезвредить униатскую болгарскую общину в столице Османской империи и ограничить распространение униатского движения в провинции⁸⁴.

При анализе данной проблемы нельзя не упомянуть монографию Т. Жечева «Болгарская Пасха или страсти болгарские» [«Българският Великден или страстите български»] (1976), написанную сочным литературным языком. Кукушская уния была охарактеризована автором как локальное сражение, в котором свои силы и возможности проверили все участники будущих событий – болгары, Патриархия, западные страны, русская дипломатия, при мнимом нейтралитете Порты и местных властей. Лидер Н. Станишев являлся, по мнению Жечева, кукушским Др. Цанковым, готовым на все в борьбе против митрополита Мелетия. Даже отличная миссионерская школа, длительный опыт работы на Востоке, бесспорная интеллигентность и образованность не смогли подготовить Е. Боре к встрече с этими политиками-самородками, ловкими и беспринципными в достижении своих целей. Восхищаясь кукушскими мастерами политического театра, Жечев не скупился на сравнения и эпитеты.

Ученый считал, что решимость Цанкова в декабре 1860 г. действовать самостоятельно, без Иллариона Макариопольского, была ошибкой, поскольку акция принятия унии становилась не народным, массовым движением, а делом отщепенцев. Только по истечении времени движение Цанкова проявит свою значимость как политического маневра и свою слабость как общественного направления⁸⁵. И приверженцы, и противники — все видели в унии только ее политический аспект, и она, по мнению Жечева, действительно не имела никакого другого содержания⁸⁶. Жечев дал глубокую и всеобъемлющую характеристику Цанкова. Он считал, что Цанков при полном перевоплощении, с изумительной энергией и искренностью играл роль дьявола, который из силы, творящей зло, превращался в силу добра⁸⁷. Жечев развил далее тезис Е.Е. Голубинского, отмечая, что католические миссионеры готовили самое большое завоевание Западной церкви в вековой борьбе с Константинопольской патриархией и Восточной ортодоксией, которое благодаря таким «актерам» как Др. Цанков, И. Сокольский и др. превратилось в цирк и балаган, и дело развалилось с такой же быстротой, с какой было организовано⁸⁸. Униатское движение, являвшееся постоянной угрозой, умело использовалось болгарскими противниками русской дипломатии и Патриархии. Бегство Сокольского являлось продуманной акцией русской миссии в Константинополе, которая, как полагал Жечев, была хорошо информирована о состоянии униатской общины и знала, где нужно толкнуть, чтобы карточный домик католической пропаганды развалился. По его мнению, идея организации бегства Сокольского была подсказана изобретательным П. Славейковым, а князь Лобанов-Ростовский был главным режиссером акции. Униатское «гнездо» было разорено и уже не представляло реальной опасности. Униатское движение в Константинополе 1860 г. Жечев считал самым смелым политическим маневром за болгарскую церковь⁸⁹.

Крупнейший специалист по истории болгарского Возрождения профессор Н. Генчев в монографии «Франция в болгарском духовном возрождении» [«Франция в българското духовно възраждане»] (1979) поставил цель исследовать поли-

тику Франции в области культуры в Османской империи и в Болгарии, религиозное проникновение католицизма на Востоке в сложнейшем переплетении амбиций Франции, Ватикана и других католических стран, различных католических монашеских орденов, через призму возникших острейших противоречий между католическим миром и Россией, восточным православием, а также протестантскими государствами и т.п. Ученого также интересовало, что реально получило болгарское Возрождение от своих контактов с французской культурой, каково было ее влияние на эволюцию духовной жизни болгарского народа, а, следовательно, шире, на его историческое развитие. Данное исследование строилось на солидной источниковой базе: неопубликованные материалы из архивов Болгарии, Франции, Ватикана, Румынии, доступные автору архивные документы России, Англии, Австрии, Германии, США, пресса Франции и Болгарии, опубликованные документы. Без сомнения, исследование Н. Генчева фундаментально и многопланово, но для нас важны его трактовка деятельности католической миссии в Битоле и его точка зрения на униатское движение в целом в Константинополе и Западной Македонии.

Н. Генчев внес, на наш взгляд, значительный вклад в изучение истории католических миссий на Балканах: осветил структуру католических миссий на Балканах, привел статистические сведения о количестве работавших в них священнослужителей, учителей, раскрыл деятельность миссий в Салониках, Битоле, Адрианополе, Пловдиве, Северной Болгарии.

Создание миссии в Битоле, отмечал Генчев, являлось результатом планомерного проникновения французского католицизма в болгарскую среду, которое началось еще до Крымской войны. В монографии была восстановлена история учреждения миссии лазаристов в Битоле, отмечена особая активность французского вице-консула Белена де Бюга, противодействия австрийских дипломатов и итальянских священников, которые считали Македонию областью своих интересов. Подробно рассматривалась деятельность руководителя миссии Лепавека по привлечению болгар в лоно католичес-

кой церкви, был выявлен бюджет миссии, размер субсидий и их источники, была освещена работа училища при миссии, установлено количество учащихся. Генчев подчеркнул, что, несмотря на преследование греков, интриги турок, противодействие русских, австрийских, итальянских дипломатов, училище успешно функционировало, а удар по нему был нанесен со стороны Франции, которая в 1869 г. по неизвестным причинам прекратила его финансирование. В 1871 г. оно было вновь открыто, но уже не было тем бесплатным Болгарским педагогическим училищем, существовавшим ранее. Генчев отмечал, что в 1870-е годы попытка создать в Битоле большой французский католический культурный центр потерпела полную неудачу⁹⁰.

Генчев подробно изучил вопрос о взаимоотношениях Цанкова с лазаристами и формировании круга его приверженцев. Появление газеты «България» с ее прокатолической и про-французской ориентацией было расценено в монографии как крупный успех лазаристов в подготовке униатского движения в Болгарии⁹¹. Генчева в истории Кукушской унии интересовали действия французских миссионеров и дипломатов. Ученый подчеркивал, что Кукушская уния 1859 г. представляла собой генеральную репетицию большого униатского «удара», который лазаристы готовили еще со времен Крымской войны при молчаливом содействии посольства Франции. В Кукуше архиепископ П. Брюнони, Боре и Тюрк попытались опробовать «униатский трюк» с тем, чтобы выяснить настроения болгарского населения, изучить его интересы, проверить реакцию великих держав, Порты и Константинопольской патриархии. С другой стороны, болгары приобрели опыт борьбы с прозелитскими движениями, нашли новые аргументы против неуступчивости Патриархии и колебаний русской политики. В свою очередь, Порты на практике испытала тактику официального признания прав католиков и их дезавуирования в провинциях. Генчев также подчеркивал, что кукушский опыт способствовал прорыву в закостенелой доктрине восточно-церковной политики России, и А.М. Горчаков признал необходимым дать славянским народам славянское духовенство⁹². Генчев сооб-

шил сведения из документов, которые раскрывали комплекс тайных мероприятий лазаристов по подготовке и проведению унии в общеполитарском масштабе и непосредственное участие в них французских дипломатов, получивших указание из Парижа открыто не вмешиваться в униатское движение, а негласно направлять его в нужном для Франции курсе. Развитие униатского движения вызвало обострение отношений между Францией и Россией, и в более мягкой форме с Англией, Италией. В монографии было рассмотрено развитие униатского движения не только в Константинополе, но и в провинции – в Адрианополе, Пловдиве, Битоле, в Северной Болгарии. Генчев показал, что уния в Болгарии была творением Франции, плодом продолжительных усилий лазаристских миссий в Турции, которые осуществлялись под прикрытием французской дипломатии.

Заслуга Генчева состоит, на наш взгляд, в том, что в отличие от предыдущих авторов (И. Софранова, патриарха Кирилла и др.), исследовавших первый этап униатского движения до 1865 г., он изучил его развитие в последующий период. Миссионеры и дипломаты Франции на втором этапе унии (1865–1870), который не имел успеха, сумели показать только, что не уйдут из Болгарии, хотя условия для католического влияния здесь были неблагоприятными⁹³.

Генчев был убежден, что униатское движение не должно рассматриваться сугубо односторонне, как это было сделано в монографии Кирилла, патриарха болгарского, или в диссертации о. И. Софранова. Генчев соглашался с Кириллом в том, что униатское движение не имело в Болгарии ни исторических корней, ни реальных внутренних социальных мотивов. И католические миссионеры, и болгарские исполнители хорошо понимали историческую обреченность унии, но шли к ней по различным соображениям⁹⁴. Как каждое прозелитское движение, уния посягала на единство болгарской нации в период ее наиболее интенсивной консолидации. В случае успеха унии, который не мог быть полным, процесс формирования нации в Македонии и Фракии, отстававший в своем развитии по сравнению с другими болгарскими землями, был бы еще более задержан. Генчев отметил отрицательное воздействие на болгар-

ских деятелей (как униатских лидеров, так и их противников) того обстоятельства, что они очень рано стали ориентироваться на интересы великих держав, что в свою очередь порождало таких политиков как Цанков, бросавшихся из одной крайности в другую. Однако Генчев делал акцент и на положительных сторонах этого движения, отмечая, что оно содействовало развитию болгаро-греческого церковного конфликта. Оно также в какой-то степени связывало культурное развитие болгар с культурой католического Запада, прежде всего, Франции, что стимулировало культурное возрождение Болгарии.

Й. Ванчев разделял точку зрения Кирилла, патриарха болгарского об отрицательном воздействии католической пропаганды на болгарский народ. В книге «Новоболгарское образование в Македонии в период Возрождения» [«Новобългарската просвета в Македония през Възраждането»] (1982) он указывал, что главные цели Ватикана не смогли быть реализованы, несмотря на хорошую организацию и огромные финансовые возможности. Католическая пропаганда не пустила глубокие корни, потому что деятельность миссионеров развивалась на этапе, когда болгарское общество ушло далеко вперед в своей духовной консолидации, осуществленной на национальной основе. Временные успехи западной пропаганды являлись прямым следствием обстановки, созданной греко-болгарским церковным конфликтом. В отличие от Генчева, Ванчев считал, что созданные католические училища не оставили прочного следа в духовно-культурной жизни населения Македонии. Эти учебные заведения не могли иметь успех, поскольку учителя не знали болгарского языка и были фанатиками, которые с неприязнью воспринимали православие, и болгары поэтому не видели разницы между фанариотами и католическими миссионерами. Соприкасаясь с болгарским обществом, католические миссионеры делали ставку на религиозную, а не на культурно-просветительскую функцию, из-за чего были чужды болгарскому населению и не достигли убедительных результатов⁹⁵.

Раздел «Униатское движение» в составе главы «Борьба за самостоятельную национальную церковь», написанной академиком Д. Косевым для 6-го тома многотомной «Истории

Болгарии» (1987), по праву явился своеобразным подведением итогов изучения данной темы в Народной Республике Болгария. Основной мыслью, проходящей через все исследование, стало утверждение, что уния была не только следствием иностранного влияния, но и проявлением тактики болгар в борьбе за свою самостоятельную церковь. Помимо столицы Османской империи католическая пропаганда имела успех в некоторых областях Македонии, в которых болгарское население было наиболее угнетаемо высшим греческим духовенством и турецкими феодалами, где греческое образование и пропаганда имели сильные позиции, а болгарское образование было еще очень слабым⁹⁶. Известный болгарский ученый развил тезис Кирилла, патриарха болгарского о том, что католическая пропаганда не могла пустить корни в Болгарии и оказалась бессильной отклонить болгарский народ от избранного пути борьбы за независимую болгарскую церковь. Косев подчеркивал, что против пропаганды и униатского движения энергично выступили самые дальновидные болгарские патриоты и русская дипломатия. Большая часть народа, отмечал ученый, осталась вообще индифферентной к унии, и в действительности опасность не была такой серьезной, как выглядела из-за поднятого вокруг нее шума. Даже те болгары, которые перешли в униатство или грозились в него перейти, не думали стать прозелитами на самом деле, считал Д. Косев, но объявляли об этом в качестве протеста против непримиримой позиции Константинопольской патриархии и политики России, отказывавшихся поддержать справедливую борьбу болгарского народа за национальную церковь⁹⁷. В 60-х годах XIX в., когда процесс формирования болгарской нации шел быстрыми темпами, народ уже был достаточно политически зрелым, чтобы правильно оценить, в чем состоят его коренные интересы и какой путь является единственно верным для освобождения от турецкого ига. Косев полагал, что в целом униатское движение внесло лишь «смущение» в борьбу болгарского народа за независимую церковь: оно угрожало вызвать разъединение народа, когда требовались сплоченность и единство, и оно сориентировало часть болгарской молодой интеллигенции на

достижение нереалистичных и вредных для освободительного дела планов. Униатское движение определялось ученым как одно из дополнительных препятствий в борьбе болгар при преодолении сопротивления Патриархии и Порты. Косев вслед за Генчевым также выделил положительные стороны этого движения: оно объективно содействовало тому, что болгарская интеллигенция пришла в движение и выросла ее политическая активность. Даже название «България», которое дал своей газете Цанков, один из самых выдающихся деятелей болгарского Возрождения, было неслыханной дотоле дерзостью, а его смелая критика Патриархии возбуждала патриотические настроения среди болгарской молодежи. Косев считал униатское движение одним из второстепенных факторов, которые заставили русскую политику постепенно эволюционировать в пользу болгарского церковно-национального движения⁹⁸.

В советской историографии по вопросу о католической пропаганде и униатском движении говорилось вскользь. В связи с политической конъюнктурой изучение истории Македонии негласно находилось под запретом, и все научные достижения историков в этом направлении аннулировались⁹⁹. Примером подобной печальной участи может служить первая в послевоенной историографии монография по истории Македонии второй половины XIX в. — «Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XIX в.», автором которого была советская исследовательница К.Л. Струкова. Она поставила целью восстановить на основе огромного массива документов из архивов Москвы и Ленинграда объективную картину исторического развития Македонии в указанный период и показать нарастание на Балканах борьбы из-за македонских земель. Струкова доказывала, что правомочно рассматривать историю Македонии, так же как изучать историю Боснии, Герцеговины, Эпира, Фессалии и других балканских областей, и название «Македония» для 50–70-х годов XIX в. не означает самостоятельного этнического содержания и не является опережением «хода исторического процесса»¹⁰⁰. Однако подготовленная к печати монография при жизни автора так и не вышла в свет. На эту тему было наложено табу во избе-

жание дипломатических осложнений. Книга К.Л. Струковой была опубликована только в 2004 г., когда кардинальным образом изменились политические реалии и ситуация в отечественной исторической науке. Следует отметить, что вопрос о католической пропаганде и униатском движении не являлся приоритетным для К.Л. Струковой. Она лишь упомянула о «радикальном выступлении» жителей Кукуша, подчеркнула непрочный успех пропаганды и небольшой ареал ее распространения в Македонии, отметила не снижавшуюся активность миссионеров, за спиной которых стояли правительственные круги Франции и Австро-Венгрии¹⁰¹.

В 1978 г. в Тбилиси была издана монография советского историка К.С. Лилуашвили «Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия». Это, пожалуй, был единственный труд в советской историографии, в котором столь внимательно и на основе обширного комплекса документов из АВПРИ и ЦГИА были рассмотрены вопросы, связанные с усилением католической пропаганды в Болгарии. Автор показал давнее стремление римских пап к объединению под властью католической церкви православного населения Востока, начиная с XI в. В книге была представлена история униатского движения в Кукуше (1859) и в Константинополе (1860) и освещена деятельность российских дипломатов по противодействию католической пропаганде. Лилуашвили пришел к выводу, что католическая пропаганда нанесла ущерб единству болгарского народа, его национальным интересам и стремлению к освобождению от фанариотского ига¹⁰². Монография содержала много важных фактов, извлеченных из неопубликованных материалов, которые существенно дополняли историческую панораму униатского движения. Исследование Лилуашвили убедительно свидетельствовало о том, что роль России в урегулировании кукушского конфликта и в умалении значения константинопольской унии была велика. К сожалению, болгарские историки не заметили труд тбилисского ученого.

Весьма лаконично было освещено униатское движение 1860 г. в коллективной монографии «Международные отноше-

ния на Балканах. 1856-1878 гг.» (М., 1986) в главе «Болгария: от движения за церковно-национальную автономию до вооруженной борьбы за освобождение», написанной Н.В. Зуевой и Е.М. Шатохиной. Авторы отмечали, что успех униатов был кратковременным и непрочным, что примкнувшие к ним ремесленники и мелкие торговцы рассматривали унию как политический маневр, с помощью которого надеялись добиться уступок со стороны Греческой патриархии и повлиять на отношение русской дипломатии к болгарскому церковно-национальному движению. Подчеркивалась роль русской дипломатии и особенно князя А.Б. Лобанова-Ростовского, который содействовал возвращению в православие кукушан и распаду униатского движения в Константинополе. Сравнительная легкость в достижении успеха в борьбе с униатским движением объяснялась авторами отсутствием прочной социальной опоры под ним, что и обусловило разложение его изнутри¹⁰³.

К второй половине 1980-х годов в результате общих усилий ученых Советского Союза и их коллег из социалистических стран Европы по изучению истории и культуры этих государств был накоплен значительный опыт, который дал возможность приступить к созданию серии «Кратких историй». В 1987 г. вышла «Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней». В разделе о движении за самостоятельную болгарскую церковь, автором которого был М.А. Бирман, католической пропаганде и униатскому движению было посвящено буквально несколько абзацев. Отмечалось, что Париж и Вена поддерживали деятельность католических миссионеров с целью оторвать болгар от восточноправославной церкви и ослабить таким образом позиции России на Балканах. Сторонники идеи создания автономной болгарской церкви при содействии Ватикана образовали малочисленную униатскую группу во главе с Др. Цанковым. Последний был охарактеризован как человек, склонный к рискованным действиям. Бирман не счел нужным сообщать о И. Сокольском и дальнейшем развитии событий, а лишь упомянул, что широкие массы все же не поддерживали униатов и что позднее Цанков стал активным энтузиастом ориентации на Петербург¹⁰⁴.

Таким образом, вторая половина XX в. оказалась чрезвычайно плодотворной для изучения проблем католической пропаганды и униатского движения в Болгарии. Впервые этой теме были посвящены специальные монографические исследования (И. Софранов, Кирилл, патриарх болгарский). Она продолжала входить как полноценная составная часть в работы, которые освещали исключительно церковную греко-болгарскую борьбу, как наблюдалось в предшествующий период историографии. В то же время появились труды (Н. Генчев, С. Дамянов), где эта тема рассматривалась через призму изучения политики и культуры Франции, что позволило ученым выявить новые грани в истории католической пропаганды и ее влияния на болгарскую духовную культуру.

В научный оборот был введен огромный объем документов из архивохранилищ Рима, Франции, Австрии, Болгарии, России, Румынии и др. Широко привлекался опубликованный материал: воспоминания, дневники, пресса. Благодаря столь солидной источниковой базе удалось заполнить богатейшим фактологическим содержанием контуры исторических событий, довольно схематично и односторонне обозначенные в предыдущие этапы развития историографии. Были вскрыты тайны дипломатии Франции, католических миссионеров, лидера болгарских униатов Др. Цанкова, подробно освещены «дуэль» Е. Боре и Иллариона Макариопольского в Кукуше, а также многие события, имевшие место в Константинополе. Впервые деятельность католической миссии в македонском городе Битоле была изучена в работах многих болгарских историков.

Актуальность проблем, связанных с католической пропагандой и униатским движением, подтверждается тем фактом, что к их исследованию подключились видные болгарские ученые, такие как Кирилл, патриарх болгарский, Н. Генчев, З. Маркова, Д. Косев и др. В советской историографии вопросы религиоведения отодвигались на дальний план, да и цензура не разрешала серьезно заниматься изучением истории такого региона как Македония.

Этот этап в болгарской историографии униатского движения внес разнообразие мнений и оценок, что объясняется

не только определенной зависимостью от привлеченного к исследованию материала, но и от личной позиции автора, его конфессиональной принадлежности. Несомненно, на суждения историков влияла конкретная обстановка в исторической науке НРБ того периода, наличие цензуры. Впрочем, доминирующими стали воззрения и оценки событий, высказанные Д. Косевым. Они были закреплены в официальной версии выпущенного в свет 6-го тома «Истории Болгарии».

Начало новому этапу в историографии как России, так и Болгарии положили глобальные геополитические перемены конца 1980-х годов. Новое видение проблем католической пропаганды и униатского движения предложил молодой болгарский историк И. Тодев, который опубликовал статью «О балканской политике России в начале 60-х гг. XIX ст.». Следует сказать, что в 1987 г. вышел первый том сборника документов «Россия и болгарское национально-освободительное движение. 1856–1876», состоявший из 2-х частей и охватывавший период с 1856 по 1863 гг. Материалы, выявленные в течение многих лет в различных архивах СССР и НРБ большим коллективом советских и болгарских историков, создавали яркую картину событий, имевших место в тот период: развитие и ход греко-болгарского церковного спора, деятельность католических миссионеров и униатское движение, переселенческое движение 1861 г. болгар в Россию, отклики в Болгарии на восстание в Герцеговине, черногорско-турецкую войну и др. Концентрация значительного объема разнообразной информации привела к появлению у И. Тодева весьма интересной, но, на наш взгляд, весьма спорной концепции. Ученый исходил из тезиса, что болгары никогда не были особенно религиозны или привержены православию. Тодев считал, что униатское движение было очередной попыткой Болгарии реально присоединиться к западной цивилизации и обрести иную историю. Помехой на этом пути встал «третий Рим» – Москва. Русское правительство в 1861 г. предприняло хорошо спланированную акцию по переселению болгар в Россию для того, чтобы свести на нет униатское движение, перед которым вставали блестящие перспективы в первой половине 1861 г., а также обратить

широко задуманную повстанческую акцию Г.С. Раковского в незначительное волнение в Тырновском районе – хаджи Ставрев мятеж¹⁰⁵.

Тодев писал, что католические эмиссары сулили болгарам национальную церковь и покровительство Франции, что должно было избавить их от притеснений греческого духовенства, погашения долгов прозелитов турецкому правительству. Альтернативой унии, как подчеркивал Тодев, было переселение в Россию, которое освобождало болгар от гнета мусульман и греческого духовенства, обещало благодаря льготам и наделению землей существенное улучшение жизни. Поэтому и уния, и переселение, указывал болгарский историк, привлекали в первую очередь людей из низших социальных слоев, способных поверить обещаниям. Успешность унии лишала Россию ее влияния на болгар-униатов, поэтому русские дипломаты, отлично уловившие альтернативность унии переселению, не только повели с ней борьбу, организовав вывоз в Одессу архимандрита И. Сокольского, но и спровоцировали переселенческое движение, чтобы отвлечь болгар от унии. Истинной причиной приостановления переселения поздней осенью 1861 г. Тодев называл агонию обезглавленной унии, а не обычно перечисляемые в литературе причины: отсутствие достаточного количества свободных земель в Крыму, осознание того, что переселение настраивает в антирусском духе болгарскую общественность и сокращает болгарское население в Турции. Кроме того, опасения многих деятелей национально-освободительного движения 1860-х годов, в том числе, Г.С. Раковского, что уния разделит болгарский народ, не оправдались. Тодев констатировал: болгарский народ ныне разделен, но не на конфессиональной, а на этно-региональной основе, когда после 1913 г. часть болгарского народа, проживавшего в Македонии, была отделена от Болгарии и деболгаризирована.

В 1994 г. вышла в свет новая монография И. Тодева «Болгарское национальное движение во Фракии в период 1800–1878 гг.». Когда он внимательно и всесторонне изучил реалии этого региона, выводы его об униатском движении были уже несколько иными. Он выделил положительные сто-

роны этого явления. Деятельность католических миссионеров, среди которых преобладали поляки, сильно всколыхнула болгар в начале 1860-х годов. Были созданы болгарские училища. Униатская община получила статус отдельного миллета¹⁰⁶. К католической церкви болгар толкали не религиозные мотивы, а чисто политические или правильнее сказать национальные. Тодев также полагал, что в начале 1860-х годов намеревались «надавить» на Патриархию, чтобы вынудить ее на уступки. Уния означала также полное отделение от греков, благодаря чему пресекались всяческие попытки каких бы то ни было компромиссов. Имелся и эмоциональный мотив — болгары Адрианополя желали отомстить грекам за их неуступчивость. Униатство в Малко Тырново было реакцией на злоупотребления чорбаджиев¹⁰⁷.

Тодев, соглашаясь с высказыванием русского консула в Адрианополе К.Н. Леонтьева, что уния — это оппозиция болгар Патриархии, от себя еще добавлял, что уния — это и своеобразная оппозиция турецкой власти¹⁰⁸. Тодев выявил еще один мотив принятия унии: понимание, что подлинную национальную независимость нужно искать не в России, а в Европе. Историк разделял мнение Ст. Чомакова, видного деятеля церковного движения, который считал, что границы католицизма и цивилизации совпадают. Но тот момент был неподходящим. И архиереи Илларион Макариопольский и Авксентий Велесский не приняли унию, так как предвидели, что большинство народа за ними не пойдет. Чомаков предлагал через школы вырастить прозападно настроенную интеллигенцию — учителей и священников, которая в один прекрасный день присоединит весь народ к католической церкви, поскольку болгарский народ ненавидит Россию, и все его симпатии на Западе¹⁰⁹.

В Адрианополе попытки использовать унию как натиск на Патриархию остались безуспешны. Кроме того, униатство внесло разделение в среду болгар, что крайне негативно отразилось на позиции в их борьбе с эллинизмом. Между болгарскими униатами и болгарскими православными разгорелась вражда. Униатов было немного. Это разделение было выгодно эллинофилам, так как болгары православные вынуждены

были вести борьбу на два фронта. Таким образом, эллинизм использовал унию как возможность надолго задержать под своей опекой болгар ¹¹⁰. Борьба на два фронта оказалась не под силу национальному болгарскому крылу Адрианополя, и оно объединилось с эллинизмом против унии. Таким образом, в Адрианопольской Фракии положительный эффект от католического прозелитизма был весьма незначителен. Он свелся к появлению нескольких училищ. Адрианополь не превратился в руководящий центр болгарского национального дела во Фракии, и в этом во многом виновата уния. В общем в выводах Тодева превалирует отрицательная оценка католического прозелитизма в этом регионе ¹¹¹.

Монография Тодева была посвящена не Македонии, а Фракии, но, на наш взгляд, подход автора весьма плодотворен, поскольку Тодев изучил католическую пропаганду и униатское движение в отдельном регионе в совокупности и с учетом всех реалий и особенностей. Ему пришлось пересмотреть свою точку зрения на униатское движение применительно к Адрианопольской Фракии. Без сомнения, в его исследовании сохраняется крайне отрицательное восприятие деятельности русских дипломатов в Адрианополе, позиции русского правительства. Но именно такое всестороннее исследование унии по регионам позволит вынести более или менее взвешенное суждение о результатах и последствиях деятельности католических миссий в Болгарии.

Современная болгарская историография нацелена на изучение запретной в НРБ темы – судьбы католической церкви в Болгарии с 1878 г. и особенно в драматическом для нее XX столетии. Это, в первую очередь, монографии С. Елдарова, И. Еленкова, Р. Ваташки, но авторы не могли не высказать своего мнения и относительно униатского движения 1860-х годов.

В 1994 г. С. Елдаров выпустил книгу «Униатство в судьбе Болгарии. Очерки по истории Болгарской католической церкви восточного обряда» [«Униатството в съдбата на България. Очерци из историята на Българската католическа църква от источен обред»]. Очерки были написаны с нескрываемой симпатией к католическому вероисповеданию. Основное внимание

автор уделил истории болгарской униатской церкви, получившей в 1926 г. статус Болгарского апостольского экзархата, и ее руководителям в период после 1878 г. Предыдущий этап был охарактеризован в книге достаточно кратко. С. Елдаров подчеркивал негативную роль России в истории не только униатского движения 1860-х годов, которое ориентировало болгар на Западную Европу, но и на весь ход болгарского национального Возрождения в Адрианополе и Восточной Фракии. Вывоз обманным путем И. Сокольского в Одессу, по мнению автора, был старым и испытанным методом российской имперской политики в борьбе против униатства. В подтверждение данного тезиса Елдаров привел пример с похищением епископа Луцка Дионисия (Жабокрицкого) в 1709 г., что нанесло большой удар Рутенской униатской церкви¹¹². Действительно, луцкий епископ Дионисий (перешедший в униатство в 1702 г.) был арестован по приказу Петра I после победы в Полтавской битве, поскольку был активным помощником Мазепы, а также чинил препятствия русским войскам, когда они в ходе Северной войны (1700–1721) вступили на территорию Речи Посполитой (1704 г.). Пример с Дионисием, на наш взгляд, является весьма некорректным. Вызывает недоумение и другое утверждение болгарского историка. Он полагал, что движение за новоболгарское просвещение и церковную самостоятельность с трудом находило почву в Адрианополе и Восточной Фракии из-за того, что встречало сильное сопротивление не только со стороны Вселенской патриархии, но и из-за великорусских политических интересов. Россия смотрела на этот район, утверждал С. Елдаров, как «на хинтерланд» (местность, прилегающая к столице) Константинополя и Проливов, которые в ее стратегии занимали центральное место. Именно поэтому Россия холодно воспринимала национальные устремления болгар в этом районе, и не случайно Адрианополь и большие города Фракии были оставлены вне границ Сан-Стефанской Болгарии. Нарочитость искажения автором политики России и действий ее консулов в Адрианополе вскрывается при внимательном изучении документов вышеупомянутого сборника «Россия и болгарское национально-освободительное движение».

В следующей своей монографии «Католики в Болгарии. 1878–1989» С. Елдаров дал общую оценку униатского движения 1860-х годов как плода борьбы болгарского народа за самостоятельную церковь, создание национального духовенства и культурную эмансипацию от эллинизма¹¹³.

Монография И. Еленкова «Католическая церковь восточного обряда в Болгарии с момента ее создания и присоединения части болгарского народа к Риму в 1860 г. и до середины XX века» [«Католическата църква от източен обряд в България от времето на нейното учредяване с присъединението на част от българския народ към Рим през 1860 г. до средата на XX век»] (София, 2000) появилась не без влияния определенной конъюнктуры. Еленков утверждал, что католицизм в Болгарии никогда не был эпизодическим событием: со средних веков и до настоящего времени он постоянно присутствовал в стране¹¹⁴. После учреждения унии 1860 г. наблюдался невероятный подъем, который вскоре резко пошел на спад. Сокольский был заточен в Киеве, начались гонения, большинство первых деятелей унии разбежались, но церковь не пропала, началась настоящая жизнь в вере. Возникли отдельные очаги не только в Константинополе, но и во Фракии, Македонии и в других местах Болгарии. Автор делал вывод о том, что униатская церковь только тогда стала настоящей церковью, когда исчезли носившие светский характер побудительные причины ее создателей¹¹⁵. Можно присоединиться к справедливой критике Елдарова, что в книге Еленкова отсутствуют новые архивные источники, а культурологический подход в исследовании противопоставляется методологии позитивизма¹¹⁶.

Очередная работа И. Еленкова «Католическая церковь и католики в Болгарии» (2004) представляет собой очерк, подготовленный к визиту папы Римского Иоанна-Павла II в Болгарию в том году. Автор широко использует и больше комментирует, чем анализирует сведения из дневника викария В. Галамбера, теолога и постоянного советника болгарского униатского епископа Рафаила Попова (1865–1876), а в сущности руководителя болгарской унии в 1866–1877 гг. Еленков вслед за Галамбером обращает внимание на мотив перехода

болгар в унию — употребление в униатских церквях болгарского языка. Уния, по мнению ученого, затрагивала самое сокровенное в душах болгар, что было связано с распознаванием ими своей общности через свободу публично говорить на родном языке¹¹⁷. Еленков поднял очень важную проблему: о потере авторитета священства среди болгарского народа. За 10—12 лет в ходе греко-болгарской церковной борьбы болгары отвыкли от уважения греческих владык. Однако и болгарские владыки, которые поначалу были встречены с радостью, столкнулись с отсутствием почитания духовенства и с общим охлаждением к вере. Еленков винил в этом Г.С. Раковского, Д. Цанкова, Т. Икономова и др., которые своими резкими статьями возбудили в болгарском народе ненависть и отвращение к греческому духовенству, за чем последовали равнодушие и неустойчивость в вере¹¹⁸. Еленков повторил тезис Галамбера, что религиозное невежество являлось основным препятствием для действительного обращения в католицизм, а также причиной легкого перехода из одной конфессии в другую.

Р. Ваташки в своей книге «Болгарская православная церковь и римскокатолическая пропаганда в Болгарии и на Балканах (IX — 30-е годы XX в.)» (2011) [«Българската православна църква и римокатолическата пропаганда в България и на Балканите (IX — 30-те години на XX в.)»], в отличие от Елдарава и Еленкова, придерживается мнения о том, что униатское движение 1860-х годов было не столько религиозным, сколько политическим, и религия использовалась в политических целях. Униатство в дальнейшем поддерживалось ценой больших усилий со стороны Ватикана, различных католических орденов и конгрегации¹¹⁹. Сведения о католической миссии в Битоле, отрывочные и лаконичные, были взяты автором из монографии Н. Генчева¹²⁰.

Напротив, М. Узунова в работе «Создание католической церкви восточного обряда в Болгарии в период Возрождения» (2006) защищает точку зрения, что уния 1860-х годов являлась не политическим деянием одного правителя, не следствием воздействия внешних факторов или спонтанным актом. Это было, по ее мнению, движение различных социальных групп

в поисках нового духовного и нравственного центра при сохранении болгарской народности. Автор считает, что газета Цанкова «България» не воспринималась современниками как орган иностранной пропаганды. Она превратилась в радикальную трибуну, избличавшую злоупотребления греческого клира и ратовавшую за самостоятельную иерархию. Обращение кукушан к папе Пию IX в 1859 г. автор расценивает как глубоко осознанный и спланированный жителями Кукуша шаг, а не просто как внешнюю инспирацию со стороны лазаристов. Уния воспринималась кукушанами не как тактический ход в борьбе против Патриархии, а как желанное решение церковного вопроса¹²¹. Униатская идея превратилась в модель и образец при отстаивании народных интересов, и на практике униатское и церковно-национальное движения стимулировали друг друга и давали взаимный импульс. Речь И. Сокольского, произнесенная при посвящении его в сан архиепископа, убедительно свидетельствовала, по мнению Узуновой, о том, что все утверждения о неграмотности Сокольского были грубой инсинуацией. Автор разделяет точку зрения о. И. Софранова, что похищение Сокольского было совершено против его воли и что он остался верен униатству¹²². В целом, католической церкви восточного обряда в болгарских землях пришлось доказывать и отстаивать свое право на существование в условиях, которые были гораздо сложнее тех, при которых развивалась борьба за самостоятельную церковь и Экзархию. Утверждение Г.С. Раковского, которое было подхвачено большинством историков, о том, что в унии крылась опасность разделения болгарской нации и, следовательно, ее уничтожения, оказалось совершенно неверным. Но благодаря унии болгарские земли приобщились к культуре Западной Европы, уния помогла преодолению их культурно-духовной изоляции в XIX в.¹²³

Об изменении в методологии исторических исследований в России и о новых подходах российских специалистов к изучению проблем прошлого Болгарии свидетельствует монография И.Ф. Макаровой «Болгары и Танзимат» (2010), в которой много внимания уделено и греко-болгарскому церковному вопросу, и униатскому движению. Автор рассмотрела церков-

ную борьбу болгар, их тактику и основные акции не с точки зрения европейца, а с позиций ментальности представителей болгарских общин, которая являлась продуктом исламской цивилизации. В контексте османских реалий речь шла о создании нового миллета — экстерриториальной церковно-административной и конфессионально-юридической болгарской автономии. С 1860 г., с началом Ливанского кризиса, решение этой задачи перешло в практическую плоскость, и активность болгар развернулась параллельно в двух направлениях — за создание сразу двух новых болгарских миллетов — болгаро-православного и болгаро-униатского¹²⁴. Группа радикально настроенной болгарской молодежи прозападной ориентации (Др. Цанков, Г. Миркович и др.), воспользовавшись благоприятной внешнеполитической обстановкой (углублением Ливанского кризиса) и осложнениями в сфере церковного конфликта, решила идти на полный разрыв с Константинопольской патриархией. Таким образом, инициатива реанимации контактов с польскими эмиссарами и патронируемыми Францией католическими миссионерами исходила именно от них, а не наоборот. Для Порты создание униатской церкви было оптимальным вариантом решения проблемы, связанной с греко-болгарским церковным конфликтом, а местные турецкие власти проявляли полное равнодушие к унии. Болгарское население нередко использовало сам переход в унию или его угрозу в тактических целях — как шантаж Константинопольской патриархии и российского дипломатического ведомства¹²⁵.

Известие об унии болгар в России произвело шок. Но российские дипломаты в Константинополе быстро среагировали, и позиции прозелитов удалось подорвать силами их же соотечественников. Кроме того, внешнеполитическому ведомству России удалось договориться с французскими коллегами, реанимировав Штутгартские соглашения 1857 г.: стороны обязались воздерживаться впредь от соперничества на ниве религиозных разногласий¹²⁶. С последним утверждением, однако, сложно согласиться, поскольку исследования болгарских историков и опубликованные документы свидетельствуют о том,

что в действительности Франция не отказалась от поддержки болгарского прозелитизма, осуществляя ее тайным образом.

В настоящее время в историографии заметно проявилась тенденция рассматривать многие проблемы истории с точки зрения культурологии. Однако при этом нередко происходит игнорирование авторами конкретных исторических реалий, отчего их выводы получаются броскими, но по сути своей неверными. Примером подобных работ может служить монография В.Ю. Венедиктова «Россия и Константинопольский патриархат. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского патриархата во второй половине XIX века» (2011). Не имея специальной страноведческой подготовки и поверхностно ознакомившись с историографией, автор в принципе не разобрался даже в существовании конфликта между болгарскими и греками в условиях специфики миллетов Османской империи. Поэтому он поставил этнофилетизм болгар того периода в одну строку с этнофилетизмом, наблюдаемым в отношениях между Русской православной церковью и Константинопольской патриархией в связи с конфликтами, возникшими в последние десятилетия в Эстонии, Украине и др. В данную монографию включены и вопросы зарождения католического прозелитизма в Константинопольской церкви во второй половине XIX в. Автор указал на значительный массив архивных документов, который он якобы исследовал, однако в разделе, посвященном униатскому движению, нет ни одной ссылки на архивы, а его рассуждения базируются на материале, представленном в работах исключительно отечественных историков (Теплова, Погодина, Лилуашвили). При этом богатейшая болгарская историография осталась вне поля зрения Венедиктова. Изложение им истории униатского движения отличается многими неточностями, односторонностью, непоследовательностью, смешением фактов, что упрощает и искажает реальную картину этого движения в разных областях Балкан, где проживало болгарское население¹²⁷.

При изучении существующей болгарской и российской историографии автор настоящей работы обратила внимание на то обстоятельство, что, несмотря на значительный факто-

логический материал, уже введенный в научный оборот, многие стороны униатского движения, особенно в окрестностях г. Битола, остаются еще недостаточно изученными. Некоторые болгарские историки переоценивали влияние российской миссии в Константинополе и российской консульской сети в первые годы после Крымской войны, утверждая, что сильное противодействие со стороны российской дипломатии, привлекавшей к уничтожению унии значительное число людей и огромные материальные средства, стало одной из основных причин неудачи унии. Исследование деятельности российской миссии в Константинополе привело нас, однако, к выводу, что русским посланникам в Османской империи А.П. Бутеневу и А.Б. Лобанову-Ростовскому так и не удалось наладить конструктивных отношений ни с турецкой высшей властью, ни с Патриархией, ни с христианскими общинами. В рассматриваемый период миссия была способна лишь парировать удары, наносимые католическими миссионерами, занимая «оборону». На наступление у нее не было ни средств, ни людей¹²⁸.

Исследование всего комплекса донесений русских дипломатов из Битола, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, а не отдельных документов, что имело место в предшествующей историографии, в сочетании с изданными донесениями австрийских вице-консулов, дневником vicария В. Галамбера, со свидетельствами и воспоминаниями современников, позволило нам в уже опубликованной серии статей более детально изучить униатское движение в Западной Македонии, отметить его особенности, отличия от так называемой Константинопольской унии, а также вскрыть причины его неудачи и роль для болгар этого региона. Униатское движение в Западной Македонии, на наш взгляд, не являлось производной церковной борьбы болгарского народа. Оно не имело политического характера, как считали Д. Косев, Р. Ваташки и др. Оно не было и протестом против греческого гнета, о чем писал о. И. Софранов. В нем присутствовали элементы шантажа, но он был иным, по сравнению с событиями в Варне или Кукуше, когда при отказе Патриархии выполнить их требование, например, о назначении епископа-болгарина,

жители этих городов объявляли о своем переходе в унию. В унии болгар Велесской и Струмницкой епархий скорее можно видеть акт самосохранения, чем политические или религиозные искания: они преследовали исключительно свои личные выгоды — облегчение участи и экономического положения. Лазаристы прекрасно понимали шаткость своих позиций, поэтому стремились через школу воспитать новое поколение в твердых убеждениях.

Но, несмотря на все неудачи униатского движения в Западной Македонии, оно, на наш взгляд, имело важное значение для болгар этого региона. До появления лазаристов, а потом и русского консульства болгары ориентировались на лидеров христианской общины Битола, надежды которых были сопряжены с Грецией. Введение болгарского языка в школе Лепавека, богослужение на церковнославянском языке пробуждали чувство национальности у славян. Внутреннее сопротивление католической пропаганде, на фоне усилий русских дипломатов, способствовало выходу болгар из состояния апатии и забвения своей народности. Кроме того, оказываясь в центре ожесточенной борьбы за их умы и сердца, болгары этого региона начинали осознавать свою сопричастность с соплеменниками, конфессиональную и национальную общность с Россией, что в целом играло положительную роль в процессе самоидентификации славян Битольского края. Следовательно, униатское движение и сопротивление с ним, в том числе русских дипломатов, явились одним из катализаторов оживления общественной жизни болгарского населения края¹²⁹.

Таким образом, слом марксистско-ленинской доктрины и избавление от пут ее методологии в конце 1980-х годов не могли не отразиться на российской и болгарской историографии. Ученые обратили внимание, в первую очередь, на исследование ранее запретных тем, отчего проблемы католической пропаганды и униатского движения 1860-х годов потеряли свою злободневность. В большей части работ болгарских историков использовался прежний багаж архивных источников, на основе которых делались выводы и заключения. Историки ныне не стремятся завуалировать свои воззрения и конфесси-

ональные симпатии, что расцветило палитру мнений. Вновь обосновывается утверждение о реальной перспективе перехода болгар под длань папы Римского. Во многих сочинениях предыдущего периода прослеживалось несколько негативное отношение к контрдействиям России в отношении к католической пропаганде. На новом этапе эта тенденция проявилась весьма отчетливо: на пути болгарского народа к западной цивилизации встала Москва.

Высказанные столь противоположные суждения специалистов свидетельствуют о том, что в исследовании проблем католической пропаганды и униатского движения не следует ставить точку и необходимо дальнейшее внимательное и всестороннее их изучение.

Примечания

¹ *Сырку П.* Греко-болгарский церковный вопрос // Журнал министерства народного просвещения. 1890. Ч. 270. Июль. С. 380–402; *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX век. Т. 1. (1859–1865). София, 1962; *Горина Л.В.* Марин Дринов – историк и общественный деятель. М., 1985; *Лилуашвили К.С.* Вопросы болгарского церковно-национального движения в трудах болгарских ученых // Труды Тбилисского университета. Серия: История, искусствоведение, этнография. Т. 266. 1986. С. 178–187; *Маркова З.* Българският църковен въпрос в руската историческа литература // Избрани съчинения: в 2 т. Т. 2. София, 2008. С. 82–99.

² *Дринов М.* Съчинения. Трудове по българска църковна история. Т. 2. София, 1911. С. 149.

³ Там же. С. 151–152.

⁴ *Голубинский Е.Е.* Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской. М., 1871. С. 195–196.

⁵ Там же. С. 196–197.

⁶ Там же. С. 203.

⁷ Там же. С. 193.

⁸ *Платонов А.* Академик Евгений Евсигнеевич Голубинский – церковный историк и человек // <http://www.golubinski.ru/golubinski/eeg.htm>

⁹ *Теллов В.А.* Греко-болгарский вопрос по неизданным источникам. СПб, 1889. С. 1.

¹⁰ Там же. С. 38.

¹¹ Там же. С. 42.

¹² *Стоянов-Бурмов Ф.* Греко-болгарская распря // Русский вестник. 1886. Т. 181. № 1. С. 149.

¹³ Там же. № 2. С. 540–541.

¹⁴ *Стоянов-Бурмов Ф.* Греко-болгарская распря в шестидесятых годах. (Исторический очерк) // Вестник Европы. 1888. Т. 132. № 8. С. 745.

¹⁵ Там же. С. 751–752.

¹⁶ Там же. № 9. С. 40.

¹⁷ Там же. С. 40–41.

¹⁸ *Радивоев М.* Време и живот на Търновския митрополит Илариона (Макариополски). София, 1912. С. 139.

¹⁹ *Стоянов-Бурмов Ф.* Греко-болгарская распря в шестидесятих годах // Вестник Европы. 1888. № 9. С. 53–59.

²⁰ *Петров Н.П.* Начало греко-болгарской распри и возрождения болгарского народа. Киев, 1886. С. 31.

²¹ Там же. С. 32.

²² Там же. С. 88.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 100.

²⁵ Там же.

²⁶ *Трубецкой Г.Н.* Россия и Вселенская патриархия после Крымской войны. 1856–1860 гг. // Вестник Европы. 1902. № 6. С. 471.

²⁷ Там же. 1902. № 5. С. 21.

²⁸ Там же. 1902. № 6. С. 472.

²⁹ Там же. С. 491.

³⁰ *Погодин А.Л.* История Болгарии. СПб, 1910. С. 156, 189–190.

³¹ *Радивоев М.* Време и живот на Търновския митрополит Илариона (Макариополски). С. 184–185.

³² *Мишев Д.* България в миналото (Страници из българската културна история). София, 1912. С. 431–432.

³³ *Арнаутов М.* Г.С. Раковский: живот, произведения, идеи. София, 1922. С. 165.

³⁴ *Арнаутов М.* Иларион Макариополски. София, 1925. С. 170.

³⁵ Там же. С. 164.

³⁶ *Арнаутов М.* Г.С. Раковский: живот, произведения, идеи. С. 166.

³⁷ Там же. С. 167.

³⁸ *Арнаутов М.* Братя Миладинови. Живот и дейност (1810, 1830–18862). София, 1943. С. 67, 206.

³⁹ *Пенев Б.* История на новата българска литература. Т. 3. Българската литература през втората половина на XIX в. София, 1977. С. 30.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 70.

⁴² *Державин Н.С.* История Болгарии. Т. 4. М.-Л., 1948. С. 106.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Натан Ж.* Българско възраждане. София, 1950. С. 112–113.

⁴⁵ *Софранов И.* История на българското движение за единение с католическата църква през XIX век. София, 2009.

⁴⁶ Там же. С. 57.

⁴⁷ Там же. С. 58.

⁴⁸ Там же. С. 96.

⁴⁹ Там же. С. 62.

⁵⁰ Там же. С. 80.

⁵¹ Там же. С. 100–121.

- 52 Там же. С. 205.
- 53 Там же. С. 210.
- 54 Там же. С. 200.
- 55 Там же. С. 217.
- 56 Там же. С. 218.
- 57 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1421. Л. 66 об.–67.
- 58 *Софранов И.* Указ. соч. С. 224.
- 59 *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX век. Т. 1. (1859–1865). София, 1962. С. 90.
- 60 Там же. С. 107.
- 61 Там же. С. 141.
- 62 Там же. С. 137.
- 63 Там же. С. 140.
- 64 Там же. С. 197.
- 65 Там же. С. 271.
- 66 Там же. С. 93–94.
- 67 Там же. С. 95.
- 68 Там же. С. 97.
- 69 Там же. С. 329.
- 70 Там же. С. 333.
- 71 *Дамьянов С.* Франция и българската национална революция. София, 1968. С. 108.
- 72 Там же. С. 109–111.
- 73 Там же. С. 110–111, 129.
- 74 *Влахов Т.* Кукуш и неговото минало. София, 1969. С. 83.
- 75 Там же. С. 94.
- 76 *Маркова З.* Русия и българският църковно-национален въпрос (1856–1864) // Избрани съчинения: в 2 т. Т. 2. С. 206.
- 77 Там же. С. 207.
- 78 Там же. С. 207.
- 79 Там же. С. 208.
- 80 Там же. С. 208–209.
- 81 Там же. С. 213–314.
- 82 АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 137.
- 83 *Маркова З.* Русия и българският църковно-национален въпрос. С. 214.
- 84 Там же. С. 218.
- 85 *Жечев Т.* Българският Великден или страстите български. София, 1976. С. 106.
- 86 Там же. С. 108.
- 87 Там же. С. 133.
- 88 Там же. С. 192.
- 89 Там же. С. 350.
- 90 *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. София, 1979. С. 116–117.
- 91 Там же. С. 141.
- 92 Там же. С. 148–149.

⁹³ Там же. С. 191.

⁹⁴ Там же. С. 199–200.

⁹⁵ *Ванчев Й.* Ново-българската просвета в Македония през възраждането (до 1878 година). София, 1982.

⁹⁶ *Косев Д.* Борба за самостоятелна национална църква // История на България. Т. 6. София, 1987. С. 138.

⁹⁷ Там же. С. 135, 139.

⁹⁸ Там же. С. 140.

⁹⁹ См.: *Валева Е.Л., Исаева О.Н.* Македонистика в СССР: к истории политических табу // Россия (СССР) и Македония: история, политика, культура 1944–1991 гг. М., 2013. С. 141–158.

¹⁰⁰ *Струкова К.Л.* Обществено-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XIX в. М., 2004. С. 201.

¹⁰¹ Там же. С. 89–90.

¹⁰² *Лилуашвили К.С.* Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978. С. 104.

¹⁰³ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 140–141.

¹⁰⁴ *Бирман М.А.* Движение за самостоятельную болгарскую церковь. // Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 215–216.

¹⁰⁵ *Тодев И.* О балканской политике России в начале 60-х гг. XIX ст. // Bulgarian Historical Review. 1988. № 3. С. 47–49.

¹⁰⁶ *Тодев И.* Българско национално движение в Тракия. 1800–1878. София, 1994. С. 198.

¹⁰⁷ Там же. С. 212.

¹⁰⁸ Там же. С. 213.

¹⁰⁹ Там же. С. 214.

¹¹⁰ Там же. С. 219.

¹¹¹ Там же. С. 223.

¹¹² *Елдъров С.* Униатството в съдбата на България. Очерци из историята на Българската католическа църква от източен обред. София, 1994. С. 12.

¹¹³ *Елдъров С.* Католиците в България. 1878–1989. Историческо изследване. София, 2002. С. 129.

¹¹⁴ *Еленков И.* Католическата църква от източен обряд в България от времето на нейното учредяване с присъединението на част от българския народ към Рим през 1860 г. до средата на XX век. София, 2000. С. VIII.

¹¹⁵ Там же. С. IX.

¹¹⁶ Там же. С. 21.

¹¹⁷ *Еленков И.* Католическа църква и католиците в България. София, 2004. С. 90.

¹¹⁸ Там же. С. 96–97.

¹¹⁹ *Ваташки Р.* Българската православна църква и римокатолическата пропаганда в България и на Балканите (IX – 30-те години на XX в.). В. Търново, 2011. С. 20.

¹²⁰ Там же. С. 144.

¹²¹ *Узунова М.* Учредяването на католическата църква от източен обряд в България през възраждането. София, 2006. С. 45–46.

¹²² Там же. С. 59–60, 61.

¹²³ Там же. С. 95–96.

¹²⁴ *Макарова И.Ф.* Болгары и Танзимат. М., 2010. С. 135–139.

¹²⁵ Там же. С. 153–154.

¹²⁶ Там же. С. 157.

¹²⁷ *Венедиктов В.Ю.* Россия и Константинопольский патриархат. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского патриархата во второй половине XIX века. (УЕС). 2011. С. 196–211.

¹²⁸ *Фролова М.М.* Униатское движение в болгарских землях и российская дипломатия после Крымской войны (1856–1861) // *Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII – начале XX вв.* М., 2011. С. 105–138.

¹²⁹ *Фролова М.М.* К вопросу о социо-конфессиональной обстановке в Битольском эялете в 1861 г. (по донесениям русского дипломата М.А. Хитрово) // *Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина.* М., 2013. С. 536–573; *она же.* Католическая пропаганда в Западной Македонии по донесениям российских дипломатов из Битолы (1861–1864) // *Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского.* М.-СПб, 2013. С. 268–281; *она же.* Развитие униатского движения в Западной Македонии. Планы и действительность (1856–1871 гг.) // *Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.* М., 2014. С. 33–60.

Светлана Ивановна ДАНЧЕНКО

Начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и русское общество: проблема отечественной историографии

Восточный кризис, начавшийся летом 1875 г. восстанием в горах Герцеговины, не имел аналогов в предшествовавшей истории Балкан, как по масштабам национальных движений, так и историческим последствиям.

Тематика, связанная с кризисом и возникшим в этот период в России общественным движением, важной составной частью входит в комплекс проблем, изучение которых стало одной из ключевых задач отечественной историографии после создания в январе 1947 г. Института славяноведения АН СССР. Именно тогда перед историками была поставлена совершенно конкретная задача — на ближайшее время и на перспективу разрабатывать историю русско-славянских связей. Причина такого указания вышестоящих инстанций, давших разрешение на открытие Института, была очевидна — в связи с созданием после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. социалистического лагеря было необходимо «подкрепить» новое международное образование в идеологическом и научном плане.

Один из основателей Института славяноведения профессор Сергей Александрович Никитин (1901–1979) стал главным координатором данного направления отечественной исторической славистики. Уже в 1940-е годы он интенсивно работал в архивах СССР и имел представление о хранившихся там ценнейших материалах. Среди тем, которые должны были быть, по его мнению, изучены в первую очередь, с привлечением новых документов, С.А. Никитин выделил историю Восточного кризиса 1875–1878 гг. и общественного движения в России этого периода. Ему же принадлежат первые работы по данной проблеме, заложенные в фундамент советской историографии.

Следует подчеркнуть, что до С.А. Никитина вопрос об отношении русского общества к событиям на Балканах в начале Восточного кризиса практически не был изучен. Появившиеся в ходе кризиса и в конце XIX – начале XX вв. работы об общественном движении в России в 1870-е годы¹ не отличались глубиной, ввиду недостаточной документальной базы, и носили, прежде всего, информативный характер. Так, один из этих авторов А. Терехов указывал, что сбор пожертвований в России в пользу герцеговинцев начался в августе 1875 г. и что главная часть приношений шла от «простого и бедного люда». При этом он отмечал независимость движения помощи славянам от правительства и влияние его на ход государственной политики. Другой автор, А. Корнилов, подчеркивал, что русское правительство не хотело войны, но общество, без различия направлений, стремилось на помощь славянам. С.С. Татищев также отмечал всеобщее воодушевление, готовность подданных империи всех сословий и званий к жертвованиям и помощи. Он признавал значение Славянских комитетов и Красного Креста – главных сборщиков пожертвований, но, в отличие от А. Корнилова, указывал на наличие в русском обществе и тех немногих, кто не разделял «славянского порыва» и выступал против помощи балканцам. Однако их позиция расходилась с общим мнением².

В 1920-е годы эти вопросы затрагивал в своих трудах М.Н. Покровский. Он отрицал, вопреки многочисленным источникам, наличие в России сколько-нибудь широкого сочувствия славянам и сводил его к агитации славянофилов³.

В 1934 г. в «Трудах Института славяноведения АН СССР» (Т. II), изданных в Ленинграде, была опубликована статья К.А. Пушкаревича «Балканские славяне и русские “освободители”», написанная на материалах архива Санкт-Петербургского славянского комитета. Однако, по оценке С.А. Никитина, работа, автор которой «оказался полностью во власти представлений “школы Покровского”», «в гораздо большей степени превратилась в памфлет..., чем в серьезное исследование». «Публицистический характер работы, – подчеркивал С.А. Никитин, – отчетливо выявляется в опровержении та-

ких бесспорных положений, как то, что борьба на Балканах не была борьбой православия с исламом, или в доказательствах тезиса, что восстание в Боснии и Герцеговине не явилось результатом «панславистического энтузиазма»⁴.

1950-е годы явились для отечественной исторической славистики периодом становления, собирания научных сил, накопления материала и опыта. Начались интенсивные и целенаправленные поиски в архивах СССР.

Заметным событием в развитии югославистики стало издание в 1957 г. сборника статей и материалов «Общественно-политические связи народов СССР и Югославии». Разумеется, его появление было обусловлено необходимостью «откликнуться» на нормализацию межгосударственных отношений СССР и Югославии. Две объемные статьи сборника – С.А. Никитина и Т.Г. Снытко – были посвящены исследованию отношения русского общества к национально-освободительной борьбе балканских славян в 1875–1876 гг.

С.А. Никитин с началом восстания в Герцеговине, а затем в Боснии, связывал первый этап общественного движения в России в период Восточного кризиса 70-х годов XIX в. «На этом этапе, – пишет он, – в движение включились, прежде всего, дворянско-славянофильские группы, затем либерально-буржуазные и революционно-демократические. Народные массы участвовали в нем только в форме благотворительной – своими пожертвованиями»⁵.

С.А. Никитин, который в 1950-е годы интенсивно работал над своей монографией «Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах» (М., 1960), одной из основных исследовательских задач поставил рассмотрение роли этих общественных организаций (по его тогдашней формулировке – «организаций дворянско-буржуазной общественности») в формировании и развитии движения помощи балканским славянам. Он первым среди отечественных историков отметил, что в начале Восточного кризиса Славянские комитеты и, прежде всего, Московский, бездействовали, так как, за недостатком информации, их руководители полагали, что герцеговинское восстание – дело рук Австро-Венгрии и является провокацией⁶.

В своей статье С.А. Никитин привлек большой материал — публикации газет и журналов, мемуары, архивные документы, на основании которых представил картину тех мероприятий, которые с осени 1875 г. проводились в России в пользу славян: сбор пожертвований, формирование и отправка в Черногорию специального санитарного отряда во главе с кн. П.А. Васильчиковым — для помощи раненым повстанцам и многочисленным беженцам. Наряду с этим С.А. Никитин впервые в историографии показал ту роль, которую сыграли в организации помощи член Международного комитета помощи повстанцам, созданного 16 (28) августа 1875 г. в Париже, Г.С. Веселитский-Божидарович и русский консул в Дубровнике А.С. Ионин. При этом ученый подчеркнул, что, вопреки указаниям официального Петербурга — не помогать повстанцам, а лишь беженцам, российские дипломатические представители на Балканах, выполняя поручения Славянских комитетов, фактически превращались в их неофициальных агентов и «своей поддержкой повстанцев, пусть не всегда удачной и достаточной, способствовали расширению освободительной борьбы»⁷.

Свое отношение к восстанию в Герцеговине и Боснии русское общество выражало через периодическую печать. С.А. Никитин первым среди отечественных исследователей глубоко изучил вопрос об отражении балканских событий в начале Восточного кризиса на страницах российских газет и журналов различных направлений. Уже в июле 1875 г. в газетах «Одесский вестник», «Русский мир», «Голос» появились сообщения о событиях в Герцеговине. Впоследствии во многих изданиях стали регулярно печататься материалы о тысячах беженцев, устремившихся от турецких зверств в Черногорию и Далмацию и лишенных пропитания и одежды. Именно пресса, расцвет которой в России как раз приходится на годы Восточного кризиса, сыграла значительную роль в формировании общественной атмосферы действенной помощи славянам в невиданных ранее масштабах, сделал вывод С.А. Никитин.

Ученый отметил, что «Русский мир» был «единственной в это время газетой, призвавшей русский народ не ограничиваться денежной помощью герцеговинцам», а встать в ряды

борцов против турок⁸. И генерал в отставке, редактор «Русского мира» М.Г. Черняев собирался отправиться вместе с русским отрядом в Герцеговину, чтобы помочь повстанцам, однако его попытка не увенчалась успехом, не получив общественной и материальной поддержки⁹. Вместе с тем, как показал С.А. Никитин, немногочисленные русские добровольцы, в основном революционные народники, все же отправились в Герцеговину. Впоследствии данный вопрос будет более подробно рассмотрен отечественными учеными, но С.А. Никитин был первым, кто обратился к этой тематике и привлек для ее изучения архивный материал.

Представленная нами статья С.А. Никитина вошла составной частью (практически без изменений) в III главу его монографии «Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах». В ней практически были намечены те направления, по которым в последующие годы будут проводиться дальнейшие, углубленные исследования истории общественного движения в России в период Восточного кризиса 1870-х годов.

Статья Т.Г. Снытко, опубликованная в вышеупомянутом сборнике «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии», была посвящена возникшему в 1875–1876 гг. в России движению по оказанию помощи борющимся славянам. Несомненным достоинством данной работы являлся привлеченный ее автором обширный архивный материал. Документы, проанализированные в статье, в большинстве своем отчеты начальников жандармских управлений и копии многочисленных перлюстрированных писем с пометками императора Александра II, позволили осветить отношение правящей элиты, различных классов и общественных групп Российской империи к событиям на Балканах. Для этой статьи, как и для других трудов советской эпохи, было характерно акцентирование исследовательского внимания, прежде всего, на откликах на балканские события передовых, как тогда писали, представителей общества — демократов и революционеров.

Материал, приведенный автором, относится в основном к 1876 г. Он пишет: «Во второй половине 1875 г. движение выразилось еще в форме сочувственного обсуждения известий

о восстании в Герцеговине, но вскоре выяснилась необходимость материальной помощи восставшим и по всей стране начались сборы денег и вещей»¹⁰. В 1970—1980-е годы этот вывод будет уточнен — в связи с открытием обширного корпуса документов, свидетельствующих о том, что не в 1876 г., а уже с осени 1875 г. в России началась кампания по оказанию помощи «страждущим славянам». 23 августа С.-Петербургский отдел Славянского комитета обратился в МИД с просьбой разрешить производить сборы по всей территории Российской империи в пользу герцеговинцев. 25 августа последовало разрешение на эту акцию Александра II, и министр внутренних дел известил об этом губернаторов специальным циркуляром.

По всей России начался сбор средств для славян. Сборы производились в самых разных формах: по подписным листам в редакциях газет и журналов, в театрах, на музыкальных вечерах, народных гуляньях, а также кружечные и тарелочные сборы в церквях и торговых заведениях. На собранные средства закупались продовольствие, одежда и лекарства; значительные денежные суммы посылались для оказания помощи раненым и беженцам через русских дипломатических представителей на Балканах. Разумеется, в 1876 г., в связи с подавлением Апрельского восстания в Болгарии и началом сербо-турецкой войны, движение помощи славянам приобрело более значительный размах. Но и во второй половине 1875 г. оно выражалось не только «в форме сочувственного обсуждения известий о восстании в Герцеговине».

В своей статье Т.Г. Снытко подчеркнул, что «движение в России в поддержку борьбы южных славян не было инспирировано правительством»¹¹. Этот тезис будет повторяться в последующих работах и других советских историков. Однако мне он представляется не совсем верным. Разумеется, открыто правящая элита России, связанная обязательствами с Австро-Венгрией и Германией, не могла выступать в поддержку освободительных движений на Балканах. Однако если бы движение помощи возникло вопреки «высочайшей воле», оно бы было пресечено на корню и в самые кратчайшие сроки. Да, его размах, особенно участие в нем бывших крепостных

крестьян и вообще всего «серого люда», не могли не вызывать беспокойства правящих структур империи. Вместе с тем это движение, безусловно, с самого начала находилось под контролем правительства, о чем свидетельствуют многочисленные донесения жандармских начальников, обильно цитируемые Т.Г. Снытко в его работе.

Значительным вкладом в историографию проблемы стала трехтомная советско-болгарская публикация документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Т. I—III. М., 1961—1967). Ответственный редактор этого фундаментального издания С.А. Никитин, прекрасный знаток отечественных архивов, считал, что выявление, издание и обстоятельное изучение хранящихся в них материалов — важнейшая задача отечественной науки. Новые документы были необходимы для углубленных исследований в области недостаточно изученной и односторонне трактуемой в те годы балканской политики России. С.А. Никитин рассматривал этот вид работы как особую форму научно-исследовательского труда, где исторические проблемы освещаются языком снабженных обстоятельными комментариями и справочным аппаратом документов.

Несомненной заслугой создателей этого труда, ставшего, по признанию отечественных и зарубежных специалистов, классическим образцом советского академического документального издания, является публикация многочисленных уникальных документов, отражающих, наряду с дипломатической историей, общественные связи между Россией и южными славянами в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. Впервые здесь были широко представлены материалы об отношении различных слоев русского общества (рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигенции, купечества) к восстанию в Герцеговине и Боснии в 1875 г. и о формах помощи россиянам «братьям-славянам». В I томе издания опубликовано немало сопроводительных писем к посылаемым пожертвованиям из всех уголков Российской империи — в адрес редакций газет и Славянских комитетов, а также отчетов, свидетельствующих о том, что уже в 1875 г. кампания по сбору средств для герцеговинских и боснийских беженцев набирала силу с каждым ме-

сяцем и приносила весомые результаты. Так, например, здесь впервые был представлен отчет С.-Петербургского отдела Славянского комитета, из которого следует, что с августа 1875 г. по октябрь 1876 г. им было собрано около 900 тыс. руб.¹².

Особого упоминания заслуживает высокий уровень комментариев к публикуемым документам, подчас представляющих собой настоящие мини-исследования, выполненные С.А. Никитиным и его учениками. Этот прием основательного, профессионального комментирования станет отличительной чертой отечественных публикаций в последующие десятилетия.

В 1960–1970-е годы тема отношения российского общества к событиям на Балканах в начале Восточного кризиса по-прежнему находилась в рамках исследовательского интереса советских ученых — славистов и балканистов.

Следует отметить, что с конца 1960-х годов одной из ключевых проблем для изучения в Институте славяноведения была определена история наций и национальных государств. Тема связей была включена в нее составной частью. Как подчеркивал ленинградский исследователь, профессор А.С. Мыльников, «проблемы двусторонних и многосторонних культурно-политических контактов... между народами ЦЮВЕ (Центральной и Юго-Восточной Европы. — С.Д.) и России... не сводились к взаимному ознакомлению и потому не могут рассматриваться на традиционном для старой историографии фактологическом или “контактном” уровне». И далее. Поскольку эти связи представляют собой «логическое продолжение внутреннего развития контактирующих сторон», «любые формы взаимных контактов, а особенно между славянскими народами, нужно рассматривать как органическую часть процессов формирования наций и национальных культур»¹³.

В 1960-е — начале 1970-х годов специальных работ по теме «Начало Восточного кризиса 1875–1878 гг. и русское общество» издано не было, хотя советские ученые публиковали отдельные статьи по данной проблематике¹⁴. Однако приближение юбилейных торжеств, связанных со столетием этого важнейшего события международной жизни последней четверти XIX в., существенно изменили ситуацию.

Осенью 1975 г. (30 сентября — 2 октября) в г. Сараево (СФРЮ) состоялась Международная научная конференция, посвященная 100-летию начала Восточного кризиса. В ней приняла участие представительная делегация советских ученых во главе с академиком А.Л. Нарочницким, в то время директором Института истории СССР АН СССР (ныне — Институт российской истории РАН)¹⁵. В докладах членов делегации — А.Л. Нарочницкого, Ю.А. Писарева, И.С. Достян, Т.М. Исламова, К.Б. Виноградова, В.Г. Карасева, С.И. Бочкаревой (Данченко), через 2 года опубликованных¹⁶, были затронуты вопросы балканской политики России и других великих держав, а также проблема русско-югославянских связей в 70-е годы XIX в. Отечественные ученые представили основные результаты изучения в СССР вышеуказанной тематики. В соответствии с идеологическими постулатами советской исторической науки особо подчеркивалась объективно-прогрессивная роль России в судьбах народов Балкан. Следует отметить, что данный тезис на конференции не оспаривался — ни на пленарных заседаниях, ни во время дискуссий.

В годы, отмеченные юбилейными торжествами, появился целый ряд сборников статей и докладов с различных конференций, проходивших в СССР в связи с памяtnыми датами в истории национально-освободительных движений на Балканах, в том числе в Боснии и Герцеговине. В них также затрагивались вопросы, связанные с общественным движением в России в пользу славян¹⁷.

Весомым вкладом в историографию рассматриваемой проблемы стала фундаментальная публикация документов «Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875—1878» (М., 1978), выпущенная сотрудниками тогдашнего Института истории СССР АН СССР (отв. редактор — акад. А.Л. Нарочницкий, члены редколлегии — Л.И. Нарочницкая, О.В. Орлик, Н.И. Хитрова, В.М. Хевролина, В.И. Мазаев). Большая часть включенных в сборник 315 документов была опубликована впервые. Материалы этого издания не дублировали публикацию «Освобождение Болгарии...», но дополнили ее новыми данными и, прежде всего, по вопросу обществен-

ного движения в России по оказанию помощи герцеговинцам и боснийцам. Авторы этого труда, помимо архивных материалов, широко использовали современную событиям прессу — газеты «Одесский вестник», «С.-Петербургские ведомости», «Киевский телеграф», «Русский мир», «Голос», журнал «Отечественные записки».

В соответствии с идеологическими установками советской эпохи в сборнике значительное внимание было уделено реакции на балканские события участников русского революционного движения (письма Н.К. Судзиловского, С.М. Кравчинского, Д.А. Клеменца), которые надеялись, что освободительная борьба на Балканах приведет к созданию там демократических славянских государств, что, в свою очередь, окажет воздействие на демократизацию внутреннего строя России.

Наряду с этим в сборнике был опубликован целый ряд документов, снабженных подробными, информационно насыщенными, профессионально выполненными комментариями, — об участии в сборе пожертвований «на славян» представителей различных слоев русского общества. Один из главных тезисов советской историографии данной проблемы — о том, что общественное движение помощи славянам носило ярко выраженный народный, демократический характер — подтверждается содержанием данного труда. Заслугой его авторов, безусловно, является публикация писем обычных, ничем не выдающихся россиян — крестьян, рабочих, священников, учащихся, принявших участие «по велению души» в сборе пожертвований уже с осени 1875 г. Например, письмо благочинного протоиерея М. Преображенского в Московский славянский комитет, приложенное к собранным им средствам среди рабочих Воткинского завода в Вятской губернии. «Глубоко сочувствуя и желая с возможною скоростью помочь страждущим семействам герцеговинцев и остальных с ними славян, — писал он 24 ноября 1875 г., — почтительнейше представляю при сем в комитет 10 руб., собравшихся из незначительных пожертвований, доходивших даже до одной копейки, и покорнейше прошу комитет препроводить их бедствующим страдальцам»¹⁸.

Безусловным вкладом в изучение данной темы стала публикация в сборнике «отчетных» материалов — о суммах собранных средств. Из сообщений газет (например, «Русский мир» от 19 декабря 1875 г.), из донесений русского консула в Дубровнике А.С. Ионина (например, от 20 декабря 1875 г. /1 января 1876 г./), из доклада Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах (декабрь 1875 г.) предстает картина весьма значительной русской помощи герцеговинцам и боснийцам.

Плодотворно работала в 1970-е годы по рассматриваемой тематике Л.И. Нарочницкая. В своих трудах¹⁹ исследовательница, ссылаясь на открытые ею документы, прежде всего, указала на масштабность русской помощи балканским народам. Их борьба против турецкого ига, пишет Л.И. Нарочницкая, «вызвала глубокое сочувствие прогрессивной общественности во всех странах Европы. Однако ни в одной другой стране общественное движение в защиту славян и оказание помощи в их освободительной борьбе не приняли такого масштаба, как в России. Все классы, все слои населения, все общественно-политические группировки... были захвачены этими событиями. Это движение приобрело общенациональный характер»²⁰.

В работах Л.И. Нарочницкой также утверждается, что это «движение ... не было инспирировано царским правительством, ... а возникло ... стихийно, как непосредственная реакция на происходившие на Балканах события на публикуемые в русской печати сообщения о бедствиях “братьев-славян” и призывы о помощи со стороны многих славянских деятелей»²¹.

Л.И. Нарочницкая приводит данные — из прессы, отчетов местных властей и начальников жандармских управлений, которые подтверждают слова главы Московского славянского комитета И.С. Аксакова: «Две трети пожертвований внес бедный, обремененный нуждою, простой народ»²².

Более подробно Л.И. Нарочницкая рассматривает события периода Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Однако и общественное движение в связи с восстанием в Герцеговине, а затем и

в Боснии, возникшее осенью 1875 г. и месяц от месяца набравшее размах, она не обошла своим исследовательским вниманием, введя в научный оборот немало ценных документов, что позволило уточнить существовавшую ранее точку зрения (Т.Г. Снытко) о слабом развитии движения по оказанию помощи славянам в начале Восточного кризиса. Значение этого движения для истории самой России, констатирует Л.И. Нарочницкая, заключалось в «пробуждении политической активности» народа, а также в том, что «именно освободительные идеи, вдохновлявшие народное движение в защиту славян... в 1875–1876 гг., были затем причиной широкой популярности войны 1877–1878 гг. среди крестьян, рабочих, служащих, среди передовой русской общественности». И в подтверждение автор приводит слова известного русского врача, добровольно принявшего на себя в 1877 г. должность главного терапевта Дунайской армии, С.П. Боткина: «Идем на хорошее святое дело, участвовать в котором своим трудом будет отрадой на значительную часть жизни»²³.

Немалый вклад в разработку рассматриваемой темы внес В.Я. Гросул, в первую очередь той ее составляющей, которая относится к позиции революционной России по вопросу освободительного движения на Балканах в 70-е годы XIX в. Как и его коллеги, ученый считает, что Восточный кризис 1875–1878 гг. имел «огромное воздействие на русское общество», которое «было пронизано единой идеей оказания максимальной помощи балканским народам. Эта идея получила широкое распространение в народных массах многонациональной Российской империи»²⁴.

В.Я. Гросул указал на различные формы русской помощи, выделив в качестве наиболее массовой сбор материальных средств, охвативший различные социальные слои, – для покупки продовольствия, одежды, посылки санитарного отряда в Черногорию. Автор подчеркнул настоятельную необходимость именно народной помощи славянам в 1875-м и последующие годы: «...финансовое положение России было весьма сложным. Развитие капитализма не зашло столь далеко, чтобы привести к сколько-нибудь значительному накоплению

капиталов. Крупные средства были израсходованы на проведение реформ и заметно возросшую бюрократию. Финансовые затруднения с началом Восточного кризиса усугубились... и акциями внешних сил, прежде всего, английских банкиров, стремившихся к ослаблению экономического положения России. В этих условиях, — подчеркивает В.Я. Гросул, — общественная материальная помощь балканским народам играла исключительно важную роль»²⁵.

В монографии «Революционная Россия и Балканы (1874—1883)» (М., 1980)²⁶ В.Я. Гросул детально разработал вопрос об отношении русских революционеров к восстанию в Боснии и Герцеговине. По его мнению, «ни одно социалистическое движение, за исключением самих балканских социалистов, не проявило к балканским событиям такого интереса, и никто из них не оказал балканским повстанцам такой реальной помощи, как русские революционеры»²⁷.

Автор подробно исследовал вопрос об отношении к герцеговинско-боснийскому восстанию лидеров трех основных направлений революционного народничества 70-х годов XIX в. — П. Лаврова, М. Бакунина и П. Ткачева, выступавших против участия русских революционеров в герцеговинско-боснийских событиях, считая их препятствием для социалистической агитации, для рабочего движения. Однако, несмотря на позицию «мэтров» революционного движения, ряд его участников относились с большим сочувствием к борющимся славянам и стали первыми русскими добровольцами на Балканах. Вспоминая события эпохи Восточного кризиса, П.А. Кропоткин писал: «Волна энтузиазма прокатилась в то время над Россией в пользу славян, восставших против векового турецкого гнета. Мои лучшие друзья — Сергей Степняк, Дмитрий Клеменц и многие другие — отправились на Балканский полуостров, чтобы присоединиться к инсургентам»²⁸.

«Именно русская революционная эмиграция выдвинула из своей среды, — пишет В.Я. Гросул, — ряд первых русских участников Герцеговинского восстания. Н. Судзиловский, С. Степняк-Кравчинский, М. Сажин, Д. Клеменц решили поехать на Балканы еще до того, как узнали о призывах восстав-

ших о помощи». Для некоторых представителей революционного лагеря поездка в Герцеговину и Боснию была формой «хождения в народ»²⁹.

Как подчеркивает В.Я. Гросул, «поездка первой группы русских революционеров-добровольцев показала, что участие в восстании — дело серьезное, тем более, когда оно проводится в условиях горной местности. Оно обратило внимание русских революционеров к основательному занятию военным делом, к регулярной физической подготовке. Даже сравнительно небольшая практика участия в восстании... привела к налаживанию определенных связей с южнославянской молодежью и особенно укреплению их с местными социалистами»³⁰.

На основании скрупулезного изучения архивных документов и мемуарной литературы В.Я. Гросул привел целый ряд интересных фактов об участии в герцеговинском и боснийском восстаниях В.П. Лепешинского, И.М. Ходько, братьев К.И. и Н.И. Шавердо, полтавского помещика В.В. Яновского, русского военного инженера С.Ф. Шарапова, киевского студента Ф. Василевского*, а также о сборе денежных средств для отсылки в Герцеговину среди членов «Южнороссийского союза рабочих» осенью 1875 г., в чем принял активное участие А.И. Желябов³¹.

Тема «Русские добровольцы в Герцеговине и Боснии в период Восточного кризиса 70-х годов XIX в.» нашла отражение и в работах В.М. Хевролиной. Исследовательница уже с начала 1960-х годов разрабатывала данную проблематику, опубликовала ряд статей³², а в 1968 г. защитила кандидатскую диссертацию «Революционное народничество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1878 гг.».

В юбилейный год, когда научная общественность нашей страны отмечала 100-летие окончания Восточного кризиса, в Институте славяноведения был подготовлен и издан специальный выпуск серийного проекта «Балканские исследования» под названием «Освободительные движения на Балканах». В

* В.Я. Гросул привел следующую цифру: «... в Герцеговинско-боснийском восстании участвовало примерно 30–40 русских революционеров» // См.: Гросул В.Я. Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980. С. 315.

этом труде была опубликована статья В.М. Хевролиной «Революционная Россия и боснийско-герцеговинское восстание», в которой автором представлен новый архивный материал, позволивший более глубоко изучить ряд вопросов, уточнить существовавшие ранее оценки. Вскоре после начала восстания в Герцеговине были получены сведения о том, что оно преследует цель завоевания политической независимости и по своему характеру является социальным движением. Последнее, по мнению В.М. Хевролиной, «было особенно важно, и можно полагать, — пишет она, — что именно это обусловило решение ряда революционеров ехать в Герцеговину»³³.

Основным мотивом поездки на Балканы русской революционной молодежи исследовательница считает не просто сочувствие и желание помочь угнетенным народам, а стремление добиться установления демократического строя в славянских землях после их освобождения. Создание независимых демократических славянских государств или их федерации могло бы явиться, по мнению русских революционеров, преддверием к освобождению русского народа и послужить началом к основанию Великой славянской федеративной республики, идея которой была популярна в некоторых русских революционных кругах.

В.М. Хевролина подчеркивает, что русские добровольцы прибывали в Герцеговину главным образом из южных областей империи. Ссылаясь на данные газеты «Одесский вестник», она привела следующие цифры: из Одессы в Герцеговину отправилось 25 чел., из Киева — 10. Интернациональный отряд во главе с киевлянином В.Я. Яновским насчитывал 80 чел. Среди первых уехавших в Герцеговину добровольцев были революционно настроенные студенты, гимназисты, члены революционных кружков, служащие библиотек, книжных магазинов. В.М. Хевролина называет некоторых из них: П.А Енкуватов, О.М. Габель, И.В. Зелинский, И.К. Дебагорий-Мокриевич, И.М. Ходько и др. — и подчеркивает, что они уехали на Балканы на средства, собранные либерально-буржуазными организациями — «громадами». Отправились в Герцеговину и Боснию также представители русской революционной эмиграции — М.П. Сажин, сражавшийся в рядах парижских ком-

мунаров; известный впоследствии писатель С.М. Степняк-Кравчинский, революционер Н.Д. Далматов и журналисты левого толка С.Ф. Шарапов и Ф. Васильев³⁴.

Как известно, в силу ряда причин пребывание большинства первых русских волонтеров в Герцеговине и Боснии было кратковременным. В.М. Хевролина не разделяет точку зрения некоторых исследователей «о бесполезности этого добровольческого движения» как для повстанцев, так и для дела русской революции. Она пишет: «Присутствие в среде восставших русских добровольцев, может быть, и не оказало существенной помощи, но оно имело существенное моральное значение... Повстанцы видели в волонтерах представителей братского русского народа, на помощь которого возлагали все свои надежды в неравной борьбе»³⁵. Что же касается русского революционного движения, констатирует автор, то «именно с Герцеговины начинается в среде народников пересмотр отношения к политической борьбе. Попав в Герцеговину, русские народники, отрицавшие политическую борьбу, приняли в ней участие, более того, стали считать, что участие в такой борьбе есть дело служения народу. Это было мнение единиц, но уже сам факт осознания того, что движение на Балканах имеет свои определенные задачи, что создание национальных независимых государств на Балканах продиктовано насущной исторической необходимостью, является исторически прогрессивным, сам факт знаменателен с точки зрения идеологии народничества. Это было отступление от теории в пользу революционной практики». Именно поэтому восстание в Боснии и Герцеговине В.М. Хевролина оценивает «не только как крупнейший факт в истории югославянских народов, но и как событие, оказавшее значительное влияние на общественно-политическую жизнь в России»³⁶.

Наряду с глубоким изучением рассматриваемого вопроса В.М. Хевролина исправила неточность, имевшую место в литературе, — о том, что члены «Южнороссийского союза рабочих» в Одессе уже летом начали собирать средства для герцеговинцев. Изучение автором источников показало, что сбор средств среди членов «Союза» происходил в октябре 1875 г.³⁷.

Подводя некоторые предварительные итоги, следует констатировать, что для периода 1960–1980-х годов очень важным в развитии отечественной славистики и югославистики было введение в научный оборот новых документов, в том числе и по рассматриваемой нами проблеме. Разумеется, идеологические установки в этот период никто не отменял, и ученые были вынуждены творить в их рамках, чтобы их труды публиковались. И все же в результате многолетних кропотливых изысканий в архивах исследователи становились носителями нового знания. Открытие и публикация новых материалов – бесспорный вклад советских ученых в развитие славяноведения. Это отмечали и зарубежные историки, участвовавшие в международном научном сотрудничестве.

1990-е незабываемые годы были весьма непростым этапом в развитии российской науки в целом и серьезным испытанием для ее непосредственных тружеников. В последнее десятилетие XX в. Институт славяноведения РАН – главный российский научный центр по изучению комплексных проблем славистики – неоднократно находился на грани закрытия или расформирования. Однако затем все же был признан необходимым и даже полезным в связи с началом празднования в государственном масштабе Дня славянской письменности и культуры. В 1990-е перестроечные годы свободы для научного творчества стало больше, хотя средств для развития науки выделялось все меньше. Немного было возможностей и для публикации трудов. Однако значительная часть ученых осталась верной своему призванию и продолжала проводить исследования, в том числе в архивах. И результатом их усилий стали новые труды, опубликованные уже в XXI веке. Отрадно, что среди них и те, в которых раскрывается тема российского общественного движения в связи с началом Восточного кризиса 1875–1878 гг. Это не монографические исследования, а публикации документов, выполненные в лучших академических традициях.

В 2008 г. Институтом славяноведения РАН был издан труд «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы» (отв. редактор – директор Института К.В. Никифо-

ров). В нем представлены архивные материалы из российских хранилищ, отражающие широкий спектр проблем – социально-экономическое развитие этих провинций Османской империи, церковная и общественно-политическая жизнь, национально-освободительная борьба, международные отношения, позиция официальной России и действия русской дипломатии. В сборнике опубликованы также некоторые новые документы, свидетельствующие о помощи представителей различных слоев русского общества герцеговинцам и боснийцам, начиная с осени 1875 г. Основной корпус документов составили донесения российских консулов из Сараева (А.Н. Кудрявцев), Мостара (Н.А. Илларионов) и Дубровника (А.С. Ионин).

Представленные материалы впервые показывают значительную роль, которую играли русские дипломаты, особенно А.С. Ионин, в оказании помощи повстанцам и беженцам. Будучи русским консулом в Дубровнике, А.С.Ионин осуществлял посреднические функции между благотворительными комитетами в Черногории и России. Эта работа требовала от дипломата много времени и усилий, но он не уклонялся от нее. Судя по его донесениям в Петербург, А.С. Ионин регулировал денежные поступления из России и, находясь в постоянном контакте с представителем Международного комитета помощи Г.С. Веселитским-Божидаровичем, раздавал пособия нуждающимся, закупал продовольствие, одежду и все необходимое для беженцев и писал отчеты в Россию – в МИД и Славянские комитеты – о расходовании средств. Именно эти материалы, опубликованные отечественными историками в вышеуказанном издании, являются ценным источником для изучения рассматриваемой нами проблемы.

История восстания в Герцеговине и участия в нем россиян, несмотря на запрет и противодействие официальных сфер, обогатилась, благодаря публикации документов из Российского Государственного военно-исторического архива, новыми фактами. Так, теперь известно, что помимо революционно настроенной молодежи, о чем писали в своих трудах советские историки, в ряде сражений, в том числе в битве при Дуге в ноябре 1875 г., принял участие близкий к славянофилам пол-

ковник русской службы в отставке, парижский корреспондент «Московских ведомостей» и «Русского мира» Петр Августинovich Монтеверде (1839 – после 1896). В сентябре 1875 г. он выехал в Герцеговину, где сблизился с руководителями восстания П. Павловичем и Б. Зимоничем и принял участие в ряде сражений, а также вместе с А.С. Иониным и Г.С. Веселитским-Божидаровичем организовывал денежную и продовольственную помощь повстанцам (вплоть до весны 1876 г.)³⁸.

Второй публикацией по теме, выполненной отечественными историками, является изданный в 2009 г. в Самаре сборник «Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг.» (отв. редактор – Ю.П. Аншаков) под грифом Поволжского Филиала Института российской истории РАН. Публикация документов и мемуарного наследия освещает всестороннюю помощь населения Поволжья национально-освободительной борьбе южных славян в период Восточного кризиса. Авторы труда констатируют, что «народы России принимали живое участие в широком движении сочувствия славянам. Ни в одной другой стране различные классы и слои населения не проявляли такой готовности оказать всестороннюю помощь балканским славянам... Нигде, кроме как в России, это движение не приобрело такого массового характера. Этим ярким страницам истории посвящено немало научных исследований, научно-популярных работ и документальных публикаций. Однако, – считают авторы труда, – роль отдельных регионов России в «славянском движении» изучена еще недостаточно»³⁹.

Этот пробел и была призвана ликвидировать вышеуказанная публикация. Целый ряд документов по рассматриваемой теме (в основном из центральных российских архивов) уже был представлен самарскими и московскими учеными в сборнике «Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.» (Самара, 2000). Новый труд был значительно расширен за счет включения в него целого корпуса неизвестных ранее документов из архивов Астраханской, Пензенской, Нижегородской, Саратовской, Ульяновской областей, а также республик Татарстан и Чувашия и, кроме того, материалов губернской прессы,

уделявшей большое внимание событиям на Балканах и «славянскому» движению в Поволжье. Именно благодаря многочисленным публикациям в газетах и журналах жители даже самых отдаленных городков и деревень региона были в курсе балканских событий. В издании опубликовано немало новых материалов, свидетельствующих о разнообразной помощи народов Поволжья разных сословий «страждущим славянам». Пожертвования собирались в основном через газеты («Саратовские губернские ведомости», «Самарские губернские новости» и др.) и отсылались в Петербург и Москву. Тщательная и кропотливая работа авторов труда в региональных архивах наглядно показала, что уже в сентябре 1875 г. в Поволжье начался сбор средств «в пользу раненых и больных жертв восстания в Герцеговине и Боснии», «в пользу несчастных славянских семейств, пострадавших от восстания в Боснии и Герцеговине и укрывшихся в Сербском княжестве и в Черногории»⁴⁰. Сопроводительные письма к пожертвованиям, опубликованные в издании, поражают своей искренностью и неподдельными чувствами сострадания и милосердия. И не суть важно, что жертвователи, в большинстве своем, не очень разбирались в вопросах этнографии Балкан и происхождения славян, как, например, житель г. Симбирска Ф.Н. Варшавский, который 18 декабря 1875 г. послал 10 рублей «нашим предкам славянам, пострадавшим от угнетения турок», «сердечно скорбя о единоплеменных своих народах»⁴¹.

Представленный авторами труда документальный материал подтверждает тезис о том, что простые люди в многонациональной Российской империи (а посылали деньги и вещи не только русские, но и чуваша, казахи, калмыки и др.) не задумывались о «высоких материях» и использовании ситуации на Балканах в целях установления там политической гегемонии России, им не нужны были ни Проливы, ни Константинополь, ни ослабление Османской империи. Они слышали, что православный народ, угнетенный турками, поднялся на борьбу, и ему нужно помочь.

Третьим ценным изданием по рассматриваемой нами теме, вышедшим в XXI веке, является российско-сербский

труд «Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи. 1804–1878 гг.» (М.-Белград, 2011). Это совместный проект Главного архивного управления г. Москвы и Архива Сербии. Активное участие в нем, наряду с сербскими и российскими архивистами, приняла Л.В. Кузьмичева — в качестве составителя, члена редколлегии и автора вступительной статьи. В разделе III данного издания помещен ряд новых документов, освещающих участие москвичей в оказании помощи славянам.

Основные опубликованные материалы по теме датируются 1876 годом, однако документы, относящиеся к 1875 году, примечательны новым ракурсом. Дело в том, что при изучении данной проблемы закономерно встает вопрос: а каким образом простой «серый люд» по всей Российской империи узнавал о событиях на Балканах? Опубликованные в последнее десятилетие документы, о чем выше шла речь, позволяют констатировать, что источником сведений о балканских событиях были не только газетно-журнальная агитация, часто носившая фанатичный, истеричный характер, и не деятельность Славянских комитетов, о которых в глубинке было мало известно. Особую и очень важную роль в том, что движение по оказанию помощи балканским славянам приобрело такой широкий размах, сыграла Русская православная церковь. В 1960–1980-е годы советские ученые упоминали об этом вскользь, без акцентирующих оценок. Однако новые документы, опубликованные отечественными историками, показывают, что с разрешения правительства и Св. Синода в церквях по всей России произносились проповеди о бедствиях славян, зачитывались воззвания сербского и черногорского митрополитов — Михаила и Илариона. В селах священники красочно повествовали народу о страданиях «братьев по вере и крови», местные архиереи распространяли подписные листы и собирали пожертвования.

«С самого начала герцеговинской борьбы, — читаем мы в воззвании Московского славянского комитета к русскому обществу, — ... духовенство на всем пространстве России, от архипастырей до сельских священников, явилось верным и

ревностным ходатаем пред русскою землею о нуждах наших славянских братий и красноречиво доказало, что вместе с чувством христианского милосердия оно хранит в себе неизменно живое народное чувство и верное разумение русского исторического призвания и долга»⁴². Обычная для тех лет славянофильская риторика не заслоняет сути вопроса — о роли церкви и ее служителей в движении помощи славянам. Несколько документов этого плана опубликовали авторы труда «Народы Поволжья...»⁴³. Среди них — донесение начальника Саратовского губернского жандармского управления полковника Гусева шефу жандармов Н.В. Мезенцову от 29 октября 1876 г., в котором он писал: «Большим проводником сочувствия славянам в среде крестьянства и низшего класса городских населений были частные и почти повсеместные проповеди в сельских и городских церквах с возванием о помощи братьям по вере»⁴⁴.

Авторы сборника «Москва—Сербия, Белград—Россия...» впервые выделили вопрос о роли Сербского подворья в Москве, открытого 30 ноября 1874 г.⁴⁵, в сборе пожертвованных в пользу славян, опубликовав обращение архимандрита подворья о. Саввы к москвичам с просьбой о помощи славянам Балканского полуострова. И вслед за этим всего за три дня, с 5 по 8 сентября 1875 г., было собрано около 700 руб. сер. В воскресенье 14 сентября в Благовещенском храме Сербского подворья о. Саввою была отслужена торжественная панихида об упокоении «всех православных, иже в Старой Сербии, Герцеговине и Боснии христолюбиво и братолюбиво пострадаша»⁴⁶.

Большую роль в деятельности Сербского подворья в Москве в целом и особенно в 1875—1878 гг. сыграл русский общественный и церковный деятель Н.Н. Дурново, что также нашло отражение в современной отечественной историографии⁴⁷.

Среди последних научных публикаций по вопросу общественного движения в России в годы Восточного кризиса следует отметить статью Р.П. Гришиной «Российское общественное мнение и Балканы» (1870-е гг.). Являясь рецензией на труд коллег из Саратовского университета «Славянский сборник»

(Вып. 7. Саратов, 2009), эта небольшая работа содержит ряд интересных и важных, на наш взгляд, положений. Р.П. Гришина с одобрением относится к позиции саратовских ученых (например, С.А. Кочукова, автора статьи «К вопросу о военной помощи России странам Балканского полуострова в середине 70-х гг. XIX в.») о том, что Россия во внешней политике придавала слишком большое значение идее славянской взаимности и этноконфессионального братства при недостаточном учете подвижек, происходивших в балканском регионе, и не была прагматична. Р.П. Гришиной импонирует «критическое отношение к предшествующей, во многом идеологизированной и мифологизированной историографии» авторов рецензируемого ею сборника, прежде всего по вопросу балканской политики России. И хотя опубликованные ими статьи не являются исчерпывающими глубокими исследованиями, но высказанные в них мысли являются, по мнению Р.П. Гришиной, важными и интересными и дают повод к рассуждениям по ряду вопросов. Среди них — сюжет о проявлениях российского общественного мнения в отношении балканских событий 70-х годов XIX в. «Согласно историографическому стереотипу, — пишет исследовательница, — движение считается спонтанным, неорганизованным»⁴⁸. Она с этим не согласна. Обращаясь к вопросу о причинах небывало активного участия российского крестьянства (еще недавно крепостного) в сборе пожертвований, Р.П. Гришина подчеркивает, во-первых, роль прессы и, во-вторых, мобилизующую деятельность Славянских комитетов. По ее мнению, эти аспекты еще не получили в историографии «научного, беспристрастного анализа», а это крайне необходимо, так как «повышенная активность этих институтов создавала в русском обществе излишнее возбуждение, нагнетала казенный патриотизм, мешала людям рационально воспринимать действительность»⁴⁹.

Решающая роль в развитии движения по оказанию помощи славянам с самого начала Восточного кризиса, по мнению Р.П. Гришиной, принадлежала Русской православной церкви — «в условиях сильной централизации власти..., когда местные органы самоуправления были практически лишены ини-

циативы, а общественная жизнь сильно ограничена. Именно церковь, — пишет она, — располагала инструментом овладения общественным мнением через овладение сознанием отдельного человека. Задача внедрить в это сознание сведения, настроения и оценки, из которых делаются желательные заключения, решалась с помощью разносторонней церковно-религиозной практики... Церковная деятельность переплеталась с комитетско-славянофильской, а также государственно-административной: волостные старшины побуждали к пожертвованиям по предписанию губернаторов»⁵⁰.

Вместе с тем Р.П. Гришина констатирует, что «общественное движение России в поддержку борьбы балканских славян за освобождение получило большой размах не только в результате целенаправленного воздействия на массовое сознание со стороны заинтересованных структур — свою роль сыграли чувства действительного сострадания простых русских людей к терпящим бедствие далеким балканцам...»⁵¹.

В заключение следует еще раз подчеркнуть большой вклад, прежде всего, советских историков в создание документальной базы исследований по рассматриваемой проблеме. Результатом их интенсивной целенаправленной работы стало издание в 1960–1980-е годы целого ряда публикаций документов, монографий и статей по практически не изученной в тот период теме. Эти труды не утратили своей научной значимости по сей день, и к ним неизменно обращаются ученые нового поколения, изучающие историю балканской политики России и русско-балканских связей. Разумеется, советская историография в целом и по рассматриваемой теме, в частности, была и идеологизированной, и в чем-то мифологизированной — об этом легко теперь рассуждать из XXI века. Но не нужно требовать от отечественных ученых больше того, что они могли сделать и опубликовать в реалиях советской эпохи. Свою работу, и это важно подчеркнуть, они выполняли добросовестно, неустанно и самоотверженно добывая крупицы нового знания и делая его достоянием науки.

В последние годы интерес к изучению истории Восточного кризиса 1875–1878 гг., несколько угасший в конце XX в.,

вновь усилился. Наглядным свидетельством этого стали фундаментальные публикации документов, о которых говорилось выше, значимые не только новыми материалами, но и новыми подходами в исследовании различных аспектов темы. Примечательно, что аналогичный процесс пересмотра ряда незыблемых ранее положений происходит и в сербской историографии, в частности, отказ от огульных обвинений России в предательстве Сербии в пользу болгар⁵². На очереди — новые интересные фундированные труды, учитывающие как уже созданную богатую литературу по истории Восточного кризиса 1875—1878 гг., так и достижения и тенденции отечественной и зарубежной науки XXI века.

Примечания

¹ *Рюстов В.* Война в Турции в 1875 и в 1876 годах. СПб, 1876; *Фелькнер А.* Славянская борьба 1875—1876 гг.: исторический очерк восстания балканских славян, черногорско-сербско-турецкой войны и дипломатических сношений с июля 1875 по январь 1877 г. СПб, 1877; *Терехов А.* Исторический очерк движения России на Балканский полуостров. СПб, 1888; *Корнилов А.* Общественное движение в России при Александре II. М., 1909; *Татищев С.С.* Император Александр II. Т II. СПб, 1911.

² *Татищев С.С.* Император Александр II. Т II. СПб, 1911. С. 293.

³ *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX ст. М., 1923. С. 258.

⁴ См.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960. С. 264.

⁵ *Никитин С.А.* Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг. // *Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии.* М., 1957. С. 7.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Там же. С.13—14.

¹⁰ *Снытко Т.Г.* Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875—1876 гг. // *Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии.* М., 1957. С. 95.

¹¹ Там же. С. 82.

¹² *Освобождение Болгарии от турецкого ига.* Т. I. М., 1961. С. 144.

¹³ Стенограмма защиты докторской диссертации И.В. Чуркиной. 21 февраля 1980 г. С. 58.

¹⁴ См.: *Хевролина В.М.* Революционное народничество и национально-освободительное движение на Балканах в 1875—1876 гг. // *Славянское возрождение.* М., 1966; *Хитрова Н.И.* О русской помощи Черногории в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. // *Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах.* М., 1970; *Яковлев Н.Н.* К вопросу участия русских добровольцев в бос-

нийско-герцеговинском восстании 1875–1878 гг. // Советское славяноведение. 1975. № 6; Григорьев И.М. Помощь населения Самарской губернии повстанцам Боснии и Герцеговины в 1875–1876 гг. // Научные труды Куйбышевского пед. ин-та. Т. 165. Вып. 2. Куйбышев, 1975 и др.

¹⁵ Об атмосфере, царившей на этой конференции, о мероприятиях, в которых принимали участие советские ученые, см.: Данченко С.И. Сараево-1975. Воспоминания // Славянский мир в третьем тысячелетии. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. М., 2015.

¹⁶ Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugom balkanskim zemljama i Istočnoj krizi 1875–1878. godine. Knj. I–III. Sarajevo, 1977.

¹⁷ Балканские исследования. Вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978; 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979; Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.

¹⁸ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878. М., 1978. С. 78.

¹⁹ См.: Нарочницкая Л.И. Вступительная статья к сборнику «Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878» (М., 1978); она же. Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875–1878 гг. М., 1979; она же. Национально-освободительные движения на Балканах и народные массы России во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982.

²⁰ Нарочницкая Л.И. Национально-освободительные движения на Балканах и народные массы России во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982. С. 131.

²¹ Там же. С. 132.

²² Там же. С. 132–133.

²³ Там же. С. 138, 140.

²⁴ Гросул В.Я. Восточный кризис 70-х годов XIX в. и российское общество // 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. Материалы международной научной конференции. Москва. 15–17 мая 1978 г. М., 1978. С. 134.

²⁵ Там же. С. 139–140.

²⁶ Монография была написана к 100-летию Восточного кризиса, но издана позднее, в 1980 г. Однако в 1978 г. в журнале «Новая и новейшая история» (№ 2) вышла статья В.Я. Гросула «Революционная Россия и освободительные движения на Балканах в 70-х годах XIX в.».

²⁷ Гросул В.Я. Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980. С. 69.

²⁸ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966. С. 353.

²⁹ Гросул В.Я. Революционная Россия и Балканы. С. 78, 79.

³⁰ Там же. С. 83–84.

³¹ Там же. С. 86–92.

³² Хевролина В.М. Революционное народничество и национально-освободительное движение на Балканах в 1875–1876 гг. // Славянское возрождение. М., 1966; она же. Об авторстве некоторых анонимных материалов русской революционной печати по славянскому вопросу (1875–1877 гг.) // Славяне и Россия. М., 1972.

³³ Хевролина В.М. Революционная Россия и боснийско-герцеговинское восстание // Балканские исследования. Вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978. С. 41.

³⁴ Там же. С. 42–43.

³⁵ Там же. С. 43.

³⁶ Там же. С. 48–49.

³⁷ Там же. С. 44.

³⁸ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008. С. 185.

³⁹ Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг. Самара, 2009. С. 6.

⁴⁰ Там же. С. 21, 22.

⁴¹ Там же. С. 26.

⁴² Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878. М., 1978. С. 125.

⁴³ См., например, письмо настоятеля Крутомайданской Троицкой церкви в Нижнем Новгороде священника Платона Мачицкого к И.С. Аксакову от 12 января 1876 г. Он сообщил, что 1 января 1876 г. прочитал в своем храме собравшимся прихожанам послание сербского митрополита Михаила «о бедствиях наших единоверцев-славян и по произнесении особой речи в поминание... о тех постоянно существующих бесчеловечных притеснениях и угнетениях, которые терпят наши собратья...», и в вызове их (прихожан. – С. Д.) сердечного сострадания к такому несчастным страдальцам, предложил им пригласительный лист для записи своих добровольных подаяний, по которому собранные деньги в количестве 21 руб. серебром вместе с подписным листом» священник послал в Московский славянский комитет// Народы Поволжья... С. 28.

⁴⁴ Там же. С. 136.

⁴⁵ Об этом см.: *Данченко С.И.* Из истории открытия Сербского подворья в Москве // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов.* М., 2015.

⁴⁶ Москва–Сербия, Белград–Россия. Сборник документов и материалов. Том 2. Общественно-политические связи. 1804–1878 гг. М.–Белград, 2011. С. 406–407, 574.

⁴⁷ См.: *Данченко С.И.* Материалы архива Н.Н. Дурново по истории российско-сербских связей в XIX в. (Публикация) // *Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина.* Сборник статей. М., 2013.

⁴⁸ *Гришина Р.П.* Российское общественное мнение и Балканы (1870-е гг.) // *Человек на Балканах глазами русских.* СПб, 2011. С. 150, 156.

⁴⁹ Там же. С. 157.

⁵⁰ Там же. С. 158–159.

⁵¹ Там же. С. 159.

⁵² См.: *Кузьмичева Л.В.* Современные проблемы историографии и источниковедения Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. // *Россия и Сербия глазами историков двух стран.* СПб, 2010. С. 112–113.

Варвара Борисовна ХЛЕБНИКОВА

К вопросу о роли политических мифов в истории российско-черногорских отношений конца XIX – начала XX вв.

История российско-черногорских отношений часто была объектом рассмотрения в многочисленных публикациях российских ученых, журналистов, путешественников, общественных деятелей на протяжении XIX – начала XX вв. Невозможно поставить под сомнение научные и культурно-просветительские заслуги отечественных авторов, обративших внимание на небольшой славянский народ, сыгравший заметную роль в истории освобождения Балкан от османского ига. Труды Е.П. Ковалевского, В.В. Макушева, П.А. Лаврова, П.А. Ровинского, А.И. Александрова и др. и сейчас остаются бесценным источником разнообразных сведений о черногорском обществе, совершившем на глазах Европы XIX века стремительный переход от архаических племенных отношений к государственно-политическому устройству¹. Журналисты и путешественники, часто посещавшие княжество и писавшие сочувственные статьи о черногорцах, возможно не были во всем точны, но тоже делали важную работу – знакомили русских читателей с бытом, повседневностью, нуждами и надеждами людей, которым на протяжении многих десятилетий российское правительство оказывало значительную помощь². У россиян формировалось ощущение солидарности со славянским миром, чувство ответственности за судьбу близких народов, понимание особого места России на международной арене. Для многих русских защита славян превратилась в священную и неотъемлемую часть отечественной истории. Вместе с тем, вольно или невольно российская славистика запустила в оби-

ход такое количество политических и социокультурных стереотипов, предлагавших потенциальным читателям готовую и довольно одностороннюю схему истории славянских народов, что часто не могли разобраться, где истина, а где заблуждение, не только неискушенные читатели из российской глубинки, но и вполне компетентные политики и дипломаты.

В настоящей статье речь пойдет о том, как из стереотипов российской славистики сложились и заработали политические мифы о российско-черногорском союзе. Сам термин «политический миф» был введен в научный оборот в XX в.; считается, что это форма коллективной психики, которая поясняет политическую реальность целостными чувственно-образными способами, опирается на веру и сильно воздействует на массовое сознание. Конечно, в XIX—начале XX вв. каналы воздействия на общественное мнение не были такими совершенными, как сейчас, но и в те времена драматизированные повествования о славном прошлом и трагическом настоящем черногорского народа производили на российскую публику неизгладимое впечатление. Черногория была явным фаворитом русских авторов, прочно приклеивших к ней ярлыки «островок славянской свободы» и «гнездо орлов»³. Ни чехи и словаки, мечтавшие о повышении статуса своих наций в Австро-Венгрии, ни поляки, пострадавшие от российского экспансионизма, ни остальные южные славяне, тоже боровшиеся против Османской империи, не были так окутаны романтическим ореолом мученичества и героизма, как черногорцы. Российская славистика столь успешно поработала над черногорским мифом, что даже малограмотные крестьяне в далеких уголках империи считали своим долгом оказывать материальную поддержку «братскому православному народу», ведущему «кровопролитную неравную многовековую борьбу с жестоким угнетателем»⁴. Перечисленные выражения многократно использовались в русской научной и общественно-политической литературе, переходили из статьи в статью, из книги в книгу. Набор клише и стереотипов можно продолжить часто употребляемыми штампами о готовности черногорцев в любую минуту умереть за православную веру («за честный крест и золотую свободу»), об их исклю-

чительных боевых качествах, о преданности долгу, о том, что черногорец предпочтет смерть плену или предательству. Также любили русские путешественники описывать патриархальную простоту нравов в Черногории, называя ее «славянской Спартой»⁵. Некоторые утверждения были совсем далеки от истины, например, по случаю празднования четырехсотлетнего юбилея Ободской типографии Н. Горталов подхватил и запустил в России мелькнувшую в сербской прессе идею о том, что «Черногория первая зажгла для сербского народа светоч образования»⁶. Не только увлекающиеся путешественники и ангажированные, славянофильски настроенные журналисты, но и вполне серьезные академические круги были увлечены черногорскими героическими преданиями. Если продолжать традицию пафосных оценок, П.А. Ровинский совершил «научный подвиг», много раз, иногда с риском для жизни, обойдя албанские и черногорские племена, собрав, обработав и опубликовав все варианты народных песен в многотомном исследовании «Черногория в ее прошлом и настоящем»⁷.

Благодаря растиражированным славистами и путешественниками стереотипам, российское общество было убеждено, что в лице черногорских правителей имеет последовательных и верных союзников, с оружием в руках готовых в любую минуту выступить на стороне России. Такое убеждение опиралось на ряд известных исторических фактов, начиная с призыва Петра Великого к югославянам в 1711 г. подниматься на борьбу с Османской империей. Потом следовала длинная цепочка событий, в которых Российская империя выступала в роли защитника и благодетеля черногорцев. Заканчивался этот исторический ряд войной 1877–1878 гг. и Берлинским конгрессом, когда русское правительство, «вопреки проискам» западных держав, оказало и военную, и дипломатическую помощь в деле обретения Черногорией суверенитета.

Два политических мифа окончательно сложились в общественном сознании к концу XIX в. и оказывали заметное влияние на принятие решений в высшем политическом руководстве Российской империи, когда речь шла о Балканском полуострове. Первый миф — о невероятных боевых качествах

и об уникальной истории черногорского народа. Особые военные навыки и боевое искусство черногорцев русские журналисты и ученые описывали так восторженно, что в конце концов сформировался собирательный образ не реального воина, готового умело и самоотверженно защищать свой край, а былинного чудо-богатыря, не знавшего человеческих слабостей и боли. Однако настоящие живые черногорцы конца XIX — начала XX вв. и описанные российскими путешественниками негибимые борцы за славянскую свободу имели между собой мало общего. Мало походила на подлинную жестокую, кровавую историю и та легендарная историческая эпопея, которую приписывали черногорскому народу некоторые российские авторы. Насколько живучими оказались представления об историческом прошлом Черногории как о непрерывной пятивековой войне с поработителями, можно судить по стихам В. Высоцкого, написанным во второй половине XX в.⁸

Второй политический миф опирался на первый. Если черногорцы незаурядные воины, то иметь в их лице союзника крайне важно и полезно для России. Кстати, именно эта сильно преувеличенная полезность не только влияла на решения российских военных руководителей, но и подпитывала самомнение черногорского князя Николы, убедившего себя в том, что без его помощи русскому царю никак не обойтись. Складывалась красивая, но крайне упрощенная картина бескомпромиссной совместной борьбы и верного союзничества двух народов.

В действительности, и в XVIII, и в XIX в. в официальных отношениях России и Черногории не раз случались острые кризисы, конфликты, разногласия. Владыкам Василию, Петру I, Петру II, князю Даниле неоднократно давали понять, что их поступками в Петербурге не довольны. Еще в 1765 г. отправленный с инспекцией в Черногорию полковник Пучков доносил в Коллегию иностранных дел: «...По присматриванию о усердии черногорцев к России нашел, что начальники их мало что, или нимало о России не толковы; а бывшая перед тем ее императорского величества милость по малым рукам между родственниками расходилась»⁹. В 30-е годы XIX в. резко осуждал черногорцев за чрезмерную воинственность и не-

послушание российский консул в Дубровнике И. Гагич, курировавший положение дел в Черногории по поручению МИД России. «Вам хотелось бы делать все по своей воле и отрубать турецкие головы, чтобы ими украшать монастырь на Цетинье! А турки чтобы вас не трогали, и если тронут, то чтобы вас защищала Россия? Зачем вы недавно задели никшичан и отрезали головы нескольким туркам и христианам? Может ли Россия с чистой совестью защищать злодеев? Оставьте в покое турок, тогда и они вас не тронут», — обращался он к черногорским вожакам после очередной стычки на границе¹⁰.

Известный дипломат, ученый и писатель Е.П. Ковалевский в первый раз был прислан в Черногорию в 1834 г. именно для того, чтобы собрать доказательства, что Петр II Негош проводит неверную политику, наносящую вред интересам России. Только через три месяца, по его словам, он разобрался в ситуации и сделал правильные выводы¹¹. Немало подобных примеров обнаруживается в исторических документах. Официальные лица во времена Екатерины II, Александра I, Александра II не раз выражали недовольство черногорцами, упрекали их в неблагодарности, неискренности, корыстолюбии, склонности лавировать и играть на противоречиях великих держав. В середине XIX в. во внешней политике княжества произошел резкий поворот в сторону Франции, причем в тот самый момент, когда Вторая империя серьезно ущемила права России после Крымской войны.

Совсем не соответствовало реальности мнение о том, что боевитость черногорцев направлена на поддержание русских интересов на Балканах. Напротив, их чрезмерная воинственность создавала массу затруднений российскому министерству иностранных дел, проводившему в регионе после Берлинского конгресса политику статус-кво и старательно избегавшему обострения ситуации на границах Османской империи. Всю последнюю треть XIX в. и начало XX в. российские дипломаты занимались тем, что одергивали черногорскую элиту, сдерживали ее воинственные порывы. Поводов для трений и разногласий по вопросам мира и безопасности на Балканах было предостаточно. Например, в 1902 г. российский министр-ре-

зидент П.М. Власов сообщал в доверительной депеше, что князь Никола подогревает конфликты в соседних областях, чтобы «вызвать во что бы то ни стало серьезные вооруженные столкновения у себя на границе с Турцией...», «...он интригует с албанцами, подстрекая их к насилиям против македонцев и старо-сербов, и дабы получить право вмешаться непосредственно в дела их и затем втянуть Россию в новую войну с Турцией, он ищет предлога поднять восстание на границе, возбуждая малисор-христиан против католиков, а тех и других против мусульман и вызывая последних на кровавые столкновения с черногорцами»¹². Такие же упреки сыпались на черногорские власти в отношении боснийцев и герцеговинцев, которых много лет княжеское окружение подталкивало к мятежам против турок и всегда предоставляло политическое убежище повстанцам. У российских политиков часто не хватало терпения, они раздражались и делали резкие замечания черногорским руководителям, но последние не очень-то огорчались из-за недовольства Петербурга. Именно поэтому постоянно растущая финансовая помощь России тесно увязывалась с обязательствами, которые брал на себя черногорский двор: не предпринимать никаких военных действий и не провоцировать пограничных столкновений с турками. Единственное, что требовалось от черногорских властей, это модернизация княжества и особенно его вооруженных сил, чтобы в тот момент, который Россия сочтет подходящим, они принесли бы пользу «как отдельно действующий в западной части Балканского полуострова отряд наш, могущий отвлечь часть сил противников наших от главного театра военных действий», – так было сказано в инструкции, отправленной российскому министру-резиденту в Цетинье¹³. Очевидно, русское правительство предпочитало видеть в княжестве только военный резерв, а не равноправного союзника. Черногория была клиентом, а не партнером. Однако этот подход не устраивал князя Николу, считавшего себя самостоятельным игроком на политической сцене. Он быстро научился не замечать наставлений и рекомендаций своих покровителей и при любых обстоятельствах поступал так, как считал нужным.

Крайне непросто складывалось сотрудничество в вопросах, связанных с внешнеполитическим курсом княжества на рубеже XIX—начала XX вв. Профинансировав создание черногорского государственного аппарата и армии, постоянно выплачивая внешние долги Николы, российское правительство считало, что политическая элита Черногории всегда и при любых обстоятельствах обязана послушно исполнять волю Петербурга. Стремление князя Николы действовать самостоятельно, лавировать между Россией, Великобританией, Францией и Австро-Венгрией, а позже Италией воспринималось как покушение на измену. Поэтому в дипломатической практике конца XIX в. не оставалось места открытости и доверию. Мелочная опека, гипертрофированная подозрительность и чрезмерный патернализм были свойственны оценкам, которые давали российские кураторы тем или иным поступкам князя Николы на международном поприще и во внутренней политике. Сами дипломаты понимали, что зашли слишком далеко в своем покровительстве. «Очень тяжело и неприятно являться каким-то опекуном князя и интересов его страны, но что же делать, если иначе могут пострадать и наши интересы», — писал в 1903 г. из Цетинья министр-резидент А.Н. Щеглов¹⁴.

Констатировав очевидное расхождение между устоявшимися в общественном мнении России стереотипами и реальным положением дел, необходимо подчеркнуть, что политический миф о российско-черногорском союзничестве существовал не только на страницах статей или в головах славянофилов. Он жил своей собственной жизнью, «работал» на Черногорию, накладывал существенный отпечаток на конкретные решения, принимавшиеся высшим руководством Российской империи. Николай II дал увлечь себя этим мифом, заняв в черногорском вопросе куда менее трезвую позицию, чем его отец Александр III. Конечно, царь-миротворец известен своим тостом о «единственном настоящем друге России» князе Николе, но это высокопарное выражение было произнесено для публики. В военных и политических делах при Александре III решения принимались осторожно, соблюдалась определенная дистанция между Россией и славянами. Николай II не смог сохра-

нить эту дистанцию, раз за разом оказывал Николе слишком щедрую финансовую помощь – вопреки экспертным заключениям специалистов. Сколько ни противились российские министры финансов и иностранных дел, практически любая просьба черногорского правителя удовлетворялась. Не раз Николай II получал подтверждения непредсказуемости политического поведения княжеской камарильи и, тем не менее, продолжал помогать Черногории, считая, что «данное обещание превыше всего». То же самое можно сказать о российском военном ведомстве. Оно было прекрасно осведомлено, что денежные вливания в черногорскую армию дали ничтожный результат, и тем не менее продолжало делать ставку на Черногорию как на военный резерв. А когда перестало на это рассчитывать в первое десятилетие XX в., военным чинам не хватило храбрости противостоять императорскому окружению, лоббировавшему интересы Черногории.

Особенно ясно видно, как «работал» черногорский политический миф в русском обществе во время Второй балканской войны 1913 г. Великие державы решили создать на Балканах буферное албанское государство из бывших владений турецкого султана. Однако у короля Николы были собственные планы на эти земли. Вопреки приказам из Петербурга, Лондона, Парижа и Вены, он захватил албанский город Скадар (Скутари, Шкодер). При этом была грубо нарушена военная конвенция 1910 г., по которой король передавал командование своей армией российскому военному руководству и обещал не предпринимать никаких военных действий без разрешения России. Европейские и российские дипломаты и политики настоятельно требовали от черногорского монарха прекратить самодеятельность. Но он ответил своим русским покровителям весьма своеобразно: опираясь на миф о двухсотлетнем боевом союзе, стал через прессу подогревать в России националистические настроения, которые должны были, по расчетам Николы, склонить Николая II к принятию нужных черногорскому двору решений. Журналисты «Нового времени», которое никак нельзя было назвать славянофильским изданием, печатали зажигательные статьи о ходе военных действий за Скадар,

который почему-то стали называть «древнейшей столицей Черногории»¹⁵. Упор делался на то, сколько славянской крови уже пролито за эти места. Российский посланник в Цетинье А.А. Гирс доносил начальству, что некоторые корреспонденты писали «едва ли не под диктовку» черногорской верхушки, чтобы поддерживать в русском обществе «желательное королю Николаю настроение»¹⁶. Подогрев интерес публики журнальными публикациями, поклонники короля организовали в Петербурге уличные демонстрации и беспорядки, о чем писали в своих мемуарах министр иностранных дел С.Н. Сазонов и председатель правительства В.Н. Коковцов¹⁷. Так черногорская камарилья попыталась превратить политический миф, популярный в русском обществе, в инструмент давления на высокопоставленных покровителей.

Как видим, довольно искаженная идея неразрывного союза России и Черногории стала отличным политическим подспорьем правящему классу Черногории, не имевшему достаточных ресурсов, чтобы добиваться поставленных целей собственными силами. Становится понятно, почему черногорцы смогли получить от России помощь, не пропорциональную возможностям крохотной страны. Российское общество убедило себя в том, что славяне – естественный и верный союзник, поддержка которого обязательно принесет ощутимую пользу. Однако практическую выгоду из этой мифологии извлекла совсем не Россия.

Примечания

¹ Александров А.И. История развития духовной жизни Черной Горы и князь-поэт Николай I. Казань, 1895; *он же*. Материалы и некоторые исследования по истории Черногорья. Казань, 1897; Жмакин В. Россия и Черногория в начале XIX в. // Древняя и новая Россия. 1881. Т. 19. С. 407–454; Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории. СПб, 1841; *он же*. Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события // Современник. 1854. Т. 6. № 6. С. 55–84; *он же*. Черногория и славянские земли // Собр. соч. Т. 4. СПб, 1872; Лавров П.А. Петр II Петрович Негош, владыка Черногорский и его литературная деятельность. М., 1887; *он же*. П.А. Ровинский и его труды по Черногории // Известия Императорского Российского географического общества. 1916. Т. 25. Вып. 7. С. 543–561; Макушев В.В. Задунайские и адриатические славяне. СПб, 1867; *он же*. Самозванец Степан Малый. По актам Венецианского архива // Русский вестник. 1869. № 7, 8, 9; Попов А.О. Очерк истории Черногорья. Б.м., 1846; Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. I–III. СПб, 1888–1915 и др.

- ² *Броневский В.* Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. Ч. 1–4. СПб, 1818–1819; *Вульфсон Э.С.* Черногория и Черногорцы. М., 1909; *Голлицын Д.П.* У синя моря. Путевые очерки Черногорского и Далматинского побережья. СПб, 1898; *Горталов Н.К.* Княжество Черногория и поездка казанских гимназистов в июне 1902 г. Казань, 1903; *Каульбарс Н.В.* Заметки о Черногории. СПб, 1881; *Марков Е.П.* Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки. СПб, 1903; *Петрович (Варавва) М.П.* По Черногории. Путевые впечатления и наброски. М., 1903; *Содомов А.И.* Черногория. М., 1917 и др.
- ³ *Россиев П.А.* Гнездо орлов. Путевые впечатления в Черногории. М., 1905.
- ⁴ *Хлебникова В.Б.* Славянская солидарность как составная часть русского менталитета (на примере писем русских черногорскому князю Николаю) // Россия и Запад: диалог культур. Сб. статей XIII международной конференции. Вып. 15. Ч. 1. М., 2010. С. 407–417.
- ⁵ *Марков Е.* Славянская Спарта (Очерки путешествия по Далмации и Черногории) // Вестник Европы. 1898. № 7–10.
- ⁶ *Горталов Н.* Возникновение первой славянской типографии и предстоящее празднование ее четырехсотлетия. Казань, 1893. С. 13–14.
- ⁷ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 3. СПб, 1905.
- ⁸ *Высоцкий В.* Черногорские мотивы. 1974. Текст стихотворения приведен в той редакции, которую прочитал в Черногории сам поэт:

*Водой наполненные горсти
 Ко рту спешили поднести –
 Впрок пили воду черногорцы
 И жили впрок – до тридцати.*

*А умирать почетно было
 Средь пуль и матовых клинков
 И уносить с собой в могилу
 Двух-трех врагов, двух-трех врагов.*

*Пока курок в ружье не стерся,
 Стрелял и с седел, и с колен, –
 И в плен не брали черногорца –
 Он просто не сдавался в плен.*

*А им прожить хотелось до ста,
 До жизни жадным, – век с лихвой, –
 В краю, где гор и неба вдосталь,
 И моря тоже – с головой:*

*Шесть сотен тысяч равных порций
 Воды живой в одной горсти...
 Но проживали черногорцы
 Свой долгий век – до тридцати.*

*И жены их водой помянут
 И прячут их детей в горах
 До той поры, пока не станут
 Держать оружие в руках.*

*И молча лили слезы в траву,
Чтоб не слышали враги.
Беззвучно надевали траур
И заливали очаги.*

*Чернели женщины от горя,
Как плодородная земля, –
За ними вслед чернели горы,
Себя огнем испепеля.*

*То было истинное мщенье –
Бесмысленно себя не жгут:
Людей и гор самосожженье –
Как несогласие и бунт.*

*И пять веков, – как божьей кары,
Как мести сына за отца, –
Пылали горные пожары
И черногорские сердца.*

*Цари менялись, царедворцы,
Но смерть в бою – всегда в чести, –
Не уважали черногорцы
Проживших больше тридцати.*

*Мне одного рожденья мало –
Расти бы мне из двух корней...
Жаль, Черногория не стала
Второю родиной моей.*

(http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=372)

⁹ Рапорт о пребывании полковника Пучкова в Черногории от 17 мая 1765 г. // Црна Гора и Русија. Материјали за историју односа Црне Горе и Русије у периоду владавине црногорских митрополита Саве и Василија Петровића. 1642–1766. Подгорица – Москва, 2011. С. 589.

¹⁰ *Ровинский П.А.* Петр II (Раде) Петрович Негош, владыка черногорский (1830–1851). СПб, 1889. С. 98–99.

¹¹ *Ковалевский Е.П.* Эпизод из войны черногорцев с австрийцами. Из воспоминаний очевидца о двух войнах за независимость Черногории и Италии (Писано в 1864 г.) // Собр. соч. Т. 4. СПб, 1872. С. 161–162.

¹² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3351. Л. 29–30.

¹³ Там же. Д. 3318. Л. 3.

¹⁴ Там же. Д. 3334. Л. 136 об.

¹⁵ Новое время. 1913. № 13274.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1913. Оп. 470. Д. 133. Л. 34.

¹⁷ *Коквцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 127; *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 87.

Англо-американская историография о балканских предпосылках Первой мировой войны: актуальные тенденции и подходы

Одна из особенностей исторической науки, как отмечали ее выдающиеся теоретики Б. Кроче, Э. Коллингвуд и Э. Карр, состоит в том, что мы анализируем события прошлого под воздействием идей и забот дня настоящего¹.

Морально-этические воззрения, политические пристрастия, интеллектуальный климат эпохи — все эти переменные так или иначе влияют на ремесло историка, особенно если речь идет об исследовании истоков столь масштабного военного конфликта, как Первая мировая война. Доказательство этому — наличие обширнейшей историографии по данной теме. По подсчетам двадцатилетней давности, количество работ по происхождению Первой мировой войны составляло 25 тыс. единиц². В преддверии ее 100-летней годовщины этот список значительно пополнился³.

Трудно не согласиться с высказыванием британского историка П. Кеннеди о том, что «Первая мировая война дает нам такое количество самой разнообразной информации и сведений, что они позволяют сделать выводы, которые априори будут соответствовать любой гипотезе и концепции, которую в данный момент активно продвигают современные политики»⁴. Этот тезис особенно хорошо иллюстрирует ситуацию, существующую в новейшей (последние 15 лет) английской и американской историографии происхождения Первой мировой войны, в том числе ее балканских предпосылок. Развитие международных отношений на современном этапе: сложности и противоречия, сопряженные со становлением

постбиполярного мирового порядка, рост конфликтогенного потенциала на региональном уровне, формирование представлений о Европе как об унифицированном культурно-политическом и идеологическом пространстве – все это актуализировало дискуссии об истоках Первой мировой войны в начале XXI в. Однако, помимо чисто экстерналистских факторов, работы по истории дипломатии и международных отношений «эпохи империализма» не обошли стороной и общая эволюция гуманитарного знания, его тяготение к междисциплинарности: в частности, зарубежные авторы активно используют подходы политологии, конфликтологии, стратегических исследований.

Наша задача состоит в том, чтобы в формате статьи обозначить и проанализировать основные направления, тенденции и подходы, которые характеризуют современные исследования британских и американских историков и политологов, рассматривающих балканские сюжеты в контексте изучения причин возникновения «Великой войны». Необходимо подчеркнуть, что данные работы появились не на пустом месте, а базируются на массивном историографическом фундаменте трудов предшествующих поколений историков, выводы которых принимаются, синтезируются или, напротив, отвергаются нашими современниками, но в любом случае не остаются не учтенными. Это побудило нас также обратиться к книгам и статьям более раннего периода, дабы показать современное состояние изученности заявленной темы в более широком историографическом контексте.

Самые первые исследования, в которых анализировались причины возникновения «Великой войны», начали появляться еще в ходе самого конфликта и сразу же после его завершения. То обстоятельство, что на протяжении первого десятилетия XX в. Балканы являлись зоной политической турбулентности, а роковой выстрел в Сараево, в итоге, погрузил Европу во мрак мировой войны, предопределило повышенный интерес историков – очевидцев событий к балканским перипетиям. Пожалуй, наиболее яркой фигурой среди британских исследователей этого периода был известный историк-славист, прекрасный знаток балкано-дунайского региона Р.У. Сетон-

Уотсон, лично контактировавший со многими местными политическими деятелями и представителями интеллектуальных кругов. Нельзя отрицать, что работы Сетон-Уотсона, увидевшие свет в суровые военные годы, по большей части, носили либо просветительский⁵, либо пропагандистский характер⁶. Знакомя широкую общественность с историей становления национальных государств на Балканах, британский историк обосновывал тезис о том, что фундаментальным вопросом мировой войны была борьба за свободу малых стран и народов, их право на независимое существование и гармоничное развитие в новом, безопасном и справедливом мире⁷.

Издание мемуарной литературы и многотомных сборников дипломатических документов после окончания мировой войны стимулировало дальнейшие дебаты по вопросу об ответственности за ее развязывание. Принадлежность Великобритании и США к стану победителей не влекла за собой автоматического складывания в этих странах антантофильской историографии. Напротив, со второй половины 1920-х годов, по мере реинтеграции Веймарской Германии в западное сообщество, начала набирать обороты ревизионистская тенденция в истолковании предпосылок «Великой войны». В этом ключе американский историк Г. Барнс, призывая своих коллег «по цеху» прекратить клеймить Германию как главного разжигателя мировой войны, сместил «центр тяжести» с геостратегических планов Драйбунда на политику франко-русского союза. Париж и Петербург, по утверждению Барнса, опасаясь перспективы ослабления связей Великобритании с Антантой и ее постепенного сближения с Германией, рассматривали балканские события лета 1914 г. как благоприятный момент для нанесения упреждающего удара против Центральных держав⁸.

Мысль о невинности Берлина получила еще более конкретное оформление в ставшем классическим труде американского историка С. Фей «Происхождение мировой войны». Фей указывал на сербский национализм и, следовательно, на австро-сербский антагонизм как на источник всех зол. Ведь, по его мнению, ни одна из великих держав, в том числе Австро-Венгрия, рассчитывавшая на локализацию конфликта с

Сербией, не стремилась спровоцировать континентальную войну⁹. Этот вывод Фея, как мы увидим далее, был охотно взят на вооружение современными авторами.

Такой подход к трактовке балканской подоплеку «Великой войны» последовательно оспаривался Р.У. Сетон-Уотсоном. Анализируя соотношение противоречий великих держав и роль югославянского вопроса в нарастании напряженности на Балканах, он пытался показать, опираясь на доступный круг источников, что сараевское убийство не являлось результатом заговора тайной организации сербских офицеров «Черная рука», и тем более покушение на Франца Фердинанда не было спланировано и поддержано сербским правительством, а было естественным итогом развития югославянского движения на территории самой Австро-Венгрии, власти которой проводили недальновидную национальную политику¹⁰. Подталкивание Германией своей союзницы к проведению силовой акции против Сербии и декларирование германским руководством безоговорочной поддержки Австро-Венгрии, на взгляд Сетон-Уотсона, способствовали перерастанию Июльского кризиса в общеевропейскую войну¹¹.

Установление биполярной модели международных отношений после 1945 г. и сопутствовавшее этому проецирование соперничества сверхдержав на региональный уровень подогрели интерес историков к темам, связанным с взаимодействием великих держав. В исследованиях по предьстории Первой мировой войны Балканский полуостров стал фигурировать как конфликтное поле, в границах которого сталкивались их геополитические амбиции¹². Такая постановка проблемы привлекла внимание ученых к процессу интеграции Балканского региона в блоковое противостояние великих держав (этот аспект получил детальное освещение в работе Дж. Джолла «Происхождение Первой мировой войны»)¹³. В 1970–1980-е годы в Англии и США появилась целая серия хорошо фундированных, базировавшихся на архивных изысканиях монографий, в которых балканские кризисы, не будучи сами по себе объектами исследования, упоминались в рамках сложного, многоуровневого процесса выработки и реализации внешнеполи-

тического курса той или иной великой державой — Россией, Великобританией, Францией, Германией, Австро-Венгрией и Италией¹⁴.

В 1980-х—начале 1990-х годов в Великобритании и США исследователи, занимавшиеся проблемами происхождения мировых войн, в частности Первой мировой, стали активнее использовать методологический инструментарий теории международных отношений, которая в условиях «холодной войны» институализировалась в качестве самостоятельной научной дисциплины. Точнее даже, сами политологи посчитали, что морфология международно-политических кризисов начала XX в. давала им богатый фактический материал для интеллектуальных экспериментов и апробации аналитических моделей. Приходится, конечно, констатировать, что балканский фактор интересовал этих ученых не сам по себе, а с точки зрения конструирования у руководства великих держав представления о Балканах как о нестабильном сегменте мировой политики. Течение и исход Июльского кризиса 1914 г. казались политологам идеальным объектом для анализа и интерпретаций. Во-первых, на этом примере поднимался вопрос перерастания локального конфликта в континентальный, что было весьма актуально для эпохи «холодной войны», когда происходило смещение соперничества сверхдержав на периферию международной системы¹⁵. Во-вторых, логика поведения великих держав в период балканских кризисов (Боснийского кризиса 1908—1909 гг., Балканских войн 1912—1913 гг. и Июльского кризиса 1914 г.) позволяла раскрыть важные теоретические проблемы, а именно: «культ наступательной политики» (доминирование в военной мысли того времени концепции «упреждающего удара»), отсутствие склонности к компромиссам как один из методов реализации политики «сдерживания» (решительная поддержка, оказанная Германией Австро-Венгрии в период Июльского кризиса)¹⁶, возможности и ограниченность политики «разрядки» (на примере англо-германского сотрудничества в 1911—1914 гг., в частности по балканским вопросам)¹⁷, принципы функционирования военно-политических союзов, в том числе в региональном, балканском измерении¹⁸. В насто-

ящее время исследователи продолжают разрабатывать некоторые аспекты генезиса Первой мировой войны, внедряя в свои работы политологические подходы.

Распад биполярной системы в начале 1990-х годов, сопровождавшийся крахом многонациональных государств и появлением на их осколках новых субъектов международного процесса, оформление единого европейского пространства, а также произошедшая в 2000-х годах корректировка постбиполярного порядка (размывание однополярности в виде американской гегемонии и становление новых центров силы на мировой арене) – все эти изменения опосредованно, но в той или иной степени все же сказались на исследованиях истоков Первой мировой войны, некоторым образом подтолкнули специалистов к иному прочтению и истолкованию казалось бы уже известных сюжетов.

В последние годы среди британских и американских историков наблюдается тенденция к некоторому ретушированию остроты международных противоречий накануне «Великой войны», неизбежность которой теперь не рассматривается как историческая аксиома. Квинтэссенцией таких исследований стала работа профессора Гарвардского университета М. Ниберга «Пляски фурий: Европа и начало Первой мировой войны». Отмечая культурную и цивилизационную гомогенность Западной и Центральной Европы, он проводит идею о том, что существовавшая в начале XX в. система международных отношений, выстроенная великими державами, была резистентна к возникавшим кризисам, в том числе балканским. Европейцы не желали войны, а убийство эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги Софии Хотек в провинциальном Сараево, на окраине Австро-Венгерской империи, не воспринималось современниками как предвестник общеевропейской катастрофы. Нагнетание международной обстановки в период Июльского кризиса и его перерастание в войну являлись, на взгляд Ниберга, классическим образчиком работы «кабинетной дипломатии»¹⁹.

Сложность и многомерность военно-политических, дипломатических и социально-экономических процессов, при-

сора Кембриджского университета М. Макмиллан²¹. Оригинальность и новаторство их подхода состоит в том, что они трактуют взаимодействия великих держав в рамках существовавшей системы международных отношений, в том числе и на Балканах, не как прямолинейное, безальтернативное движение к войне, а, напротив, как попытки ее предотвратить, пусть и до конца не удавшиеся²². У. Маллиган, рассуждая о запасах прочности международной системы начала XX в., указывает на существование союзов и Антант как на сдерживающий фактор, который до поры до времени не позволял великим державам, запутавшимся во взаимных обязательствах, скатиться в общеевропейскую войну, что, собственно, и продемонстрировала динамика их взаимоотношений в период Балканских войн. Однако, продолжает свою мысль ирландский историк, именно перегруппировка сил на Балканах по итогам войн 1912–1913 гг. ослабила европейскую систему. Во-первых, великие державы, прежде диктовавшие свои условия Османской империи, не могли в такой же степени контролировать поведение ее «наследников» — малых балканских государств, что вносило определенный элемент непредсказуемости в международную жизнь. Во-вторых, одна из великих держав, Австро-Венгрия, боясь повторить судьбу Турции и стать новым «больным человеком Европы», решила силовыми методами пресечь политические тенденции, губительные для ее национальных интересов на Балканах²³.

Более консервативная трактовка развития международных отношений накануне «Великой войны» отличает работы профессора Оксфордского университета Х. Стрэчена, написанные в духе политического реализма. На взгляд британского историка, утверждения о том, что международная система начала XX в. саморегулировалась, благополучно справляясь с возникавшими кризисами, звучат слишком оптимистично, поскольку не была устранена ни одна из причин, являвшихся источником международных осложнений того времени. В качестве аргумента он ссылается на Бухарестский мирный договор (август 1913 г.), который, хотя и подвел черту под периодом Балканских войн 1912–1913 гг., по сути, являлся все-

го лишь перемирием²⁴. Анализируя факторы, обусловившие превращение Балканского полуострова, этой «отдаленной европейской периферии, сотрясаемой братоубийственной враждой местных народов», в эпицентр международно-политического и дипломатического противостояния великих держав, Стрэчен заключает, что на Балканах произошло наложение конфликта военно-политических группировок в духе «холодной войны» на империалистическое соперничество отдельных великих держав. Геополитическая значимость Балкан проявилась также и в том, что именно там перед тремя империями (Османской, Австро-Венгерской и Российской) обозначилась реальная перспектива заката их мощи и утери ими статуса великой державы²⁵.

Балканские сюжеты, представленные как в региональном, так и в глобальном измерении, стали композиционным и смысловым стержнем нашумевшей монографии австралийского историка, профессора Кембриджского университета К. Кларка — «Лунатики. Как Европа вступала в войну в 1914 г.». Принципиальной методологической установкой работы Кларка является отказ от формулирования вопроса «Почему началась Первая мировая война?», ибо такой исследовательский ракурс, как ему кажется, подразумевает сознательную подгонку конкретно-исторического материала под концептуальные лекала, что обуславливает предзаданность, априорность выводов. Руководствуясь целью «собрать мозаику из кусочков разрозненных фактов, причин и следствий»²⁶, т.е. проиллюстрировать множественность путей, которые вели Европу к войне, разновекторность политики великих держав, сложность механизма выработки и принятия внешнеполитических решений, стремление малых балканских стран материализовать свои «ментальные карты», кембриджский профессор придает ключевое значение «балканскому фону» происхождения Первой мировой войны, показывая, как этот фон, словно «оживая», становился одним из главных действующих лиц в июльской драме 1914 г. Сопоставляя Июльский кризис с последующими международными кризисами XX—XXI вв., Кларк отмечает его беспрецедентную комплексность, многоуровневость и

многопараметрность. Ведь коллизии балканской политики и вовлеченность в них великих держав способствовали расшатыванию, и без того хрупкой и неустойчивой, полицентричной системы международных отношений, которая не смогла интегрировать в себя перманентный очаг международной нестабильности в виде Балканского региона, претендовавшего на собственное место в существовавшем тогда мировом, а точнее европейском, порядке. Кларк подчеркивает, что взаимодействие краткосрочных факторов на Балканах, как то: рождение независимого Албанского государства, переориентация внешней политики России в регионе с Болгарии на Сербию — «замутняло» систему, нарушало привычный алгоритм ее развития²⁷.

Одной из наиболее дискуссионных тем современной британской и американской историографии является «вклад» России и Австро-Венгрии, стремившихся установить свое влияние на Балканах, в развязывание Первой мировой войны. Историков, помимо собственно стратегии Петербурга и Вены на Балканах, интересовало то, как она сопрягалась с функционированием запутанной системы союзов и Антант, а если точнее, как балканский фактор вписывался в коалиционное взаимодействие России и Австро-Венгрии с их партнерами по блокам — Францией и Германией соответственно. В случае с российской политикой на Балканах, как мы увидим далее, в историографии нередко превалируют стереотипы и штампы, что во многом обуславливается современной политической конъюнктурой, а также субъективностью оценочных суждений самих авторов.

Красноречивым (и к слову, довольно тривиальным) примером демонизации позднеимперской политики России является книга американского историка Ш. Макмикина «Русские истоки Первой мировой войны». Претендуя на историографический прорыв, подобный тому, который в начале 1960-х годов совершил в своей работе «Рывок Германии к мировому господству» немецкий историк Ф. Фишер²⁸, Макмикин представляет Россию главной виновницей начала Первой мировой войны²⁹. Лейтмотивом его монографии является мысль о том,

что вся внешняя политика Петербурга, идет ли речь о ближневосточном, балканском или европейском направлении, была подчинена стремлению овладеть Проливами. Для России, ощущавшей свою уязвимость (протяженные незащищенные границы, враждебное окружение), преследуемой кошмаром европейской коалиции еще со времен Крымской войны и страдавшей «Берлинским синдромом», захват Босфора и Дарданелл был военно-стратегическим и экономическим императивом. По безапелляционному утверждению Макмикина, модернизация турецкого флота, страх перед ростом османской военно-морской мощи, а не защита «маленькой героической Сербии» подвигли Россию к вступлению в войну. Он заключает, что российские правящие круги «эксплуатировали» панславизм как вывеску, а на самом деле были равнодушны к судьбам сербов и болгар и были готовы в любой момент пожертвовать их интересами, что с легкостью и сделали в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг., Балканских войн 1912–1913 гг., кризиса из-за сербо-албанской границы в октябре 1913 г.³⁰ Характеризуя позицию России во время Июльского кризиса 1914 г., американский историк всячески пытается подчеркнуть агрессивность ее замыслов, заявляя, что Петербург, в отличие от Берлина и Вены, рассчитывавших поставить Европу перед свершившимся фактом австро-сербской локальной войны, преследовал куда более амбициозные цели, планируя войну европейскую, которую Россия должна выиграть в составе наиболее сильной коалиции³¹.

Однако надо признать, что далеко не все современные западные авторы, специализирующиеся по истории России, склонны к такой заведомой подмене понятий и стигматизации ее политики. Так, американские историки Р. Боброфф и Д.А. Рич и их британский коллега М. Рейнолдс в своих исследованиях стараются дать взвешенную, сбалансированную оценку внешнеполитического курса России, который, как ими подчеркивается, формировался в определенных международных реалиях и под воздействием объективных факторов. Р. Боброфф в своей работе, посвященной российской политике в отношении Черноморских проливов, констатирует, что

хотя установление контроля над Константинополем и являлось стратегической целью России, реализовать ее она планировала в среднесрочной или даже долгосрочной перспективе, а не летом 1914 г., будучи не подготовленной к большой европейской войне³². О сдержанности и прагматизме политики Петербурга на Балканах в период войн 1912–1913 гг., о его незаинтересованности в преждевременной перекройке балканскими союзниками карты полуострова и о намечавшейся тенденции к потеплению русско-турецких отношений накануне Первой мировой войны повествует М. Рейнолдс³³. В свою очередь, Д. Рич указывает на оборонительность позиций русской дипломатии в период Июльского кризиса, констатируя, что поддержка, оказанная Россией Сербии, носила вынужденный характер и была продиктована соображениями престижа, необходимостью подтвердить статус великой державы перед лицом мощнейшего давления со стороны австро-германского блока³⁴.

В настоящее время все большую популярность в литературе набирает концепция «балканизации» франко-русского альянса. В частности, Т. Отт, профессор Университета Восточной Англии, и американский историк С. Уилльямсон выдвигают тезис о том, что в представлениях французской элиты стабилизация внутривнутриполитического положения в России и как следствие упрочнение ее внешнеполитических позиций могли ослабить зависимость Петербурга от Парижа и в перспективе привести к его отколу от Антанты³⁵. В свете этого Франция, по мнению английского и американского специалистов, скорее стремилась к приближению европейской войны, а балканский сценарий ее начала гарантировал участие в конфликте России. Кларк доводит мысль о «балканизации» франко-русского союза до логической крайности, говоря о том, что Париж и Петербург сознательно конструировали геополитический спусковой механизм вдоль австро-сербской границы³⁶. В какой-то степени эти идеи являются отзвуком выводов, сделанных Г. Барнсом еще в середине 1920-х годов.

Учитывая политико-географическую локализацию Июльского кризиса 1914 г., ученые не перестают обращаться

к сюжетам, связанным со стратегией и тактикой Австро-Венгрии на Балканах. Насыщенный и разноплановый материал по данной тематике позволяет сформулировать ряд общетеоретических проблем, а именно: механизм выработки внешней политики многонациональным государством в условиях усиления на его территории центробежных тенденций (в частности, подъем югославянского движения), корреляция региональной гегемонии и поддержания великодержавного статуса (будучи балканской державой, Австро-Венгрия являлась членом «европейского концерта»), сращивание внутренней и внешней политики, стремление урегулировать принципиальные вопросы внутреннего развития посредством внешнеполитических акций. Обозначенная проблематика нашла отражение в работах С. Уильямсона³⁷.

Ряд современных исследователей разделяет мнение о том, что логика поведения Австро-Венгрии в период Июльского кризиса была обусловлена соображениями сугубо регионального порядка³⁸. Австро-венгерское руководство, не просчитав все риски и недооценив возможные международные последствия ультиматума, направленного им Сербии 23 июля, планировало, по выражению американского историка Дж. Танстолла, устроить «маленькую локальную войну к югу от Савы и Дуная»³⁹, т.е. начать Третью Балканскую войну.

Вообще же концепция Первой мировой войны как «Третьей Балканской войны» породила серьезные споры в историческом сообществе. Впервые она была сформулирована в начале 1970-х годов американским исследователем И. Римакком. Он ставил «Великую войну» в один ряд с Балканскими войнами 1912–1913 гг., в ходе которых местные государства боролись за «турецкое наследство». В 1914 г. сербы, воодушевленные идеей присоединения югославянских провинций Австро-Венгрии, как отмечал И. Римак, готовились к войне с последней. Отдавая себе отчет во вмешательстве России в конфликт на Балканах и как следствие автоматическом запуске системы европейских союзов, сербское правительство, по словам американского историка, намеренно провоцировало военное столкновение с Дунайской монархией⁴⁰.

Одним из принципиальных критиков построений И. Римака выступил его соотечественник П. Шрёдер. События июля 1914 г. явились, на взгляд последнего, естественным результатом предшествовавшего развития международных отношений, в том числе взятого Великобританией курса на укрепление Тройственного соглашения. Англия, как предположил П. Шрёдер, проводила свою «политику Антант», в частности, выстраивала отношения с Россией, за счет Австро-Венгрии. Лондон не воспринимал Двуетную монархию как противника, а скорее ставил ее в один ряд с «недееспособными» Китаем и Персией. Отказ Британии от поддержки Австро-Венгрии означал, что она складывала с себя свои европейские обязательства. Распад Дунайской монархии, который повлек бы за собой образование вакуума силы в «сердце» Европы, по мнению американского историка, с математической точностью предопределил войну за господство на европейском континенте⁴¹.

Эти взгляды были развиты и модернизированы П. Шрёдером в более поздних работах. Так, он пришел к заключению о том, что агрессивная балканская политика Австро-Венгрии явилась вынужденной реакцией на деформацию «европейской системы». Старая система взаимоотношений между великими державами базировалась на признании ими неких норм поведения и правил игры, одним из которых было существование Австро-Венгрии в качестве великой державы, гарантированное всеми членами «европейского концерта». Перенесение принципов империалистического соперничества на почву европейской политики привело к изменению правил игры, что вылилось в обострение борьбы между великими державами на Балканах. Австро-Венгрия перестала вписываться в новые реалии европейской и мировой политики. Таким образом, в 1914 г., по метафоричному замечанию П. Шрёдера, Дунайская монархия выбрала для себя наиболее «предпочтительный» способ ухода из жизни: самоубийство, которое было совершено не из-за боязни смерти, а из-за страха перед палачом, в облики которого выступала сама система международных отношений⁴².

Среди значимых факторов, определявших как расстановку сил на мировой арене, так и динамику взаимодействия великих держав на Балканах, следует упомянуть австро-германское сотрудничество в рамках Тройственного союза. В новейших исследованиях, затрагивающих австро-германские отношения в период Июльского кризиса, основная дискуссия разворачивается вокруг двух принципиальных моментов: первый — это желание/нежелание Германии локализовать австро-сербский конфликт на Балканах летом 1914 г., второй — начало «превентивной войны», как наиболее желательный исход Июльского кризиса для Центральных держав.

Так, в общем-то почти все исследователи сходятся во мнении о том, что обусловленный Балканскими войнами подрыв позиций Австро-Венгрии в регионе, перспектива распада этой многонациональной империи, вкупе с постепенным восстановлением военной мощи России на Востоке, обнаружили, как полагало германское руководство, стратегическую уязвимость австро-германского союза в Европе. А потому Берлин склонялся к силовому варианту разрешения кризиса на Балканах, спровоцированного убийством австро-венгерского эрцгерцога⁴³. Но тут-то и начинаются основные концептуальные расхождения у исследователей. Приведем два наиболее четко артикулированных подхода. Первый из них представлен работами крупного американского специалиста в области теории международных отношений Дж. Леви, утверждающего, что германская стратегия разрешения так называемой «дилеммы безопасности» заключалась не в развязывании «превентивной войны» в общеевропейском масштабе, а в провоцировании локализованного австро-сербского столкновения на Балканах. Ведь, с одной стороны, успешная реализация этого сценария вызвала бы перегруппировку сил в Юго-Восточной Европе, что облегчило бы положение Австро-Венгрии в регионе; с другой — локализованная австро-сербская война способствовала бы расколу Антанты, что сняло бы проблему «окружения» Германии⁴⁴.

Данному подходу, заключающемуся в «балканизации» германской «Weltpolitik», противопоставляется концепция «глобализации» Третьей Балканской войны. К ее приверженцам

можно причислить американских политологов С. Ван Эверу и Д. Коуплэнда. Так, на взгляд этих ученых, Вена и Берлин, рассчитывавшие переломить негативные для них политические тенденции на Балканском полуострове и в Европе, склонялись к возможности начала «превентивной войны», которая по своим масштабам распространилась бы далеко за границы Юго-Восточной Европы. С. Ван Эвера справедливо отмечает, что стремление Центральных держав нанести упреждающий удар вполне соотносилось с господствовавшим в то время «культуром наступательной политики». Руководствуясь так называемой логикой «окон возможности», стратеги в Берлине полагали, что в период Июльского кризиса 1914 г. как раз-таки и открылось одно из таких «окон», т.е. выдался момент, когда благоприятное стечение обстоятельств позволяло австро-германскому блоку сместить баланс сил в Европе в свою сторону. Балканский кризис 1914 г., по меткому замечанию Ван Эверы, давал шанс Германии спроектировать «идеальное» начало войны⁴⁵. Коуплэнд, в свою очередь, констатирует, что в восприятии германского политического и военного руководства только тотальная война, а не победа Австро-Венгрии в локальном конфликте на Балканах, помогла бы Германии разрешить «дилемму безопасности», устранив французскую угрозу с Запада и русскую — с Востока⁴⁶.

Абстрагируясь от теоретических выкладок и переходя к конкретно-историческому материалу, отметим, что в историографии происхождения Первой мировой войны особое место занимают сюжеты, связанные с Балканскими войнами 1912–1913 гг., за которыми закрепились красноречивая характеристика «пролога» и «прелюдии» общеевропейской катастрофы 1914 г.⁴⁷ В современных исследованиях Балканские войны фигурируют в трех основных ипостасях: как конфликт внутрирегиональный, как военно-политический феномен начала XX в., как один из ключевых этапов милитаризации европейской дипломатии и виток «гонки вооружений», вылившейся в Первую мировую войну.

Известный американский историк-балканист, профессор Государственного университета Миннесоты Р. Холл в своей

монографии «Балканские войны, 1912–1913 гг. — прелюдия Первой мировой войны» детально исследует этапы формирования Балканского союза, ход и характер боевых действий, попытки великих держав повлиять на процесс послевоенного урегулирования, акцентируя внимание на остроте национальных противоречий местных государств, на проблеме несовпадения их территориально-политических и этнических границ. Он делает заключение о наличии мощного деструктивного элемента в национальных aspirations балканских государств и в их территориальных притязаниях. Инкорпорируя Балканские войны в более широкий международно-политический контекст первой половины XX в., Холл предлагает рассматривать их, с одной стороны, как начальную фазу Первой мировой войны⁴⁸, с другой, как часть общеевропейского конфликта, продлившегося (с перерывом в 20 лет) до 1945 г.⁴⁹

Большинство авторов единодушны в том, что непосредственная преемственность между Балканскими войнами и Первой мировой войной проявилась, прежде всего, в военной сфере. На взгляд британского военного историка и журналиста Э. Хутона, Балканские войны стали своеобразным водоразделом между военным искусством образца Наполеоновских войн и современным способом ведения боевых действий. Ибо в их ходе сочеталась характерная для XIX в. практика дислоцирования войск и организации боевых операций с применением новейших видов вооружений (скорострельная артиллерия, авиация), без которых немыслимо военное дело XX столетия⁵⁰. Холл идет еще дальше в своих выводах, говоря о том, что Балканские войны ознаменовали начало эпохи современных вооруженных конфликтов. Так, в военных действиях, развернувшихся в 1912–1913 гг. на юго-восточной оконечности Европы, участвовали армии, сформированные на базе обязательной воинской повинности и оснащенные современными технологиями; солдаты, испытывавшие мощный патриотический подъем, были готовы воевать до морального и физического истощения; кроме того, в общепалканский конфликт кануна Первой мировой войны оказались вовлеченными массы гражданского населения⁵¹.

Исследователи также пишут о «рубежности» Балканских войн в контексте раскручивания великими державами спирали вооружений. Американский историк Д. Херманн и его британский коллега Д. Стивенсон в своих работах показывают, как после 1912 г. расчеты руководства великих держав, основанные на оценке военной силы и соотношении военных преимуществ, превратились в доминирующий фактор, влиявший на выработку внешнеполитических решений во всех без исключения европейских столицах. Балканские войны, как констатирует Д. Стивенсон, дали импульс принятию новых военных законов в Германии, Франции и России (1913), а также в Австро-Венгрии (1914)⁵². Коллизии международных кризисов, гонка вооружений, конфликт в Юго-Восточной Европе, повлекший минимизацию влияния Австро-Венгрии в регионе, — все это, как пишет Д. Херманн, заставило многих современников событий поверить в то, что к концу 1913 г. война была неизбежна⁵³.

И, наконец, последний аспект, на котором хотелось бы остановиться, — это то, как современные английские и американские авторы оценивают политику самих балканских государств, а именно Сербии. Не требует объяснений тот факт, что внимание исследователей по большей части сфокусировано на австро-сербском противостоянии, а значит, на поведении Сербии, в частности ее самопозиционировании в качестве «югославянского Пьемонта». Наблюдается устойчивая тенденция перекладывания ответственности за развязывание Первой мировой войны на Сербское королевство. В общем-то это даже не тенденция, а скорее традиция англо-американской историографии, ибо подобные суждения мы можем встретить в трудах маститых историков, таких как С. Фей и И. Римак. Сейчас в тренде писать о подрывной деятельности в Боснии и Герцеговине сербских «террористов», спонсируемых из Белграда. На подобные пассажи можно натолкнуться в работах К. Кларка и С. Уилльямсон⁵⁴. Утверждения вроде того, что «Молодая Босния» — филиал «Черной руки», являются общим местом. Появление столь жестких и безапелляционных формулировок, как представляется, помимо историографической традиции, обязано воздействию информационного поля.

Между тем, профессиональные историки-балканисты (Р. Холл, Д. Маккензи) стараются избегать подобных упрощений, отмечая множество неясностей в организации сараевского убийства⁵⁵. Признавая наличие связи между «Черной рукой» и участниками «Молодой Боснии», Р. Холл и Д. Маккензи пытаются показать неоднородность проектов создания единого Югославянского государства, сложную палитру цветов и оттенков внутривосточной жизни Сербского королевства и сопряженные с этим трудности проведения им внешнеполитического курса.

Подводя итоги данному историографическому обзору, мы можем заключить, что при наличии весьма широкого спектра подходов к изучению причин возникновения Первой мировой войны и многообразии вариантов их интерпретаций балканские сюжеты рассматриваются учеными преимущественно в контексте кризиса системы международных отношений, обусловленного изменением политической конфигурации великих держав в начале XX в. Нестабильность на Балканах, являясь сама по себе признанным фактом, на взгляд исследователей, имела второстепенное значение, по сравнению с противоречиями, существовавшими между великими державами на глобальном уровне. Так, австро-сербский антагонизм, будучи вопросом регионального порядка, приобретал общеевропейское звучание, поскольку был интегрирован в межблоковое противостояние великих держав. Что касается «деструктивной» роли балканского фактора в развитии предвоенной системы международных отношений, то о ней в основном упоминается в связи с неспособностью великих держав контролировать процессы в Юго-Восточной Европе, порожденные национальными устремлениями местных игроков. Самостоятельные шаги балканских акторов, как отмечается, провоцировали флуктуации в рамках системы и в этом смысле ее расшатывали.

И все же приходится констатировать, что в современной англо-американской историографии Первой мировой войны отсутствуют работы, в которых Балканы рассматривались бы в качестве автономного организма, который, являясь частью

глобальной системы, функционировал по общим с ней законам. Кроме того, в недостаточной мере зарубежными авторами освещается взаимовлияние глобального и регионального (балканского) уровней международной системы кануна Первой мировой войны. В качестве позитивной тенденции можно выделить междисциплинарность ряда новых работ, попытки использовать аналитический инструментарий в исследовании фактологического материала, несмотря на опасность излишней схематизации многих сложных явлений. Ведь, как когда-то заметил А. Эйнштейн, обращаясь к концептуализации, мы апостериори пытаемся реконструировать реальность⁵⁶. В любом случае не одно поколение историков еще ломает копья, стремясь ответить на вопрос: почему Первая мировая война началась на Балканах?

Примечания

- ¹ *Evans R.J.* In Defence of History. London, 2000. P. 2, 30–31.
- ² *Clark C.* The Sleepwalkers: How Europe went to War in 1914. London, 2013. P. XXIV.
- ³ См. историографические обзоры: *Сергеев Е.Ю.* Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 3–15; *Романова Е.В.* Современная западная историография о происхождении Первой мировой войны // Там же. 2014. № 4. С. 127–143; *Showalter D.E.* Researching World War I: A Handbook. Westport, CT, 2003.
- ⁴ Цит. по: *The Outbreak of the First World War: Structure, Politics and Decision-making* / Ed. by J.S. Levy and J.A. Vasquez. New York, 2014. P. 3.
- ⁵ *Seton-Watson R.W.* The Rise of Nationality in the Balkans. London, 1917.
- ⁶ *Idem.* German, Slav and the Magyar. A Study in the Origins of the Great War. London, 1916.
- ⁷ *Ibid.* P. 187.
- ⁸ *Barnes H.E.* The Genesis of the World War: An Introduction to the Problem of War Guilt. New York, London, 1927. P. 654–662.
- ⁹ *Fay S.* Origins of the World War. Vol. II. New York, 1928. P. 547–558.
- ¹⁰ *Seton-Watson R.W.* Sarajevo: A Study in the Origins of the Great War. London, 1926.
- ¹¹ *Idem.* Wilhelm II's Balkan Policy // The Slavonic and East European Review. 1928. Vol. 7. № 19. P. 19–20.
- ¹² *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе. М., 1958; *Turner L.* Origins of the First World War. London, 1970; *Lafore L.* The Long Fuse; an Interpretation of the Origins of World War I. Philadelphia, 1971; *Crampton R.Y.* The Hollow Détente: Anglo-German Relations in the Balkans, 1911–1914. London, 1980; *The Origins of the First World War* / Ed. by H.W. Koch. London, 1984; *The Coming of the First World War* / Ed. by R.Y. Evans. Oxford, 1988; *Stevenson D.* The First World War and International Politics. Oxford, 1988.
- ¹³ *Joll J.* The Origins of the First World War. London, New York, 1984.

- ¹⁴ *Berghahn V.R.* Germany and the Approach of War in 1914. London, 1973; *Bridge F.R.* From Sadowa to Sarajevo. London, 1972; *Keiger J.* France and the Origins of the First World War. London, 1983; *Lieven D.C.B.* Russia and the Origins of the First World War. London, 1983; *Mason J.W.* The Dissolution of the Austro-Hungarian Empire. London, 1985; *Steiner Z.S.* Britain and the Origins of the First World War. London, 1977; *Bosworth R.* Italy and the Approach of the First World War. London, 1983.
- ¹⁵ *Kahler M.* Rumors of War: The 1914 Analogy // Foreign Affairs. 1979. Vol. 52. № 2. P. 374–396.
- ¹⁶ *Van Evera S.* The Cult of the Offensive and the Origins of the First World War // International Security. 1984. Vol. 9. № 1. P. 58–107; *Snyder J.* Civil-Military Relations and the Cult of the Offensive, 1914 and 1986 // Ibid. P. 108–146.
- ¹⁷ *Lynn-Jones S.M.* Détente and Deterrence: Anglo-German Relations, 1911–1914 // International Security. 1986. Vol. 11. № 2. P. 121–150.
- ¹⁸ *Sagan S.D.* 1914 Revisited: Allies, Offence and Instability // International Security. 1986. Vol. 11. № 2. P. 151–175. Также см. более позднюю работу по этой теме: *Snyder G.* Alliance Politics. Ithaca, New York, 1997.
- ¹⁹ *Neiberg M.S.* Dance of the Furies: Europe and the Outbreak of World War I. Cambridge, Mass., 2011.
- ²⁰ *Jannen W.* The Lions of July: Prelude to War, 1914. Novato, CA, 1997; *Fromkin D.* Europe's Last Summer: Who Started the Great War in 1914? New York, 2004; *MacMeekin S.* July 1914: Countdown to War. New York, 2013; *Martell G.* The Month that Changed the World: July 1914. New York, 2014; *Otte T.* July Crisis: The World's Descent into War, Summer 1914. Cambridge, 2014.
- ²¹ *Mulligan W.* The Origins of the First World War. Cambridge, 2010; *MacMillan M.* The War that Ended Peace: The Road to 1914 [Kindle Edition]. New York, 2013.
- ²² *MacMillan M.* Op. cit. Loc. 281–282.
- ²³ *Mulligan W.* Op. cit. P. 233.
- ²⁴ *Strachan H.* The Outbreak of the First World War. Oxford, 2004. P. 79–80.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ *Clark C.* Op. cit. P. XXVII.
- ²⁷ Ibid. P. 557.
- ²⁸ *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht: die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland, 1914–18. Droste, Düsseldorf, 1961. Ф. Фишер, тщательно изучив социально-экономические факторы, влиявшие на выработку внешней политики кайзеровской Германии, писал о ее экспансионистском характере, о стремлении германских правящих кругов к «мировому господству». Таким образом, в своей работе Фишер возложил на Германию полную ответственность за начало Первой мировой войны.
- ²⁹ *McMeekin S.* The Russian Origins of the First World War. Cambridge, Mass., 2011. P. 1–2.
- ³⁰ Ibid. P. 5.
- ³¹ Ibid. P. 74–75.
- ³² *Bobroff R.* Roads to Glory: Late Imperial Russia and the Turkish Straits. London, New York, 2006. P. 94–95.
- ³³ Reynolds M. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge, 2011. P. 22–46.
- ³⁴ *Rich D.A.* Russia // The Origins of World War I / Ed. by R.F. Hamilton and H.H. Herwig. New York, 2003. P. 196.

- ³⁵ *Otte T.G.* A "Formidable Factor" in European Politics: Views of Russia in 1914 // *The Outbreak of the First World War: Structure, Politics and Decision-making* / Ed. by J.S. Levy and J.A. Vasquez. New York, 2014. P. 94–98; *Williamson S., Jr.* July 1914 Revisited and Revised: The Erosion of the German Paradigm / *Ibid.* P. 50.
- ³⁶ *Clark C.* *Op. cit.* P. 558.
- ³⁷ *Williamson S., Jr.* *Austria-Hungary and the Origins of the First World War.* London, 1992.
- ³⁸ *Williamson S., Jr.* *Op. cit.*; Maurer J. *The Outbreak of the First World War: Strategic Planning, Crisis Decision Making, and Deterrence Failure.* Westport, CT, 1995.
- ³⁹ *Tunstall G.* *Austria-Hungary // The Origins of World War I.* P. 149.
- ⁴⁰ *Remak J.* 1914 – The Third Balkan War: Origins Reconsidered // *The Journal of Modern History.* 1971. Vol. 43. № 3.
- ⁴¹ *Schroeder P.W.* *World War I as Galloping Gertie: A Reply to Joachim Remak // The Journal of Modern History.* 1972. Vol. 44. № 3.
- ⁴² *Idem.* Stealing Horses to Great Applause: Austria-Hungary's Decision in 1914 in Systemic Perspective // *An Improbable War: The Outbreak of World War I and European Political Culture before 1914* / Ed. by H. Afflerbach, D. Stevenson. Oxford, 2007.
- ⁴³ *Copeland D.* *The Origins of Major War.* Ithaca, London, 2001. P. 70.
- ⁴⁴ *Levy J.S.* The Sources of Preventive Logic in German Decision-making in 1914 // *The Outbreak of the First World War.* P. 139–166.
- ⁴⁵ *Van Evera S.* *Op. cit.* P. 83.
- ⁴⁶ *Copeland D.* International Relations Theory and the Three Great Puzzles of the First World War // *The Outbreak of the First World War... P. 198.*
- ⁴⁷ *Hall R.* *The Balkan Wars, 1912–1913: Prelude to the First World War.* London, 2000; *Hooton E.R.* *Prelude to the First World War: The Balkan Wars, 1912–1913* [Kindle edition]. Concord, MA, 2014.
- ⁴⁸ Холл, помимо всего прочего, указывает на общие поля сражений для Балканских войн и Первой мировой войны: Фракия, область Салоник, Битола, район р. Струмица и оз. Дойран // *Hall R.* *Op. cit.* P. 132.
- ⁴⁹ Имеется в виду, что ключевой вопрос Балканских войн – судьба Македонии – был окончательно решен, подобно многим другим территориально-политическим противоречиям в Европе, только после окончания Второй мировой войны // *Ibid.* P. 130.
- ⁵⁰ *Hooton E.R.* *Op. cit.* Loc. 86.
- ⁵¹ *Hall R.* *Op. cit.* P. 130.
- ⁵² *Stevenson D.* *Militarization and Diplomacy in Europe before 1914 // International Security.* 1997. Vol. 22. № 1. P. 159. Подробнее: *Idem.* *Armaments and the Coming of War: Europe, 1904–1914.* Oxford, 1996.
- ⁵³ *Hermann D.* *The Arming of Europe and the Making of the First World War.* Princeton, N.Y., 1996.
- ⁵⁴ *Clark C.* *Op. cit.* P. 47–55; *Williamson S., Jr.* *July 1914 Revisited... P. 39–41.*
- ⁵⁵ *MacKenzie D.* *Apis: The Congenial Conspirator. The Life of Colonel Dragutin T. Dimitrijević.* New York, 1989. P. 123–137; *Hall R.* *Serbia // The Origins of World War I.* P. 106.
- ⁵⁶ *Einstein A.* *Ideas and Opinions.* New York, 2012. P. 58.

Петр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

Проблема Косово: историография мифов*

Исследования по истории и современности Балкан традиционно занимают особое место в анналах исторической науки. И связано это не только с многочисленностью подобных работ или сложностью рассматриваемых тем. Главными факторами специфики «балканской» историографии выступают практически неизбежная политическая «заостренность» исследований, остроактуальный характер полученных выводов и тем более прямое использование исторических материалов для обоснования или проведения балканской политики в современных условиях. А это, в свою очередь, вызывает появление не только фундаментальных, объективных работ, но и сборников откровенных мифов — причем, мифов конкретно-спекулятивного и потому особенно опасного характера.

Среди подобных мифов и мифологических моделей истории прослеживается определенная иерархия. На нижнем уровне расположены откровенно тенденциозные выводы, базирующиеся на превратно толкуемых отдельных фактах или даже на исторических фальсификатах. Наглядным примером подобных «документов» и базирующихся на них исследований могут служить «летописи», сочинявшиеся чешским ученым Вацлавом Ганкой. Данные произведения преследовали вполне определенные цели — разработку и реализацию программы национального возрождения чехов и других европейских народов.

Второй — более высокий уровень — исторической мифологии представляет собой разработка моделей, частично ба-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (Грант РГНФ № 14-01-00264 «Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан»).

зирующихся на подлинных исторических документах, но при этом толкующих их тенденциозно или приблизительно, но зато в требуемом аспекте. В условиях Балкан подобный подход наглядно присутствует во многих исследованиях, посвященных сербской национальной программе. Как справедливо отмечает в этой связи российский исследователь К.В. Никифоров, очень многие из авторов обвинительных заключений на тему якобы «сербской великодержавности» любят ссылаться на «Начертание» Илии Гарашанина, но при этом имеют весьма приблизительное или одностороннее представление о сути и характере данного документа, либо же сознательно искажают его смысл. Особенно подобное моделирование мифов расцвело в условиях распада Югославии в 1990-е годы. Как указывает Никифоров, «односторонность, правда, при этом никуда не делась, а даже возросла, поскольку противоречия между югославскими республиками также резко возросли. И в целом интерес в годы югославского кризиса обуславливался отнюдь не научными, а политическими причинами, в частности, стремлением доказать или опровергнуть великосербский характер политики Слободана Милошевича (лидера Сербии и Югославии конца XX в. — П. И.). В таких условиях научная объективность легко уступает место целесообразности»¹.

Наконец, третий уровень мифологизации истории — и, в частности, истории Балкан, представляет собой создание исторических концепций, не только трактующих в желаемом виде национальное прошлое и настоящее, но и создающих документально-правовую и политико-пропагандистскую основу для выдвижения конкретных требований — как правило, в контексте перекройки балканских границ. В данном отношении особое место в балканской историографии занимает идея «Великой Албании», обращенная не только и не столько в прошлое, сколько в будущее и выступающая в качестве исторического прикрытия и обоснования планов будущего территориального «перезаформирования» Балканского полуострова в выгодном этническом албанским радикалам смысле.

Для того, чтобы лучше понять механизм создания подобных мифов, ориентированных на обеспечение максимально

широкой поддержки определенных общественно-политических сил и их национальных (а особенно великодержавных) программ, следует более внимательно присмотреться к истории формирования и развития данной концепции, которая, судя по последним социологическим исследованиям, пользуется поддержкой подавляющей части населения Албании, Косово и других албанонаселенных районов Балкан. Подобный анализ представляется актуальным и с точки зрения проведения определенных аналогий и параллелей с ситуацией в других балканских странах. Ведь аналогичные великодержавные националистические концепции легко найти в сербской, болгарской, македонской и других национальных историографиях государств региона.

Как показывают последние опросы общественного мнения, идею «Великой Албании» поддерживают более 80% населения Косово, свыше 70% жителей самой Албании, а также более половины македонских албанцев². При этом они активно ссылаются на исторические факторы, главными из которых называют нерешенность албанского национального вопроса на Балканах, игнорирование великими державами на протяжении последних полутора столетий государственно-политических чаяний албанского народа, а также исторические права албанцев как древнейшего балканского народа на обширные территории, входящие в настоящее время в состав других государств – Сербии, Черногории, Македонии, Греции и Болгарии. В качестве объединяющего символа всеалбанского единства традиционно выступает День албанского флага, отмечаемый 28 ноября в ознаменование провозглашения независимости Албании от Османской империи 28 ноября 1912 г. и сопровождаемый все более массовыми демонстрациями под великоалбанскими лозунгами³. Говоря словами американского исследователя Роджерса Брубейкера, после распада Югославии этнические албанцы оказались в составе двух «национализирующихся государств» – «новой» Югославии и Македонии; и это не считая других частей «национализационной триады» – собственно Албании, а также югославских и македонских властей⁴.

Сходные мысли высказывает авторитетный швейцарский публицист Жан-Арно Дерен, подчеркивающий, что «за неточностью терминов «косовар», «албанец» или «албаноговорящий» стоят века беспокойной истории постоянного переустройства Балкан»⁵. По его весьма справедливому мнению, «за терминологической неточностью скрываются важные споры о национальной идентичности и переустройстве в соответствии с этой идентичностью албанского мира на Балканах»⁶. «На Балканах государственные границы — старые и новые — никогда не совпадали с границами проживания разных народов, что привело к появлению значительных национальных меньшинств. В этой конфигурации Косово занимает особую позицию, потому что это крайне исторически нагруженная территория, где сталкиваются антагонистические национальные притязания», — указывает автор⁷. Именно поэтому, по словам Ж.-А.Дерена, «когда сербы говорят о своих монастырях в Косово, албанцы отвечают, что они были построены на руинах более древних албанских католических монастырей, но этот факт труднодоказуем и не имеет большого значения: по меньшей мере до XIII века этот регион находился под влиянием то Византии, то Рима, а в Косово вместе живут различные народы, в том числе сербы и албанцы... Один из наиболее употребительных балканскими националистическими движениями аргументов — утверждение о древности и даже автохтонности своего народа»⁸.

Великодержавные идеи среди албанцев культивируются в той или иной форме, начиная с середины XIX в., и в настоящее время переживают подлинный ренессанс. В то же время в среде их балканских соседей подобные идеалы в качестве геополитических императивов, похоже, остались в прошлом — в начале XX в. Поэтому вполне следует согласиться с британским историком Марком Мазоувером, указывающим, что албанский национализм остался последней идеологией на Балканах, содержащей в себе значительное экспансионистское направление. По его словам, «ирредентизм среди албанцев представляется более сильным, нежели среди большинства других народов в Юго-Восточной Европе»⁹.

Важнейшая отличительная особенность великоалбанской идеологии, в сравнении с аналогичными концепциями в рамках сербского, болгарского, греческого или хорватского национальных движений, заключается в отсутствии единого «столичного» центра собирания соответствующих этнических земель, каковыми в вышеприведенных случаях исторически выступали соответственно Белград, София, Афины и Загреб. Это было связано, прежде всего, с исторической «распыленностью» земель, населенных албанцами, среди четырех вилайетов Османской империи – Скутарийского, Янинского, Битольского и Косовского. Такая административно-территориальная система существовала как раз в конце XIX в., то есть в момент становления албанского национального движения. Далее, столица нынешней Албании город Тирана изначально не являлся ни политическим, ни экономическим, ни культурным центром страны, в отличие от Шкодера, Дурреса, Влёры или находящегося ныне на территории Косово Призрена. Кроме того, в историческом сознании албанцев отсутствует память о некоей «Албанской империи» типа раннесредневековых сербских государств или болгарских царств. Неактуальна для албанцев и идея объединения под религиозными лозунгами, поскольку, несмотря на активные и длительные попытки властей Османской империи привить албанцам мусульманское или «оттоманское» самосознание, они оставались разобщенными и по конфессиональному, и по родоплеменному, и по языковому признакам.

С этой точки зрения возникает проблема того, что известный британский историк, специалист по истории Балкан Ноэль Малькольм именуется «континуитетом» в историко-государственной традиции. Оспаривая исторические права сербов на Косово, проистекающие из вхождения этой территории в состав сербских государств XIII–XV вв., он подчеркивает, что «между средневековым сербским государством и сегодняшней Сербией не больше преемственности, чем между Византийской империей и Грецией»¹⁰. Если соглашаться с подобной трактовкой истории Косово, тогда следует согласиться и с тем, что Албания в своих расширительных этнических трактовках

исторически существовала либо как совокупность четырех вилайетов Османской империи, либо в период Второй мировой войны в составе земель, оккупированных фашистской Италией и «Третьим Рейхом». Очевидно, что ни та, ни другая модель не могут считаться достаточным основанием для претензий сторонников великоалбанской идеи на Косово и на другие районы Балкан.

К слову, албанцы в лице своей интеллектуальной элиты предпочитают из политических соображений не использовать термины «Великая Албания» и «паналбанизм», чтобы не тревожить лояльное к ним мировое общественное мнение. Вместо этого активно применяется термин «албанский национальный вопрос», получивший всестороннее рассмотрение в обнародованном в 1998 г. в Тиране меморандуме Албанской Академии наук под названием «Платформа для решения национального албанского вопроса». В документе данное понятие определялось как «движение за освобождение албанских земель от иностранной оккупации и их объединение в отдельное национальное государство»¹¹.

Влиятельная «Международная кризисная группа», хотя и считает, что для реализации идеи «Великой Албании» в настоящее время отсутствуют необходимые условия и возможности, тем не менее, воспринимает ситуацию весьма серьезно. По ее свидетельству, «среди албанцев в целом, но особенно среди албанцев бывшей Югославии имеет место растущая нетерпимость в отношении того, что представляется им как неспособность международного сообщества воспринять новую динамику албанского мира. Албанцы представляют собой молодое и быстрорастущее население, значительная часть которого выросла в атмосфере либо насилия и анархии в Албании, либо нарушения прав человека и войны в бывшей Югославии. Они хотят видеть осязаемый прогресс не только в сфере их политического будущего, но также и в плане общих жизненных стандартов и возможностей»¹².

Однако вернемся на полтора столетия назад. Первыми документами, в которых было закреплено требование лидеров албанского национального движения об объединении

всех албанонаселенных районов тогдашней Османской империи в единое государственно-административное целое, стали программы Призренской лиги 1878–1881 гг. В частности, принятый в июле 1878 г. документ под названием «Карарнаме» («Книга решений») выдвинул такие цели, как «борьба до последней капли крови против какой-либо аннексии албанских территорий» и «объединение всех населенных албанцами территорий в одну провинцию»¹³. Кроме того, в решениях Призренской лиги подчеркивалось негативное отношение албанцев к планам территориальных приращений соседних балканских государств за их счет: «Имея перед глазами балканскую землю, мы не позволим ни за что, чтобы иностранные войска топтали нашу землю»¹⁴. Программа предусматривала и возможное территориальное расширение Лиги за пределы первоначально обозначенных районов: «Представители других краев (земель), которые хотят присоединиться к Лиге, будут охотно приняты, и мы их внесем в список Лиги как друзей власти и страны»¹⁵. Столицей объединенного албанского вилайета предполагалось сделать город Охрид в силу его центрального географического положения¹⁶.

Эксперты в целом сходятся во мнении, что данная петиция «стала первым свидетельством того, что албанцы стремятся к территориальному объединению»¹⁷. Албанская историография и национально-государственная традиция отводят этому политическому объединению албанцев из различных районов Балканского полуострова роль организатора борьбы за освобождение и объединение албанских земель, за отстаивание национального суверенитета албанцев и противостояние попыткам великих держав и соседних балканских стран оккупировать исконные албанские земли. Возлагая вину за будущее обострение сербо-албанских отношений на Белград, проводивший жесткую политику в том, что касается албанцев, они подчеркивают, что действия сербского правительства особенно поспособствовали «ухудшению отношений между высланными албанцами из Южной Сербии и сербами из Косово (во время второй сербо-турецкой войны 1877–1878 гг. — *П.И.*). Тогда албанское национально-освободительное движение

поднялось до уровня движения за автономию, общее освобождение и независимость. Оно основало и собственный руководящий орган, иными словами, создало Албанскую Призренскую лигу, которая вела борьбу против всех возможных врагов и завоевателей»¹⁸. Схожей концепции придерживаются и некоторые российские исследователи. В частности, Н.Д. Смирнова видела в деятельности Призренской лиги важнейший этап «албанского национального Возрождения»¹⁹.

Однако в исторических трудах представителей других государств балканского региона существует и прямо противоположная точка зрения на роль Призренской лиги. Ее сторонники называют данное объединение и принятые им программные документы первым свидетельством великодержавных устремлений стремительно конституировавшегося в конце XIX в. албанского этноса и считают все происходящее на Балканах в последующие годы, вплоть до настоящего времени, борьбой албанцев за реализацию программы Призренской лиги и создание «Великой Албании» на основе насильственной перекройки границ региона и подавления (в том числе физического) других балканских народов²⁰.

Между тем, как явствует из вышеприведенных положений «Карарнаме», данный документ носил достаточно сдержанный характер. В этой связи можно отчасти согласиться с мнением британского исследователя Г. Гаврича, утверждающего, что «состоявший из 16-ти пунктов «меморандум о решениях» («Карарнаме») ничего не говорил о реформах, школах, автономии, и даже ничего об объединении албанских земель в один вилайет»²¹. С формальной точки зрения это было действительно так. Однако следует учитывать, во-первых, пестрый характер делегатов первого заседания Призренской лиги, а во-вторых — не только букву, но и дух документа. Последний не оставлял сомнений в том, что речь шла о развернутой и далекоидущей программе в русле албанского национального движения, подразумевавшего в конечном итоге не только обеспечение культурно-религиозных прав, но и решение других задач национально-государственного строительства. Не случайно председательствовавший на первых заседаниях

Призренской лиги Абдюль Фрашери позднее характеризовал «основную цель собравшихся как введение в действие бесы (клятвы. — *П. И.*) оказывать сопротивление — при необходимости кровавое — любой уступке албанской территории другому иностранному государству»²².

В меморандуме, направленном делегатами Лиги участникам Берлинского конгресса (открывшегося 13 июня 1878 г.), а также турецкому правительству и дипломатическим представителям великих держав в Константинополе, внимание Европы акцентировалось именно на государствообразующих моментах. В частности, в меморандуме, адресованном представлявшему на Берлинском конгрессе Великобританию премьер-министру Б. Дизраэли, говорилось: «Мы не являемся и не хотим быть турками, но точно так же мы всей своей силой выступим против любого, кто захочет обратить нас в славян, или австрийцев, или греков; мы хотим быть албанцами»²³.

Однако деятелям албанского национального движения не удалось ни принять участие в работе европейского форума наравне с представителями их балканских соседей, ни хотя бы добиться включения в повестку дня обсуждения в отдельном виде албанского вопроса. Великие державы отрицали сам факт существования албанской нации (фраза «албанская нация не существует» принадлежала председателю конгресса германскому канцлеру О. Бисмарку²⁴) и рассматривали территории с албанским населением лишь в качестве географического понятия. Следует также отметить, что и с чисто географической точки зрения «границы албанской территории в то время было нелегко определить»²⁵. Наиболее авторитетными считались свидетельства консула Австро-Венгрии в Шкодере Ф. Липпиха, представившего в 1877 г. специальный меморандум по данному вопросу правительству монархии Габсбургов. В нем он впервые предложил опираться на лингвистический, а не религиозный критерий при определении этнической картины региона и на этой основе ввел понятие «языковой границы» албанских земель, которая понималась весьма расширительно. Соответствующая северная граница, по его данным, начиналась чуть к югу от города Бар (Анти-

вари) и затем шла через Колашин на Рожай (юго-западная часть Новопазарского санджака), далее до границы с Сербией по течению реки Морава. На своем дальнейшем протяжении нарисованная Липпихом граница пересекала долину Вардара и шла далее мимо Дебара вдоль северного берега Охридского озера²⁶.

В вопросах территориального разграничения албанских и в целом балканских земель собравшиеся в Берлине представители великих держав руководствовались прежде всего интересами глобальной политики. Действуя в соответствии с принципами, заложенными канцлером Бисмарком, «Конгресс занялся своим делом, не особо считаясь с национальными и местными условиями, а именно — пытаясь подправить расшатанный баланс сил на Балканах. Согласно новому устройству балканских дел, Албания претерпела сокращение своей территории в пользу своих соседей»²⁷.

Основные положения «Карарнаме» получили дальнейшее развитие в сентябре 1878 г., когда радикальное крыло Албанской лиги обнародовало новую программу объединения, имевшую более радикальный характер по сравнению с предыдущей²⁸. В ней, в частности, говорилось о недопущении того, чтобы «хоть одна частичка территории албанских областей была передана их соседям или другим народам, с которыми они граничат», а также содержалось требование, что «все албанские области, в частности, Шкодринский и Янинский вилайеты, должны соединиться в единый, так называемый «Албанский вилайет»²⁹.

В своей аргументации и требованиях делегаты Албанской лиги ставили вопрос не только о Косово, но и о принадлежности Албании Чамерии и даже всего Эпира с городами Превеза, Янина и Арта как важными экономическими и военно-стратегическими центрами. К тому времени провинция Эпир включала в себя четыре санджака — Берат, Гирокастра, Янина и Превеза. А район, который албанцы называли «Чамерия» (или «Южная Албания»), греки именовали «Северный Эпир». В качестве одного из аргументов авторы меморандума, представленного великим державам в конце марта 1879 г., ссылались на понимаемое весьма расширительно историчес-

кое право: «Албанский народ более древний, чем греческий народ; известно, что в старину Эпир был одной из составных частей Албании, и никогда греки в какой-либо мере не владели этой страной»³⁰.

Подобная ситуация не позволяет согласиться с распротраненной трактовкой деятельности Призренской лиги как объединения, преследовавшего исключительно оборонительные цели. Такой точки зрения придерживалась, в частности, известная американская исследовательница Барбара Елавич. Признавая, что многие албанские лидеры «поддерживали программу, призывавшую к объединению албанонаселенных земель в одно политическое целое со столицей в Битоли», она, тем не менее, видела роль Призренской лиги исключительно в том, что благодаря ей «и Черногория, и Греция получили существенно меньше албанских территорий, чем они могли бы добиться в условиях отсутствия организованного протеста»³¹. «Более того, великие державы были вынуждены осознать существование и особые национальные интересы албанского народа. Опасность того, что албанские земли будут поделены между соседними балканскими государствами, сохранялась, но, по крайней мере, первый шаг в направлении национальной организации был сделан», — указывает Елавич, избегая говорить о том, что именно лидеры Призренской лиги понимали под «албанскими землями»³². Поэтому более точной представляется оценка деятельности Призренской лиги, данная российской исследовательницей Н.Д. Смирновой. Она видела в ней важнейший этап «албанского национального Возрождения», понимаемого более широко, нежели простое противодействие реализации решений Берлинского конгресса 1878 г.³³ Сходной точки зрения придерживается другой российский албанист — Г.Л. Арш, оценивающий решения Албанской лиги Призрена как «первую в истории албанского национально-освободительного движения развернутую программу политической автономии Албании»³⁴. Аналогичную оценку дала этой программе и российская газета «Голос», подчеркнувшая, что Албанская лига «приняла в последнее время характер национальный, имеющий целью помогать образованию автоном-

ного Албанского княжества, которое бы находилось только под верховной властью султана»³⁵.

Ведущие албанские историки (в частности, К. Фрашери) предпочитают трактовать одно из ключевых требований Призренской лиги – о создании общего вилайета для албанцев – как исходившее из необходимости сохранения Европейской Турции и потому носившее не великоалбанский, а «протурецкий» характер³⁶. Однако многие турецкие исследователи подчеркивают, что цели и деятельность Призренской лиги изначально «находились в противоречии с интересами и самим существованием Османской империи»³⁷.

Разгром турецким правительством Призренской лиги ознаменовал начало нового этапа в истории албанского национального движения, которое отныне было тесно связано с Косово. Как справедливо указывает К. Фрашери, «Албанская лига Призрена в качестве патриотической организации, действовавшей в условиях Восточного кризиса в 1870-е годы, идентифицировала себя в качестве Национального албанского движения», в связи с чем ее деятельность «развивалась в рамках политической, общественной и культурной триады»³⁸.

На рубеже XIX–XX вв. происходит новый подъем албанского освободительного движения, лидеры которого считали необходимым распространить его на все вилайеты Османской империи, где проживали албанцы. В январе 1899 г. в косовском городе Печ одним из активистов Призренской лиги Хаджи Зекой была создана новая, Печская, лига. Ее деятельность вскоре также приобрела политический характер под лозунгом предоставления автономии албанонаселенным районам Балкан.

К этому же времени относится обострение сербо-албанских отношений, в котором власти Сербии не без оснований видели реализацию албанскими лидерами плана по насильственной албанизации тех или иных районов Балканского полуострова. Как сообщал в мае 1898 г. в турецкий МИД посланник Сербии в Константинополе Стоян Новакович, «в течение последних четырех лет королевское правительство было вынуждено неоднократно обращать внимание царского правительства

на беспорядки и невероятные и бесчисленные акты насилия, которые непрерывно осуществляет непокорное и недисциплинированное албанское население как на сербско-турецкой границе, так и в пограничных санджаках. Эти преступления и нападения, — подчеркивал дипломат, — направлены исключительно против христианского населения сербской народности, и складывается впечатление, что их цель — очистить от него эти области»³⁹.

В 1908–1910 гг. албанонаселенные районы Османской империи стали ареной массовых вооруженных выступлений, которые в 1911 г. переросли в крупное антитурецкое восстание. 23 июня 1911 г. в Подгорице членами местного Албанского комитета был подготовлен меморандум, получивший название «Красная книга». Он стал первой целостной программой борьбы за широкую территориально-административную и экономическую автономию албанских земель и был доведен до сведения как турецкого руководства, так и правительств ведущих европейских держав. В меморандуме, подписанном руководителями революционного комитета Влёры и направленном во внешнеполитические службы Англии, Франции и России, а также в ряд европейских средств массовой информации, сохранилось обращение к турецким властям в кратчайшие сроки удовлетворить требования албанцев. В противном случае, указывали авторы документа, «мы предпочли бы скорее умереть в борьбе за защиту нашего достоинства и репутации, чем вести жизнь, пригодную для животных»⁴⁰.

В июле 1912 г. специальный корреспондент санкт-петербургской газеты «Речь» В.Викторов посетил штаб-квартиру одного из руководителей очередного албанского восстания Риза-бея, с которым имел беседу в присутствии других албанских лидеров, в частности, Байрама Цурри и Асан-бея. Риза-бей заявил ему буквально следующее: «Мы боремся за то, чтобы великий албанский народ получил принадлежащие ему права». «Наша теперешняя борьба, — продолжал он, — это только первый этап. Мы требуем особых прав для четырех вилайетов: Шкодринского, Янинского, Битольского и Косовского. Относительно пятого — Салоникского — мы еще не пришли к оп-

ределенным выводам. В этом вилайете тоже живут албанцы. В этой борьбе весь албанский народ с нами»⁴¹.

Российские дипломатические представители на Балканах подтверждали рост влияния албанского фактора и предупреждали об угрозе, которую он несет. Как сообщал в 1912 г. в Санкт-Петербург российский консул во Влере А.М. Петряев, «албанский народ, никогда не игравший политической роли, под турецким господством приобретает такую силу, что выходит из своей области, расширяя свои границы, поглощает другую народность, за которую стоит славное историческое прошлое»⁴².

Однако справедливо и другое. Именно с конца XIX — начала XX вв. албанонаселенные области Балкан становятся объектом территориальных притязаний соседних государств, стремившихся вовлечь албанское национальное движение в орбиту собственных геополитических комбинаций — подчас весьма далеких от исторической правды и даже здравого смысла. Эти аспекты албанского вопроса также были объектом внимания российских дипломатов. В частности, о том, что стремление включить албанонаселенные районы Балкан в состав Черногории красной нитью проходило через все царствование последнего черногорского короля Николы, сообщал еще министр-резидент российской дипломатической миссии в Цетинье К.А. Губастов. В своей написанной в июне 1900 г. и адресованной тогдашнему министру иностранных дел России М.Н. Муравьеву служебной записке он сообщал, что «Черногория, несмотря на скудость своих доходов, содержит 11 школ в Албании и в Старой Сербии, тратя на них 3500 гульденов ежегодно»⁴³. Более того, одна из причин враждебности черногорского руководства к Австро-Венгрии, по словам российского дипломата, как раз и заключалась в ее намерении «пробраться через земли Старой Сербии к Салоникам и захватить, если будет возможно, все побережье Адриатического моря, занять Албанию.

Если бы подобные австрийские планы когда-нибудь осуществились, — писал далее К.А. Губастов, — то, очевидно, положение Черногории делается совершенно нестерпимым.

Княжество борется, насколько может и умеет, с распространением австрийского влияния между албанцами. Главари же албанские не отказываются ни от австрийских пособий, ни от черногорских бакшишей и, не рассуждая о будущем устройстве их родины, вполне довольствуются существующим турецким правлением или, вернее сказать, бесправием и безначалием»⁴⁴.

«Князь Николай, — писал российский дипломат, — полагает, что его дом имеет больше прав считать себя преемником Неманей, чем Обреновичи, и потому города Призрен, Ипек (Печ. — *П. И.*) и Дьяково (Джяковица. — *П. И.*), игравшие когда-то значительную роль в сербской истории, должны достаться Петровичам»⁴⁵.

Российский представитель уже тогда прогнозировал грядущие военно-политические события на Балканах: «Об установлении прочных и искренних отношений к Турции не может, конечно, быть и речи. Черногорцы не скрывают своих поползновений расшириться к востоку и югу за счет султановых владений и желали бы, чтобы эта счастливая минута наступила как можно скорее.

Как ни шатки исторические права Петровичей на наследство Неманей, но их можно еще принять во внимание ввиду того, что коренное население Старой Сербии то же, что и в Черногории, и жители этой дикой и забытой турецкой области невольно тяготеют к княжеству, теряющему последние гроши на поддержание связи с призренскими христианами. Но взоры и вожеления князя не ограничиваются одними сербами. Они постоянно устремлены на соседнюю Албанию. Скутарский санджак по морской береговой линии до Дураццо (Дуррес. — *П. И.*) намечен князем для Черногории. Ей, а никому другому, должны достаться богатые скутарийские поля. Воображение князя не останавливается ни перед трудностями захвата, ни перед еще большими трудностями управления страной, населенную фанатиками-горцами, мусульманами и католиками.

Князь убежден, что льготы, дарованные им подгорицким и приморским мусульманам, сделали его имя популярным в

Албании и что тамошнее население предпочтет черногорский образ правления всякому другому, после наиболее приятного ему турецкого. Князь постоянно озабочен, как бы привлечь к себе албанских главарей. Он приглашает их на цетинские празднества, дарит им оружие, беседует с ними, дает даже... денежные подарки! Скутарские власти не одобряют этих посещений, наказывают ходивших в Цетинье и угрожают им тюрьмою.

Самообольщение князя не мешает ему, однако, сознавать, что главный соперник его в Албании — Австрия — располагает большими и вернейшими средствами проложить себе путь в албанские дебри, чем Черногория или даже Италия, тоже не покинувшая еще своих претензий на эту страну»⁴⁶.

Вряд ли будет преувеличением отметить, что «сербское» и «албанское» направления во внешней политике короля Николы не только тесно переплетались, но и взаимно дополняли друг друга. Присоединение к Черногории албанонаселенных земель призвано было стать если не дополнением, то хотя бы компенсацией его претензий на сербский трон. Хотя последние по-прежнему были сильны в умах короля и его приближенных. В этой связи следует признать несколько категоричными выводы черногорского исследователя Новицы Ракочевича о том, что в результате восшествия на сербский престол Петра Карагеоргиевича (1903 г.) «были навсегда похоронены надежды черногорского князя (с 1910 г. — короля. — *П. И.*) Николы, что объединение сербского народа будет осуществлено под его династией. В известной мере такие надежды существовали и в самом черногорском народе, они были обусловлены тем, что король Александр Обренович был непопулярен и в Сербии, и в сербском народе в целом. В Черногории на рубеже XX века господствовала сильная уверенность в том, что освобождение еще не освобожденной части сербского народа в составе Турецкой империи и объединение Черногории и Сербии — то есть сербского народа — должна осуществить черногорская династия Петровичей-Негошей, как более древняя и имеющая большие заслуги перед сербством»⁴⁷. Рассматривая конкретное развитие взаимоотношений между двумя государствами, на которое, помимо смены династии в Сербии, определяющее

влияние оказали Балканские войны, в результате которых, с одной стороны, была установлена общая сербо-черногорская граница, а с другой — главным для дальнейших их судеб явилось, по мнению Ракочевича, то обстоятельство, что в ходе военных действий «проявились многие слабости во всех областях государственной и общественной жизни Черногории», в результате чего они «совершенно ясно продемонстрировали, что Черногория больше не может развиваться как современное государство без ее вхождения в более широкую государственную общность, иными словами, без урегулирования своих отношений с Сербией, либо путем объединения, либо путем заключения той или иной формы унии», автор делает вывод, что произошедшие всеобъемлющие изменения толкали Черногорию «к устойчивой опоре на Сербию»⁴⁸.

В Сербии существовали аналогичные планы использовать албанский фактор в своих интересах с тем, чтобы не только обеспечить поддержку или хотя бы нейтралитет албанцев в период антитурецких действий Балканского союза, но и обеспечить для страны выход на Адриатическое море через земли, населенные албанцами. В этих целях активно использовался аргумент о сербских корнях значительной части албанского этноса. Впервые на самом высоком государственном уровне эта тема была конкретно сформулирована сербским премьером Николой Пашичем в ноябре 1912 г. — в разгар Первой Балканской войны. Принимая австрийского посланника в Белграде Угрона, Пашич обсудил с ним помимо всего прочего вопрос о том, каким именно образом Сербия должна добиваться получения жизненно необходимого ей естественного и беспрепятственного выхода на Адриатическое море. Пашич прямо назвал обретение «этой отдушины, без которой страна обращена на гибель», одной из ключевых целей настоящей войны — столь же важной, как и «освобождение своих братьев» в Османской империи⁴⁹. Его собеседник со своей стороны заметил, что «для этого сербам незачем идти в чужую землю, у них теперь будет свободный выход по Вардару к Эгейскому морю, и имеются пути чрез славянские земли к Спалато и Метковичу, или наконец по союзной территории к черногорским портам»⁵⁰. В ответ

Пашич заявил Угрону, что «Сербия стремится к экономической независимости, каковая не будет обеспечена ни выходом чрез принадлежащие Австрии Боснию и Герцеговину, ни чрез черногорскую территорию. Путь к Эгейскому морю далек и составляет сферу притязания других союзников. Естественно посему, что Сербия направила взоры к Адриатическому морю, где для нее вовсе не чужие земли, а искони принадлежавшие Сербскому государству, населенные албанцами, которые по крови те же сербы и могут, конечно, рассчитывать на всемерную защиту Сербии»⁵¹.

Более подробная информация на этот счет содержалась в справке, подготовленной в это же время российским дипломатом А.М. Петряевым — одним из ведущих отечественных специалистов по албанским делам и будущим делегатом России в Международной контрольной комиссии в Албании. В документе, в частности, говорилось, что еще с XVII—XVIII вв., в условиях османского ига, «оставленные славянами места тотчас заселялись магометанами, главным образом албанцами. Таким образом, Турция очищалась от непримиримого славянского элемента, а албанцы за его счет расширяли область своего населения. Тогда сербы подвергались двойному насилию: со стороны турецких правителей и от поселившихся албанцев. Вследствие этого многие выселялись в разные места. Между прочим, из окрестностей Призрена и Печи происходят три самых многочисленных племени: Белопавличи, Кучи и Ваневичи; а оставшиеся из них соплеменники превратились в албанские племена: Крастеничи, Бериши, которые, однако, и теперь признают свое родство с упомянутыми черногорскими племенами. Многие знатные сербские роды приняли магометанство и также слились с албанцами»⁵².

Неудивительно, что теория о сербских корнях преобладающей части косовско-албанского этноса и сегодня продолжает оставаться в центре не только научных, но и общественно-политических дискуссий как в самом Косово, так и за его пределами. Ее смысл несколько иронично следующим образом охарактеризовал Н. Малькольм, являющийся убежденным противником данной теории. Признавая, что определенная

часть славян пережила албанизацию, он, тем не менее, не считает данный процесс «всеобщим и преобладающим» и далее продолжает: «Приверженцы данной теории пытаются утверждать, что человек, говорящий по-албански, рожденный от албаноязычных родителей и идентифицирующий себя как албанца или албанку, *на самом деле* не является албанцем, потому что его предок в восемнадцатом столетии мог быть сербом»⁵³. Впрочем, данная проблема, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения, а потому вернемся в начало XX века.

Собравшееся 28 ноября 1912 г. во Влёре всеалбанское Национальное собрание стало важной вехой не только в истории албанского национального движения, но и в эволюции великоалбанской идеи. Принятый его делегатами акт о провозглашении независимости Албании готовился с участием представителей ряда великих держав. В частности, глава первого албанского правительства Исмаил Кемали предварительно побывал в Вене, где обсудил свои планы провозгласить Албанское государство и через местную прессу очертил его границы, включавшие в себя помимо собственно Албании также Битоли, Янину, Скопье, Приштину и Призрен. И хотя открывшееся в декабре 1912 г. в Лондоне Совещание послов великих держав не признало принятые во Влёре решения и постановило передать многие территории, на которые претендовали лидеры албанского движения, соседним балканским странам, это не умаляет их значения для дальнейшего развития албанского национального движения. Что же касается позиции великих держав, от которых тогда напрямую зависели вопросы албанского и в целом балканского разграничения, то в этой связи можно полностью согласиться с мнением Г.Л. Арша, подчеркивавшего, что «было бы неправильно... оценивать позицию указанных держав как «проалбанскую» или «антиалбанскую»: они руководствовались исключительно собственными империалистическими интересами»⁵⁴. В итоге напряженных дискуссий, которые один из участников Лондонского совещания австро-венгерский дипломат М. Менсдорф сравнил с «покупкой ковра на стамбульском базаре», были определены без точной фиксации границы Албанского государства⁵⁵. В его состав

вошли территории с общим населением примерно 850 тыс. человек, но при этом большая часть современного Косово оказалась в границах Сербии и Черногории⁵⁶. По оценке британского исследователя Роберта Элзи, признав суверенитет Сербии над Косово, великие державы «оставили за пределами самой Албании» 40% населения, что, по его словам, «стало трагической ошибкой, преследовавшей Балканы вплоть до конца двадцатого столетия»⁵⁷.

Выступая 12 августа 1913 г. в палате общин британского парламента, председательствовавший на Лондонском совещании послов великих держав министр иностранных дел Великобритании Эдвард Грей не без цинизма, но вполне точно отметил: «Я не сомневаюсь, что, когда положение о границах Албании будет оглашено полностью, оно вызовет немало нареканий со стороны лиц, хорошо знакомых с местными албанскими условиями и рассматривающих этот вопрос исключительно с точки зрения этих местных условий, но следует помнить, что при выработке этого соглашения важнее всего было сохранить согласие между самими великими державами»⁵⁸. Этот цинизм великих держав был хорошо виден на Балканах, однако государства региона по-прежнему делали ставку на обретение международной поддержки при планировании и реализации собственных военно-политических акций.

В межвоенный период великоалбанские идеи не пользовались значительной популярностью, лишённые надежд на какую-либо международную поддержку. Созданный в ноябре 1918 г. группой косовских эмигрантов Комитет по защите Косово призвал великие державы пересмотреть границы, установленные Лондонским совещанием послов и санкционировать объединение всех албанонаселённых земель в одно государство. К слову, в руководство данного Комитета вошли такие влиятельные в албанском национальном движении предвоенного периода и известные в Европе личности, как Хасан Приштины и Байрам Цурри. Однако в результате соглашений, подписанных по итогам Первой мировой войны, державы в целом сохранили неизменными принципы разграничения Албании с ее балканскими соседями. Почти полмиллиона албанцев ока-

зались в границах Королевства сербов, хорватов и словенцев (позднее переименованного в Югославию), а 70 тысяч – в пределах Греции. Это позволило радикальным албанским лидерам утверждать, что «почти половина тех, чья идентичность могла быть с полным правом определена как «албанская», остались за пределами албанского государства»⁵⁹. Вполне объективной представляется в данной связи оценка, что «границы, нарисованные великими державами, сделали Албанию по всем параметрам самым отсталым государством в Европе»⁶⁰.

Что же касается самого Комитета по защите Косово, то он был разгромлен властями Албании в 1924 г. после того, как его члены вошли в конфликт с новым правителем Албании Ахметом Зогу. Последний считал выходцев из Косово своими прямыми конкурентами – тем более, что к этому времени Байрам Цурри уже успел занять пост военного министра Албании, а Хасан Приштини – возглавить правительство. Да и в целом Ахмет Зогу не слишком симпатизировал великоалбанским идеям, считая более важной задачу укрепления самой Албании и собственной монархической власти в ней. Это дает основания утверждать, что именно «победа Зогу над косоварами в действительности определила ту политику, которой с тех пор придерживалась Тирана: Албания – а не албанцы – прежде всего»⁶¹.

Подлинный ренессанс идея «Великой Албании» пережила в годы Второй мировой войны, когда Италия присоединила к оккупированной в 1939 г. Албании обширные территории соседних балканских государств – округа Приштини, Печи и Призрена (сегодняшнее Косово), Тетово, Дебара, Кичево и Струги (нынешняя Македония), Улциня, Тузи и Плава (современная Черногория). Кроме того, косовские префектуры Митровица, Вучитрн, Гнилане и Подуево остались в составе оккупированной Германией Сербии.

В мае 1941 г. в Тиране было торжественно объявлено, что почти все балканские земли, на которых проживают албанцы, отныне присоединены к Албании⁶². Частичное исключение составляла лишь греческая область Эпир (Чамерия в албанской топонимике), в которую итальянские оккупационные

власти назначили албанского Верховного комиссара Джемила Дино. Однако сама эта область оставалась под контролем базировавшегося в Афинах итальянского военного командования. Кроме того, македонские округа Скопье, Куманово и Преспа, косовский Качаник и южносербский Прешево были аннексированы Болгарией. В 1942 г. в Албании была создана организация «Балли Комбетар» («Национальный фронт»), занимавшая антикоммунистические позиции и выступавшая за объединение всех населенных албанцами территорий. Одна из прокламаций данной организации, обнародованная осенью 1943 г., содержала недвусмысленный призыв: «Вперед, за свободную демократическую этническую Албанию!»⁶³.

В 1943 г. в Призрене германские оккупационные власти содействовали образованию так называемой «Второй Призренской лиги», призванной координировать деятельность всех албанских движений на Балканах и землячеств за пределами региона в направлении этнической унификации. К этому времени, по данным албанских исследователей, в частности, Замира Штюллы, Косово и в целом Югославию покинули от 200 до 300 тыс. албанцев, большая часть из которых переселилась в США и Турцию⁶⁴. Независимые историки оценивают масштабы албанской эмиграции из межвоенного Косово меньшими числами. Так, Н. Малькольм пишет о 90–150 тысячах.

Четыре года фашистской оккупации стали фактически единственным периодом существования «Великой Албании». Подобная ситуация сохранялась вплоть до освобождения вышеуказанных территорий сначала от итальянской, а затем от германской оккупации. Державы антигитлеровской коалиции в рамках послевоенного урегулирования приняли решение вернуть Албанию к ее прежним границам, которые в целом соответствовали решениям Лондонского совещания послов великих держав 1912–1913 гг.

В одном из обращений Генерального штаба Национально-освободительной армии Албании к командующему Народно-освободительной армии Югославии Иосипу Броз Тито говорилось буквально следующее: «Мы никогда не оставались без вашей помощи, о которой наш народ знает и за которую

благодарен. Братство по оружию наших народов скреплено совместной борьбой, и пролитая кровь сцементировала эту дружбу, которую ничто не может разрушить»⁶⁵. Однако в ходе обсуждения принципов разграничения Албании и Югославии вектор дискуссий менял свое направление на прямо противоположное. В декабре 1943 г. на состоявшейся на косовско-албанской границе конференции представителей коммунистических партий Албании и Югославии было принято решение о том, что «единственным путем обретения свободы является предоставление всем народам, включая албанцев, возможности принять решение о своей собственной судьбе, включая право на самоопределение, вплоть до отделения». Однако уже в 1945 г. на аналогичной конференции в Призрене это решение было пересмотрено, и представители коммунистов Косово поддержали вхождение данной области в состав Сербии, а не Албании⁶⁶.

По свидетельству российской исследовательницы Е.Ю. Гуськовой, «за время войны территорию Косова, по разным данным, покинули от 100 до 200 тыс. сербов и черногорцев, а населили многие тысячи албанцев из Албании, которые так и остались в этих краях, используя благоприятную политическую обстановку в Югославии в 1944–48 гг. Многочисленные манифестации албанского населения Косова, проходившие в 1945 г., выражали нежелание находиться в составе Сербии. Тито пытался успокоить ситуацию, с одной стороны, заявлением о предполагаемом вхождении Косова в состав Албании, а, с другой — освобождением албанцев от ответственности за преступления против сербского населения, совершенные во время войны»⁶⁷. При этом албанцы получили в свое распоряжение земли сербов и черногорцев, не имевших возможность вернуться в Косово в том числе и в силу запрета, введенного на государственном уровне⁶⁸.

Известно высказывание Тито, прозвучавшее весной 1945 г. и адресованное напрямую косовским албанцам, в том числе тем из них, кто запятнал себя сотрудничеством с фашистами: «Мы знаем, что вы пошли в немецкую армию, что вы боролись против нас, но это не значит, что мы призываем вас к от-

ветственности. Мы знаем, что вы были обмануты, что не все из вас убийцы и преступники, что 90% из вас заблуждались, и что сейчас настало наше время вам помочь, объяснить, чего мы хотим. Мы не хотим, чтобы шиптари (существующий в Сербии термин для обозначения албанцев, который сами албанцы считают пренебрежительно-оскорбительным. — П. И.) в Косово были людьми второго или третьего сорта. Мы хотим, чтобы у вас были свои права, равноправие, был свой язык, свои учителя, чтобы вы ощущали себя в своей стране»⁶⁹. На этом основании ряд сербских историков считают, что само выделение области Косово и Метохия в составе Сербии «имело целью помочь объединению Албании с Югославией под властью Тито»⁷⁰.

Как вспоминал позднее близкий соратник Тито Милован Джилас, югославское и албанское правительства в конце Второй мировой войны «в принципе стояли на точке зрения, что Албания должна объединиться с Югославией, что разрешило бы и вопрос албанского национального меньшинства в Югославии», поскольку «принесло бы не только непосредственные выгоды и Югославии, и Албании, но одновременно покончило бы с традиционной нетерпимостью и конфликтами между сербами и албанцами. И — что... особенно важно — это дало бы возможность присоединить значительное и компактное албанское меньшинство к Албании как отдельной республике в югославо-албанской федерации»⁷¹. По сути, Тито «намного больше интересовала судьба задуманной им Балканской федерации, ядром которой стала бы Югославия. Он готов был пожертвовать Косово, чтобы сделать собственные планы привлекательными для Албании»⁷². Генеральный секретарь ЦК АПТ Энвер Ходжа в своем письме в ЦК ВКП(б) в сентябре 1949 г. дословно привел показательное высказывание Тито по косовской проблеме: «Косово принадлежит Албании и должно быть присоединено к Албании. Мы желаем этого от всей души, но в настоящий момент не можем этого допустить, потому что реакция великосербов еще очень сильна»⁷³.

О том же свидетельствовали советские дипломаты. Посланник в Тиране Д.С. Чувахин после беседы с Э. Ходжей по итогам его визита в Белград записал 3 июля 1946 г. в своем

дневнике, что «Тито считает необходимым принять все меры к сближению населения Косово и Метохии с населением Албании и что одной из таких мер могло бы быть открытие албано-югославской границы и отмена таможенных пошлин на этом участке границы»⁷⁴.

Примечательно, что сам Ходжа, выступавший за передачу Косово Албании, отнесся к данной инициативе югославской стороны без особого энтузиазма. Как отметил советский дипломат, «по словам Энвера Ходжи, на поставленный маршалом Тито вопрос об открытии албано-югославской границы в районе Косово и Метохии он ответил, что этот вопрос требует специального изучения и что к нему можно будет вернуться в будущем»⁷⁵. По свидетельству Чувахина, албанский лидер считал, «что эта область (Косово. — *П. И.*), населенная в подавляющем большинстве своим албанцами, несомненно, будет присоединена в свое время к Албании, но что это возможно лишь только тогда, когда и Албания, и Югославия будут государствами социалистическими. Энвер Ходжа подчеркнул при этом, что этой точки зрения он придерживался на протяжении всей национально-освободительной борьбы и что такую же позицию в этом вопросе занимало и все руководство албанской КП (Албанская партия труда. — *П. И.*)»⁷⁶. Однако известно и другое высказывание Ходжи, заявившего однажды, что «Берлинский конгресс и Версальский мирный договор несправедливо нарушили интересы Албании и албанского национального меньшинства в Косове... Они не согласились с таким решением вопроса и не желают оставаться в границах Югославии, независимо от ее политического строя... Их единственный идеал — это слияние с Албанией»⁷⁷.

Дальнейшее обсуждение проблемы Косово и характера государственного устройства самой Албании также проходило в первые послевоенные годы в рамках обсуждения идеи создания Балканской федерации, носившего противоречивый характер. Первым шагом на этом пути, по мнению Сталина и Тито, должно было стать объединение Албании с Югославией. По свидетельству Милована Джиласа, советский лидер однажды заявил ему в присутствии В.М. Молотова: «У нас нет

особых интересов в Албании. Мы будем согласны, если Югославия проглотит Албанию!»⁷⁸

В марте—апреле 1947 г. в Белграде прошли непростые переговоры о заключении двустороннего торгового соглашения на основе предложений югославской стороны. Документ предусматривал фактический отказ Албании от монополии на внешнюю торговлю, поскольку все экспортно-импортные операции «должны были осуществляться исключительно югославскими организациями»⁷⁹. В течение 1947 г. Тирана и Белград достигли договоренностей о парификации монетной системы (предусматривавшей уравнивание албанского лека с югославским динаром), об унификации цен, о таможенном союзе, об обязательности согласования народнохозяйственных планов, о создании совместных обществ. Эта линия в целом соответствовала положениям резолюции V Пленума ЦК Коммунистической партии Албании 1946 г., в которой, в частности, подчеркивалось: «Наша (албанская. — *П. И.*) политика должна ориентироваться на более тесную и конкретную связь с Югославией»⁸⁰. Однако она встречала возражения со стороны той части албанского политического и экономического руководства, которые видели в форсированном углублении хозяйственной интеграции с Югославией угрозу национальному суверенитету. Они, в частности, ссылались на высказывание Сталина, прозвучавшее во время встречи советского лидера с албанской правительственной делегацией во главе с Ходжей, состоявшейся в Москве в июле 1947 г.: «Албания должна встать на свои собственные ноги»⁸¹.

В конце 1947 г. Албания и Югославия приступили к обсуждению мер по объединению армий двух стран. В качестве первого шага в этом направлении предусматривалась передислокация 2-й Пролетарской стрелковой дивизии югославской армии в один из потенциально конфликтных районов — город Корча вблизи албано-греческой границы. Однако советско-югославский конфликт, достигший кульминации в середине 1948 г., похоронил планы создания де-факто югославо-албанской федерации. Следуя в русле резолюции Информбюро «О положении в Компартии Югославии» от 28 июня, албан-

ское правительство уже 1 июля объявило об аннулировании всех двусторонних договоров и о высылке из страны югославских советников, число которых, по некоторым данным, приближалось к 600⁸². Подобное развитие событий – а также усиливавшееся противодействие западных держав, опасавшихся появления на Балканах «малого СССР», – свело на нет усилия по созданию Балканской федерации как в ее максимально расширительных границах (с участием Албании, Югославии, Болгарии, Румынии и Греции), так и в виде тройственного объединения Белграда, Тираны и Софии или хотя бы албано-югославских надгосударственных структур.

В более поздний период правления Энвера Ходжи претензии Албании на Косово и в целом великоалбанские настроения если и не афишировались открыто, то активно культивировались среди косовского населения посредством активной издательской и пропагандистской деятельности, в том числе через Университет в Приштине⁸³. Обсуждению современного состояния «албанского национального вопроса» была посвящена прошедшая в 1976 г. в Тиране Национальная конференция этнографических наук. На ней отмечалось, что около пяти миллионов албанцев продолжают оставаться за пределами собственно Албании⁸⁴. Однако отсутствие конкретных шагов в направлении реализации идеи «Великой Албании» вызывало недовольство албанских радикалов в Косово. С их легкой руки в начале 1980-х годов получила распространение следующая характеристика всесильного лидера Албании: «Энвер Ходжа должен помнить, что он является главой государства и главой партии, но не главой нации»⁸⁵.

Происшедший в начале 1990-х годов распад единой Югославии окончательно перевел проблему «Великой Албании» в практическое русло. Появившиеся к этому времени многочисленные геополитические концепции переустройства Балкан и всей Центральной и Восточной Европы, наложившись на рост национального самосознания народов обширного региона, породили центробежные силы, «увлекающие национальные движения на путь отсоединения и сепаратизма»⁸⁶. Ведь, как известно, роль этнической идентичности и борьбы той или

иной этнической группы за ее обеспечение традиционно возрастает в периоды общественных кризисов, один из которых как раз и вспыхнул в Европе в конце 1980-х годов⁸⁷. Обратной стороной данного процесса закономерно стал рост великодержавных идей или «идеи «большого государства» в разных Балканских странах». Приверженцы последней «опираются на традиционные и разработанные концепции, которые появились вместе с национальными государствами непосредственно на Балканах»⁸⁸. В результате в балканском регионе «в последние десятилетия XX в. этническое самоопределение становится наиболее релевантным, этническая идентичность утрачивает прежнюю амбивалентность и приобретает четкие границы»⁸⁹. Показательно, что радикализация требований албанцев происходила не только в Косово или остальной Сербии, но и в других республиках бывшей Югославии. В частности, в 1992 г. албанские радикалы в македонском городе Струга провозгласили создание так называемой «Республики Иллирида» и потребовали федерализации Македонии⁹⁰. В настоящее время радикальные лидеры македонских албанцев открыто призывают к превращению страны в славяно-албанскую конфедерацию «Республика Македония – Иллирида», угрожая в противном случае самоопределением по косовскому образцу. Правда, официальной позицией албанских партий правящей коалиции остается сохранение нынешнего государственного устройства страны⁹¹.

На протяжении 1990-х годов два ключевых фактора способствовали радикализации требований албанцев: углубление сербо-албанских противоречий в Косово и невнимание международного сообщества к косовской проблеме по сравнению с ситуацией в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине и даже Македонии. Это привело к тому, что уже в 1997–1998 гг. вместо придерживавшейся ненасильственной политики «Демократической лиги Косово» во главе с Ибрагимом Руговой ведущую роль в лагере косовских албанцев стала играть военнизированная «Армия освобождения Косово» (АОК), придерживавшаяся великоалбанской идеологии и располагавшая тыловыми базами в северных и северо-восточных районах

Албании. Последнюю в начале 1997 г. охватили массовые беспорядки, переросшие в анархию, сопровождавшуюся разграблением армейских складов и переброской оружия в Косово и другие албанонаселенные районы Балкан⁹².

В июле 1998 г. пресс-секретарь АОК (и будущий председатель Ассамблеи Косово. — *П. И.*) Якуп Красничич публично заявил, что целью данного формирования является объединение всех албанонаселенных земель⁹³. Аналогичный характер носило и новогоднее обращение Генерального штаба АОК, озвученное в канун 1998 г. В нем содержался призыв «сделать 1998—1999 годы годами объединения албанцев и завоевания свободы и независимости для Косово»⁹⁴. Развернувшиеся в 1999—2001 гг. в южносербской Прешевской долине и в Македонии антиправительственные боевые действия албанских вооруженных отрядов, тесно связанных с АОК, стали следующим, вслед за Косово, этапом реализации великоалбанского сценария. Отсутствие — в отличие от косовского случая — поддержки со стороны НАТО и Европейского союза вынудило сепаратистов пойти на мирные договоренности с Белградом и Скопье. Однако одностороннее провозглашение независимости Косово в феврале 2008 г. и ее признание со стороны ведущих западных держав придали идее «Великой Албании» новый импульс. В самой Албании открыто в поддержку объединения Косово и Албании в качестве партийной цели высказался в 2001 г. председатель Демократического альянса Арбен Имами⁹⁵. Бывший премьер-министр Албании и лидер Демократической партии Албании Сали Бериша выступает за создание единого албанского культурно-национального пространства, однако воздерживается от прямых призывов к перекройке балканских границ — во многом под воздействием лидеров Европейского союза, куда Тирана намерена вступить как можно скорее. Говоря словами занимавшего в конце 1990-х годов пост главы МИД Албании Паскаля Мильо, «будущая цель всех албанцев заключается в создании албанской зоны, включающей в себя все албанонаселенные регионы юго-восточной Европы, интегрированной в евроатлантические структуры»⁹⁶.

Еще в 1992 г. С. Бериша сразу после прихода к власти заявил в одном из интервью, что «идеи создания «Великой Албании» абсолютно не присущи албанским правящим кругам и политическим силам»⁹⁷. Эта констатация сразу же вызвала резкую отповедь со стороны одного из ведущих албанских интеллектуалов, академика Реджепа Чосья, указавшего в открытом письме на страницах издающейся в США газеты «Иллирия», что «Албания никогда не признавала ее существующие границы и всегда пыталась напомнить международным кругам, что данные границы являются несправедливыми, разделяющими албанские земли на две части. Это границы, которые проходят по самому сердцу албанского народа»⁹⁸.

Сегодня есть все основания утверждать, что если мировому сообществу и удалось посредством всего комплекса доступных мер, включая военные, воспрепятствовать появлению на карте Балкан «Великой Сербии», то идея «Великой Албании» изначально и ошибочно не рассматривалась ведущими мировыми игроками в качестве реальной угрозы. Ныне же ситуация в этой сфере, похоже, выходит из-под контроля мирового сообщества. «Некоторым албанским националистам еще только предстоит отказаться от тех вожделений, от которых уже отказались их соседи», – пишет Марк Мазоувер⁹⁹. Однако идеологи «Великой Албании» делать этого пока явно не собираются. Лидер имеющего третью по величине фракцию в Ассамблее Косово и стремительно набирающего популярность радикального движения «Самоопределение» Альбин Курти в качестве своего основного требования выдвигает слияние Косово и Албании и в дальнейшем объединение всех албанонаселенных районов Балкан в соответствии с программой Призренской лиги 1878–1881 гг. Аналогичную позицию занимает «Народное движение Косово», поддерживающее контакты с албанскими землячествами в США и западноевропейских странах, которые по вопросам создания «Великой Албании» настроены более решительно, чем политические силы в Приштине или Тиране¹⁰⁰.

В качестве альтернативы подобным планам великие державы в настоящее время (когда принцип нерушимости границ уже не является абсолютным) могут предложить лишь

идеалы евроинтеграции в надежде, что когда государства балканского региона «присоединятся к Европейскому союзу, тогда все албанцы впервые после 1912 г. станут частью одного и того же политического целого, лишенного экономических барьеров и предоставляющего полную свободу передвижения. Вопрос заключается в другом: «Окажется ли импульс данного процесса достаточно сильным, чтобы прогнать любые мысли о решении данной проблемы другими средствами?»¹⁰¹ Говоря словами британского исследователя Тима Джуды, все фигуранты косовской проблемы «лишь только и совершали ошибку за ошибкой»¹⁰². И исторические уроки в этой череде ошибок слабо востребованы...

Примечания

- ¹ *Никифоров К.В.* «Начертание» Или Гараганина. М., 2015. С. 17.
- ² Insights and Perceptions: Voices of the Balkans // Gallup Balkan Monitor. 2010. P. 48.
- ³ Kosovo's Status: Difficult Months Ahead. International Crisis Group Policy Briefing. Prishtina–Brussels, 20.12.2006. P. 8.
- ⁴ *Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Questions in the New Europe. New York, 1996. P. 4.
- ⁵ Le Temps. 2008. 25 Fev.
- ⁶ Ibidem.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ *Mazower M.* The Balkans. London, 2000. P. 126.
- ¹⁰ The Guardian. 2008. 26 Feb.
- ¹¹ Platform for the Solution of the National Albanian Question, Albanian Academy of Sciences. Tirana, 1998. P. 5.
- ¹² Pan-Albanianism: How Big a Threat to Balkan Stability? Tirana–Brussels, 2004. P. 31.
- ¹³ *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. München, 1982. S. 18.
- ¹⁴ Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Том первый (1878–1997 гг.). М., 2006. С. 40.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. London–New York, 1995. P. 33.
- ¹⁷ Pan-Albanianism: How Big a Threat... P. 3.
- ¹⁸ *Brestovci S.* Marrëdhëniet shqiptare-serbo-malazeze (1830–1878). Prishtinë, 1983. F. 268.
- ¹⁹ *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 25.
- ²⁰ Подробнее см.: *Искендеров П.А.* История Косово в прицеле дискуссий // Вопросы истории. 2010. № 3.
- ²¹ *Gawrych G.W.* The Crescent and the Eagle: Ottoman rule. Islam and the Albanians, 1874–1913. New York, 2006. P. 46–47.

- 22 Ibid. P. 46.
- 23 *Skendi S.* The Albanian National Awakening. New Jersey, 1967. P. 45.
- 24 *Castellan G.* L'Albanie. Paris, 1980. P. 10.
- 25 *Vickers M.* The Albanians... P. 30.
- 26 *Lippich F.* Denkschrift über Albanien. Vienna, 1877. S. 8–9.
- 27 *Chekrezi K.* Albania. Past and Present. New York, 1919. P. 50–51.
- 28 *Pollo S., Puto A.* The History of Albania. London, 1981. P. 125.
- 29 *Hasani S.* Kosovo. Istine i zablude. Zagreb, 1986. S. 284–285.
- 30 Цит.по: Краткая история Албании. М., 1992. С. 182.
- 31 *Jelavich B.* History of the Balkans: Eighteenth and nineteenth centuries. Cambridge, 1983. P. 365–366.
- 32 Ibid. P. 366.
- 33 *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 25.
- 34 Краткая история Албании... С. 179.
- 35 Голос. 1878. 29 сентября.
- 36 *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë, 1997. F. 115.
- 37 *Külce S.* Osmanli Tarihinde Arnavutluk. Izmir, 1944. F. 250.
- 38 *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare... F. 419.
- 39 Албанский фактор... Том первый. С. 45.
- 40 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Консульство в Валоне. Оп. 600 (603). Д. 22. Л. 65.
- 41 Речь. 1912. 28 июля.
- 42 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5296. Л. 52.
- 43 Славяноведение. 1997. № 5. С. 42.
- 44 Там же. С. 45.
- 45 Там же. С. 46.
- 46 Там же. С. 48.
- 47 *Ракочевић Н.* Односи Црне Горе и Србије 1903–1918 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 89.
- 48 Там же. С. 97.
- 49 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 529. Л. 75.
- 50 Там же.
- 51 Там же.
- 52 Албанский фактор... Том первый. С. 56.
- 53 *Malcolm N.* Is it true that Albanians in Kosova are not Albanians, but descendants from Albanized Serbs? // The Case for Kosova: Passage to Independence. London–New York, 2006. P. 21.
- 54 За балканскими фронтами первой мировой войны. М., 2002. С. 49.
- 55 *Puto A.* L'indépendance albanaise et la diplomatie des Grandes Puissances (1912–1914). Tirana, 1982. P. 163.
- 56 The Other Balkan Wars. Carnegie Endowment, 1993 (1913).
- 57 *Elsie R.* Historical Dictionary of Kosova. Lanham, Maryland, 2004. P. 2.
- 58 Цит.по: Албанский узел. М.–Л., 1925. С. 63.
- 59 Pan-Albanianism: How Big a Threat... P. 3.
- 60 *Stavrianos L.S.* The Balkans Since 1453. London, 1958. P. 731.

- 61 *Judah T. Kosovo: What Everyone Needs to Know.* Oxford University Press, 2008. P. 43–44.
- 62 *Zala D. Invoking Humanity: War, Law, and Global Order.* London, 2002. P. 24.
- 63 Цит.по: *Смирнова Н.Д.* История Албании... С. 232.
- 64 *Kosovo Historical Review.* Tirana. 1994. № 3. P. 20.
- 65 Цит.по: Краткая история Албании... С. 382.
- 66 Подробнее см.: *Perolli G.* Konferenca e Vujanit. New York, 2002.
- 67 Подробнее см.: *Гуськова Е.Ю.* Албанский фактор кризиса в бывшей Югославии. Политика двойных стандартов международных организаций // Аналитические записки. 2006. Июнь. № 18. С. 67–90.
- 68 Косово и Метохија у великоалбанским плановима 1878–2000. Београд, 2001. С. 141.
- 69 *Петрановић Б.* Југословенско искуство српске националне интеграције. Београд, 1993. С. 107.
- 70 Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 345.
- 71 *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 96.
- 72 Албанский фактор... Том первый. С. 20.
- 73 Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения // Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953. Т. 2: 1949–1953. М.–Новосибирск, 1998. С. 211.
- 74 Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 1. М., 1998. С. 477.
- 75 Там же.
- 76 Там же. С. 476.
- 77 Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б)... С. 206.
- 78 *Джилас М.* Лицо тоталитаризма... С. 103.
- 79 Краткая история Албании... С. 404.
- 80 Цит.по: Краткая история Албании... С. 405.
- 81 Там же.
- 82 Краткая история Албании... С. 406.
- 83 Подробнее см.: *Трнавци Х.* Моја исповест о Косову. Београд, 1987.
- 84 *Castellan G.* L'Albanie. Paris, 1980. P. 19.
- 85 Pan-Albanianism: How Big a Threat... P. 15.
- 86 *Чертина З.С.* Первая мировая война и этничность: пробуждение вулкана // Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С. 367.
- 87 *Eriksen T.H.* Ethnicity and Nationalism. L., 2002. P. 99.
- 88 *Миле П.* «Великая Албания»: фикция или реальность? // Албанский фактор кризиса на Балканах. М., 2003. С. 150.
- 89 *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор // Институт этнологии и антропологии РАН. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 204. М., 2008. С. 3–4.
- 90 *Ramet S.P.* Whose Democracy? Nationalism, Religion, and the Doctrine of Collective rights in post-1989 Eastern Europe. Lanham, Maryland, 1997. P. 80.
- 91 *Bugajski J.* Ethnic Politics in Eastern Europe: a Guide to Nationality Policies, Organizations, and Parties. New York, 1995. P. 116.
- 92 Greater Albania – Concepts and Possible Consequences. Belgrade, 1998.

- 93 Der Spiegel. 1998. № 28. S. 122–123.
- 94 Political Declaration N°22 of the Kosovo Liberation Army, TVSH Television Network (Tirana). 31 December 1998.
- 95 Reuters News Bulletin. 2001. 13 April.
- 96 *Milo P.* «Greater Albania» – Between Fiction and Reality. Tirana, 2001. P. 45.
- 97 Вujku. 19.12.1992.
- 98 Illyria. 1993. 3 Feb. P. 5.
- 99 *Mazower M.* The Balkans... P. 134–135.
- 100 Подробнее см.: *Hockenos P.* Homeland Calling: Exile Patriotism and the Balkan Wars. Cornell, 2003.
- 101 Pan-Albanianism: How Big a Threat... P. 6.
- 102 Подробнее см.: *Judah T.* Kosovo: War and Revenge. Yale University Press, 2002.

Сербия и Косово: мифы современной сербской историографии

Вопросы, связанные с сербскими интересами на территории Косово, занимали и занимают важное место в историографии, прежде всего в сербской. За долгий период изучения этого вопроса (а первые попытки рассмотрения данного вопроса предпринимались еще в конце XIX в.) сложились определенные традиции исследования, а также круг тем, которые считал нужным осветить каждый уважающий себя ученый. И следует отметить, что наряду с традициями в так называемой «сербско-косовской» историографии появился ряд мифов, которые получили свое развитие и стали неотъемлемой частью практически каждого научного труда, посвященного вышеуказанной проблематике.

Представления историков касательно отношений Сербии и Косовских земель в основном укладываются в следующую схему: Сербия – это защитница сербского православного населения, которое законно проживает на «исконно сербской» территории, угнетается и подвергается гонениям со стороны как османских властей, так и местных албанцев. По сути, по данной схеме строятся практически все исследования сербских историков, посвященные косовской проблеме.

Пожалуй, самым главным, так называемым «мифом историографии» можно считать представление о том, что для Сербии Косово – это своеобразная «Святая земля», важнейший культурный и духовный центр, и, соответственно, первостепенной задачей любого сербского правителя являлось завоевание этой земли и ее воссоединение с другими сербскими территориями. Данным представлением оперируют многие современные сербские историки.

Так, при анализе работ сербского историка Славиши Недельковича нетрудно заметить следующую позицию автора: земли Косово и Метохии представляют собой «не просто территорию и географическое понятие, но и землю, тесно связанную с сербской национальной памятью и исторической традицией»¹.

Похожую мысль высказывает другой сербский исследователь, Славенко Терзич, который пишет, что «у каждого народа есть места уважения и восхищения», и для сербов таким местом является Косово, которое автор определяет как основу «культурной и духовной вертикали сербского мира»².

С этим соглашается Душан Батакович, который считает, что «память о Косово» является «ключевым мерилom современной сербской идентичности». По его мнению, Косово и Метохия пропитаны «исторической памятью, религиозной традицией, национальной идентичностью, историческим правом». Батакович также подчеркивает, что из религиозно-эпического наследия Косово «выводятся моральный кодекс и, разумеется, отражение государственных интересов»³.

Однако представление о Косово как о месте, определяющем сербскую идентичность, кажется неполным. Не вызывает сомнений тот факт, что Сербское царство в Средние века занимало обширную территорию на Балканском полуострове и его центром было Косово. Этот факт подтверждается документально; данные источников подкрепляются наличием в Косово средневековых сербских православных церквей и монастырей. При этом возникает ряд важных вопросов, а именно: всегда ли земли Старой Сербии имели подобное сакральное значение для сербского народа и были ли они единственным центром сербской духовной жизни?

Если говорить о сакральности, то, пожалуй, ответ будет утвердительным, так как важнейшие сербские святыни остались именно в монастырях Косово.

Ответ на второй вопрос представляется более сложным, так как с XVII в., когда прошла очередная волна переселения сербов на земли соседней Австрии, у сербского народа появился новый духовный центр, во главе которого встал печ-

ский патриарх Арсений III. Сербское патриаршество исчезло в 1766 г., тогда как Сербская православная митрополия на территории Австрии набиралась сил, чтобы в 1848 г. получить статус Патриархата.

Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что на некоторое время косовские монастыри и церкви, несмотря на свою богатую историю и значение, потеряли прежние позиции духовного центра православных сербов.

Следует отметить, что Косово имеет большое значение и для идентичности албанцев, которые, начиная с Призренской лиги (1878–1881 гг.), называли эту территорию «древней иллирской землей»⁴.

Еще одной примечательной особенностью современной сербской историографии, посвященной косовской проблеме, является то, что большинство исследователей относят начало проявления интереса к косовским землям не к XIX в. (хотя есть авторы, которые считают точкой отсчета Берлинский конгресс 1878 г.⁵), а видят возвращение Косово ключевой целью сербского народа, к достижению которой он стремился в течение пятисот лет османского господства.

Так, С. Терзич утверждает, что косовская легенда жила в народных песнях и сказаниях на протяжении нескольких веков, и, в том числе, благодаря им сербский народ в XIX в. «начал борьбу за освобождение с ясным осознанием основ и судьбы своего старого государства и границ своего распространения»⁶.

Конечно, полностью такой вариант отвергать не стоит, но все же представляется, что все не так просто. В течение нескольких столетий сербский народ не мог объединиться и освободиться от османского господства и по-настоящему поднялся на борьбу лишь в XIX в. Тогда же появились наиболее значительные произведения, посвященные Косово и Косовской битве, к примеру, драма «Милош Обилич» Йована С. Поповича 1828 г. (ее и другие произведения С. Терзич упоминает в своей работе), и лишь в XIX в. идеи освободительной борьбы, заложенные в эпосе, начали получать свое оформление на национальном уровне и воплощаться в жизнь.

Если же вернуться к вопросу о том, когда на самом деле тема Старой Сербии стала частью национальной программы Сербского государства, то следует отметить некоторые расхождения во взглядах историков.

Долгое время в историографии бытовало мнение, что Берлинский конгресс был наиважнейшим рубежом для истории балканских государств, что именно неудачно сложившиеся для народов Балкан обстоятельства сыграли решающую роль в формировании национальных программ освобожденных государств. Данное правило применялось и к Сербии, и к ее внешнеполитическим планам, которые касались южного направления. Тем не менее, ученым было известно о программе Илии Гарашанина «Начертание», которая появилась задолго до Берлинского трактата. Некоторые современные сербские ученые склонны придавать большее значение этой программе и считать «Начертание» отправной точкой внешней политики Сербии XIX – XX вв. Такой точки зрения придерживается, например, С. Неделькович, который считает, что «Начертание» стало ключевым документом, на основных принципах которого «базировалась сербская национальная и государственная политика в течение всего XIX века»⁷.

Говоря же о значении Восточного кризиса 1875–1878 гг. и его итога (Берлинского конгресса) применительно к косовской проблеме, следует принять во внимание мнение современного исследователя Д. Батаковича, который в одной из своих работ высказал мысль о том, что Старая Сербия заняла видное место во внешнеполитических планах Сербии лишь после конгресса⁸.

Еще одним мифом, существующим в сербской историографии, является миф о «несчастном сербском народе в Косово». Эта тема затрагивается во всех без исключения исследованиях по косовской проблеме, и авторы с особой тщательностью анализируют многочисленные свидетельства преступлений албанцев против сербов и бездействия турецких властей.

Еще сербский ученый Йован Цвичич в своем фундаментальном труде «Балканский полуостров» (1922) писал, что после турецкого завоевания албанцы переселились на покинутые

сербам земли (чаще всего плодородные) и очень быстро получили власть, то есть стали бегами (бей или бег — титул турецких высших военных и гражданских чинов. — *Е. С.*). Вместе с тем албанцы боялись быть изгнанными с этих территорий. В начале XX в., когда заинтересованная Австро-Венгрия пыталась получить контроль над регионом и натравливала один народ на другой, как пишет Й. Цвиич, ситуация только усугубилась, и «каждый человек был сам за себя и в другом усматривал врага», и, «если на него смотрели без уважения, он убивал, но и сам мог при первом удобном случае погибнуть по такой же причине»⁹.

Крупнейший сербский историк XX в. Владимир Чорович в своей книге «Борьба за независимость Балкан» (1937) пишет о том, что «зулумы (тур. *Zulüm* — гнет, насилие, тирания. — *Е. С.*) и беспорядки в Старой Сербии и Македонии, особенно с 1902 г., приняли чудовищные размеры»¹⁰.

Эти вопросы, поднятые сербскими историками еще в первой половине XX в., были более тщательно изучены современными исследователями.

Так, профессор Белградского университета Михайло Войводич затронул проблему сербских притеснений. Он, в частности, писал, что в конце XIX — начале XX вв. «албанцы продолжили отнимать имущество у косовометохийских сербов и угрожать их жизни»; «албанцы выбрасывают сербов из их домов, грабят их имущество», «тамошний сербский народ живет в великом страхе перед албанцами...». По словам М. Войводича, «в 1898 г. в Косово царил настоящая анархия. Погромы производились и в 1900, и в 1901 гг., и в то время погибли многие видные сербы»¹¹.

О притеснениях сербского населения в Косово пишет Д. Батакович. Первую часть своей монографии о сербско-албанских отношениях он посвятил краткому обзору истории Косово; в ней ученый описал положение сербов в крае: «... албанцы систематически нападают на некоторые сербские села. Убийство сербского консула Луки Маринковича на улице Приштины показало всю глубину албанской нетерпимости». Далее автор приводит следующие вопиющие факты: «из

136 случаев различного рода насилий 46 закончились убийством, а группа албанцев изнасиловала и одну семилетнюю девочку. За 1905 год в 281 случае насилия зафиксировано 65 убийств, а всего лишь за одну свадьбу албанцы убили девять сватов». Батакович пишет о различных преступлениях, совершенных во второй половине 1911 г.: «Было зафиксировано 128 краж, 35 поджогов, 41 разбой, 53 грабежа, 30 случаев шантажа, 19 случаев запугивания, 35 убийств и 37 покушений на убийство, 58 вооруженных нападений на имущество, 27 примеров избиения и жестокого обращения, 13 попыток принудительного перехода в ислам и 18 случаев нанесения тяжких телесных повреждений»¹².

Д. Батакович подчеркивает, что в конце XIX — начале XX вв. турецкие власти пустили на «самотек» жизнь в Косовском вилайете, и действия албанцев по отношению к сербскому населению фактически оставались безнаказанными: «...султан становился все более уступчивым в отношении албанских племен, которые силой усмиряли христианские выступления, взамен он позволил им не посылать рекрутов в армию, не платить регулярные пошлины и они также не должны были повиноваться приказам местных властей»¹³.

Специальную монографию, посвященную сербско-албанским отношениям и их негативным последствиям опубликовал в 2009 г. молодой сербский историк Милош Ягодич. Его труд «Сербско-албанские отношения в Косовском вилайете (1878—1912)» содержит немало различных данных, указывающих на постоянное притеснение сербов со стороны албанцев, а также турецких властей. По мнению автора, местные власти часто закрывали глаза на зверства албанцев, а суды в большинстве случаев не выносили справедливых решений. Так, например, автор приводит данные, что в 1898 г. серба из села Гоголовац заставили помириться с убийцей его сына¹⁴.

Современный сербский историк русского происхождения А.Ю. Тимофеев, придерживаясь традиций сербской историографии, констатирует, что «с 1878 по 1912 год ситуация в Старой Сербии стала кардинально меняться в худшую сторону, крайне неблагоприятную для православного сербского населения». В

подтверждение своей позиции ученый приводит слова русского консула в Призрене Тухолки о том, что «сербы издавна, а в особенности после войны 1878 года, страдают от притеснений и насилий арнаутов», а османские власти обычно не оказывают им никакой защиты»¹⁵.

Данные, которые приводят исследователи, без сомнения, доказывают факт существования несправедливого отношения к сербскому православному населению в Косово, и нет нужды это оспаривать, но все же не лишним будет вспомнить и то, что в период расцвета зулюма не только православные сербы страдали от притеснений. Их объектом становились и представители других народностей и конфессий, в том числе албанцы-католики. Религиозные и этнические столкновения в Косово не были уникальным явлением того времени; на территории почти всей Османской империи существовали подобные «горячие точки», где имели место случаи религиозной или этнической дискриминации.

Продолжая тему защиты притесняемого сербского населения в Косово, важно отметить значение работы сербских консульств, в том числе в Скопье, Приштине и Призрене, цель которых состояла в том, чтобы «путем просвещения и культуры усилить дух сербского народа»¹⁶. Именно через консульства Сербия вела свою просветительскую деятельность, и часто именно через консулов сербскому населению, которое «ожидало открытия консульства с воодушевлением»¹⁷, оказывалась поддержка, как духовная, так и материальная. Частые случаи насилия со стороны албанцев заставили «сербское правительство решительнее вмешиваться в экономическую, политическую и правовую защиту сербского населения»¹⁸, - пишет Д. Батакович.

В связи с работой консульств, которые, прежде всего, были призваны защищать интересы сербов в Косово, на первый план выходит другой вопрос, который, так или иначе, затрагивают сербские историки в своих трудах: просветительская деятельность Сербии в Косово. Так, известно, что наряду с подготовкой и отправкой в белградское министерство отчетов и донесений, а также выслушиванием жалоб, консульство

в Приштине, открытое в 1889 г., «занималось и целым рядом дел, связанных с сербскими школами»¹⁹.

В целом большинство сербских историков, затрагивающих просветительскую деятельность Сербии в Косово, дают ей положительную оценку. Наибольшее внимание «просветительским» вопросам уделяет ранее упомянутый сербский исследователь С. Неделькович, который посвятил данной проблеме ряд работ. В монографии, изданной в 2012 г., «Сербия и Косово и Метохия (1856–1897), культурно-просветительская и национальная работа» историк исследует довольно большой промежуток времени – с 1856 по 1897 гг. По мнению Недельковича, «просветительно-культурная работа представляла собой главное оружие в расширении сербской национальной политики»²⁰. Более того, он считает, что такая деятельность не только принесла Сербии плоды в осуществлении ее внешне-политических задач, но и превращала ее в защитницу слабых и беззащитных сербов в Косово.

Неделькович подчеркивает тот факт, что сербы в Косово и Метохии сами «обращались за помощью к Княжеству Сербия и просили у него материальные средства, школьные книги и учебники, а также способных и образованных учителей»²¹. Таким образом, автор рисует образ Сербии еще более положительным, так как получается, что она действовала не только в своих собственных геополитических интересах, но и помогала нуждающимся соотечественникам, которые сами просили ее о помощи.

Несмотря на то, что Неделькович рассматривает деятельность Сербии в Косово как выгодную с точки зрения распространения ее влияния, нельзя не отметить, что исследователь часто обращается к данным, которые указывают на то, какими тяжелыми были условия для сербских просветителей и какие материальные траты несло Сербское государство. И далее он пишет: «Вопреки тяжелой политической ситуации в Старой Сербии и строгому контролю со стороны турецких властей, культурно-просветительская деятельность Сербии на территории Косово и Метохии полностью не прекратилась»²².

Если же говорить о материальной стороне вопроса, Неделькович приводит немало цифр, которые показывают затраты сербского правительства на помощь сербскому населению в Старой Сербии. К примеру, уже в 1878 г., вскоре после получения независимого статуса, в бюджете Сербского княжества предусматривалась сумма «от 12 000 налоговых грошей на содержание учителей в соседних областях Турецкой империи»²³.

Положительно, хотя и с меньшей склонностью к идеализации, к просветительской деятельности Сербии в Косово относятся и другие сербские историки. Так, Милутин Стийович придерживается той точки зрения, что открытие сербского консульства в Приштине сыграло во многом позитивную роль в «расширении сербской культуры и традиций» в Косово. Историк уделяет особое внимание вопросам о числе школ, качестве образования и уровне знаний учителей и учеников, которые, по его мнению, были весьма высоки. Отмечает он и работу Общества Св. Саввы, которое участвовало в подготовке учителей и священников, в том числе из «сербских земель под Турцией»²⁴.

А.Ю. Тимофеев в своем труде «Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912)» (СПб, 2007) утверждает, что «фактически с осени 1880 (со времен падения кабинета Й. Ристича) Сербия практически полностью переходит к культурно-просветительской деятельности в Старой Сербии». Однако его оценки менее оптимистичны. Особенно критично исследователь относится к деятельности уже упомянутого Общества Св. Саввы, считая кадры, использованные для пополнения состава сербских учителей и агентов в Старой Сербии, не соответствующими поставленным задачам²⁵. В отличие от историков-сербов А.Ю. Тимофеев более трезво, на наш взгляд, оценивает деятельность Сербии в Косово и не видит в ней какой-то особой жертвенности. По его оценке, эта деятельность носила пропагандистский характер и помогала, прежде всего, распространению влияния Сербии.

В целом, рассматривая труды, посвященные косовскому вопросу, нельзя не обратить внимание на то, что большинство

авторов сербского или югославского происхождения стараются подчеркнуть сразу несколько ключевых моментов, которые призваны показать, что у Сербии есть законное право владеть землями Косово и что албанцы проживают в крае абсолютно незаконно. Особо подчеркивается и то, что своими многовековыми страданиями сербский народ заслужил право на преобладание в Косово.

Однако не стоит забывать, что в определенных ситуациях историческая наука играет важную роль в деле политической пропаганды и продвижения национальных интересов. Создается впечатление, что относительно косовской проблемы данное правило действует в полной мере. Нетрудно заметить, что большая часть работ по истории косовского вопроса начала выходить в свет в период активной фазы косовского кризиса, в начале 2000-х годов, когда албанское население Косово все громче заявляло о своем праве на самоопределение.

Ни в коей мере не следует умалять страданий сербского народа, проживавшего и проживающего на косовской земле, но все же данная ремарка, относительно времени публикации научных работ, может объяснить причину появления ряда тенденций в так называемой «сербско-косовской» историографии. Данные, использованные исследователями, безусловно, являются правдивыми и подтверждаются историческими документами. Однако агрессивная позиция по отношению к албанцам и османским властям, присутствующая в большинстве работ, а также наличие во всех трудах ряда «мифов», указывают на то, что вышеописанный взгляд на косовскую проблему не является случайным.

Примечания

¹ *Недельковић С.* Србија и Косово и Метохија (1856–1897), културно-просветни и национални рад. Ниш, 2012. С. 9.

² *Терзић С.* Косовска вертикала српског идентитета // *Sveti knez Lazar: zvanično glasilo Eparhije raško-prizrenske i kosovsko-metohijske u egzilu.* God. 9. Br. 3 [39]. Beograd, 2002. S. 65.

³ *Батаковић Д.Т.* Косово и Метохија у српско-арбанашким односима. Београд, 2006. С. 5–6.

⁴ Там же. С. 7.

- ⁵ См.: Европа и Источно питање (1878–1923). Политичке и цивилизацијске промене. Београд, 2001. С. 107–124.
- ⁶ Терзић С. Указ. соч. С. 67.
- ⁷ Недељковић С. Указ. соч. С. 31.
- ⁸ Батаковић Д.Т. Косово и Метохија. Историја и идеологија. Београд–Ваљево–Србиње, 1998. С. 11.
- ⁹ Цит. по: *Svijić J. Balkansko poluostrvo i južnoslovenske zemlje: osnove antropogeografije*. Београд, 2011. С. 243.
- ¹⁰ Цит. по: *Ђоровић В. Борба за независност Балкана*. Београд, 2007. С. 119.
- ¹¹ *Војводић М. Србија и Срби на Косову и Метохији од Берлинског конгреса до Балканских ратова* // <http://www.sanu.ac.rs/Izdanja/Kosovo/09MihailoVojvodic.pdf>
- ¹² Батаковић Д.Т. Косово и Метохија у српско-арбанашким... С. 43–44, 45, 46.
- ¹³ Там же. С. 42–43.
- ¹⁴ *Јагодић М. Српско-албански односи у Косовском вилајету (1878–1912)*. Београд, 2009. С. 141.
- ¹⁵ *Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912)*. СПб, 2007. С. 5.
- ¹⁶ *Стијовић М. Српско школство на Косово и Метохији према извештајима српског конзулата у Приштини* // *Косовско-метохијски зборник 4*. Београд, 2011. С. 99.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Батаковић Д.Т. Указ. соч. С. 127.
- ¹⁹ Стијовић М. Указ. соч. С. 103.
- ²⁰ Недељковић С. Србија и Косово и Метохија ... С. 10.
- ²¹ Там же. С. 37.
- ²² Там же. С. 212.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Стијовић М. Указ. соч. С. 111, 106, 108.
- ²⁵ Тимофеев А.Ю. Указ. соч. С. 108, 121.

Елена Любомировна ВАЛЕВА

Болгарское движение Сопротивления в годы Второй мировой войны: дискуссионные вопросы национальной историографии

Вторая мировая война, эта «вечная тема», которая уже 70 лет не выпадает из поля зрения историков, по-прежнему вызывает их стремление глубже осмыслить события того периода. Не являются исключением и болгарские исследователи. В данной статье ставится задача проследить, как и под влиянием каких обстоятельств менялись со временем взгляды и оценки по данной проблематике, каковы основные тенденции развития болгарской историографии в постсоциалистический период, то есть после 1989 г.

Изучение антифашистской борьбы в Болгарии в годы Второй мировой войны неразрывно связано с зарождением и развитием историко-партийной науки как самостоятельного направления болгарской историографии. После 1944 г. в стране ускоренными темпами происходила модернизация исторической науки, что выражалось в институциональном и кадровом развитии, формировании новой источниковой базы и тематики исследований. Однако одновременно историческая наука оказалась под жестким партийно-государственным контролем. С 1960-х годов идеологический диктат постепенно ослабевал, и к началу болгарской «перестройки» марксистский подход фактически превратился в проформу. На рубеже 1980–1990-х годов в Болгарии, как и во всех странах бывшего «социалистического содружества», развернулась масштабная критика марксистской историографии, марксистско-ленинской методологии с ее принципами партийности и классово-

го подхода ко всем явлениям общественной жизни. Помимо смены методологических основ, «перестройка» сопровождалась и изменениями исследовательских приоритетов и характера освещения поднимаемых проблем. Основные векторы этого процесса — изменения в сфере пользования архивными документами, активное формирование современной источниковой базы, обусловившие отказ от устоявшихся стереотипов и выработку исследователями новых подходов, выходящих за рамки марксистской парадигмы¹.

После 10 ноября 1989 г., когда пленум ЦК Болгарской коммунистической партии (БКП) отстранил от власти Т. Живкова, обозначился поворот в ценностном научном восприятии прошлого, выразившийся в пересмотре многих, считавшихся ранее общепризнанными и незыблемыми, оценок официальной историографии. При этом некоторые из них, особенно связанные с советско-болгарскими отношениями и ролью советского фактора в болгарской истории, сменились полностью противоположными. Ведь современное развитие исторической науки Болгарии является следствием и в то же время отражением перемен, которые наступили в государстве и обществе в процессе экономической и политической трансформации. Сами болгарские историки констатируют смену исследовательской парадигмы в результате отрицания марксизма как философии и методологии².

В начале трансформационного периода в Болгарии интерес к прошлому подчинялся текущей политике и варьировался в зависимости от принадлежности к различным политическим группам (БКП или антикоммунистической оппозиции), а также и от возраста автора. Полностью нашел подтверждение тезис о социальной функции истории, в которой каждое поколение ищет интерпретацию и мотивацию для решения проблем своего времени. Это объясняло потребность в «переписывании» истории, причем на всех уровнях — от научных исторических исследований, обобщающих трудов, учебников для школ и вузов до популярной литературы. На настроения общества, стремившегося узнать «всю правду» о событиях прошлого, первыми откликнулись публицисты, мемуаристы, журналис-

ты и популяризаторы истории, активно предлагавшие собственную, «актуальную», интерпретацию истории, зачастую на низком научном уровне. Профессиональные историки, поднимая архивную «целину» и осваивая новые документальные материалы (что, естественно, требовало времени и серьезных аналитических усилий), объективно не могли соперничать со скороспелыми и претендовавшими во многих случаях на сенсационность публикациями интерпретаторов-дилетантов.

К середине 1990-х годов усугублявшиеся социальные и экономические проблемы переходного периода привели к спаду общественного интереса к истории в целом и к переосмыслению социалистического прошлого в частности. Однако и на этом этапе попытки дать новые оценки предшествовавшей эпохе отражали динамику политического развития, находились в прямой зависимости от результатов очередных выборов. В конце 1990-х годов советский фактор в национальной истории, по признанию самих болгарских историков, оставался слабо изученным и до конца не проясненным³. При том, что общественный интерес к данной проблематике снизился почти до нулевой отметки, он еще и окрасился резко негативными эмоциями. На смену былому «марксистскому» пафосу пришла в публицистике и некоторых исторических изданиях его столь же непрофессиональная противоположность — антикоммунистический и антисоветский тон.

В современной Болгарии, которая в конце первого десятилетия XXI в. уже пережила наиболее трудные годы трансформации, диапазон оценок сделанного и перспектив развития исторической науки достаточно широк. Наряду с голосами, выражающими полное недоверие к результатам исследований советско/российско-болгарских отношений, в том числе и в годы Второй мировой войны, в научном сообществе звучат обоснования необходимости дальнейших исследований указанной проблематики. Акцентируются историческая и геополитическая обусловленность двусторонних отношений, незавершенность процесса переосмысления многих их аспектов. Об этом шла, в частности, речь на научной конференции «Россия в болгарской истории» (февраль 2003 г.)⁴. Согласно

проведенному в 2005 г. анкетному исследованию «Историки об истории», в числе наиболее малоизученных и нуждающихся в новой научной интерпретации проблем болгарской истории оказались: фашизм в Болгарии; антифашистская борьба или нелегальная деятельность левого движения; события 9 сентября 1944 г.; роль СССР в болгарской истории и влияние геополитических реальностей на исторические судьбы страны⁵.

Первые работы по антифашистской борьбе в Болгарии в годы Второй мировой войны, имеющие характер научного исследования, появились в конце 40 – начале 50-х годов XX в. Уже тогда были поставлены основные вопросы движения Сопротивления: вооруженная борьба народных масс и руководящая роль в ней Болгарской рабочей партии (так называлась тогда Болгарская компартия), влияние Великой Отечественной войны советского народа на развитие антифашистской борьбы в Болгарии⁶. Общим недостатком этих публикаций, помимо крайней их идеологизации, были описательность, схематизм, слабая источниковедческая база.

Непосредственно в послевоенный, а затем и в социалистический период, когда Болгария находилась в советской орбите влияния, в историографии преобладало толкование фактов, создававшее исключительно благоприятное представление о роли болгарских коммунистов и СССР. Первым среди болгарских историков к освещению событий войны и роли в ней Советского Союза, борьбы СССР за мир обратился в начале 1950-х годов М. Михов⁷. Его статьи, являясь первой попыткой прояснить статус-кво Болгарии накануне и в начале войны, написаны в крайне пропартийном, прокоммунистическом тоне, что вполне объяснимо для того времени. Роль СССР оценивается в этих работах со всех сторон позитивно. При этом надо отметить, что с точки зрения сегодняшнего дня статьи полны неточностей в толковании событий тех лет. Аналогичная трактовка содержится во втором томе академического издания «История Болгарии»⁸, опубликованном в 1955 г. Партийный подход и оценка роли СССР сохранились и во втором, переработанном издании этого труда, вышедшем в свет 9 лет спустя. Разница заключалась лишь в том, что карди-

нально изменилась оценка роли Сталина в годы войны: он уже назывался виновником того, что гитлеровские войска быстро и без особого сопротивления проникли в глубь территории Советского Союза⁹. Разумеется, такая позиция была продиктована курсом на десталинизацию, начатым XX съездом КПСС и воспринятым болгарскими коммунистами.

После апрельского (1956 г.) пленума ЦК БКП, сделавшего выводы из решений XX съезда КПСС применительно к Болгарии, создалась более благоприятная атмосфера для развития исторической науки. Расширение документальной базы, способствующий творчеству политический климат во многом обусловили то, что молодые научные кадры с энтузиазмом взялись за разрешение многих проблем антифашистской борьбы. Появились первые монографии, значительно возросло количество мемуарной литературы о периоде Второй мировой войны. Одним из наиболее изучаемых сюжетов на этом этапе стала вооруженная антиправительственная борьба, причем болгарской историографии социалистического периода свойственно преувеличение масштабов партизанской борьбы в стране. В многочисленных статьях и монографии Н. Горненского¹⁰ обобщены предшествовавшие исследования и дана подробная картина движения Сопротивления от возникновения первых партизанских отрядов до победы Отечественного фронта 9 сентября 1944 г. Автор проследил тесную связь между нарастанием антифашистской борьбы в стране и победами Красной Армии. При этом характерная черта исторической концепции Н. Горненского – стремление рассматривать вооруженное Сопротивление как внутренний фактор, определивший условия победы 9 сентября. Сразу отметим, что после 1989 г. в Болгарии получила развитие тенденция пересмотра всего круга проблем, связанных с приходом коммунистов к власти, а также самих сентябрьских событий 1944 г., все чаще называемых переворотом.

С конца 1960-х годов расширяется проблематика исследований, появляются серьезные работы по внешне- и внутриполитической истории Болгарии в период войны. Однако по-прежнему преобладали фактологическая направленность

и количественная характеристика явлений, часто без необходимого анализа. Не были преодолены шаблонность и мелкотемье, отсутствовали крупные обобщающие труды. Наиболее целостным исследованием роли БКП в антифашистской борьбе и в организации победы 9 сентября 1944 г. на том этапе стала монография Ст. Петрова¹¹. Однако, хотя практически во всех работах подчеркивалось значение борьбы советского народа против гитлеровской Германии, в 1974 г. Д. Сирков отмечал, что «еще многое предстоит сделать для более полного раскрытия роли СССР в развитии антифашистской борьбы в Болгарии и побед Красной Армии для триумфа восстания 9 сентября»¹².

Конец 60-х – начало 70-х годов характеризуются проведением широких и интересных дискуссий болгарских историков по некоторым спорным вопросам, прямо или косвенно затрагивающим существенные аспекты антифашистского движения Сопротивления. Некоторые господствовавшие ранее точки зрения оказались дискуссионными и подверглись пересмотру. Так, в 1968 г. Институт истории БКП в связи с написанием истории Болгарской коммунистической партии провел дискуссию по вопросу о том, являлась ли Болгария оккупированной страной или сателлитом гитлеровской Германии. С конца 40-х вплоть до середины 60-х годов под влиянием коммунистической пропаганды времен войны болгарские историки писали, что после присоединения к Тройственному пакту 1 марта 1941 г. Болгария оказалась под «немецко-фашистской оккупацией». Впоследствии эта точка зрения была признана ошибочной, поскольку в годы Второй мировой войны страна сохранила все важные черты суверенитета и атрибуты государственности. В ходе дискуссии утвердилась более обоснованная точка зрения о том, что Болгария, находясь в экономической и политической зависимости от Германии, являлась ее сателлитом¹³. Этот вывод позволил историкам с новых позиций проанализировать условия, в которых развертывалась антифашистская борьба болгарского народа. Стало подчеркиваться существенное различие между движением Сопротивления в стране-сателлите Германии и в оккупированной стране. В 1972 г. в Институте

истории БКП в связи с подготовкой обобщающего двухтомного издания «История антифашистской борьбы в Болгарии» прошли еще две дискуссии по таким спорным вопросам, как возникновение и этапы революционной ситуации в Болгарии и политическая линия Болгарской рабочей партии (БРП) в годы Второй мировой войны¹⁴.

Двухтомник «История антифашистской борьбы в Болгарии. 1939–1944»¹⁵, вышедший в свет в 1976 г., – это фундаментальное исследование, охватывающее все важнейшие события антифашистского движения Сопротивления болгарского народа, которое рассматривается в тесной связи с ходом Второй мировой войны, прежде всего, с событиями на советско-германском фронте, и с развитием социально-политической обстановки в самой Болгарии. Авторы подчеркивают специфику болгарского Сопротивления, заключающуюся в том, что единственным руководителем вооруженной борьбы являлась БРП, а подавляющее большинство ее участников составляли коммунисты и члены Рабочего союза молодежи. Отмечая непосредственную связь возникновения движения Сопротивления в Болгарии с началом Великой Отечественной войны Советского Союза, авторы труда отстаивают тезис, что ни начало Второй мировой войны, ни присоединение страны к Тройственному пакту не привели к видимым изменениям в общественном мнении и поведении, в политической жизни Болгарии. Лишь после 22 июня 1941 г., полагают авторы, на основе нового соотношения классовых и политических сил сложилась такая политическая обстановка, в которой БРП смогла призвать трудящихся к вооруженной борьбе.

24 июня 1941 г. ЦК БРП принял решение о развертывании вооруженных действий против гитлеровцев и болгарских «монархо-фашистов». Однако изменение обстановки и переход к вооруженной борьбе еще не означали создания в Болгарии революционной ситуации. В двухтомнике впервые в болгарской историографии (в духе указаний Т. Живкова) отмечалось, что курс на подготовку вооруженной борьбы был принят при отсутствии самого важного условия – внутривнутриполитического кризиса и революционной ситуации. Стратегия БРП базиро-

валась на общей линии мирового коммунистического движения, которая вырабатывалась в Москве, строилась с учетом международного значения того факта, что Советский Союз был вынужден начать Великую Отечественную войну против гитлеровцев. С этого момента судьба и развитие антифашистского движения в Болгарии в решающей степени зависели от хода и исхода гигантской битвы на Восточном фронте. Революционная ситуация возникла позднее, летом-осенью 1943 г., в ходе постепенно расширявшейся антифашистской борьбы. При этом решающее влияние на ее складывание оказывал внешний фактор — военные успехи антигитлеровской коалиции и прежде всего победы Советской Армии на Восточном фронте. Именно в этом заключалось своеобразие революционного процесса, происходившего в период Второй мировой войны в Болгарии. Кульминационной точки революционный кризис достиг летом 1944 г., когда стало объективно возможным его перерастание в социальную революцию при благоприятной обстановке, создавшейся в результате наступления Красной Армии на Балканах.

Авторы двухтомника уделяют значительное место русофильству болгарского народа. Возникшее под руководством компартии движение за дружбу и союз с СССР еще с осени 1939 г. стало приобретать роль первостепенного фактора в политической жизни Болгарии. С начала войны не было ни одного более или менее крупного события в общественно-политической жизни страны, которое так или иначе не переплеталось бы и не связывалось с этим кардинальным вопросом внешней политики страны. Массовое движение за заключение болгаро-советского пакта о взаимной помощи (так называемая «Соболевская акция» — по фамилии передавшего советское предложение о пакте генерального секретаря Наркоминдела А.А. Соболева) приняло в конце 1940—начале 1941 гг. размах и значение подлинно народного плебисцита и показало, что «народные массы не поддерживают политику правящей монархо-фашистской верхушки, что они желают демократии, мира и дружбы с СССР», — отмечалось в двухтомнике¹⁶. Учитывая русофильские чувства значительной части населения,

царь Борис III отказался послать своих солдат на Восточный фронт. Несмотря на нажим Гитлера, Болгария, единственная из союзников Германии, сохраняла дипломатические отношения с СССР на протяжении почти всей войны.

Переломными в болгарской историографии Второй мировой войны считаются исследования Н. Генчева¹⁷ о внешнеполитической ориентации Болгарии, который сделал попытку выйти за узкопартийные рамки и придерживаться профессионального исторического подхода. В 1970—1980-е годы болгарская историография Второй мировой войны поистине переживает подъем: появляется целый ряд научных исследований, в которых преобладает профессионализм. Наиболее значимыми работами этого периода являются монографии В. Тошковой¹⁸, И. Димитрова¹⁹ и Д. Сиркова²⁰, И. Димитрова²¹, Г. Маркова²². В этих трудах рассматриваются вопросы внешней политики и международного положения Болгарии в годы войны, политических и дипломатических отношений с великими державами, в той или иной мере затрагивается вопрос о внешней политике СССР и влиянии ее на Болгарию. Особо следует отметить книгу Л. Спасова, специально посвященную болгаро-советским дипломатическим отношениям²³. Несомненным достоинством названных работ является то, что они базируются на аутентичных документальных источниках. Разумеется, в большей или меньшей степени эти работы носят идеологический отпечаток своего времени, поскольку господствовавшие тогда идейные догмы и взгляды были обязательны по меньшей мере как установки.

К примеру, марксистская болгарская историография характеризовала политический режим Болгарии в годы Второй мировой войны как «монархо-фашистскую диктатуру», а борьбу с ним, соответственно, как «антифашистскую». Пожалуй, немного найдется тем, вокруг которых было сломано столько копий, как вокруг проблемы о «болгарском фашизме». В Болгарии до 1989 г. состоялось несколько научных дискуссий, однако движение идей фактически проходило в рамках превращенных в догму установок VII конгресса Коминтерна (1935 г.) о фашизме и об их полной применимости к Болгарии. Такая

постановка вопроса позволяла вмести в понятие «фашизм» практически все, связанное с развитием страны в 1918–1944 гг. Постулат о «почти непрерывной фашистской диктатуре» в межвоенный период и в годы Второй мировой войны был необходим для показа масштабов антифашистской борьбы компартии, а также для оправдания суровой расправы с политической оппозицией после 9 сентября 1944 г. Путь к переоценке понятия «болгарский фашизм» оказался долгим и сложным, но к концу 1980-х годов уже большинство связанных с темой «фашизм» марксистских формулировок ставилось под сомнение.

Перемены, наступившие в Болгарии после 1989 г., положили начало новому этапу в изучении данной проблематики, в ходе которого большинство ученых отошло от марксистского понимания такого сложного явления, как фашизм. В 1996 г. на страницах журнала «Демократически преглед» было проведено обсуждение в форме анкеты под тем же заголовком: «Были ли фашизм в Болгарии?», в котором приняли участие все занимающиеся в настоящее время данной проблемой ученые, невзирая на политические пристрастия, в том числе такие авторитетные историки, как Г. Марков, В. Мигев, Ст. Грынчаров, И. Баева. Было высказано единодушное мнение, что правящие в Болгарии в межвоенный период режимы были не фашистскими, а авторитарными, что фашистские организации (как, например, Народное социальное движение А. Цанкова) не имели реального веса в болгарском обществе. В 1935–1943 гг. существовал личный (авторитарный) режим царя Бориса с ограничением некоторых гражданских прав и свобод. Определенное усиление авторитаризма и профашистских тенденций наблюдается после вступления Болгарии в Тройственный пакт, но и тогда режим не принял тоталитарного характера. В пользу этого говорит отсутствие массовой фашистской партии и ее политической опоры. В известной степени допускалось легальное проявление оппозиции. Отказ правительства (под напором общественности) выполнить требование Германии о депортации и уничтожении болгарских евреев в 1943 г. также свидетельствует о явном отличии болгарского режима тех лет от «классических» фашистских. Подводя итоги, организаторы

анкеты признали тезис о том, что в межвоенный период и в годы Второй мировой войны Болгария являлась «фашистским государством», устаревшим идеологическим построением, полностью отвергнутым современной наукой²⁴.

С вопросом о характере политических режимов в Болгарии в период с 1923 г. по 1944 г. многие историки связывают правомерность самих терминов «антифашистская борьба» и «антифашистское Сопротивление». Эта терминология использовалась уже в документах Болгарской рабочей партии периода войны, когда партия звала трудящихся на борьбу с «монархофашистской диктатурой», и затем утвердилась в пропаганде, публицистике и марксистской историографии, находившейся под влиянием политической конъюнктуры. Если марксистская болгарская историография с гордостью констатировала, что в Болгарии, единственной из стран-сателлитов Германии, значительных размеров достигло антифашистское движение Сопротивления, то на нынешнем этапе во многих работах подчеркивается противозаконность вооруженной антиправительственной борьбы в годы войны. Тем не менее, и сегодня многие болгарские авторы широко употребляют термины «антифашистская борьба» и «движение Сопротивления», полагая, что оно включает в себя как сопротивление прогерманскому внешнеполитическому курсу болгарского руководства, так и борьбу за свержение существовавшего в стране авторитарного режима. К примеру, Й. Баев считает, что дискуссионный вопрос об уместности использования термина «антифашистское Сопротивление» не учитывает основного разделения мира в этот период на страны фашистской Оси и антифашистской коалиции²⁵.

В то же время значительное число исследователей считает более адекватным термин «антиправительственная борьба», поскольку вооруженная борьба велась в основном против болгарской армии и полиции, и лишь эпизодично – против германских войск. Ее важной особенностью было то, что она направлялась из Москвы с далеко идущими политико-идеологическими намерениями. Так, авторы вышедшей в 1999 г. «Истории Болгарии нового времени. 1878–1944» пишут: «Но

если страна имеет все необходимые атрибуты государственности, то единственным законным способом противостояния власти является легальная оппозиционная деятельность. Причем в Болгарии эта деятельность ограничивалась, но все же допускалась. Насилие противозаконно. Оно противозаконно вдвойне, поскольку руководство сопротивлением осуществлялось извне и в интересах иностранного государства. Присутствие германских войск в стране не представляется убедительным объяснением. За небольшими исключениями вооруженная борьба велась против болгарских войск и полиции. Жертвами индивидуального террора также становились болгары»²⁶. В опубликованном в 1995 г. учебном пособии «История Болгарии (681–1960)» также констатируется, что поскольку Болгария не была оккупирована, борьба велась там против собственного правительства, против болгарских войск и полиции и лишь эпизодически – против немцев, поэтому по существу это была гражданская война²⁷. В то же время отмечается, что для мотивации участия в Сопротивлении большое значение играл следующий важный момент: братский славянский народ, проливший кровь за освобождение Болгарии от турецкого ига, ныне сам стал жертвой агрессии, и ему нужна помощь. На этой основе ряд болгарских интеллигентов, в том числе высших офицеров (генералы Владимир Заимов, Никифор Никифоров, Александр Пеев и др.), работали в годы войны на советскую разведку и отдали свою жизнь как бойцы «невидимого фронта», доставляя советскому верховному командованию бесценную информацию²⁸. Эта особенность движения Сопротивления в Болгарии – направленность не против иностранного присутствия, а против собственных правителей – ограничивала его размах, не позволила ему превратиться во всенародное. Политический состав борцов болгарского Сопротивления был весьма узким: подавляющее их большинство составляли коммунисты и комсомольцы.

В настоящее время публикации болгарских историков по международным аспектам болгарского вопроса практически прекратились. Исключением является капитальный труд Л. Спасова «Болгария и СССР, 1917–1944 г. (политико-дип-

ломатические отношения)»²⁹, в котором двусторонние связи рассматриваются во всей их полноте. Автор, по его словам, стремился осветить не просто двусторонние отношения, но отношения между великой державой и малой страной, анализирует диалог между государственными деятелями и дипломатами с различным менталитетом — имперским, характерным для советских представителей, и приспособленческим, типичным для царя Бориса и болгарских кабинетов. Автор стремился раскрепостить тему болгаро-советских отношений от навязываемой ей в прошлом и ныне обремененности шаблонами и схемами, расширить ее и обогатить с помощью широкой документальной основы, осветить спорные вопросы. Как отмечает в предисловии сам Л. Спасов, до перемен в Болгарии и в России при изучении болгаро-советских отношений, как правило, абсолютизировались советское миролюбие и бескорыстие, мифологизировалась деятельность болгарских коммунистов, а болгарские буржуазные правительства обвинялись в провале любого неосуществившегося начинания между двумя странами. Тем не менее, облик болгарской историографии на данную тему определяется не тезисами, сформулированными под воздействием господствовавшей на протяжении десятилетий идеологической обстановки, а серьезными научными исследованиями, не потерявшими значения и сегодня. Согласно позиции автора, устранение идеологических барьеров и переход СССР на позиции ревизионизма лежат в основе подъема болгаро-советских отношений в конце 1939—начале 1940 гг.³⁰ Этому способствовало подписание пакта Молотова — Риббентропа, в результате чего СССР отказался от политики коллективной безопасности и присоединился к германской политике структурно-системных изменений в Европе, поскольку геополитическая сущность германо-советского пакта 1939 г. заключалась в перекраивании политической карты старого континента.

Большое внимание в работе Л. Спасова уделяется роли Коминтерна как инструмента советской внешней политики, который порой играл определяющую роль в развитии болгаро-советских отношений. Поддержка антиправительственной

борьбы в Болгарии начала осуществляться советским руководством через Коминтерн уже в первые месяцы Великой Отечественной войны. Учитывая особое положение Болгарии — с одной стороны, как союзника Германии, с другой — как страны с традиционно прорусскими настроениями и с сильной компартией, — советское руководство решило направить туда группы болгарских политэмигрантов для ведения разведывательных, боевых и саботажных действий в тылу гитлеровской Германии. Здесь надо отметить, что в болгарской исторической литературе долгое время господствовала версия о том, что политэмигранты направлялись в Болгарию по решению Загранбюро ЦК БРП для оказания помощи партии при организации вооруженной антифашистской борьбы³¹. Новые документы позволили сделать вывод, что болгарские эмигранты посылались на родину советскими секретными службами в качестве советских разведчиков³². Так, руководитель одной из групп политэмигрантов, полковник Красной Армии Цвятко Радойнов незадолго до отправки в Болгарию в 1941 г. был зачислен в Специальный отряд войск НКВД³³. Другой руководитель группы, впоследствии генерал, Иван Винаров писал в своих воспоминаниях, что они «должны были поддерживать самые тесные контакты с органами Четвертого (Разведывательного) управления Красной Армии и с органами НКВД»³⁴. Объявление советским правительством состояния войны с Болгарией 5 сентября 1944 г. — «политический акт, связанный не только со скорейшим и окончательным разгромом фашистской Германии», считает Л. Спасов. Этим шагом советское правительство предоохранило болгарское правительство от навязывания ему перемирия на исключительно тяжелых условиях. «В то же время оккупация Болгарии советскими войсками резко изменила соотношение сил в стране в пользу Москвы»: в Болгарии были созданы необходимые условия для установления коммунистического правления. На фоне стремительно развивающейся военно-политической обстановки усилия болгарских правительств избежать советизации Болгарии закончились провалом.

В книге Е. Калиновой и И. Боевой «Болгарский транзит», выдержавшей уже четыре издания³⁵, также уделено значи-

тельное внимание советскому фактору в болгарской истории, в том числе в годы Второй мировой войны. В работе подчеркивается, что СССР располагал благоприятными возможностями для организации движения Сопротивления в Болгарии, рассчитывая на дисциплину и пролетарский интернационализм болгарской компартии. В Москве в годы войны находились Заграничное бюро ЦК БРП и лидер партии, генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров, которые передавали инструкции по развертыванию антиправительственной борьбы болгарским коммунистам. В Софии действовало и советское посольство, подробно информировавшее Москву о положении в стране. Умело использовались и русофильские настроения в обществе. Поэтому, заключают авторы, в Болгарии, несмотря на объективное отсутствие благоприятных условий, все же развернулось движение Сопротивления, контролируемое и руководимое Москвой. И если в 1939–1940 гг. СССР пытался «завоевать» Болгарию на свою сторону, но «проиграл» дипломатическое соревнование с Германией, то в годы войны Москва подготовила свой «реванш», обеспечив серьезную внутреннюю опору в лице болгарской компартии и руководимого ею движения Сопротивления. С вступлением Красной Армии на Балканы Москва сумела прочно гарантировать свои стратегические интересы в регионе³⁶. Исследовательницы придерживаются той позиции, что перемены в развитии Болгарии «наступили в результате переворота в центре и повстанческих действий в провинции, но в основе всех действий стояла БРП – организатор антифашистского Сопротивления в годы войны. Она действовала в соответствии с указаниями Москвы, где находились ее лидеры Георгий Димитров и Васил Коларов, причем ее действия облегчались вступлением Красной Армии и договоренностями между странами антигитлеровской коалиции»³⁷. Согласно этим договоренностям Болгария перешла в советскую сферу влияния, а ее национальные интересы стали частью стратегии СССР.

Е. Калинова в своей монографии «Победители и Болгария (1939–1945)» подробно проследила решающую роль внешнего фактора, прежде всего советского, в развитии страны в

указанный период. В книге проводится мысль, что в политике относительно Болгарии советское руководство рассчитывало на болгарских коммунистов. Так, «принятый БРП курс на вооруженную борьбу целиком и полностью являлся результатом инструкций Москвы и в последующие годы оставался непосредственно связанным с поступающими оттуда указаниями»³⁸. С осени 1941 г. в советской политике по отношению к Болгарии, помимо усилий по организации движения Сопротивления под руководством компартии, очерчивается и другая линия. Это дипломатические усилия Москвы по оказанию давления на болгарские правящие круги с целью заставить их уменьшить возможности Германии использовать болгарские военные и экономические ресурсы.

После Сталинградской и Курской битв происходит перелом в ходе войны. Логично предположить, пишет автор, что летом-осенью 1943 г. в Москве начинают обдумывать пути превращения военных побед в политические дивиденды по окончании войны. В Болгарии советская политика направлена прежде всего на активизацию движения Сопротивления (расширению антифашистского Сопротивления во всех европейских странах способствует, помимо побед советского оружия, решение Сталина о роспуске Коминтерна в мае 1943 г.). Весной 1943 г. партизанское движение в Болгарии разрастается и объединяется в Народно-освободительную повстанческую армию (НОПА), страна разделена на военно-оперативные зоны, а с августа действует Национальный комитет Отечественного фронта. «Так под руководством Москвы в Болгарии в 1943–1944 гг. создается значительное движение Сопротивления..., хотя на него и оказывает сильное влияние положение страны как германского союзника, и поэтому оно направлено, прежде всего, против болгарских правящих кругов, сотрудничающих с Рейхом»³⁹. По мнению автора, с конца 1943 г. Москва начинает ориентироваться на самостоятельную линию в отношении Болгарии. При этом Сталин руководствуется в первую очередь интересами советской безопасности, которые являются продолжением традиционных российских устремлений. С приближением летом 1944 г.

советско-германского фронта к Балканам партизанские соединения в Болгарии стали получать оружие и боеприпасы, которые для них сбрасывали с самолетов советские летчики. Правительственную перемену 9 сентября Е. Калинова характеризует как переворот, осуществленный при советской (хотя и не прямой) поддержке⁴⁰.

В новейшей болгарской литературе отмечается, что советские представители поддерживали самые тесные контакты с вооруженным антифашистским движением в Болгарии. Информация о состоянии и задачах нелегального движения Сопротивления левых сил поступала по нескольким каналам — от ЦК БРП, по радиосвязи между Г. Димитровым и Главным штабом партизанского движения, а также от отдельных советских разведгрупп. Эти сообщения пересылались через резидентуру Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии и Первого отдела НКГБ⁴¹. В непрерывном потоке телеграмм и шифровок из Москвы Димитров давал указания руководителям БРП о политической тактике, которой они должны были следовать. Советское посольство в Болгарии также сосредоточилось в годы войны на разведывательной деятельности. Используя исключительно благоприятные возможности почти единственного посольства СССР в Европе, располагавшего экстерриториальностью, дипломатическим иммунитетом, шифрами и дипкурьерами, оно стало одним из центров советской разведки в Европе. В значительной степени благодаря поддержке болгарской общественности посольство достигло в этой области немалых успехов⁴².

В посткоммунистический период кардинальным образом изменилась оценка событий 9 сентября 1944 г.: что это было — революция, восстание или переворот?⁴³ Авторы упомянутой выше «Истории антифашистской борьбы в Болгарии» поддерживали тезис, согласно которому восстание провозглашалось началом социалистической революции в стране. Они утверждали, что вооруженное восстание могло стать победоносным лишь при сочетании внутреннего фактора с ударом извне — «при решающей помощи Советской Армии». Имелись в виду не только объявление войны Болгарии 5 сентября 1944 г. или

вступление советских частей на территорию Болгарии 8 сентября («освободительный поход», присутствие в стране «армии-освободительницы», неоценимая братская помощь Советского Союза), но и общая благоприятная стратегическая обстановка на Балканах в результате наступательных операций Красной Армии⁴⁴. Аналогичная оценка содержалась и в индивидуальных монографиях болгарских ученых⁴⁵. Наряду с оценками событий 9 сентября как революции, в научном обиходе по-прежнему использовалось и определение «народное восстание», отражавшее конкретные события вокруг взятия власти.

В конце 1990-х годов в научный обиход прочно вошло определение «переворот», причем если одни авторы тяготели к трактовке переворота как узко заговорщического и едва ли не случайного события⁴⁶, то другие предпочли вернуться к тезису о решающей роли внешнего фактора (наступление Красной Армии, соглашения союзников по антигитлеровской коалиции относительно Болгарии), отрицая факт восстания и уменьшая значение вооруженного Сопротивления, в частности, действий партизанских отрядов⁴⁷. С. Грынчаров, защищавший тезис о военном перевороте, убежден, что в условиях, когда власти распорядились не оказывать сопротивления наступавшей Красной Армии, ни о каком «героическом» взятии городов и сел партизанами, штурме тюрем и освобождении арестованных не могло быть и речи. Поэтому «всемирное антифашистское восстание» является, по мнению С. Грынчарова, «полной бутафорией»⁴⁸.

В историографии последних лет отразилась позиция, сторонники которой, не отрицая факт переворота, предлагают вместе с тем не преувеличивать роль военных в событиях 9 сентября. Участие армии в захвате Военного министерства они оценивают прежде всего как сигнал к взятию власти комитетами Отечественного фронта и партизанскими отрядами по всей стране⁴⁹. В развитие этого тезиса определился и еще один подход к событиям 9 сентября — как к «военно-политическому перевороту», при котором коммунисты использовали военных для взятия власти.

Несмотря на то, что оценки событий 9 сентября в наши дни по-прежнему варьируются от «вооруженного народного восстания» до «переворота», качественные характеристики которого также различны, следует признать: практически все болгарские исследователи сегодня единодушны — для Болгарии эта дата имела большое историческое значение. С ней связаны установление впоследствии политического режима советского типа и внедрение советской модели управления. Своего рода собирательной является оценка событий, данная И. Баевой и Е. Калиновой. Исследовательницы отмечают, что перемены в развитии страны «наступили в результате переворота в центре и повстанческих действий в провинции, но в основе всех действий стояла БРП — организатор антифашистского Сопротивления в годы войны. Она действовала в соответствии с указаниями Москвы, где находились ее лидеры Г. Димитров и В. Коларов, причем действия партии облегчались вступлением в Болгарию Красной Армии и договоренностями между странами антигитлеровской коалиции»⁵⁰. В одной из последних работ Е. Калинова указывает, что «в ночь с 8 на 9 сентября был осуществлен переворот», в результате которого «при советской (хотя и не прямой) поддержке» к власти пришло правительство Отечественного фронта⁵¹.

Проблема адекватной оценки событий 9 сентября сохраняет свою актуальность и поныне. Объективно это связано с тем, что, как отмечает М. Минчев, в происшедшей 9 сентября 1944 г. радикальной перемене «можно найти элементы или хотя бы аргументы в пользу трех основных тезисов» — о передаче власти болгарским коммунистам Красной Армией, о «народном вооруженном восстании» и, наконец, о «военном перевороте»⁵². Некоторые современные исследователи используют нейтральную формулировку — «перемена 9 сентября»⁵³.

Принципиальной переоценке в постсоциалистический период подверглось и вступление Красной Армии в Болгарию — оно перестало символизировать освобождение. Слова «освободительная миссия», «освободительный поход» Красной Армии стали писать не иначе как в кавычках. События

9 септември 1944 г. увязвали се с «советската окупация» и началото на комунистическия тоталитаризъм. Така, в излязлата в 2014 г. книга с красноречиво название «България – военна трофея на Сталин» ея автор Г. Боздуганов поставя основния въпрос – как България трябва да прекрати «символично» участие в войната против западните съюзници и да се подчини на советската окупация⁵⁴.

Такава, политическият водораздел в българското общество, характерен за началото на преходния период, запазва се и днес, оказвайки влияние на отношението към миналото, в това число и към проблемите на Втората световна война. Ревизионските оценки на най-новата българска история понякога продължават да носят на себе си бремето на политизация и конюнктурност.

Примечания

¹ По-подробно вижте: *Валева Е.Л.* Развитие на историческата наука в България на съвременния етап // *Славяноведение*. 2007. № 6.

² *Историческата наука в България – състояние и перспективи*. София, 2006.

³ *Баев Й.* Някои проблеми на съветската политика към България (1943–1945 г.) // *Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947)*. Статии и документи. София, 1999. С. 67.

⁴ *Русия и България – между «филството» и «фобството»*. Материали от научните конференции «Русия и Европа през XX век» и «Русия в българската история» // <http://anamnesis.info/Ru-Bg/Articles/Bg-Ru.pdf>

⁵ *Запрянова А., Нягулов Бл., Марчева И.* Историографията между приемственост и промяна: А. За текущата история на историческата наука в България. Б. Анкетно проучване «Историци за история» // *Исторически преглед*. 2005. № 1–2. С. 3–97; *Историческата наука в България – състояние и перспективи*. София, 2006.

⁶ См., например: *Тодоров Г.* За отражението на Великата Отечествена война на Съветския Съюз у нас през 1941 и 1942 г. // *Исторически преглед*. Кн. 4–5. 1951–1952. С. 347–379.

⁷ *Михов М.* Борбата на СССР за мир на Балканите в началото на Втората световна война и България // *Военно-исторически сборник*. Кн. 4. София, 1953; *он же*. Борбата на СССР за предотвратяване на хитлеристката агресия на Балканите по времето на Втората световна война // *Военно-исторически сборник*. Кн. 1. София, 1954.

⁸ *История на България*. Т. 2. София, 1955. С. 876.

⁹ *История на България*. Второ преработено издание. Т. 3. София, 1964. С. 380.

¹⁰ *Горненски Н.* Въоръжената борба на българския народ за освобождение от хитлеристката окупация и монархо-фашистката диктатура (1941–1944). София, 1958.

¹¹ *Петров Ст.* Стратегията и тактиката на БКП в борбата против монархо-фашизма (1941–1944 г.). София, 1969.

¹² *Сирков Д.* Поглед върху някои историографски проблеми на антифашистката борба в България по време на Втората световна война // *Векове*. № 4–5. София, 1974. С. 74–75.

- ¹³ См.: Положението на България по времето на Втората световна война – окупирана или сателитна страна // Известия на Института по история на БКП. Т. 21. София, 1969. С. 273–331.
- ¹⁴ См.: Дискусия по някои въпроси от историята на БКП // Известия на Института по история на БКП. Т. 29. София, 1973. С. 183–401; Т. 30. София, 1974. С. 165–354.
- ¹⁵ История на антифашистката борба в България. 1939–1944. В два тома. (Гл. ред. К. Василев). София, 1976.
- ¹⁶ История на антифашистката борба в България. Т. 1. С. 128.
- ¹⁷ *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на Втората световна война (септември 1938 – септември 1939 г.) // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. Т. 61. Кн. 3. 1968; *он же.* Външната политика на България през началния период на Втората световна война 1939–1941 г. // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. Т. 63. 1970–1971.
- ¹⁸ *Тошкова В.* България и Третият Райх. 1941–1944 г. София, 1975; *она же.* България в балканската политика на САЩ 1939–1944 г. София, 1985.
- ¹⁹ *Димитров И.* Българо-италиански политически отношения. 1922–1943 г. София, 1973.
- ²⁰ *Сирков Д.* Външната политика на България. 1938–1941 г. София, 1979.
- ²¹ *Димитров И.* Англия и България 1938–1941 г. София, 1983.
- ²² *Марков Г.* Българо-германски отношения 1931–1939 г. София, 1984.
- ²³ *Спасов Л.* Българо-съветски дипломатически отношения 1934–1944 г. София, 1987.
- ²⁴ См.: Анкета на сп. «Демократически преглед» – «Имало ли е фашизъм в България?» // Демократически преглед. София, 1996. № 4–5. С. 368–444.
- ²⁵ *Баев Й.* Някои проблеми на съветската политика към България. С. 77.
- ²⁶ См.: *Стателова Е., Грънчаров С.* История на нова България. 1878 – 1944. Том III. София, 1999. С. 606.
- ²⁷ История на България (681–1960). Т. II. София, 1995. С. 461.
- ²⁸ См.: Невидимите барикади. Очерци за българи – съветски разузнавачи. София, 1968.
- ²⁹ *Спасов Л.* България и СССР 1917–1944 г. (политико-дипломатически отношения). Велико-Търново, 2008. С. 486–487.
- ³⁰ Там же. С. 502
- ³¹ См.: *Ерелийска М.* Героичният подвиг на българските политемигранти през 1941 г. // Известия на Института по история на БКП. Т. 10. 1963. С. 348; *Видинский К.* Подводници. Воспоминания. София, 1987.
- ³² См.: *Даскалов Д.* Жан съобщава. Задграничното бюро и антифашистката борба в България. 1941–1944. София, 1991. С. 58–75.
- ³³ См.: Живот – борба. Книга за Цвятко Радойнов. София, 1986. С. 122.
- ³⁴ См.: *Винаров И.* Бойци на тихия фронт. София, 1969. С. 557.
- ³⁵ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1944–1999. София, 2000; *они же.* Българските преходи. 1939–2002. София, 2002; *они же.* Българските преходи. 1939–2004. София, 2004; *они же.* Българските преходи. 1939–2010. София, 2010 .
- ³⁶ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939–2002. София, 2002. С. 21.
- ³⁷ Там же. С. 40.
- ³⁸ *Калинова Е.* Победителите и България (1939–1945). София, 2004. С. 89–90.
- ³⁹ Там же. С. 94.

⁴⁰ Там же. С. 106.

⁴¹ *Баев Й.* Някои проблеми на съветската политика към България. С. 69.

⁴² См.: *Ревякина Л.* Съветската легация в България (22 юни 1941 – 9 септември 1944 г.) // *Българо-съветски политически и военни отношения (1941 – 1947)*. Статии и документи. София, 1999.

⁴³ По-подробно см.: *Валева Е.Л., Волокитина Т.В.* България в годы Второй мировой войны: некоторые дискуссионные вопросы национальной историографии // *Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности*. М., 2011.

⁴⁴ История на антифашистката борба... Т. 2. С. 271, 283–284.

⁴⁵ См., например: *Петрова С.* Деветосептемврийската социалистическа революция 1944 г. София, 1981; *Огнянов Л.* Деветосептемврийската социалистическа революция. София, 1984.

⁴⁶ *Минчев М.* България отново на кръстопът (1942–1946). София, 1999. С. 77.

⁴⁷ *Огнянов Л.* Държавно-политическата система на България. 1944–1948. София, 1993. С. 9–11; *Рачев С.* Чърчил, България и Балканите. 1939–1945 г. София, 1998.

⁴⁸ *Божилков И., Мутафчиева В., Косев К., Пантев А., Грънчаров Ст.* История на България. София, 1998. С. 498; *Стателова Е., Грънчаров Ст.* История на нова България. 1878–1944. София, 1999. С. 632–633.

⁴⁹ *Минчев М.* България отново на кръстопът (1942–1946). София, 1999. С. 68.

⁵⁰ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939–2002. София, 2002. С. 40.

⁵¹ *Калинова Е.* Победителите и България. 1939–1945. София, 2004. С. 106.

⁵² *Минчев М.* България отново на кръстопът... С. 42–77.

⁵³ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939–1999. София, 2000. С. 24; *они же.* Българските преходи. 1939–2002. София, 2002. С. 39; *они же.* Българските преходи. 1939–2005. София, 2006. С. 39, 40, 44; *Недев С.* Българската армия под съветско командване // *България и Русия: между признателността и прагматизма*. София, 2008. С. 377.

⁵⁴ *Боздуганов Г.* България – военният трофей на Сталин. София, 2014.

Татьяна Викторовна ВОЛОКИТИНА

Холодная война и советизация Восточной Европы: исторический феномен в зеркале российских историографических дискуссий

В исследовательской палитре проблем внешней политики СССР и международных отношений холодной войне принадлежит важное место. По интенсивности научных исследований и уровню дискусионности с ней сопоставим разве что сталинизм. История холодной войны, по признанию специалистов, превратилась в самостоятельную научную дисциплину междисциплинарного характера, изучением которой занимаются не только историки, но и политологи, дипломаты, журналисты, разведчики. Сталинизм как феномен, принадлежавший поначалу советской истории, давно вышел за российские границы, приобретя международные масштаб и значение. Обе проблемы, кстати, тесно связанные между собой, вызывают постоянный интерес не только научного сообщества, политических кругов в нашей стране и за рубежом, но и средств массовой информации, реагирующих на востребованность обществом конкретного знания.

Внимание к истории холодной войны обусловлено международной обстановкой и, в первую очередь, ее важнейшей составляющей – состоянием российско-американских отношений. Эту зависимость отметил в марте 2006 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров в связи с 60-летием речи У. Черчилля в Фултоне, отразившей переход к новым политическим реалиям в международных отношениях после Второй мировой войны. Министр отметил, что современная международная ситуация диктует настоятельную необходимость «критического осмысления истории холодной войны»¹.

В наши дни эта ситуация такова, что не только в средствах массовой информации, но и среди специалистов-историков активно обсуждается вопрос о продолжении «старой» или начале «новой холодной войны» как объективной реальности современности. По этому поводу в научном сообществе высказываются разные мнения. В сентябре 2014 г. на заседании Президиума РАН директор Института США и Канады С.М. Рогов в докладе «Перспективы российско-американских отношений: новая холодная война?» отверг возможность буквального повторения старого сценария. Подчеркнув отсутствие противостояния двух политических систем, что исключает, по мнению ученого, глобальный характер возможного конфликта, он прогнозировал как один из альтернативных вариантов наступление «холодного мира» — сохранение, но не углубление нынешней «настороженности» в отношениях. Вторым вариантом, по его мнению, может стать «новая холодная война» — соперничество в условиях глобализации и многополярного мира, чреватое реанимированием старой стратегии сдерживания². Более категоричен в своих выводах известный американский историк профессор Нью-Йоркского университета Стивен Коэн: выступая в феврале нынешнего года на канале CNN, он подчеркнул, что «новая холодная война» уже идет, причем война более опасная, чем «старая», поскольку эпицентр ее находится не в Берлине, а у российских границ³. Понятно, что подобные предчувствия или ощущения, разделяемые другими исследователями, актуализируют проблематику холодной войны, обуславливают стремление переосмыслить опыт противостояния Востока и Запада, дать современную интерпретацию этого феномена. При этом следует учитывать, что диапазон суждений весьма широк и многие составляющие всего спектра проблематики «старой холодной войны» — причины, генезис, хронология, этапы и оценки отдельных эпизодов — остаются, как и прежде, дискуссионными.

В российской историографии к их числу следует отнести вопрос о причинах и инициаторах холодной войны. Немало историков (В.В. Кожинов, Е.П. Бажанов, Н.Н. Концевич, А.М. Филитов и др.) подчеркивают первичность экономичес-

кого фактора – намерение Соединенных Штатов сохранить к собственной выгоде близкую к военной экономическую конъюнктуру, утвердить свое господство на мировых рынках, поддержать с помощью гонки вооружений высокий тонус экономики и пр.⁴ На существовавшую принципиальную связь экономической мощи с послевоенными геополитическими планами Вашингтона (стабилизирова капитализм, установить гегемонию США в мире) указывает Е.Ф. Язьков⁵. Намерение американской стороны использовать экономику как основной плацдарм для «наступления» в Восточной Европе для Москвы было ясным и вызывало тревогу. Поэтому, как подмечают В. Батюк и Д. Евстафьев, политический поворот от политики соперничества-партнерства к противостоянию, зафиксированный в доктрине Трумэна, советское руководство восприняло более спокойно, нежели связанную с планом Маршалла угрозу отрыва Восточной Европы от экономической сферы влияния СССР⁶. Москва, как справедливо отмечают ученые, руководствовалась при этом собственными геополитическими целями. Выход социализма за пределы одной страны или поддержка национально-освободительных движений в мире имели для нее не только идеологическую, но и такую же геополитическую подоплеку, как и создание сферы безопасности СССР на западных границах или борьба за Проливы.

Некоторые авторы указывают на русофобию, которой страдали определенные политические круги на Западе, как на одну из важных причин возникновения холодной войны. Своими корнями, отмечает В.О. Рукавишников, эта «фобия» восходила к историческому прошлому царской России и ее экспансионистской политике⁷. В.Л. Мальков считает, что после крушения СССР русофобия, придя на смену прежней советофобии, не только осталась в мышлении и действиях Запада, но и усиливается⁸.

В целом, однако, в историографии утвердилась точка зрения, согласно которой холодная война явилась соединением политических и идеологических устремлений и интересов противостоящих блоков, была порождена комплексом причин – экономических, политических, идеологических, воен-

ных, а вину за ее возникновение несут обе стороны. На стремление советского политического руководства нанести удар по мировой капиталистической системе, установив контроль за странами, освобожденными Красной Армией, и постепенно вводя там социалистические порядки, указывает В.П. Смирнов⁹. Советский дипломат Г.М. Корниенко отмечает, что Сталин не упустил шанс использовать конфронтационный курс Вашингтона для перехода к «советизации» Восточной Европы¹⁰. О явном намерении укрепить влияние Москвы как целеполагающем в политике советского руководства в конце 1940-х годов пишет авторский коллектив учебника по истории международных отношений и внешней политики России¹¹. Ряд историков (А.И. Уткин, С.В. Картунов), соглашаясь с таким подходом, считают необходимым особо подчеркнуть экспансионистские цели США как мотивацию холодной войны, критикуя одновременно тезис о «советской угрозе»¹².

Очевидная востребованность объективных исследований указанной проблемы объясняет систематичность, с которой историки подводят промежуточные итоги своей работы и определяют задачи на будущее. В 2003 г. известные специалисты-международники В.О. Печатнов и В.М. Зубок тщательно проанализировали состояние отечественной историографии холодной войны предыдущего десятилетия¹³, а в 2006 г. итоги и перспективы изучения этого феномена вновь стали предметом всестороннего рассмотрения на проведенном в Институте всеобщей истории РАН «круглом столе»¹⁴. Важность выводов, к которым пришли тогда участники, несомненна. Констатировалось, что российской историографии пока не удалось полностью устранить те негативные характеристики, которые отличали ее в начале 1990-х годов, — фрагментарность источниковой базы, во многом связанную с замедлением рассекречивания архивных коллекций, преобладание эмпирических исследований, слабый интерес к обобщениям, в том числе и теоретического характера. Сохранялась определенная диспропорция в изучении хронологии холодной войны: если исходить из отношений Восток-Запад, то период после окончания Корейской войны представлен в российской историографии

значительно слабее, чем предыдущее, «сталинское», десятилетие. Хотя число «белых пятен» несколько уменьшилось применительно к 60-м годам XX столетия (появление работ по истории Карибского кризиса¹⁵), слабоизученными оставались 70–80-е годы. Вместе с тем к числу несомненных позитивов следовало отнести отказ от бывшего европоцентризма, расширение геополитических параметров «холодной войны», а также внимание исследователей к социально-психологическим аспектам проблемы («конфликтная ментальность»), вопросам «военного измерения» холодной войны¹⁶ и др.

Справедливость отдельных выводов, сделанных участниками «круглого стола», подтвердил прошедший в феврале 2010 г. научно-практический семинар «Холодная война. 1945–1991», организованный Русским фондом содействия образованию и науке¹⁷. В частности, доклады Н.И. Егоровой «СССР и война в Корее: новые подходы», С.В. Раца «КГБ в разрешении политического конфликта в Афганистане. 1979–1989 гг.», Н.Н. Платошкина «США и свержение правительства С. Альенде в Чили (по донесениям Госдепартамента США и ЦРУ)» отразили последовательное расширение географического диапазона исследований, перенос их акцента за пределы Европы.

В наши дни некоторые историки и политологи не только в России, но и в мировом научном сообществе, предпринимают попытку (может быть, интуитивную) применить исследовательские подходы, характерные для естественных наук, что ставит под сомнение обязательность поиска причинно-следственной связи в сфере наук социальных¹⁸. Вслед за З. Бжезинским они склонны считать холодную войну результатом обыкновенного «фатального» стечения различных факторов на заключительной стадии Второй мировой войны и по ее окончании¹⁹, хотя и отмечают при этом важную роль политических и идеологических интересов участников формировавшихся блоков. При таком подходе логичным выглядит тезис о случайности возникновения холодной войны. Он также дискутируется, хотя еще в начале 1990-х годов авторитетный историк-международник М.М. Наринский подчеркивал неизбежность

холодной войны, поскольку неизбежным, по его мнению, был раскол союза держав-победительниц и переход к противостоянию Востока и Запада. В основе этого, считает ученый, лежали изменения в распределении ролей стран-участниц коалиции на мировой арене и в соотношении сил между ними, а также коренные различия социально-политического строя, идеологии, системы ценностей и пр.²⁰

До сих пор спорят историки и о времени начала холодной войны. Существенные расхождения в оценках истоков конфронтационных процессов в антигитлеровской коалиции и позиций их инициаторов выявились на российско-британском семинаре «Сталин и Черчилль» (Лондон, 2002 г.). Вместе с тем, очевидно, что анализ ситуации вокруг так называемого процентного соглашения 1944 г. о сферах влияния, равно как и динамики развития отношений в «треугольнике» Лондон—Москва—Вашингтон в 1944—1946 гг. способствует выявлению истинных целей и намерений лидеров коалиции, проливает дополнительный свет на механизмы возникновения конфликта. В чем едины сегодня исследователи, так это в признании, что холодная война не могла возникнуть в одночасье, что ее предпосылки вызревали постепенно и что конфронтационные импульсы, «первые заморозки», а затем и само противостояние проросли из того периода Второй мировой войны, когда союзники начали активно обсуждать устройство послевоенного мира. Подчеркивая, что холодная война есть «феномен послевоенного времени», А.О. Чубарьян предлагает «проследить ее взаимосвязь с тем, что происходило на заключительном этапе [существования]... антигитлеровской коалиции», «попытаться заглянуть, например, в 1944 год»²¹. И действительно, введенные к настоящему времени в научный оборот документальные источники подтверждают, что на рубеже войны и мира в отношениях между союзниками возникла значительная напряженность, главным образом, по вопросам о будущем Восточной Европы. Впоследствии вектор динамики развития отношений не стал однолинейным: конфронтация сменялась периодами разрядки, улучшением отношений. В основе Ялтинско-Потсдамских договоренностей лежало, прежде всего, стремление

союзников к компромиссам, однако имевшие место конфронтационные процессы набирали силу, доходя до откровенной враждебности.

Зримыми проявлениями уже возникшей конфликтогенной ситуации явились речь Черчилля в Фултоне (март 1946 г.), создание Коминформа (сентябрь 1947 г.), переход к массивному наращиванию военных потенциалов Советского Союза и США (1948 г.)²², каждое из которых претендует на то, чтобы рассматриваться как начало холодной войны, и имеет в качестве такового как своих сторонников, так и оппонентов. Особо укажем на работы В.Л. Малькова, посвященные атомной дипломатии великих держав и советскому атомному проекту: исследуя под этим углом зрения начальный этап холодной войны, автор убедительно обосновывает необходимость учитывать «техногенный подтекст», определивший принципиальное отличие наступившей новой фазы в мировой политике²³.

Отметим в связи с этим, что исследователи по-разному характеризуют сам феномен холодной войны. Большинство авторов видят в нем определенный период конфронтации между двумя полярными силами, распространявшейся на весь спектр общественных отношений²⁴. Ряд историков предлагают включить холодную войну в более широкий контекст — считать ее определенным этапом в истории международных отношений. Углубляя такой подход, некоторые исследователи характеризуют холодную войну как элемент международно-политической системы, возникшей после Второй мировой войны. Функционирование этой системы, утверждают они, позволяет сравнивать ее с Венской системой, сложившейся после Наполеоновских войн, или Версальской системой, возникшей после Первой мировой войны. Безусловным протагонистом такого подхода к изучению холодной войны является академик А.О. Чубарьян²⁵.

Еще один дискуссионный вопрос — о соотношении процессов накопления эмпирического материала по истории холодной войны и его обобщения. «Архивная революция» 1990-х годов и связанное с ней массовое рассекречивание документальных массивов положили начало процессу формирования

новой источниковой базы. Несмотря на издержки и сложности этого процесса, в том числе и имеющую место сознательную дезорганизацию хранения источников²⁶, стал возможным прорыв в исследовании многих проблем советской истории. Поэтому сегодня трудно согласиться с категоричной оценкой американского историка М. Леффлера, что «исследователи остаются без четкого представления о целях и побуждениях Сталина после Второй мировой войны»²⁷. Безусловно, следует учитывать, что к такому выводу ученый пришел в 1994 г. и что с тех пор познавательная ситуация существенно изменилась.

Мы согласны с точкой зрения тех коллег-историков, которые полагают, что в дальнейшем вряд ли можно рассчитывать на какие-то сенсационные открытия или архивные находки, в корне меняющие уже имеющиеся представления по основным вопросам холодной войны. В известной степени это связано с объективными обстоятельствами: завершением «архивной революции» и, к сожалению, с определенным ужесточением порядка доступа пользователей к важнейшим архивным коллекциям и фондам, медленным процессом рассекречивания документов, за которым просматривается некая политическая воля, стремлением отдельных структур и лиц монополизировать информацию, отсутствием полноценного архивного фонда Сталина²⁸ и пр. Но главное, на наш взгляд, заключается в том, что уже сложилось достаточно полное представление о ключевых моментах истории холодной войны, в том числе и тех, где «прочитывается» и сталинская позиция, создан существенный информационный задел, возникли и начали реализовываться возможности написания «новой истории» указанного феномена²⁹. Некоторые авторы полагают, что настало время для создания обобщающих трудов по истории холодной войны и разработки ее целостной концепции. По мнению историка-американиста В.О. Печатнова, «погоня» за документами российских архивов вместо целенаправленного поиска материала, «бесконечность» процесса накопления фактов неоправданно отодвигают в сторону решение более крупных исследовательских задач и, как следствие, ведут к доминированию «дилетантов», к новому витку мифологизации

холодной войны. К такого рода явлениям исследователь относит утверждение в массовом сознании, в первую очередь на Западе, «триумфалистской» версии холодной войны как победы добра над злом. При этом в российском сознании, подчеркивает Печатнов, закрепляется чувство неполноценности, вины, ощущение, что в новый демократический мир Россия сможет вписаться, только «переродившись». Очевидно, таким образом, что обобщение истории холодной войны, ее смысла, уроков и последствий имеет не только научное значение³⁰.

Если Печатнов сетует на явный «перекос» в отечественной историографии в пользу сбора эмпирического материала перед обобщениями, в том числе и теоретическими, то авторитетный специалист по истории Центральной и Юго-Восточной Европы Л.Я. Гибианский, напротив, выступает последовательным приверженцем скрупулезного сбора фактического материала, без чего выводы обречены быть, по его мнению, не иначе как «скороспелыми», «не учитывающими подлинных исторических реалий». Переход к широкому обобщению он считает целесообразным лишь в достаточно отдаленной перспективе³¹.

С нашей точки зрения, сегодня важное значение имеют проработка конкретных вопросов истории холодной войны и их научная интерпретация на основе сопоставления и взаимного дополнения документов российских и зарубежных архивов. При этом принципиально необходимым представляется введение в научный оборот документов традиционно «закрытых» отечественных архивов, в первую очередь силовых и разведывательных ведомств. Это позволило бы спокойно и без ненужной политизации проанализировать многие острые и «неудобные» вопросы, в том числе о воздействии советского фактора на внутривнутриполитическое развитие стран региона. По-прежнему сохраняет актуальность анализ ключевых протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) – КПСС конца 40-х и 50–70-х годов XX в. и, что важно, подготовительных материалов к ним. Положительный пример в этом отношении – публикация документов, связанных с системными кризисами (Венгрия 1956 г., чехословацкие события 1968 г.).

Недостаточно изучены материалы различных советских государственных структур и ведомств конца 1950-х – 1980-х годов, равно как и источники (среди них документы идеологических отделов ЦК КПСС, творческих союзов и организаций, средств массовой информации), характеризующие взаимное восприятие и представления стран и народов друг о друге. (Положительной оценки заслуживает тот факт, что постепенно набирают темп имагологические исследования на материалах Восточной Европы³².) Важно было бы проследить, как подобные материалы влияли (и влияли ли?) на формирование советского внешнеполитического курса, на представления руководства о «загранице». Несомненную актуальность сохраняют исследования холодной войны через призму двусторонних отношений, роли и влияния малых государств, которые рассматриваются обычно как второстепенные участники холодной войны. Региональный контекст, в частности изучение холодной войны в Восточной Европе, дает возможность «укрупнить» проблемы, выявить общие для стран принципиальные тенденции, схожие процессы, отказать от соблазна считать их национальной спецификой. Региональные исследования представляются необходимым шагом на пути создания обобщающих и концептуальных трудов по истории холодной войны.

К вопросу о генезисе и ходе холодной войны примыкают и оценки советской внешней политики. В последние годы они стали более сбалансированными, по сравнению с началом 1990-х годов, что следует считать несомненным позитивом. Завершился период, который один из авторов образно назвал «болезнью бесконечной радости разоблачения»³³. Действительно, в начале 1990-х годов во многих публикациях наблюдался устойчивый стереотип «суда» над историей и ее персонажами, причем с явным преобладанием обвинительного для советской стороны уклона. Утверждалось, например, что внешняя политика СССР после 1945 г. отражала только ложное идеологизированное мышление, что в ней полностью отсутствовало логико-рациональное начало, и пр., с чем никак нельзя согласиться.

Детально изучивший генезис холодной войны В.О. Печатнов в одной из работ констатирует «во многом последовательный и оборонительный характер» советской политики на протяжении 40-х годов, которая «не претерпела радикальных изменений», и ее основополагающую цель — «создание пояса просоветских государств вдоль западных границ СССР», доступ в Мировой океан и обеспечение «максимальной глубины обороны по всему периметру государства»³⁴. Соглашаясь с выводом ученого, считаем необходимым внести принципиальное уточнение: на рубеже войны и мира речь шла не о «просоветских», а о «дружественных» Советскому Союзу и, между прочим, открытых Западу государствах. Об этом свидетельствуют и опубликованные документы российских архивов (например, запись беседы Сталина с польским лидером Ст. Миколайчиком 9 августа 1944 г. или предпринятый в НКВД СССР анализ Кошицкой программы правительства Национального фронта чехов и словаков в марте 1945 г.³⁵). Они доказывают, что Москва в то время соглашалась с возможной эстраполяцией своих, союзнических, отношений с Западом на внутривнутриполитическую жизнь государств Восточной Европы, подчеркивая необходимость коалиционного способа осуществления власти в малых странах и установления их дружественных отношений не только с восточным соседом — СССР, но и с «западными демократиями».

Позиция В.О. Печатнова противостоит официально принятой в США версии о происхождении холодной войны как естественной реакции на отказ СССР от сотрудничества с Западом и курс Москвы на «коммунистическую экспансию». Ранее и мы неоднократно говорили о том, что смысл советской политики заключался в недопущении повторения «Дранг нах Остен», в организации новой системы коллективной безопасности, прежде всего в Европе. Во имя этого Сталин самым активным образом участвовал в распределении сфер влияния и зон ответственности великих держав. В военных условиях западные партнеры, крайне заинтересованные в разгроме Германии и Японии силами Красной Армии, согласились на переход восточной и юго-восточной части европейского кон-

тинента, также страдавших от германской экспансии или агрессии, под контроль Москвы. Решение многих внутренних проблем в советской сфере влияния обуславливалось продолжением сотрудничества великих держав в рамках антигитлеровского союза. Оно предполагало участие стран Восточной Европы в международной коалиции, их единение в региональном плане. Ситуация диктовала необходимость национального единства внутри каждой из стран, что обеспечивалось не классовой конфронтацией, а социально-политическим компромиссом разных сил³⁶, которые в целом принимали новую роль СССР и «своих», национальных, коммунистов. В этом и крылись глубинные причины того, что происходило в странах Восточной Европы в первые послевоенные годы.

На укрепление отдельных звеньев «пояса безопасности» Советского Союза была направлена и такая национально-геополитическая мера, как массовая депортация немцев с территорий Польши, Чехословакии и СССР в пределы послевоенной Германии. Сегодня эта проблема нередко трактуется в национальных историографиях как подтверждение негативных последствий перехода региона в советскую сферу и проявления его советизации. Между тем депортации не имели классового содержания, а явились жестоким способом наказания немецкого национального меньшинства за его политически деструктивную роль накануне войны. Инициаторами этой меры были не только союзники по антигитлеровской коалиции, но и различные политические партии, выражавшие настроения большинства населения, например, Польши и Чехословакии³⁷. В тех условиях решение это воспринималось международным сообществом как в высшей степени справедливое. С учетом этого ответственность перед историей за целесообразность, замысел и методы осуществления депортации немцев не может быть возложена только на политиков тех лет и тем более на одну идейно-политическую силу и на одно государство.

Исследователям хорошо известны советские документы заключительного этапа войны и первых послевоенных лет, предназначенные «для внутреннего пользования» узкого кру-

га лиц в Кремле и посему предельно деидеологизированные. Например, материалы Комиссии М.М. Литвинова, записка И.М. Майского (январь 1944 г.), рабочие записи А.А. Жданова (лето 1944 г.)³⁸ и др. Они, как бы критически к ним ни относиться, отражают прагматизм намерений и действий Москвы, достаточно четкое понимание советскими руководителями допустимых пределов политически возможных шагов. Подтверждение тому — восприятие советской стороной эволюционной по характеру и исключительно популярной в послевоенном мире, в том числе и на Западе, концепции «национальных путей к социализму», выработка тактики демократических блоков и, главное, отказ с позиций прагматизма от аксиомы коммунистической идеологии — диктатуры пролетариата. На такой основе и функционировали режимы народной демократии. По разным причинам они оказались переходными к режимам советского типа, причем не последнюю роль сыграло общее изменение политического климата в мире и возникновение холодной войны.

История установления общественного строя советского типа или, иначе, советизации, стран, расположенных по периметру европейских границ СССР, длительное время являлась причиной острых научных и публицистических дискуссий с высоким «градусом» политизации и идеологизации. Сейчас он несколько снизился, что, на наш взгляд, связано с пониманием бесперспективности подобных подходов при поиске научной истины.

В центре обсуждений находится проблема региональных внешнеполитических задач советского руководства, точнее, их целеполагающей мотивации в годы Второй мировой войны и первый послевоенный период. Остро стоит вопрос о взаимосвязи идеологии и реальной политики (*Realpolitik*). Кем был советский лидер — твердым марксистом-ленинцем или прагматиком? (Заметим, что Черчилль, например, считал Сталина «реалистом».) Что хотел «вылепить» Сталин из восточноевропейского региона, который, по образной оценке американского дипломата Дж. Кеннана, после войны «станет представлять собой пластичную и податливую массу», а, по не менее образ-

ной оценке советского наркома иностранных дел В.М. Молотова, находился «в жидком состоянии»?

Отвечая на эти вопросы, историки сформулировали различные точки зрения.

Сторонники одной из них ставят во главу угла идеологию, классовые принципы в политике, считая их единственным, все определяющим двигателем намерений советского руководства. Они полагают, что, независимо от обстоятельств, стратегическая цель Сталина всегда оставалась неизменной — мировая революция по типу Октября 1917 года. Применительно к странам советской сферы влияния это означало коммунизацию или советизацию опять же на основе опыта Советской России. Все иные слова и действия советской стороны в регионе представляли собой не более чем тактику³⁹.

Необходимо констатировать, что в последние годы среди отдельных сторонников этой позиции обозначились весьма существенные подвижки, которые с точки зрения поиска научной истины заслуживают внимания. Так, заметно скорректировал свою оценку внешнеполитических намерений Сталина в первые послевоенные годы (насаждение социализма в советской сфере интересов) Л.Я. Гибианский. В работах 2002—2003 гг. он отмечает, что в политике советского руководства и лично Сталина «сливались в единое целое» два компонента: распространение коммунистической власти за пределами СССР и обеспечение безопасности советских границ⁴⁰. Ученый различает вместе с тем модели советизации стран Восточной Европы: *форсированную советизацию* в Югославии и Албании, где коммунисты к завершению войны уже располагали реальной монополией на власть, и *растянутую», несоветскую по форме, советизацию* в других странах региона. Существование этой, последней, модели автор объясняет использованием коммунистами тактики политической мимикрии⁴¹.

Имея определенную перспективу изучения, данная позиция вызывает и новые вопросы. Когда и при каких обстоятельствах «сливались» указанные компоненты, всегда ли это «слияние» имело место? Что такое «несоветская по форме» советизация? Только ли «политическая мимикрия» лежала в ос-

нове действий Москвы и национальных коммунистов? Всегда ли за решением проблемы безопасности границ СССР на том или ином их участке следовала советизация?

Мы полагаем, что до рубежа 1947–1948 гг. нет оснований говорить о «жестком» слиянии в единое целое идеологических и геополитических задач. Многочисленные примеры подтверждают, что на том этапе в действиях Москвы доминировала геополитика, связанная с созданием «пояса безопасности». На Западе, кстати, признавали рациональное начало советского поведения, как во время войны, так и в первые послевоенные годы, указывали, что Кремль всегда действовал «не по плану, а по обстановке»⁴². Конкретные примеры тому – Австрия и Финляндия, в отношении которых советское руководство ограничилось признанием нейтралитета (Австрия) или влиянием на внешнюю политику таким образом, чтобы не допустить резкого политического дрейфа в западном направлении (Финляндия). Оба государства остались при этом полностью суверенными. На прагматический подход советской стороны указывает и такой пример: активно обсуждавшаяся в польских политических кругах «финляндизация» как альтернативная модель сосуществования «малой» страны с соседней тоталитарной державой⁴³ Москвой не была допущена.

Те исследователи, которые признают подчиненный характер идеологической составляющей советских намерений в регионе в конце войны и в первые послевоенные годы, учитывают и вполне определенные констатации на этот счет союзников СССР по антигитлеровской коалиции. Напомним утверждения А. Идена о главной цели русских – «обеспечить максимальные границы будущей безопасности России»⁴⁴, или Дж. Кеннана о намерении Сталина «обеспечить России защитную зону против нападения с запада»⁴⁵. (Американский дипломат имел в виду потенциальную угрозу со стороны будущей возрожденной Германии.)

Безусловно, любое военно-политическое присутствие «чужих» в каждой конкретной стране ограничивает свободу выбора форм организации национальной жизни. Так после войны было на западе Европы, так было и в советской сфе-

ре влияния. Но в условиях сохранения коалиционной власти в Восточной Европе такое ограничение возможности национально-политического выбора со стороны Москвы вряд ли правомерно идентифицировать с советизацией, если под ней понимать внедрение советской модели организации общества. Утверждение советского варианта социализма связано с иным периодом послевоенного развития региона. В Европе общество постепенно утрачивало переходное состояние, но развитие в ее западной и восточной частях пошло разными путями. На Западе состоялся переход к ускоренной модернизации на основе плана Маршалла. Экономический рывок в сочетании с либеральными нормами буржуазной демократии обеспечил подъем и улучшение жизни миллионов. Отсюда ослабление левого радикализма и спад влияния компартий. В Восточной Европе, напротив, отсутствие явной позитивной экономической динамики радикализировало общество, породив в левых кругах соблазн ускорить переход к социализму, а в массах в целом — желание немедленно изменить ситуацию к лучшему⁴⁶. Возникли внутривнутриполитические предпосылки для унификации развития стран региона и СССР. Это означало, что известные по советскому опыту классовые принципы и социально-политическая конфронтация становились политически определяющими. Идеология начала играть первостепенную роль в определении стратегической линии Москвы. Советизация была признана решающим фактором обеспечения безопасности «социалистического лагеря». Однако четкое определение этой новой целеполагающей установки пришлось на 1948–1949 годы.

* * *

Характеризуя процесс изучения проблем холодной войны и советизации Восточной Европы, нельзя не отметить заметный вклад российских историков. Во многом благодаря их усилиям выявлены и введены в научный оборот сотни новых оригинальных документов, предложена их авторская интерпретация. Процесс формирования источниковой базы продолжается, как продолжают и дискуссии по ключевым вопросам указанной проблематики. Отражая плюрализм суж-

дений и научных позиций, различные интерпретационные схемы сосуществуют сегодня без прежнего жесткого и подчас откровенно политизированного противостояния, которое наблюдалось еще совсем недавно. Вряд ли следует ожидать, что дискуссии приведут к некоему «общему знаменателю». Вероятнее иная ситуация, о которой говорил покойный болгарский исследователь академик Илчо Димитров: есть личности и события, которые «обречены оставаться спорными и для людей, и для науки»⁴⁷.

Примечания

- ¹ Российская газета. 6 марта 2006 г.
- ² Подробнее см.: <http://www.myshared.ru/slide/899796/>
- ³ <http://www.rg.ru/2015/02/09/istorik-site.html>
- ⁴ *Кожин В.В.* Россия. Век XX (1939–1964 гг.): опыт беспристрастного исследования. М., 2001. С. 95; *Бажанов Е.П.* Актуальные проблемы международных отношений // *Бажанов Е.П.* Избранные труды: в 3-х томах. Т. 1. М., 2001. С. 123; *Бонцевич Н.Н.* Общественное мнение США и Гарри Трумэн: поворот к антисоветизму (1946–1950) // *Американский ежегодник.* 2002. М., 2004. С. 139; *Филитов А.М.* Как началась «холодная война» // *Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): Новое прочтение* (Отв. ред. Л.Н. Нежинский). М., 1995. С. 57, и др.
- ⁵ История новейшего времени стран Европы и Америки. 1945–2000 (под ред. Е.Ф. Язькова). М., 2002. С. 5.
- ⁶ *Батюк В., Евстафьев Д.* Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995. С. 208.
- ⁷ *Рукавишников В.О.* «Холодная война», холодный мир: общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005. С. 819.
- ⁸ Феномен холодной войны в международных отношениях XX века: итоги и перспективы // *Новая и новейшая история.* 2006. № 6. С. 77.
- ⁹ История новейшего времени стран Европы и Америки. 1945–2000 (под ред. Е.Ф. Язькова). М., 2002. С. 29.
- ¹⁰ *Корниенко Г.М.* «Холодная война»: свидетельство ее участника. М., 2005. С. 18.
- ¹¹ *Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С.* История международных отношений и внешняя политика России (1648–2000). М., 2003. С. 281.
- ¹² *Уткин А.И.* Американская стратегия для XXI века. М., 2000. С. 13; *он же.* Американская империя. М., 2003. С. 141; *Кортунов С.В.* «Холодная война»: парадоксы одной стратегии // *Внешняя политика и безопасность современной России.* 1991–2002. Хрестоматия в 4-х томах. Т. 1. Исследования. М., 2002. С. 181.
- ¹³ *Печатнов В.О., Зубок В.М.* Отечественная историография холодной войны: Некоторые итоги десятилетия // *Отечественная история.* 2003. № 4–5.
- ¹⁴ Феномен холодной войны в международных отношениях XX века: итоги и перспективы // *Новая и новейшая история.* 2006. № 6.
- ¹⁵ См., например: *Фурсенко А.А., Нафтали Т.* Адская игра. Секретная история Карибского кризиса, 1958–1964. М., 1999 и др.

- ¹⁶ *Симонов С.Н.* Военно-промышленный комплекс в СССР в 1920–1950-е годы. М., 1996; *Быстрова И.В.* Развитие военно-промышленного комплекса // СССР и холодная война. М., 1995; *она же* (в соавторстве с Г.Е. Рябовым). Военно-промышленный комплекс СССР // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Том 2. Апогей и крах сталинизма, М., 1997; *она же.* Военно-экономическая политика СССР: от «демилитаризации» к гонке вооружений // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., 1999; *она же.* Военно-промышленный комплекс в СССР в годы холодной войны. (Вторая половина 40-х – начало 60-х годов.) М., 2000.
- ¹⁷ Подробнее см.: <http://s-and-e.ru/index.php?id=170>
- ¹⁸ Подробнее см.: *Волков А.И.* Идеи правят миром // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. М., 2008. С. 34–35.
- ¹⁹ Феномен холодной войны. С. 100 (выступление акад. А.О. Чубарьяна).
- ²⁰ *Наринский М.М.* Советская внешняя политика и происхождение «холодной войны» // Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917–1991. М., 1993. С. 122.
- ²¹ Круглый стол «О “новой истории” холодной войны» (материалы дискуссии) // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., 1999. С. 228.
- ²² Феномен холодной войны. С. 87 (выступление А.М. Филитова).
- ²³ См., например: *Мальков В.Л.* Игра без мяча: социально-психологический контекст советской «атомной дипломатии» (1945–1949 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг.: историческая ретроспектива. Сборник статей. М., 2003. С. 311.
- ²⁴ Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945–1985). С. 5.
- ²⁵ Феномен холодной войны. С. 81.
- ²⁶ *Мальков В.Л.* Игра без мяча. С. 289.
- ²⁷ Цит. по: *Мальков В.Л.* Игра без мяча. С. 289.
- ²⁸ Серьезный анализ безрадостной ситуации в связи с личным архивом И.В. Сталина (Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ.) Ф. 558. Оп. 11), в том числе и по вопросам внешней политики, см.: *Леонид Максименков.* Что скрывают архивы Великой Отечественной войны? // Огонек. 13 апреля 2015 г.
- ²⁹ *Гайдук И.В.* К вопросу о создании «новой истории» холодной войны // Сталинское десятилетие холодной войны. С. 213–222.
- ³⁰ Феномен холодной войны. С. 81.
- ³¹ Там же. С. 85.
- ³² См., например: *Хорев В.А.* Польша и поляки глазами русских литераторов. Импологические очерки. М., 2005; *Русские о Сербии и сербах.* Т. 1. Письма, статьи, мемуары. СПб, 2006; Т. 2. Архивные свидетельства. М., 2014; *Русские и словаки в XIX–XX вв.: контакты, взаимодействие, стереотипы.* М., 2007; *Россия в глазах славянского мира.* М., 2007; XX век. Русская литература глазами венгров. Венгерская литература глазами русских. М., 2007.
- ³³ Горбачевские чтения. М., 2003. С. 103 (выступление Е.В. Яковлева).
- ³⁴ *Владимир Печатнов.* Возвращение в Фултон // Россия в глобальной политике. 2006. Т. IV. № 2 (март–апрель). С. 14–15.
- ³⁵ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. М., 1999. С. 86–87; 176.
- ³⁶ *Волокитина Т.В.* Сталинизм в Восточной Европе в 40-е годы XX века: к проблеме изучения // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. М., 2005. С. 32–44; *Во-*

локитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002. С. 29–33 (2-е изд. М., 2008. С. 33–37).

³⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1978. С. 164–167; Т. 4. М., 1980. С. 148; Т. 6. М., 1984. С. 467, 497.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 174. Л. 3; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы: в 2-х томах (Отв. ред. Т.В. Волокитина). Т. I. 1944–1948. М., 1999. С. 23.

³⁹ Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. М., 1999; СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в середине и второй половине 40-х годов // Советское славяноведение. 1991. № 6; Гибанский Л.Я. Кремль и создание советского блока в Восточной Европе: некоторые вопросы исследования и интерпретации новых документов // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000; он же. Политика Сталина в Восточной Европе: Коминформ и первый раскол в советском блоке // Советское общество: будни холодной войны. М., 2000, и др.

⁴⁰ Гибанский Л.Я. Советские цели в Восточной Европе в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы: споры в историографии и проблемы изучения источников // Russian history – Histoire russe. The soviet global impact: 1945–1991. Idillwild, California. Vol. 29. 2002. Nos. 2–4. P. 210–211; он же. Форсирование советской блоковой политики // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. С. 142.

⁴¹ Гибанский Л.Я. Советские цели. С. 214.

⁴² Цит. по: Владимир Печатнов. Возвращение в Фултон. С. 13.

⁴³ Borodziej W. Od Poczdamu do Szklarskiej Poręby. Polska w stosunkach międzynarodowych. 1945–1947. Londyn, 1990. S. 131–132.

⁴⁴ Цит. по: Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы. М., 2004. С. 54.

⁴⁵ Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Дж. Кеннана. М., 2002. С. 147.

⁴⁶ Волокитина Т.В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромиссов к конфронтации // Сталинское десятилетие холодной войны. С. 16.

⁴⁷ Димитров И. Между Мюнхен и Потсдам. Българската политика през Втората световна война. София, 1998. С. 196–197.

Исторические пути и историографические перепутья: политическая биография В. Гавела и динамика ее интерпретаций

Историю предпоследних двух десятилетий XX века (1968–1989 гг.) Чехословакии, а затем первого десятилетия Чехии (1993–2003 гг.), равно как и наиболее бурного трехлетия между ними (1990–1992 гг.) – невозможно представить без фигуры Вацлава Гавела (1936–2011); в немалой степени это касается и истории всей Центральной и Юго-Восточной Европы. Вряд ли с такой определенностью можно говорить о начале нового, XXI столетия, хотя чешский экс-президент продолжал выдвигать ряд внешнеполитических инициатив, иногда глобального характера, выступал с речами, которые укрепляли его славу как политика-философа. Более того, примерно к концу первого президентства начались и уже не прекращались слухи о неблагоприятной роли его новой семьи в политической жизни страны, о возможности досрочного ухода с президентского поста, даже о манипулировании этим бывшим негнбимым диссидентом и искусным политиком. Гавел становился героем истории, а не актором современности.

Причина этих слухов – не только в плохом состоянии здоровья Гавела, а, по всей видимости, в другом: «в тираж» стали выходить некоторые ключевые идеи чешского президента в русле «неполитической политики» и «власти безвластных». Они оказались пригодными вплоть до сегодняшнего дня, так сказать, в экспортном варианте, но в полной мере несостоятельными для решения внутриполитических проблем (это было, на наш взгляд, осознано самим Гавелом и ранее – в ходе «бархатного развода» Чехо-Словакии). Возмущение вызывали

в это время, причем и внутри страны, к примеру, его «благословение» бомбардировок Югославии в 1999 г. лозунгами о правах человека, а также признаки русофобии в ряде его внешнеполитических заявлений. В целом острее проявлялись заложенные в его взглядах и действиях внутренние противоречия, на которые он и сам постоянно указывал, формулируя и реализуя идеи все той же «неполитической политики».

Одно из главных убеждений Гавела — отвержение идей коммунизма и социализма, причем тотальное, которое и вознесло его на высоты политики и общественной мысли своего времени — теряло свою актуальность. Коммунизм, по словам одного из американских президентов, Р. Рейгана, все же был отброшен «на свалку истории». В то же время темперамент политического борца Гавела требовал выявления новых угроз и побуждал защищать идеалы, оказавшиеся на обочине не только политической жизни, но и доминирующей идеологии. Так, на явно антироссийские эскапады Гавела-президента политики прагматического склада из Гражданской демократической партии, ведомые евроскептиком В. Клаусом, а также конкурирующие с ними социал-демократы особо не реагировали.

Прошедший не так давно 25-летний юбилей «бархатной» революции в Чехословакии побуждает еще раз обратиться к ключевой фигуре, с деятельностью которой связаны кардинальные изменения на политической карте Центральной и Юго-Восточной Европы, этому политику нового типа со всеми его плюсами и минусами. Действительно, на фоне новой разновидности революций нового типа, получивших название «цветные», Вацлав Гавел предстает как политик крайне противоречивый. Побуждавшиеся же этим борцом за права человека и демократические ценности революции в самых разных регионах мира все чаще окрашиваются в алые цвета крови. Достаточно вспомнить революцию «достоинства» в современной Украине. Как раз поэтому писать политическую биографию и оценивать его как государственного и общественного деятеля — задачи предельно сложные. Так, вплоть до сегодняшнего дня отгадываются загадки такого рода: присуща ли Гавелу (и только ему) открытость в высокой политике, столь

непривычная для XX века, его искренность в многочисленных заявлениях и выступлениях, столь пленявшая публику? Или же он всего лишь искусный режиссер такой «открытости», а искренность его — показная, кажущаяся?

Ответы на эти вопросы не столь просты, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что свои политические предпочтения Гавел высказывал с большой долей неопределенности и нарочитой незавершенности, что дало возможность британскому специалисту Дж. Кину, который в свое время тесно общался с ним и переводил на английский язык его книгу «Власть безвластных», оценивать стиль этого диссидента, ставшего президентом, как довольно искусно срежиссированный макиавеллизм.

Приблизиться к ответу на данные, равно как и другие загадки можно, в частности, путем определенной типологизации серьезной научно-исследовательской литературы, посвященной Гавелу, расставив в ней соответствующие акценты. Предметом, в частности нашего анализа, выступает зарубежная литература, причем речь пойдет исключительно о монографических трудах.

Естественно, ни одно исследование, если оно посвящено «бархатной» революции или же «бархатному разводу», не обходится без фигуры Гавела. Поэтому литература о нем практически неохватна, а задача ее даже первичной систематизации и интерпретации чрезвычайно сложна. Все же тщательный анализ в основном чешской, словацкой и англоязычной литературы дает достаточно оснований для утверждения: на сегодняшний день в зарубежной историографии уже сложились некоторые магистральные направления, посвященные жизни и деятельности Гавела, и ее можно разделить на определенные этапы. Поэтому нужно разобраться в последовательности смен их дискурса, выявить логические закономерности и динамику формирования установок в ходе оценок фигуры Гавела и ее роли в современной чешской истории.

С этой целью в статье выделяются **четыре историографические волны** в освещении политической биографии В. Гавела с неким доминированием той или иной установки в каждой из них.

Литература **первой волны** — с начала «бархатной» революции 1989 г. и до 1994 г. — о лидере диссидентства и первом президенте (сначала ЧССР, ЧСФР, а затем Чешской Республики) носила в основном апологетический и даже агиографический характер. В это время происходит даже некая беатификация Гавела (причисление его к лику секулярных святых), его уподобление Т.Г. Масарику, приписывание ему всех и всяческих добродетелей. Первая скрипка в этом литературном оркестре, несомненно, принадлежит сподвижнице Гавела Э. Крисеовой: в 1991 г. в Брно на чешском, а в 1993 г. в Нью-Йорке на английском языках увидела свет ее книга «Вацлав Гавел. Биография»¹. Она была прочитана самим президентом, сделавшим несколько замечаний, причем нелестных по отношению к себе. Тем не менее, он принял версию Крисеовой, хотя некоторые советники предупреждали: чрезмерные восхваления принесут ему больше вреда, чем пользы. Книга неплохо продавалась, но не всегда позитивно оценивалась. Чехословацкие оппоненты критиковали ее за фактические ошибки и интерпретационный хаос. Американский же ее рецензент не без иронии подчеркивал: прославления «секулярного святого Вашека» не очень-то уместны, если речь идет о человеке, занимающем пост президента. «Как может устоять на двух ногах человек такой доброты?»² — спрашивал он.

К этой же категории относится книга И. Гавличека «Воскрешение с Т.Г. Масариком и Вацлавом Гавелом» (1990)³, в которой сравнение двух президентов предполагалось само собой разумеющимся. Оба президента возносились в ранг святых, но при этом не всегда принималось во внимание различие стилей их политики. Первый собирал народы в единую державу, второй не сумел сдержать намечавшееся ее разрушение. Несколько позднее, в 1992 г., государственное издательство книг по образованию выпустило откровенно «агиографическую» книгу из тысяч писем детей «милому пану президенту», авторы которых получили в ответ его портрет с благодарственной надписью. В тренд первой волны вписывается и вышедшая в том же году книга таких сподвижников Гавела, как Я. Клусакова и П. Питгарт «О Гавеле, Клаусе, Мечьяре и революции, которая пожирает своих детей»⁴.

Такого рода книги пользовались немалым спросом, однако уже в рамках этой первой – агиографической – намечались признаки появления второй, гораздо более реалистичной и даже критической волны. Так, они проявились в книге одного из лидеров оппозиционного студенчества конца 1980-х годов В. Бартушки. (Полюясно. Поиски виновных. Прага, 1990)⁵. Книга прославляла в целом как революцию, так и ее лидера. И все же в самом ее названии содержатся явные намеки: во-первых, на то, что не все столь благополучно в пока что едином «чехословацком королевстве», и, во-вторых, – на неполную ясность в оценке ноябрьских событий 1989 г. К примеру, автор отнюдь не агиографически трактует процедуру единогласного избрания 29 декабря 1989 г. чехословацким коммунистическим парламентом своего классового противника диссидента Гавела. «В ходе борьбы за демократию, – подчеркивает В. Бартушка, – демократия снова осталась на бобах, и Федеральное собрание демонстративно избирает президентом Вацлава Гавела. Нахожусь в качестве гостя во Владиславском зале и в душе молюсь, чтобы хоть кто-нибудь из депутатов нашел в себе мужество, вопреки всем договоренностям, проголосовать против. Однако в ходе голосования никто не отваживается даже воздержаться. Меня бесит единомыслие, ведь в какие бы одежды оно ни рядилось, все равно не дает правдивого отражения реальности...»⁶.

Из словацких работ этого периода можно отметить книгу В. Минача «Возвращаясь к перевороту»⁷ (1993), где роль Гавела также оценивалась неоднозначно. В частности, выражались сомнения в том, что президенту удастся адекватно решить проблемы государственно-правового устройства.

Следует подчеркнуть, что именно в это время увидели свет первые документальные свидетельства как о ходе «бархатной» революции, так и о роли в ней лидеров, включая Гавела. Особо упоминания заслуживает изданный В. Ганзелом в 1991 г. сборник «Учащенный пульс истории. Аутентичные записи переговоров представителей государственной власти с делегациями движений Гражданский форум и Общество против насилия в ноябре и декабре 1989 года»⁸. Он содержит расшиф-

ровку магнитофонных записей ключевых встреч делегаций Гражданского форума и Общественности против насилия с коммунистическими лидерами в ноябре и декабре 1989 г. Они раскрывали закулисные приходы к власти нового президента, хотя в полной мере были введены в научный оборот историками в ходе следующей историографической волны.

В целом же труды не только критической, но даже объективной направленности о президенте Чехословакии, а затем и Чехии до середины 1990-х годов отыскивались с трудом, хотя запрос на них к тому времени уже сформировался. Его, в частности, зафиксировал постоянный издатель работ Гавела В. Пречан в вышедшем в 1994 г. сборнике своих статей под названием «В украденном времени». В нем автор совершенно справедливо утверждал: «В любом случае, биографию В. Гавела, достойную этого определения, нам надо подождать. Почему бы и нет, ведь в таком деле все же нет ни нужды, ни необходимости торопиться»⁹.

Однако, несколько перефразируя известную сентенцию, можно заметить: «мы предполагаем, а историческое время располагает». К моменту пречановского вердикта направление в историографии, которое условно можно назвать агиографическим, начало выявлять свою фрагментарность и ограниченность — хотя содержащиеся в нем установки, равно как и установки в рамках следующих направлений, не исчезали полностью.

Своего рода интуитивно-пророческим предзнаменованием уже следующей — критической — волны исследований о Гавеле можно считать вышедшую 3 апреля 1995 г. в американском журнале «Ньюсуик» статью «Свержение с трона философов-королей». В ней проанализирована судьба властвовавших ранее (как Т. Мазовецкий) и находившихся на тот момент у власти (Ж. Желев и В. Гавел) интеллектуалов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. «Еще вчера, — отмечалось в статье, — они выступали лидерами преобразований в странах региона, не без некоторой “театральности”, проводя избавление от 45-летнего “коммунистического ига”. Сегодня же Гавел и Желев разделяют трагическую долю интеллектуалов у

власти. Первого, скорее всего, переизберут, но и он — проигравшая сторона. К рулю власти приходят сегодня прагматики, а они предпочитают набирать в команду и бывших коммунистов». Это касается, утверждалось в статье, В. Клауса, ультра-рыночника и лидера Гражданской демократической партии; президенты же в основном считаются обладающими меньшей политической властью; «они возвышаются над полем боя, осуществляя моральное наставничество и проповедуя демократическое евангелие. Никто не делает это лучше, чем Гавел, но даже и его влияние постоянно уменьшается»¹⁰.

Одним из импульсов появления новой волны литературы о Гавеле можно считать драматические события в реальной его биографии. В январе 1996 г. уходит из жизни его жена Ольга — человек, гораздо более стойкий в своих политических предпочтениях. Дочь рабочего, она яростнее ненавидела коммунизм, чем он, сын капиталиста, а также выступала неким нравственным гарантом политической деятельности своего супруга. Некоторые соратники Гавела по диссидентскому движению и «бархатной» революции отмечали, что по поводу кончины своей жены он особо не горевал. Тем не менее в конце этого же года президент тяжело заболел, и даже появились слухи о невозможности его излечения. Однако уже в самом начале 1997 г. он не только выздоровел, но и вскоре женился на молодой актрисе Д. Вешкрновой, в очередной раз опровергнув самые пессимистические предсказания врагов и оживив надежды друзей.

Таким образом, начало **второй волне** (1995—2003 гг.) фактически положили происшедшие в жизни Гавела события. Парадоксально, что в этот период его не столько «жалели», сколько строже осуждали. Безусловно, не только эти факты личной жизни повлияли на появление новой волны литературы о Гавеле. Скорее, его отстраненность от политической жизни страны побудила многих аналитиков строже посмотреть как раз на «успешные» периоды его активной внутри- и внешнеполитической деятельности. Сначала бульварная пресса, а затем и серьезные исследователи стали критичнее воспринимать и оценивать в силу этого политическую биографию чешского президента в целом.

Именно в этот период некоторые «мифы» о Гавеле стали заменяться «антимифами» — пришло время «дегавелизации». В ряде работ он предстал уже не «королем-философом», подобно Масарику, и не «человеком богемы», якобы случайно занявшим трон, но умелым политическим манипулятором и даже макиавеллистом.

В эту волну можно включить работы ряда чешских исследователей. Так, Л. Ракушанова, ранее только в позитивном ключе освещавшая жизнь и деятельность Гавела, выпустила в 1997 г. книгу («Вацлав Гавел и Дагмар Гавлова. Две судьбы в одном союзе. Авторизованная биография») о новой его семье. Она планировалась как своего рода продолжение агиографической линии, однако сама фактура подобранного материала относилась ее по некоторым позициям уже к разряду критических работ¹¹.

Гораздо более критичной получилась книга П. Своры «Семь недель, которые потрясли Град»¹². Она посвящалась одному из труднейших периодов жизни Гавела: операции и реабилитации — сначала от болезни, а затем от шлейфа слухов о женитьбе. Эта книга в чешских СМИ получила эпитет «бульварная», и Гавел с супругой даже подали в суд на автора, обвинив его в покушении на их личную жизнь, но потом решили отозвать заявление. Действительно, особой «неправды» она не содержала: просто чуть более чем 30-летний ее автор смотрел на фигуру своего героя взглядом, присущим поколению чехов, сформировавшемуся после длительной «нормализации» и 10-дневной эйфории революции.

В этом же ряду находится книга Р. Палоуша «Беседы с Гавелом» — по аналогии с «Беседами с Т.Г. Масариком» Карела Чапека¹³; она сопоставляла деятельность двух фигур, наводя на мысль о явной дистанции относительно продуктивности политических действий этих государственных деятелей с учетом того, что первый президент Чехословакии создавал полиэтническое государство, а последний не сумел его сохранить.

Пиком же второй волны явилась солидная книга британского публициста Дж. Кина — бывшего друга и переводчика книг Гавела-диссидента — под названием: «Вацлав Гавел. По-

литическая трагедия в шести действиях» (1999). Она вышла в свет одновременно на английском и чешском языках¹⁴. В ней Гавел предстает искусным манипулятором с весьма неприглядными чертами (один из параграфов книги так и называется — «Макиавелли»). Как раз с ее выходом произошла некая метаморфоза в оценках Гавела: плюс сменился на минус.

Кин одним из первых назвал Гавела политиком-постмодернистом, а это значит: он не нес ответственности за свои действия не в силу неспособности предвидеть их последствия, но и не предполагая делать это. Все же опыт, приобретенный Гавелом в небольших театрах на **перекрестках** пражских улиц при постановке его абсурдистских пьес, считал британский исследователь, оказывается мало уместным для страны на **перекрестке** Европы, хотя этот опыт и привлекал внимание политиков в течение довольно короткого исторического периода. Мотивы же своей реалполитики Гавел искусно скрывал¹⁵. В связи с этим историку нужно особенно тщательно выстраивать демаркационные линии между многообещающими заявлениями Гавела и реальным ходом его политических действий.

Что же побудило занять подобную гиперкритическую позицию британского публициста, посчитавшего, что Гавел, вопреки громким декларациям, уже с первых лет своего президентства «не приблизил Град к народу, а спрятался здесь от него, создав собственный мир, лишенный людей и надстроенный над ними, как в романе Кафки»?¹⁶ Трудно предположить, что Кин в книге о Гавеле руководствовался всего лишь личными антипатиями. Скорее всего, речь шла о неприятии им того типа политика, который характеризуется большими расхождениями заявлений во имя абстрактных политических ценностей (демократия, права человека) и игнорированием — если не пренебрежением — реальных нужд граждан своей страны, а также выпендренной политической риторикой «на экспорт». Для Кина фигура Гавела, кроме прочего, репрезентует разочарование и в центральноевропейской демократии, поскольку в ней нужды демоса игнорируются, а интересы кратоса (власти) ставятся на первое место.

Конечно, Кин в чем-то спрямляет линию политической деятельности президента, которая носила полимотивационный характер, более того, утверждения Гавела о необходимости честности в политике не всегда были чисто спекулятивными или манипулятивными.

Разумеется, агиографические книги о Гавеле переиздавались в ходе и этой волны, но уже не они задавали тон в историографии.

Третья волна (2004–2011 гг.) относительно нейтралистских работ о Гавеле связана с его уходом с поста президента в 2003 г. Разумеется, он не прекратил своей политической активности, но она еще в большей мере сводилась к поездкам за рубеж для получения наград. О том, что Гавел уже не является фигурой исторического масштаба, скромно умалчивалось, но подразумевалось в большинстве работ о нем, написанных как в апологетическом, так и критическом тонах — правда, предельно смягченных.

Упомянем в этом плане несколько наиболее примечательных, репрезентативной из которых стала монография «Вацлав Гавел. Биография без цензуры» Я. Бауэра¹⁷. Это также труд «Два моих президента. Вацлав Гавел и Вацлав Клаус» (2004) бывшего соратника Гавела Э. Мандлера, который в чем-то критически относился к нему еще во времена диссидентства, но от резкого осуждения все же воздерживался¹⁸. Столь же «неагрессивной» явилась англоязычная работа Дж. Дуберштейна¹⁹, в которой, напротив, преобладали апологетические тона.

К разряду работ третьей волны можно отнести и монографию М. Путны «Вацлав Гавел. Духовный портрет в обрамлении чешской культуры 20 века»²⁰; в ней особо выделены 1980-е годы, совершенно справедливо названные автором «кульминационными в деятельности Гавела». После, как подчеркивается в книге, наступает умственная усталость, опустошение и крах идеализированных представлений президента, а затем экс-президента. «Попытка Гавела, — пишет автор, — с начала девяностых годов сделать из Чехии нечто большее, чем просто обычное небольшое государство, превратить его в духовный, интеллектуальный и нравственный центр европейского и мирового значения, в основном не удалась»²¹.

В эстетическом ключе написан труд К. Рокаморы «Акты мужества. Жизнь Вацлава Гавела в театре»²² (2005), в центре внимания которого — Гавел-драматург; в правоведческом — издана книга Б. Храстиловой и П. Микеша «Президент республики Вацлав Гавел и его влияние на чехословацкую правовую систему»²³ (2003).

Но всеобщее внимание в это время привлек первый том монографии Д. Кайсера «Диссидент Вацлав Гавел. 1936—1989»²⁴ (в 2012 г. книга была переведена на украинский язык). Журналист и историк Кайсер внимательно проанализировал воспоминания самого Гавела и воспоминания о нем, сравнил их с архивными документами, неоднократно встречался с экс-президентом. Автор не горит желанием писать с Гавела икону, а стремится быть предельно информативным.

В ходе анализа политических взглядов Гавела отмечается, что иногда он в своих письменных размышлениях вдавался в откровенные утопии, которые должны были, по его убеждению, ликвидировать главные социальные противоречия как в капиталистических странах, так и в государствах «восточного блока». В реальной же политике он был достаточно решительным, жестким и вовсе не мечтательным, констатирует Кайсер. В книге детально рассказывается, как в момент падения коммунистического правления Гавел быстро и технично отодвигал других кандидатов на власть, которая уже сама шла ему в руки. Пришлось даже заставить коммунистов проводить не общенародные выборы нового президента (на чем они настаивали), а избирать его в парламенте — в противном случае у Гавела были слишком слабые шансы.

Достоинством книги является внимание к эволюции взглядов и жизненных позиций Гавела как политика нового типа — выходца из среды творческой интеллигенции, борца за гражданские свободы и права человека, лидера того рода революций, которые заканчиваются, если вспомнить еще одного английского журналиста Т.Г. Эша, не гильотиной, а переговорами. В свете нового витка «цветных» революций остается добавить, что крови избегать все же не удается.

Прежде чем перейти к описанию периода, когда «неполитическая политика» Гавела выступила как лучшая политика для решения задач организации революции и смены власти, следует привести два метких наблюдения Кайсера о том, что знал Гавел о жизни как «безвластных», так и «властных». Сначала о первых: «Жизнь в гусаковской Чехословакии он познал лишь с экстремальных позиций. Независимо от того — жил ли он в роскоши или в заключении. Обычных людей при этом он, конечно, не избегал: тридцать — сорок раз ежегодно Гавел ездил на машине по трассе Прага — Градечек и, как правило, подвозил голосовавших. Он общался с сотнями людей, но все они преимущественно были в чем-то нетипичными: или непосредственно принадлежали к диссидентству, или, по крайней мере, имели храбрость с ним встречаться, рискуя привлечь внимание полиции. О жизни обычного гражданина Вацлав Гавел не имел аутентичного представления и, собственно, у него такой возможности и не имелось. Поразительно, что человек со столь исключительным жизненным опытом уже вскоре должен был стать любимцем народа»²⁵.

Теперь о вторых: «Вацлаву Гавелу не хватало конфиденциальной информации из центра власти, замыслы которой ему плохо удавалось разгадать. Настолько плохо, что он даже предполагал совершенно противоположное тому, над чем власть предрешающие напряженно работали. Он полагал, что нарастающее в обществе беспокойство режим мог бы сдержать с помощью насилия — и в рядах оппозиции он с подобным негативным представлением, безусловно, не был одинок»²⁶. Эти слова в чем-то объясняют ощущение определенной растерянности, охватившее диссидентов в ноябре 1989 г. в связи уже не с беспокойством, а с массовыми движениями. Но как раз Гавел преодолел это чувство очень быстро. И как раз абсурдистское прошлое драматурга, которое не раз играло не столько провокативную, сколько креативную роль в его политической биографии, позволяло ему выходить из крайне противоречивых ситуаций, считает Кайсер. Не прекращались слухи, что его выпустили из заключения по взаимному соглашению; что он на 3 дня выезжал в СССР (этому в целом в 2009 г. верили 23 % респондентов);

что он намеренно удалялся от протестного движения, а Гражданский форум замышлялся как платформа соглашательства с властями²⁷. Доказательством, а точнее — поводом к этим слухам послужил очень уж удавшийся его компромисс с М. Чалфой. Данный коммунистический политик, действительно, слишком эффективно и даже эффектно содействовал избранию Гавела президентом депутатами-коммунистами Федерального собрания, а тот, в свою очередь, не допустил запрета КПЧ.

Однако аргументы против приведенных слухов звучат гораздо весомее, полагает Кайсер. Многие известные и вновь открытые им факты — не только канва биографии драматурга и политика, а в чем-то — политика-драматурга; они предстают и как свидетельства уникальности его жизненного пути. Для Крисеовой некоторые факты — свидетельство готовности Гавела взойти на Голгофу будущих страданий, для Кина они же — всего лишь школа театрального мастерства, пригодившегося затем для изощренных политических ходов. Кайсер, в свою очередь, смотрит на них как на этапы прохождения жизненного пути с привлекающими на нем всеобщее внимание вехами политических успехов одного из представителей интеллигенции, которая массовым порядком входила во власть не только в Чехословакии. Доминирующая установка авторов указанной историографической волны сводится к словам Б. Спинозы: не плакать, не смеяться, а понимать. Но более общее — хотя крайне расплывчатое — впечатление от многих работ о Гавеле за период 2003–2011 гг. можно выразить несколько измененной пословицей: о живых или хорошо, или ничего...

Наконец, работы о Гавеле **четвертой волны** (2011–2014 гг.) — после его кончины в 2011 г. — отличаются объективистским подходом, но одновременно критическим настроем и ярко выраженным историческим ревизионизмом — методологическим приемом, который успешно используется в историографии. Этот прием чаще всего ассоциируется с обновлением устоявшихся взглядов на ключевые исторические события и фигуры лидеров. Его следы можно обнаружить в любой из национальных историографий, в том числе и в российской²⁸. Установка на ревизионизм и на сдвиги в рецепции роли тех или

иных лидеров основывается, как правило, либо на открытии новых архивных источников, либо на ре-интерпретации уже известных документов с опорой на новые методы.

К первой части работ четвертой волны можно отнести две монографии чешского историка И. Сука «Политика как абсурдная драма. Вацлав Гавел в 1975–1989 гг.»²⁹ (2013) и «Конституционная или экзистенциальная революция? Вацлав Гавел и Федеральное собрание. 1989–1990 гг. Исследование и документы»³⁰ (2014) с обширным документальным приложением.

Первая из книг Сука отличается от всей обширной библиографии работ о Гавеле своим оригинальным и продуктивным методологическим подходом: политико-биографической семиотикой. Именно этот метод позволил автору расставить правильные акценты в оценке фигуры Гавела и продуцируемых им текстов по законам «абсурдистской драматургии» как до, так и после декабря 1989 г. Сук трактует жизнь В. Гавела как, можно сказать, своеобразный текст, обрамляемый комментариями друзей и врагов. В текст этот входят не только пьесы, статьи, интервью, заявления, но и многие поведенческие акты, выстраиваемые – зачастую по логике абсурдистской драматургии – как знаковые символы, наполненные многими и часто противоречивыми смыслами.

Автор прямо не говорит о своей методологии анализа биографии одного из видных лидеров антикоммунистических революций. Тем не менее, это просматривается в анализе ключевого элемента его текстов, являющих собой некие оксюмороны: «власть безвластных», «неполитическая политика» и пр. Можно заметить, что и сам Гавел допускал возможность таких трактовок, прекрасно осознавая силу шокирующих слов как составных частей текста его биографии.

Анализируя президентство Гавела в 1990–2003 гг., Сук, солидаризируясь с оценками М. Путны, пишет: «Сегодня очевидно, что от «духовного государства», о котором Гавел мечтал в начале девяностых годов, мы далеки»³¹. Жизнь Гавела, по словам автора, богата парадоксами: «Он сам шел им навстречу и сознательно делал из своей жизни полную контрастов драму.

Как будто бы его что-то заставляло пройти сквозь противоположности и испытания крайностями — между властью безвластных и безвластием властных, чтобы самому принять на себя большую ответственность»³².

Следует подчеркнуть: ситуация сложилась так, что выявляемый в монографии текст Гавела оказался востребованным в условиях Чехословакии и не только. Такого рода «тексты» стали характерны для целой цепи «революций с определениями», где местом действий становились то явные, едва ли не сверхмассовые демонстрации на площадях, то тайные встречи уходивших и приходивших «властных» за переговорными столами.

Абсурдистская драматургия взыскующих власти диссидентов, оппозиционеров и т.д., и т.п. как нельзя лучше подходила к тем задачам, которые они ставили: вчера я диссидент, сегодня президент, но, став президентом, во многом останусь диссидентом в ходе выполнения ряда обязательств. На наш взгляд, при подобном подходе у революции есть начало, но нет конца. Надо сказать, что и чехословацкое общество было готово к таким переменам, включая моменты абсурдизма. Еще вчера это были мирные обыватели, сегодня их зажег факел студенческого протеста, завтра они свободны. Еще вчера коммунистический парламент обсуждал меры по жесткому искоренению диссидентства, а сегодня он единогласно голосует за то, чтобы один из его представителей стал президентом.

Автор стремится избегать однозначных оценочных суждений и делает акцент на крайней сложности и противоречивости роли Гавела в чешской и словацкой истории. Вместе с тем нужно сказать, что эту фигуру ему пришлось снять с высоких котурн, не переоценивая в чисто отрицательном смысле его роли.

Вторая книга Сука является своеобразным комментарием к первой, но в ней особо следует отметить анализ противоречия между харизматическими устремлениями Гавела-политика, оформляемыми через некие драматические и символические акции, и необходимостью работать в сфере реальной политики с учетом роли парламента и расхождений в нем политических сил. Особенно четко прописано то, как это проти-

воречие не позволило Гавелу заметить, что между чешской и словацкой частями парламента уже с самого начала 1990 г. нарастали непримиримые противоречия, вылившиеся в распад единого государства. Сук напоминает следующий эпизод: перед избранием Гавела на высший пост коммунисты М. Чалфа и В. Могорита принуждали парламентариев к единогласному голосованию за него, прибегая как к грубому давлению, так и к использованию манипуляций (например, оглашая «письмо Горбачева» в его поддержку, которого фактически не существовало)³³.

Книги Сука — побуждение к разговору не только о Чехословакии, ставшей Чехией и Словакией, и не только о Гавеле. Они — о новом стиле политики, преобразующей современный мир. И в этом отношении политическая биография Гавела — широко открытый текст, вольно или невольно, сознательно или неосознанно «прочитываемый» большинством политиков указанной генерации и сегодня появляющихся в самых различных регионах мира.

В вышедшей в 2014 г. обширной биографии Гавела, составленной его другом и сподвижником М. Жантовским³⁴ (в том же году книгу перевели на немецкий язык)³⁵, также по-новому освещаются драматические события осени 1989 г. и роль в них Гавела. Он озвучивал многие идеи входившего в силу Гавела, в частности, на дебатах по названию пока что единого государства в 1989–1991 гг., подчеркивая, что тот постоянно выступал за единство в его рамках двух народов.

Одним из интереснейших источников жизнеописания Гавела и «биографии» чехословацкого антинормализационного движения является более чем 800-страничная книга «Вацлав Гавел — Вилем Пречан. Корреспонденция (1983–1989)»³⁶. Переписка помогает найти ответы на вопросы о причинах и побудительных силах латентно нараставшего в стране протеста, приведшего к падению «режима нормализации», осветить различные аспекты деятельности чехословацкой оппозиции как внутри страны, так и за ее пределами — в эмиграции, рассмотреть их глазами актуальные проблемы того времени. Так, весьма примечательной является дискуссия Пречана и Гавела

об источнике возможной агрессии с Востока. «Было бы иллюзией, — писал Пречан Гавелу 25 декабря 1983 г., — думать, что исчезновение Советского Союза с мировой арены уже означает решение всех проблем с войнами и вообще со всем остальным. Войны были еще до возникновения СССР, и даже Вторая мировая война началась не по советской инициативе»³⁷. В своем ответе от 4—6 января 1984 г. Гавел признает справедливость этих слов, отмечая, что если бы кто-либо разгромил СССР, то начали бы драться американцы с Китаем, Китай с Японией, Иран с остальными арабами, Пакистан с Индией и т.д. «Сводить, — писал он, — все несчастья мира к одному дьяволу и в этом усматривать вершину мышления, ведь это и есть химически чистый сталинизм»³⁸. Отсюда призыв не переоценивать процессы размещения ракет в Европе, ведущие к гонке вооружений.

По словам Пречана, советская перестройка может повлиять на борьбу различных групп внутри властного истеблишмента, но мало коснется Хартии 77*. Более того, он высказывает опасение, что реформы по горбачевскому методу будут сопровождаться жесткими действиями против неконформистов разного рода. Поэтому малоэффективны ссылки на курс Горбачева, которые могут создать всего лишь впечатление о том, что «Большой Брат» может быть арбитром в вопросах развития чехословацкой политики. «Однако и другие сверхдержавы, — утверждает Пречан, — замалчивая истинную причину чехословацких бед, уменьшают ответственность за них Советского Союза»³⁹; отсюда и его неприязнь к термину «блоковое мышление». Это не так, возражает Гавел. «Блоки, — добавляет он, — наличествуют, существует, разумеется, и блоковое мышление, независимо от того, что в одном блоке есть свобода, а в другом — тоталитаризм. Если бы не существовало блокового мышления, то все-таки Запад не считал бы революцию в Венгрии или вторжение в Чехословакию “семейным делом” второго блока, которое его не касается ... То

* Хартия 77 — правозащитное движение в Чехословакии (1977—1992 гг.), названо по принятому 6 января 1977 г. Воззванию Хартии 77. Выступало с требованиями соблюдения чехословацким правительством положений Всеобщей декларации прав человека ООН и решений подписанного властями Заключительного акта Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (1 августа 1975 г.) в Хельсинки.

есть: нет никакой свободы на первом месте в иерархии ценностей! Там хоть и есть свобода, но она исключительно их: то есть блоковая». Правда, здесь же Гавел приписывает от руки красными чернилами: «Разумеется, только и лишь только потому, что советы прекрасно знали о блоковом мышлении Запада, они могли позволить себе военные вмешательства в центре Европы!!!»⁴⁰.

Любопытна и автохарактеристика Гавела в канун «бархатной» революции в письме Пречану от 19 июля 1989 г.: «Положение начинает становиться драматическим. Часть общества хочет сделать из меня своего вождя, а вторая часть (меньшая) — меня же как можно скорее уничтожить. Не знаю, что из этих двух вариантов лучше»⁴¹. Похоже, это преувеличение, поскольку итоги проведенного 7 декабря 1989 г. пражскими студентами импровизированного опроса общественного мнения свидетельствовали об обратном. На предложенный респондентам вопрос: «Кто, по вашему мнению, мог бы стать президентом республики?» — 80 % ответили — не знаю, 10 % — Дубчек, 7 % — Комарек, 1,3 % — Адамец, 1 % — Гавел, 1 % — Цисарж⁴².

В целом переписка являет собой детальное свидетельство выполнявшейся огромной рутинной работы («малые дела» — по Масарику), которую будущий президент брал на себя и выполнял систематически, сознательно, а иногда и с риском для жизни (учитывая повышенное внимание к опальному диссиденту со стороны спецслужб).

В 2014 г. увидел свет второй том монографии Д. Кайсера «Вацлав Гавел. 1992—2003 гг.»⁴³; ее временной диапазон — годы чешского президентства — связываются с периодом становления нового государства в условиях нелегких испытаний. В немалой степени они связаны с противостоянием «идеалиста» Гавела и «прагматика» Клауса (кстати, обвинявших друг друга в приверженности социализму)⁴⁴. Не исключено, что приведенные в ней документы и их интерпретация прольют новый свет и на политическую биографию Гавела.

Но если указанные труды четвертой волны носят в целом научный характер, то книга П. Гайека «Смерть в бархате» (2012), бывшего пресс-секретаря экс-президента В. Клауса,

отличается публицистической направленностью и носит, можно сказать, запредельно критический характер. Гайек поставил под сомнение клятву диссидента на Олимпе власти руководствоваться только правдой, отвагой, скромностью, человечностью. «Гавел, — пишет автор, — был теоретиком-моралистом, однако на практике человеком, лишенным морали и совести. Не исключено, что он был связан с сатанинскими силами. В сущности, являлся инструментом лжи и ненависти, действующим сознательно или неосознанно, но, во всяком случае, активно. Его миссия закончилась успешно. Но, несмотря на это, он проиграл. Апостол свободы и демократии, в действительности, открыто двигался в сторону фашистского мира корпораций»⁴⁵.

В том же русле можно трактовать и его отношение к СССР, перешедшее на Российскую Федерацию. Гавел утверждал, что лучше больной Советский Союз, чем здоровая Россия, что в ней не может быть и речи о демократии, что с нею следует свернуть все контакты. Но это едва ли подходящий внешнеполитический вектор для Чехии, что и подтвердил уже президент В. Клаус. Характерно, что в интервью парламентскому интернет-порталу он отметил: «Книга Гайека едва ли не обязательна для чтения. Она прекрасно написана. Это — безжалостная политологическая и социологическая критика современного мира, а также его главных протагонистов. Я, в сущности, согласен с авторской критикой исторической роли Гавела, хотя и не со всеми использованными в данном контексте экспрессивными и преувеличенными высказываниями»⁴⁶.

Если попытаться дать комментарий к этой историографической волне работ о Гавеле, то можно сделать следующие заключения. Конечно, будут и новые книги о Гавеле и «бархатной» революции — с учетом того, что некоторые приемы его политического мимикрирования как раз выстраивались на манипуляциях и приемах театра абсурда; они описывались неоднократно. Важно то, что так или иначе эта практика была воспринята, например, «евромайданом» в Киеве, но сопровождалась здесь, в отличие от Праги, кровавыми жертвами, а стремление обеспечить права территорий на Донбассе — в от-

личие от «бархатного развода» — обернулось многотысячными жертвами среди гражданского населения. И еще: неприязнь к России со стороны Гавела можно трактовать как ее неготовность к восприятию новейших форм демократии. Но все же заявления о подлинной любви к ее культуре в сочетании с неприязненным отношением к ее народам могут служить не одной из шуток Гавела, а выражением того русофобства, которое сегодня присуще многим политикам Запада. Феномен Гавела интересен и тем, что он выявляет это «тайное» в гротескных и даже абсурдных формах.

Конечно, прокламируемые Гайеком связи с сатанинскими силами можно рассматривать как явное преувеличение (или даже как передержки), хотя к 2014 г. уже появились документальные свидетельства того, что родственники Гавела серьезно увлекались мистикой и масонством, а также оккультными науками; сам он тоже проявлял интерес к религиям «Нового века» с их мистической составляющей. Может быть, и подмеченное Гайеком движение к «фашистскому миру корпораций» — тоже преувеличение, но благословение бомбардировок Югославии идеалами демократии и прав человека сблизало позицию Гавела как раз с корпорациями. Введенному же чешским президентом термину «гуманитарные бомбардировки» — оксюмору в стиле его пьес — место исключительно на абсурдистской сцене, но отнюдь не в реальной жизни⁴⁷.

В целом в историографии политической биографии Гавела постоянно наблюдались моменты своеобразного ревизионизма или, можно сказать, приливы и отливы в интерпретации его как (псевдо)неполитического политика. Действительно, в пики подъема его карьеры преобладала агиография, в другие же времена, связанные с принятием (или непринятием) ключевых решений, имело место низвержение кумира. К середине второго десятилетия нового века доминантной становится линия на ревизионизм в истолковании его политической биографии. Все же — за редкими исключениями — в работах о Гавеле только хвала или всего лишь хула встречаются не столь уж часто. Авторы работ в рамках последней из историографических волн тоже, опираясь на широкую документальную ос-

нову, стараются избегать однозначных оценочных суждений и ставят акцент на крайней сложности и противоречивости роли Гавела в чешской и словацкой истории⁴⁸.

Итак, исследование процессов рецепции и интерпретации фигуры Гавела предстает как отражение сложности политического портретирования человека с крайне противоречивой биографией. Степень расхождения между высокой идейной и моральной мотивациями, с одной стороны, и приемами идеологического манипулирования — с другой, у этой фигуры, пожалуй, наиболее поражающа. Об этом писал Кин, на это вынуждены указывать, открыв широчайшие пласты документальных материалов, чешские историки Сук и Кайсер.

Данной проблемой неплохо было бы заняться и отечественным историографам, однако историческое время фигур с такой констелляцией мотивов прошло. Новые «рыцари демократии», если взять, к примеру, лидеров «цветных» революций в разных странах, отличаются куда большей обнаженностью приемов, не останавливаясь перед монтированием высоких идей в контекст политических манипуляций.

Гавел был и остается в этом плане предшественником якобы чистых душой политических манипуляторов, несмотря на звучащие до сих пор апологетические ноты в рецепции и интерпретации его политической судьбы. Можно даже сказать, что он — родоначальник целой генерации таких политиков с присущей им политической безответственностью за судьбы своих стран и народов во имя абстрактных идеалов. Анализ историографических волн дает больше оснований как раз для отрицательной оценки роли Гавела в аспекте и советско-чехословацких, и российско-чешских отношений, равно как для тенденций развития Европы в целом. Его апология НАТО, вылившаяся в прославление бомбардировок Югославии, предстает как своеобразный пролог апологии и других военных конфликтов на континенте⁴⁹.

Осенью 2011 г., готовясь к своему 75-летию, В. Гавел снова активизировал свою политическую деятельность, связывая свои надежды с развитием разновидности «бархатной» революции уже в России. Реагируя на то, что происходило здесь

после выборов в Госдуму 4 декабря, он писал, что «российское общество ведет борьбу с самой жесткой из всех известных форм посткоммунизма, с этакой особенной комбинацией старых стереотипов и новой бизнес-мафиозной среды». Если учесть, что празднование его юбилея финансировалось чешским миллиардером З. Бакалом, то разоблачение указанной среды, как всегда, носило у него оттенок абсурдизма. Митинг на Болотной площади оценивался Гавелом как «эхо крушения “железного занавеса”», «отзвук политических перемен 1989–1990 годов». Российской оппозиции через него была заявлена цель убедить россиян в том, что «режим, который преподносится им под видом демократии, никакой демократией не является»⁵⁰.

Естественно, Гавел не мог выступить по-другому, и это получило широкое одобрение в рядах оппозиции. Одно из последних интервью он дал за две недели до смерти «Новой газете». В комментариях к нему отмечалось: «...чехам повезло с таким лидером. Нам, русским, остается только завидовать. Никого, похожего на Гавела, в российской истории второй половины прошлого века не было. Ни по масштабу, ни по убеждениям, ни по твердости духа».

Ситуация складывается так, что причин завидовать «нам, русским» за отсутствие политика масштаба Гавела становится все меньше. Причина — не только в его русофобских установках, но и в его дисфункциональности как политика, что выявляется в ходе рассмотрения всех четырех историографических волн литературы о Гавеле.

На русском языке монографических исследований о Гавеле пока нет. Да вряд ли в них есть нужда: все-таки исторической фигурой всеевропейского масштаба он так и не стал — несмотря на почести и награды, а его благословения бомбардировок Югославии во имя прав человека всегда вызывали осуждение. Если и нужно масштабное исследование о нем, то оно должно охватить и долговременные тенденции его политического стиля, и те извращения в сфере политики, которые с опорой на этот стиль, к сожалению, оправдываются уже в XXI веке.

Примечания

- ¹ *Kriseová E.* Václav Havel. Životopis. Praha, 1991. В 2014 г. вышло 2-е (переработанное и дополненное) издание этой книги под сокращенным названием: *Kriseová E.* Václav Havel. Vyd. 2., rozšíř. a revid. Praha, 2014. Примечательно, что как раз агиографическая книга оказалась востребованной в ходе четвертьвекового юбилея «бархатной» революции как одного из пиков политической биографии Гавела.
- ² New York Times book review. 1993. 24. X.
- ³ *Havlíček J.* Zmrtvýchvstání s T.G. Masarykem a Václavem Havlem. Praha, 1990.
- ⁴ Jana Klusáková a Petr Pithart rozmlouvají nadoraz: o Havlovi, Klausovi, Mečiarovi a revoluci, která požívá své děti. Praha, 1992.
- ⁵ *Bartuška V.* Polojasno. Pátrání po vinicích. Praha, 1990.
- ⁶ *Ibid.* S. 83.
- ⁷ *Mináč V.* Návraty k prevratu. Bratislava, 1993.
- ⁸ *Hanzel V.* Zrychlený tep dějin. Reálné drama o deseti jednáních. Praha, 1991. První vydání; в 2006 г. увидело свет второе, исправленное и дополненное, издание этой же книги.
- ⁹ *Prečan V.* V kradeném čase. Výběr ze studií, článků a úvah z let 1973–1993. Brno, 1994. S. 479.
- ¹⁰ См.: Newsweek. 1995. 3. IV.
- ¹¹ *Rakušanová L.* Václav a Dagmar Havlovi. Dva osudy v jednom svazku. (autorizovaný životopis). Praha, 1997.
- ¹² *Svora P.* Sedm týdnů, které otřásl Hradem. Praha, 1998.
- ¹³ *Palouš R.* Hovory z Havly. Dálkové rozhovory s Václavem Havlem a Ivanem M. Havlem. Středokluky, 1999.
- ¹⁴ *Keane J.* Vaclav Havel. A Political tragedy in six acts. London, 1999; *Idem.* Václav Havel. Politická tragédie v šesti dějstvích. Praha, 1999. Сам автор так определил жанр своего труда: «Мне лишь хотелось, чтобы читатели моей книги о Вацлаве Гавеле понимали, что это не политологическая монография, а жанр, который называется политической трагедией. Она посвящена печальной, но вдохновляющей истории несовершенного человека, удивительная жизнь которого была раздираема и деформирована бурными политическими событиями этого века, а он, к счастью, почти заканчивается». См.: <http://www.britskelisty.cz/9912/19991206f.html>
- ¹⁵ *Keane J.* Vaclav Havel. A Political tragedy in six acts. ... S. 330, 486.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 489.
- ¹⁷ *Bauer J.* Václav Havel. Necenzurovaný životopis. Praha, 2003.
- ¹⁸ *Mandler E.* Oba moji prezidenti. Václav Havel a Václav Klaus. Praha, 2004.
- ¹⁹ *Duberstein J.* A Velvet Revolution. Vaclav Havel and the Fall of Communism. Greensboro, 2006.
- ²⁰ *Putna M.C.* Václav Havel. Duchovní portrét v rámu české kultury 20. století. Praha, 2012.
- ²¹ *Ibid.* S. 334.
- ²² *Rocamora C.* Acts of Courage. Václav Havel's Life in the Theater. Hannover, New Hampshire, 2004.
- ²³ *Chrastilová B., Mikeš P.* Prezident Václav Havel a jeho vliv na československý a český právní řád. Praha, 2003.
- ²⁴ *Kaiser D.* Disident. Václav Havel 1936–1989. Praha-Litomyšl, 2009.

²⁵ Ibid. S. 200–201.

²⁶ Ibid. S. 202.

²⁷ Ibid. S. 201.

²⁸ См., например: *Лаврик (Задорожнюк) Э.Г.* И. Сталин 50 лет спустя: интерпретация исторических реалий и политико-психологического портрета. Аналитический обзор // Русский вопрос. Международный интернет-журнал. Praha, 2003. № 1. <http://www.ruskiivopros.com/?pag=one&id=102&kat=8&cs1=22>

²⁹ *Suk J.* Politika jako absurdní drama. Václav Havel v letech 1975–1989. Praha, 2013.

³⁰ *Suk J.* Konstituční, nebo existenciální revoluce? Václav Havel a Federální shromáždění 1989–1990. Studie a dokumenty. Praha, 2014.

³¹ *Suk J.* Politika jako absurdní drama... S. 425.

³² Ibidem.

³³ *Suk J.* Konstituční, nebo existenciální revoluce... S. 22. См. также: *Kantůrková E.* Tajemství sametu: O zákulisí převratu 1989 s režisérem Jiřím Svobodou. Praha, 2013.

³⁴ *Žantovský M.* Havel. Praha, 2014.

³⁵ *Žantovský M.* Václav Havel. In der Wahrheit leben. Die Biographie. Berlin, 2014.

³⁶ Václav Havel – Vilem Prečan. Korespondence (1983–1989). Eds. V. Čelko, V. Prečan. Praha, 2011.

³⁷ Ibid. S. 120.

³⁸ Ibid. S. 133–134.

³⁹ Ibid. S. 350–351.

⁴⁰ Ibid. S. 357.

⁴¹ Ibid. S. 603.

⁴² См.: *Suk J.* Občanské forum. Dokumenty. Listopad-prosinec 1989. Brno, 1998. Díl 2. S. 122.

⁴³ *Kaiser D.* Prezident. Václav Havel 1990–2003. Praha-Litomyšl, 2014.

⁴⁴ Комментируя эту, выстраиваемую во многом по законам абсурдистской драматургии полемику, третий чешский президент М. Земан высказал несогласие с мнением экс-президента В. Клауса о том, что Гавел являлся приверженцем ценностям «социализма с человеческим лицом». По его убеждению, это был, скорее, утопист, который стремился к «прекрасному новому миру». «Проблема Гавела, – по мнению Земана, – заключалась в том, что у его мечты не было двигателя» (http://zpravu.idnes.cz/hovory-z-lan-zeman-havel-utopista-reformni-komunista-pds-/domaci.aspx?c=A141102_183335_domaci_hro). «Российская газета» писала, что эти персонажи, скорее, абсолютные антиподы. «И по происхождению: Гавел – выходец из богатой буржуазной семьи, а Земан вырос на руках у малоимущей матери-одиночки. И по образованию: первый – недоучившийся гуманитарий, драматург, второй – технократ, хороший экономист. И по менталитету: Гавел – типичный представитель элиты, западник, последовательный русофоб, а Земан, напротив, больше напоминает сельского увальня, он любитель соленого словца и крепких настоек, а также сторонник расширения взаимовыгодных отношений с Москвой. Вплоть до отмены виз», – констатирует издание. См.: Российская газета. 2014. 21 ноября. № 266 (6538). С. 6.

⁴⁵ *Hájek P.* Smrt v sametu. Praha, 2012.

⁴⁶ <http://www.parlamentnilisty.cz/zpravy/Vaclav-Klaus-Odpovedi-prezidenta-republiky-na-otazky-serveru-ParlamentniListy-cz-256549>

⁴⁷ В 1999 г. газета «Ле Монд» опубликовала слова Гавела в поддержку вторжения сил НАТО в Югославию: «Я думаю, что во вторжении НАТО в Косово имеется элемент, в котором никто не может сомневаться: воздушные атаки, бомбы не вызва-

ны материальной заинтересованностью. Их характер – исключительно гуманитарный: главную роль играют принципы, права человека, которые имеют приоритет даже над государственным суверенитетом. Это делает вторжение в Федерацию Югославия законным даже без мандата ООН». Позднее Гавел попытался отрицать такой «идеализм»: «ужасный термин „гуманитарные бомбардировки“ я, разумеется, не только не придумал, но и никогда не использовал и использовать не мог, поскольку у меня – осмелюсь утверждать – есть вкус». Получается: если выражение удалось, то его можно легитимизировать, а если не удалось, – превратить в нечто вроде «вкусовой» шутки. Сегодня рассматривать подобные заявления как безобидные шутки, от которых можно отказаться, вряд ли правомерно, особенно на фоне происходящей трагедии на близких к России территориях.

⁴⁸ Подробнее см.: *Задорожник Э.Г.* Вацлав Гавел: портрет в интерьере исторической эпохи // *Славяноведение*. 2012. № 5.

⁴⁹ На конференции 28 февраля 2008 г. в Бельгии Гавел выступил с пространным докладом «Пять замечаний по теме НАТО», в котором, в частности, призывал к установлению восточных границ Евросоюза и НАТО. «С моей точки зрения, – отметил он, – она начинается границей России со странами Прибалтики, продолжается российской границей с Украиной и Беларусью и тянется к Черному морю. Это очевидно при взгляде на карту и более-менее соответствует историческому и культурному развитию» (http://archive.vaclavhavel-library.org/kvh_search/itemDetail.jsp?offset=440&fq=DruhDokumentuNavEn:%22Speech%22&id=3865). Гавел помимо этого выразил еще и обеспокоенность по поводу развития ситуации в России. «Восточнее территории, – утверждал он, – которая находится под защитой НАТО, медленно, но верно возникает сравнительно новый тип диктатуры...обновляется система формальной демократии и власти одной партии, как это было во времена коммунизма». Отсюда его призывы к продвижению НАТО на восток, причем если немногим более 5 лет спустя после речи Гавела реальные границы контакта НАТО с Россией в Прибалтике дополняются призывами политиков Майдана установить таковые и на Украине, то Гавел смотрел дальше, допуская их установление и по Белоруссии. При этом он опирался на самые причудливые аргументы, как это наблюдалось и в ходе его идеалистически оформленных апологий бомбардировок Югославии.

⁵⁰ <http://www.novayagazeta.ru/comments/49939.html>

Научное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

Славяне и Россия:
исторический контекст и проблемы историографии

Сборник статей

Ответственный редактор
С. И. Данченко

Компьютерная верстка
П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Подписано в печать 16.12.2015. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура NewtonС. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 23,75 печ. л.

Заказ № 119.

Тираж 500 экз.